

ЗВС каталог

2021 / 4(70)

инфраструктура / infrastructure

проект
байкал /
project
baikal

12+

Печатные экземпляры «Проект Байкал» можно приобрести: Иркутск, пер. Черемховский, 1а, или получить экспресс-почтой, заказав по электронной почте: yulya_grand@mail.ru. Электронные выпуски доступны на сайте: www.projectbaikal.com

*Тьма, пришедшая со Средиземного моря,
накрыла ненавидимый прокуратором город...*

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Седьмая аэродромная подзона накрыла любимый нами город. Остановилось строительство, замерло проектирование. Свободного времени стало столько, сколько надобно. И пока Иркутск борется с ошибками предыдущих администратий, посмотрим, как один за другим открываются новые, поименованные, аэровокзалы региональных столиц страны – Кемерово, Саратова, Перми... Первым мы увидели кемеровский ЛЕОНОВ, причем увидели не он-лайн, а живьем, прилетов на фестиваль ЗВС.

Объект номера – не частая рубрика в пб. В этом номере сразу несколько значительных объектов инфраструктуры московских авторов. Аэровокзалы трех российских региональных столиц (41) и столичный транспортно-пересадочный узел «Нижегородская» (63).

Главный сибирский праздник этой осени – очередной фестиваль ЗВС, прошедший в первой декаде сентября в Кемерове (15–36). Интересно, что ключевые спикеры этого фестиваля – Николай Шумаков и Тимур Башкаев – в своем творчестве сосредоточены на объектах транспортной инфраструктуры. Так звезды встали, указывая нам, что самое время поговорить о ней, об ИНФРАСТРУКТУРЕ.

Инфраструктурный кризис накрыл добрую половину обитаемого мира. Гигантские транспортные, энергетические, информационные системы, созданные в середине прошлого века, выработали свой ресурс. Правительством Михаила Мишустина принимается амбициозный план вложений десятков триллионов рублей в инфраструктуру страны. Правительство Джо Байдена обсуждает аналогичный план стоимостью в триллионы долларов. Тем временем выясняется, что и философия, и методология проектирования инфраструктуры кардинально поменялись и требуют глубокого переосмысления.

Впрочем, за злобой дня мы не забываем и о юбилеях. Новый номер пб открывается диптихом, посвященным 80-летию юбилею нашего постоянного автора Александра Раппапорта.

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

4(70)

инфраструктура / infrastructure

*The darkness that came from the Mediterranean Sea
covered the city hated by the procurator...*

M. Bulgakov. The Master and Margarita

The seventh airfield subzone covered our beloved city. Construction was stopped, and engineering was frozen. Now we have as much free time as we need. And while Irkutsk is struggling with the mistakes of previous administrations, let's see how new air terminals are opened one by one in the regional capitals of the country: Kemerovo, Saratov, Perm... The first one we saw was LEONOV in Kemerovo. And we saw it not online, but live, when we arrived at the Festival "Zodchestvo in Siberia".

The object of the issue is not a frequent section in PB. This issue contains several significant infrastructure facilities by Moscow authors. Airport terminals in three Russian regional capitals (41) and the Nizhegorodskaya transport hub in Moscow (63).

The main Siberian festival of this autumn is a regular festival "Zodchestvo in Siberia" held in the first decade of September in Kemerovo (15-36). It is noteworthy that the main focus of the work of the key speakers of this festival, Nikolay Shumakov and Timur Bashkaev, is on transport infrastructure facilities. So the stars are aligned for us to talk about it, about INFRASTRUCTURE.

The infrastructural crisis has hit fully half of the inhabited world. The gigantic transport, energy and information systems created in the middle of the last century have exhausted their resources. Mikhail Mishustin's government is adopting an ambitious plan to invest tens of trillions of rubles into the country's infrastructures. Joe Biden's government is discussing a similar plan that costs trillions of dollars. Meanwhile, it turns out that both the philosophy and methodology of infrastructure design have fundamentally changed and now require a deep rethinking.

Along with the burning issues, however, we do not forget about anniversaries. The new issue of PB opens with a diptych devoted to the 80th anniversary of our regular author Alexander Rappaport.

Elena Grigoryeva

Журнал «Проект Байкал» ("Project Baikal") зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректор,
литературный редактор**

Марина Ткачева
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного редактора
по международной деятельности**

Анна Григорьева

адрес издателя, редакции

664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке

Пассажирской терминал аэропорта
в Кемерово

4 обложка ТПУ «Нижегородская» (Рязанская) в Москве (верх). Аэропорт Гагарин в Саратове (низ)

адрес типографии

000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 1980
Подписано в печать 26.11.2021
Журнал №4(70) от 7.12.2021

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

4(70)
инфраструктура /
infrastructure

проект байкал /
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – DOAJ (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – the Avery Index to Architectural Periodicals
- индекс Академии Google (Google Scholar)
- Ulrichsweb – база данных Ulrich's Periodicals Directory

- Open Archives – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс JournalTOCs
- проект SHERPA/RoMEO
- база данных PKP index
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
- с 2019 года индексируется в SCOPUS

новости	Анна Григорьева Сергей Побегуц Елена Багина Барбара Энгель Елена Григорьева	Международные новости архитектуры..... 5 «Не торопитесь...» ..... 6 Один в поле воин ..... 8 Дрезден и Иркутск: сохранение и развитие центров..... 12 Коротко 14
события	Елена Григорьева Елена Григорьева	XXI фестиваль ЗВС-2021 ..... 15 Хроника ЗВС-XXI Кемерово ..... 20 Каталог ЗВС: постройки..... 22 Каталог ЗВС: проекты..... 26 Каталог ЗВС: мастерские ..... 30 Каталог ЗВС: пропаганда архитектуры ..... 31 Каталог ЗВС: творчество молодых архитекторов и студентов ..... 32 Каталог ЗВС: детское архитектурно-художественное творчество 34
ИНФРАСТРУКТУРА		 37
объекты инфраструктуры	Андрей Боков Андрей Асадов Александр Асадов	Инфраструктура..... 38 Три аэропорта..... 41 Пассажирской терминал аэропорта в Кемерово..... 43 Аэропорт Гагарин в Саратове ..... 47 «Крылатый» аэропорт – новый символ Пермского региона 51
объект номера	Тимур Башкаев Тимур Башкаев Леонид Салмин Ольга Железняк Елена Булгакова Константин Лидин Петр Капустин Алексей Левашев Максим Шаров Ольга Лебедева Алла Лыткина Александра Бутузова Оксана Прокофьева Светлана Яценко	Классификация транспортно-пересадочных узлов на примере г. Москва ..... 55 ТПУ «Нижегородская» (Рязанская) в Москве ..... 63 Поэтика инфраструктуры ..... 72 Сетевая инфраструктура в реалиях современной жизни ..... 78 Моделирование городской инфраструктуры – этико-эстетические аспекты ..... 84 Мост..... 90 Транспортное планирование в развитии Иркутской агломерации..... 94

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovskiy
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**

Marina Tkacheva

upmaking

Tatyana Annenkova

**associate editor-in-chief for
international activity**

Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**

664025 Chermkhovskiy
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image

The passenger terminal at the Kemerovo Airport

back cover image

“Nizhegorodskaya” (Ryazanskaya) transport hub in Moscow (top).
The Gagarin Airport in Saratov (bottom)

printed by

000 “Tipografia Print Line”
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 100.
Order 1980

passed for printing: 26.11.2021

issue 4(70) of 7.12.2021

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication

free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Logo, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Logo, Architectural Festival “Zodchestvo” and a number of Russian competitions.

общественные пространства	Елена Григорьева Наталья Унагаева Ирина Федченко Алексей Липовка Ольга Блянкинштейн Наталья Попкова Матвей Савельев Ольга Блянкинштейн Наталья Попкова Элина Красильникова Инна Журавлева Инна Заика Петр Капустин Елена Багина Ирина Кукина Иван Ряпосов Клавдия Камалова Яна Чуй	 99
	Потенциалы развития открытых общественных пространств Красноярска	100
	Первое открытое общественное пространство Красноярска	112
	Ландшафтный код терапевтических садов и терапевтических ландшафтов	120
	Фонтан как «первая вещь» городской генетики	126
	Колодец – кладезь – клад	134
инфраструктура жизни	Константин Лидин Любовь Солодилова Алевтина Балакина Алёна Павлюк Асмик Ключко	КРТ – панацея или нерегламентируемое уплотнение города .....
	 149	
	Доходное жилье: история и современность	150
	Коливинг – трансформации инфраструктуры	156
	Хосписы в инфраструктуре городов РФ	162
Наследие	Алина Иванова Екатерина Глатоленкова Михаил Базилевич Габор Чанади Алина Иванова Михаил Базилевич Анна Пермиловская Татьяна Смольянинова	Архитектурный образ Родины: Санкт-Петербург и Будапешт .....
	 169	
	Оправдание Никитина	179
	Традиционная культура: «малые» деревянные храмы Русского Севера	186
	Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине	194
авторы	.....	200

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Sergey Pobeguts	“Take your time...”	6
	Elena Bagina	A lone warrior.....	8
	Barbara Engel	Dresden and Irkutsk: Preservation and development of centres.....	12
	Elena Grigoryeva	in brief.....	14
events	Elena Grigoryeva	XXI festival “Zodchesvo in Siberia 2021”.....	15
	Elena Grigoryeva	Chronicle of the ZVS XXI Kemerovo	20
		ZVS Catalogue: Buildings	22
		ZVS Catalogue: Projects	26
		ZVS Catalogue: Workshops.....	30
		ZVS Catalogue: Propaganda of architecture	31
		ZVS Catalogue: Creative works of young architects and students	32
		ZVS Catalogue: Children's architectural and artistic works	34
infrastructure		.....	37
	Andrey Bokov	Infrastructure.....	38
infrastructure facilities	Andrey Asadov		
	Alexander Asadov	Three airports	41
		The passenger terminal at the Kemerovo Airport	43
		The Gagarin Airport in Saratov	47
		The “Winged” Airport: A new symbol of the Perm region	51
	Timur Bashkaev	Classification of transport interchange hubs: A case study of Moscow	55
object of the issue	Timur Bashkaev	“Nizhegorodskaya” (Ryazanskaya) transport hub in Moscow.....	63
	Leonid Salmin	Poetics of infrastructure.....	72
	Olga Zheleznyak	Network infrastructure in the present-day realities.....	78
	Elena Bulgakova		
	Konstantin Lidin	Urban infrastructure modeling: Ethical and aesthetic aspects.....	84
	Petr Kapustin	The Bridge	90
	Alexei Levashev		
	Maxim Sharov		
	Olga Lebedeva		
	Alla Lytkina		
	Alexandra Butuzova		
	Oksana Prokofieva	The role of transport planning in the sustainable	
	Svetlana Yatsenko	development of the Irkutsk agglomeration.....	94
public spaces	Elena Grigoryeva	.....	99
	Natalia Unagaeva		
	Irina Fedchenko		
	Alexey Lipovka		
	Olga Bliankinshtein		
	Natalia Popkova		
	Matvey Savelyev	Development potentials of Krasnoyarsk open public spaces.....	100
	Olga Blyankinshtein		
	Natalya Popkova	The first open public space in Krasnoyarsk	112
	Elina Krasilnikova		
	Inna Zhuravleva		
	Inna Zaika	Landscape code for therapeutic gardens and therapeutic landscapes	120
	Petr Kapustin	A fountain as the “first thing” in the urban genetics.....	126
	Elena Bagina	A well – a wellspring – a jewel.....	134
	Irina Kukina		
	Ivan Ryaposov		
	Klavdia Kamalova		
	Yana Chui	A panacea or unregulated density of the city?	140
infrastructure of life	Konstantin Lidin	.....	149
	Lyubov Solodilova	Rental houses: History and contemporaneity.....	150
	Alevtina Balakina		
	Alyona Pavlyuk	Coliving: Infrastructure Transformations	156
	Asmik Klochko	Hospices in the infrastructure of the cities of the RF	162
	Alina Ivanova		
	Ekaterina Glatolenkova		
	Mikhail Bazilevich		
	Gábor Csanádi	Architectural image of the Motherland: Saint Petersburg and Budapest.....	169
	Alina Ivanova		
	Mikhail Bazilevich	Nikitin's acquittal.....	179
	Anna Permilovskaya	Traditional Culture: “Small” Wooden Temples of the Russian North.....	186
	Tatiana Smolianinova	Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin	194
authors		.....	200

The UIA at COP 26

The International Union of Architects (UIA) is participating in the 26th UN Climate Change Conference of the Parties (COP26) in Glasgow on 31 October – 12 November 2021. Represented in Glasgow by Immediate Past President Thomas Vonier as well as SDG Co-directors Natalie Mossin and Ishtiaque Zahir Titas.

Around 15 speakers and panelists are attending the UIA program in COP26, physically and virtually. The UIA has also partnered with INBAR, China Corporate pavilion, the Nordic section and the World Urban Campaign (WUC).

Webinar 2021: Clean environment for a healthy world

The celebrations of the World Day of Architecture have been successfully

concluded. Traditionally celebrated on the first Monday in October, the theme chosen this year was “A clean environment for a healthy world”. Among the various activities proposed around this theme, the UIA organised a webinar on 4 October 2021, bringing together experts in the fields of architecture and health. It is now available on the UIA YouTube channel and the speakers’ presentations are available on the UIA website. On 15 December, the UIA is hosting a webinar on affordable housing in advance of the upcoming international UIA forum on affordable housing, set to take place in Madrid, Spain from 18-22 May 2022.

UIA 2023 Award: UIA & UN-Habitat
The UIA, in partnership with UN-Habitat, launched the UIA 2030 Award to

promote the work of architects contributing to delivery of the UN 2030 Agenda for Sustainable Development. The award, synchronised with the biennial World Urban Forum, invites architects around the world to submit entries for built projects which demonstrate design quality and have made significant contributions towards achievement of the Sustainable Development Goals (SDGs). The first cycle of the Award (2021 - 2022) is now open for entries.

Results: The 5th edition of the Baku International Architecture Award
The Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan and the Union of Architects of Azerbaijan (UAA) have announced the winners of the Fifth Edition of the Baku International Architecture Award. Endorsed by the

UIA since 2015, competitors in the 2021 edition of the Award included 193 projects submitted from 38 countries around the world.

The online jury meeting took place on 30 September 2021. The jury awarded prizes in the following categories: Best Implemented Project in the field of Public Architecture, Best Implemented Project in the field of Residential Architecture, Best Implemented Interior, Best Non-realised Project, Best Implemented Project in the field of Landscape Architecture, Best Implemented Project in the Field of Rehabilitation and Reconstruction of Buildings, Best Publication in the Field of Architecture.

More information:
www.uia-architectes.org

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях освещаются мероприятия МСА, касающиеся проблем изменения климата и чистой окружающей среды. Объявлен конкурс МСА 2030, организованный совместно с ООН-Хабитат, а также представлены результаты V Бакинского международного архитектурного конкурса.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; ООН-Хабитат; международные конкурсы. /

The news highlights the UIA's events concerning climate change and clean environment, the UIA 2030 Award launched in partnership with UN-Habitat, and the results of the 5th edition of the Baku International Architecture Award.

Keywords: International Union of Architects; UN-Habitat; international competitions.

МСА на Конференции COP 26

Международный союз архитекторов (МСА) принимает участие в 26-й Конференции сторон ООН по изменению климата (COP26) в Глазго 31 октября – 12 ноября 2021 года. В качестве представителей МСА выступают экс-президент Томас Вонье, а также содиректоры по реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) Натали Моссин и Иштиак Захир Титас.

Около 15 докладчиков и участников дискуссий примут участие в программе МСА на COP26 физически и виртуально. МСА также сотрудничает с INBAR, корпоративным павильоном Китая, скандинавской секцией и Всемирной кампанией за урбанизацию (WUC).

Вебинар 2021: Чистая окружающая среда для здорового мира

Успешно завершилось празднование Всемирного дня архитектуры, традиционно отмечаемого в первый понедельник октября. В этом году была выбрана тема «Чистая окружающая среда для здорового мира». Среди различных мероприятий, посвященных этой теме, МСА организовал 4 октября 2021 года

вебинар, в котором приняли участие эксперты в области архитектуры и здравоохранения. Сейчас он доступен на канале МСА на YouTube, а презентации докладчиков – на сайте МСА. 15 декабря МСА организует вебинар по доступному жилью в преддверии предстоящего международного форума МСА по доступному жилью, который пройдет в Мадриде (Испания) 18–22 мая 2022 года.

Премия МСА 2023: МСА и ООН-Хабитат

МСА в партнерстве с ООН-Хабитат учредили премию МСА 2030 для поощрения работы архитекторов, способствующей реализации Повестки дня ООН на период до 2030 года в области устойчивого развития. Премия, приуроченная к проходящему раз в два года Всемирному форуму городов, приглашает архитекторов со всего мира подавать заявки на проекты, демонстрирующие качественное проектирование и внесшие значительный вклад в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР). Первый цикл премии (2021–2022) уже открыт для участия в конкурсе.

Результаты V Бакинской международной архитектурной премии

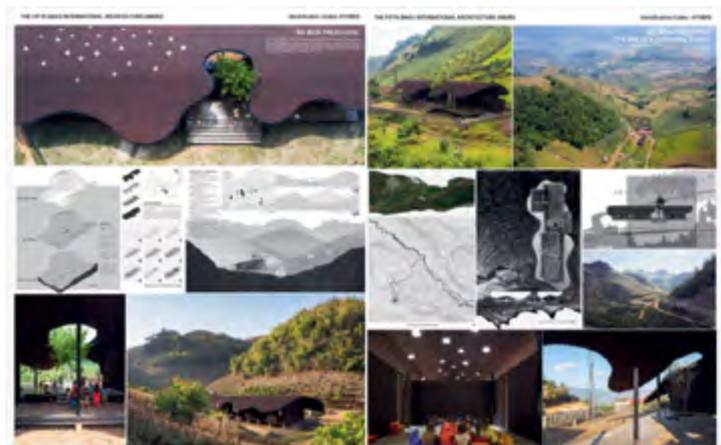
Министерство культуры Азербайджанской Республики и Союз архитекторов Азербайджана (СAA) объявили победителей пятого выпуска Бакинской международной архитектурной премии. В конкурсе 2021 года, проводимом при поддержке МСА с 2015 года, приняла участие 193 проекта из 38 стран мира.

Онлайн-совещание жюри состоялось 30 сентября 2021 года. Жюри присудило призы в следующих категориях: Лучший реализованный проект в области архитектуры общественных зданий, Лучший реализованный проект в области жилой архитектуры, Лучший реализованный проект интерьера, Лучший нереализованный проект, Лучший реализованный проект в области ландшафтной архитектуры, Лучший реализованный проект в области

восстановления и реконструкции зданий, Лучшая публикация в области архитектуры.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

в Дошкольное учреждение Bó Mon, проект Дам Хюнь Куок Ву и Ле Ан Ни (Вьетнам), победитель в категории А – Лучший реализованный проект в области архитектуры общественных зданий / “Bó Mon Preschool”, project by Dam Huynh Quoc Vu, Le An Ni (Vietnam), winner in Category A, Best Implemented Project in the field of Public Architecture

Тема статьи – некоторые особенности мышления А. Раппапорта: стремление к неторопливому рассмотрению любой темы вообще и архитектурной проблематики в частности; чувство необходимости вернуться к истокам современных представлений об архитектуре с целью вернуть архитектуре утраченные качества духовности и душевности; критическое отношение к профессиональному образованию как набору обновляющихся клише.

Ключевые слова: «другой» среди многих; неторопливость; «неуместность» вопросов; духовность; душевность переживания архитектуры.

The article concerns some peculiarities of A. Rappaport's thinking: his commitment to unhurried consideration of any issue in general and architectural problematics in particular; his feeling of the necessity to go back to the origins of contemporary views of architecture to bring the lost spiritual and moral qualities back to architecture; his criticism of professional education as a set of renewable cliches.

Keywords: "other" ex multis; unhurried manner; "unfitness" of questions; spirituality; sincerity of feeling of architecture.

«Не торопитесь...» / "Take your time..."

текст
Сергей Побегуц
Центр «Арт-Звено» /
text
Sergey Pobeguts
Art-Zveno

Эти заметки – попытка понять явление «Александр Раппапорт», существующее вот уже 80 лет, но в моей жизни возникшее около года назад. Его значение для меня таково, что только «80» и кажутся мне теперь необходимыми для расцвета мысли и приближения к Истине, а год знакомства – огромным, перевернувшим прежний строй моих представлений.

Я всегда ждал, искал этой встречи. В жизни случаются такие редкие события – как знак, как подарок судьбы, напоминающие встречи с родственниками, которых разыскивал много лет.

Таким событием стало для меня знакомство, точнее – столкновение, от которого вначале обнаруживаешь в сознании отметины, царапины и даже некоторые ушибы – с Александром Гербертовичем Раппапортом (старые приятели называют его Сашей, но я бы предложил принятое в текстах – АГР). Мне, наконец, повезло: я обрел для себя того беспокойного собеседника, которого жаждал давно, пусть без взаимных объятий. И сразу почувствовал в нем «друга» – близкого и одновременно «другого» (сопоставление значений тоже из размышлений АГР).

Это мало ценимое в социуме качество – быть «другим». «Другие» живут в ином временном измерении и, находясь в общем пространстве, занимают в нем всегда «странную» позицию.

Сближение приоткрывает характер. Будучи «другим», АГР не похож на чудака Паганеля. Он

остро наблюдателен, внимателен к второстепенному, восторжен к оригинальному и снисходителен к наивности, нетерпелив в разъяснении элементарного и нетерпим к косности. И предельно откровенен, не задевая чужого самолюбия и не опускаясь до выяснения отношений.

«Не торопитесь!» – эту фразу я услышал от АГР на одну из своих реплик к его публикации. Она была сказана доброжелательно и была больше, чем призыв не горячиться: давайте подумаем, это же форма жизни... Какое это удовольствие – думать вместе с мыслителем!

Неторопливость как прием мышления, как возможность и необходимость не реагировать на вездесущие «подсказки», а дать сути всплыть на поверхность.

«Неторопливости» была посвящена отдельная публикация АГР, где он рассмотрел ее как философскую категорию.

В виде черты характера определенной медлительности жила и во мне, перебиваемая полемическим азартом, предчувствием первооткрывателя. Напоминание АГР стало конструктивным и окончательным: остановиться, «остраниться», обдумать. Когда мысль кажется готовой и оригинальной, не спешите ее объявлению: после произнесения вслух она может оказаться не такой блестящей.

Неторопливость как «медленное чтение» содержит невероятную глубину.

Неторопливость парадоксально увеличивает КПД проживания: каждая минута становится фактом бытия. Очевидная вещь: жизнь АГР вне скоростей мегаполиса позволяет ему обгонять нас настолько, что мы едва успеваем прочитывать его тексты.

Высказываясь о самом АГР, я вижу особую необходимость думать не торопясь.

Когда я узнал АГР, то далеко не сразу попал в ритм его мышления. И сейчас не считаю, что могу судить об этом ритме и как-то признать, что не в состоянии догнать его размышления, не то что включиться в диалог... На это получил ответ, который хочу привести здесь:

«Догонять – бессмысленная затея, обреченная на неудачу. Быть собой и только собой – гарантия и догнать, и перегнать любого, а прежде всего САМОГО СЕБЯ. Я все эти стадии мучительно проходил все свои 80 лет. Теперь твердо знаю, что мы не спортсмены на дистанции, а исследователи в полной темноте. И стоит только довериться СЕБЕ – все начинает разворачиваться со стремительностью, которая вас заставит вцепиться в перила или поручни. Нас ждут, и мы желанны времени и судьбе. Судьбы у нас могут быть разными, но открываются они одним и тем же ключом – рискованным погружением в темноту неведения. Темнота его очень скоро сменится бегущими картинами, которые придется ловить обеими руками и всматриваться в детали, звуки и дыхание. Люди почти все

способны на это, но необходим толчок, счастливый случай – нечто вроде отчаяния. Тогда все начнется, и Вы с трудом вспомните как жили раньше. Не верьте никому, кроме самого себя – это закон природы. Себя Вы никогда не обманете – ибо там и обманов-то нет – одни открытия. Это веселая наука. Вперед, с улыбкой и полным бесстрашием. Самое страшное – всю жизнь простоять на привязи».

Почему личные мысли, приходящие ему в голову, излагаемые присущим только ему языком, становятся вдруг актуальными и такими притягательными?

Мы тоже все думаем, постоянно, часто нестандартно; у иных мыслей хватает на целые диссертации. Но надо признать, что нас то и дело затягивает шаблонное мышление, а в попытке выстроить заключение – съезжание в некую Науку, будто бы уже существующую, написанную где-то на скрижалях.

АГР в этой самой науке задает «неуместные» вопросы – и смущает, нарушает стройность основательных убеждений.

«Мы верим в то, что история есть история развития – от примитивного к сложному, от грубого к изысканному. А как же?»

Тогда почему в архитектуре все часто идет чуть ли не наоборот – от великого, к мелочному, от простого к нарочито усложненному, от простого к псевдоглубокому?»

«Спрашивается, как достигали классики высоких образцов, не участь в академиях и незнакомых

с философией и науками?»

Что давало древним мастерам ту точность руки, которая сегодня стала механическим удвоением и имитацией?»

Тексты АГР – это вопросы, сбивающие «с толку», выбивающие из колеи привычных взглядов, кажущихся аксиом. Но он ставит эти вопросы в первую очередь перед собой и часто отвечает на них, не закрывая своим мнением проблему, а выводя ее на уровень обновленного понимания.

С ним интересно – вот что, возможно, главное.

Сквозная тема всех размышлений АГР – архитектура. По роду занятий я был далек от многих ее сугубо философских и теоретических проблем, которым АГР посвятил многие десятилетия. И мне вряд ли пришлось бы вступить с ним в диалог, занимайся он только этими проблемами в стенах своего кабинета. Но вот он ставит под сомнение знакомую со студенческой скамьи фразу об архитектуре как «организации пространства, среды» – и она теряет былую незыблемость. В его текстах ставшие «классическими» понятия от Витрувия оживают, теряют бронзу, начинают двигаться во всех направлениях. И в конце концов выясняется, что маршрут неизвестен, а «прописи» нуждаются в переписи, иначе мы завтра потеряем смысл архитектурной деятельности.

К теме архитектуры примыкает тема архитектурного образования. Мне, как и всему моему поколе-

нию, наша школа казалась если не лучшей, то незаменимой. Так, русско-советский «авангард» 1920–1930-х был для нас универсальным языком современной архитектуры. АГР возвращается к истокам и обнаруживает в нем кризис сегодняшнего «языка» архитектуры и отсутствие альтернатив в силу утраты духовной составляющей. Как все это неожиданно и как решительно лишает права на слепое следование методической букве!

Мне пришлось столкнуться с проблемами дополнительного (архитектурного) образования школьников и почти утонуть в них; за размножающимися вопросами почти не осталось ответов. Вникая в публикации АГР, я обнаружил в них – нет, не рекомендации, гораздо больше – расширение зрения. Неожиданные, не имеющие прямого отношения к делу столкновения с АГР погнали меня, как вагон, с одной стрелки на другую, открывая новые пути ненаезженных решений. Не дав мне заскучать в перспективе повторения чужих упражнений по композиции, АГР открыл и утвердил как правомерность другую ее сторону – душевного переживания, иррационального, неподдающегося формулам.

Это трудно – переосмысливать, но это напоминает счастливые открытия детства.

Сущность явления «Александр Рappapорт», возможно, наиболее глубоко и точно отражает его поэзия. Он – поэт прежде всего по состоянию души. Его поиски

смысла архитектуры неразрывны с поэтической рефлексией, что неизменно усложняет, но и проясняет философию и теорию архитектуры – и что выводит из равновесия, инерции нашей деятельности.

Стихи АГР (как и его живопись и размышления об этом) – отдельная большая тема. Но вот его «Два сонета Брейгелю» – они вдруг перекрыли множество прочитанных мною страниц исследований о загадочном художнике, не отрицающая их (ниспровержение вообще не в характере АГР), но приводя «непонятную живопись» к словесно-пространственному эквиваленту. Эти стихи, написанные 50 лет назад, он читает на ходу, на своем хуторе – и видишь его вышедшим из брейгелевских «Времен года»...

*Кто ты, когда глядишь на этот цвет зимы,
Измерив глубину двумерного рассказа? –
Фигурка с точкой, недоступная для глаза,
Иль точка зрения, объемлющая сразу
Все небеса, все реки, все холмы?...*

Литература

1. Рappapорт, А. Об уместности. – Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 60–62
2. Багина, Е. Живопись Александра Рappapорта. – Проект Байкал. – 2019 – № 59. – С. 12–15

References

- Bagina, E. (2019). Alexander Rappaport's painting. Project Baikal, 16(59), 12-14. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1425>
- Rappaport, A. (2020). On the well-placedness. Project Baikal, 17(66), 60-62. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1717>

23 октября 2021 года Александру Гербертовичу Раппапорту исполнилось 80 лет. За свою жизнь он написал 5000 текстов, полностью опубликованных в блоге «Башня и лабиринт». Статьи и книги Раппапорта не устаревают. 5000 текстов АГР предстоит прочитать будущим поколениям и, возможно, его желание быть оракулом для тех, кто придет в архитектуру в третьем тысячелетии, осуществится. Ключевые слова: Александр Гербертович Раппапорт; архитектура; живопись; философия; жизнь и творчество; юбилей. /

On October 23, 2021, Alexander Gerbertovich Rappaport turned 80 years old. During his lifetime he has written 5,000 texts. They were all published in his blog "Tower and Maze". Rappaport's articles and books never get old. His 5,000 texts are to be read by future generations, and perhaps his desire to be an oracle for those who come to architecture in the third millennium will come true. Keywords: Alexander Gerbertovich Rappaport; architecture; painting; philosophy; life and creative work; anniversary.

Один в поле воин / A lone warrior

текст
Елена Багина
Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /

text
Elena Bagina
Ural Federal University named
after B. N. Yeltsin

Я хочу стать оракулом следующего поколения

А. Г. Раппапорт

*Живя на свете много лет и зим,
Я думаю о жизни и о смерти тоже*

А. Г. Раппапорт

Это было в сентябре 1983 года. Не помню, как я оказалась около старинного дома Талызина на Воздвиженке (тогда проспект Калинина), где размещались Музей архитектуры им. А. В. Щусева и Институт теории и истории архитектуры – ЦНИИТИА. Наверное, шла из «Ленинки». В этой библиотеке аспиранты МАРХИ проводили много времени. Книжки нужно было сначала заказать, и только дня через два-три можно было их получить и начать читать. Заказывать сразу 5–6 книг было делом обычным. А потому сидели мы в читальном зале часто и по несколько часов. Встречи назначали на парадной лестнице библиотеки.

В тот осенний день, когда я познакомилась с Александром Гербертовичем, было по-летнему тепло. Раппапорт стоял на крыльце ЦНИИТИА и курил трубку. Поблескивали на солнце его круглые очки. До этого я видела Александра Гербертовича только на конференциях и читала его статьи. Преодолев робость, я подошла и спросила: «Можно задать Вам один вопрос?» «Можно даже два, – ответил он. – Но лучше на семинаре, куда меня пригласили. Пойдемте вместе. И называйте меня, пожалуйста, Сашей».

В середине 1980-х годов аспиранты часто приглашали И. Г. Лежаву, В. Л. Глазычева, А. Г. Раппапорта в общежитие МАРХИ на самодеятельные семинары. Инициаторами таких сборищ чаще всего становились Марк Меерович и Григорий Игнатов.

Жил Раппапорт тогда в Москве в районе проспекта Вернадского и иногда приезжал к нам в общежитие МАРХИ на велосипеде. Семинары с его участием были необычайно живыми. Он часто занимал в них игровую и провокаторскую позицию. И если мы принимали и понимали эту игру, то получали огромное удовольствие (а что может быть лучше интеллектуального удовольствия?). Но для «серьезных товарищей» игры с ловушками и провокациями были противопоказаны. Помню, на одном семинаре АГР задал пару вопросов румяному комсомольскому лидеру, который в ту пору был атеистом и свято верил в прогресс и социализм.

«Вы верите в светлое будущее?» – спросил Саша. – Как вы думаете, есть перспективы у коллективного мышления?» Это был его второй вопрос.

Покраснев до ушей и пролепетав что-то о грядущем мире и счастье, о прекрасной перспективе развития социалистической архитектуры и массовом жилищном строительстве, комсомольский лидер выскочил из аудитории. На второй вопрос он отвечать не стал. Больше его на семинарах с участием Александра Гербертовича никто не видел. Впоследствии румяный

поборник социализма быстро сменил веру, подружился с РПЦ и сделал неплохую карьеру.

В канун нового 1985 года я приехала к Александру Гербертовичу в его московскую квартиру, чтобы на несколько дней взять почитать рукопись его книги. Я заканчивала писать свою диссертацию, и мне было очень важно знать, что пишет Раппапорт об архитектурной форме. Тогда я ничего не знала о Шашинной жизни, и мне представлялось, что он живет в большой профессорской квартире с библиотекой, роялем, напольными часами с боем, хорошей живописью на стенах, высокими потолками... Я не знала, что в Москве АГР живет в съемной квартире один.

Две комнаты в этой квартире наполняли случайные вещи: шкафы, железные кровати, скрипучие стулья. Пятна на старых обоях прикрывала большая карта мира и портреты Достоевского и Гоголя. Фотография таксы, картотека, две пишущие машинки, старинная фисгармония казались пришельцами из другого мира. Был канун нового года. Саша открыл крышку фисгармонии и стал играть фуги Баха. Потом раздался звонок. Саша открыл дверь. Вся в снегу улыбающаяся гостья стояла на пороге. Рукав ее дубленки был порван, и оттуда торчал мех... Саша вручил мне толстую папку, на которой было написано: «Методологические проблемы исследования архитектурной формы», и я ушла. Впоследствии этот текст стал первой частью книги «Форма в архитектуре» [1] и лег

в основу докторской диссертации АГР. Вторую часть написал Г. Ю. Сомов. Книга в результате развалилась на две неравнозначные половины.

Сейчас ее уже называют антикварной, но ничего более значительного за 30 лет на эту тему никто не написал. Первая, раппапортовская часть этой книги требует вдумчивого неторопливого чтения (можно позавидовать тем, кому она покажется легкой). Последняя глава первой части называется «Судьба». Даже название главы говорит о нестандартности подхода к проблеме.

Читать рукопись было непросто... Сначала казалось, что все понятно, но, прочитав 10–15 страниц, я почувствовала себя как человек, который свалился в воду, под ногами нет дна, и он понимает, что утонет, если не подоспелет помощь.

«Если не понимаешь, читай много раз, выписывай непонятные слова и задавай вопросы», – посоветовал мне Раппапорт. Читала много раз сначала текст рукописи, а потом и книгу «Форма в архитектуре», вышедшую в 1990 году. Каждый раз я находила что-то новое для себя. И трудно было не потому, что не хватало знаний по философии, истории, семиотике. Эти пробелы можно восполнить. Сформировать культуру мышления, которая важнее знания множества фактов, гораздо сложнее. В большинстве школ и ВУЗов мыслить не учат. Редкие исключения, конечно, есть. Но в этом случае учит не школа или ВУЗ, не система, а те,

кого мы выбираем себе в Учителя – уникальные люди. Иногда они даже не знают, что их кто-то выбрал себе в Учителя.

«Что такое мышление – причем именно индивидуальное и свободное мышление – до сих пор в нашей стране просто неизвестно, хотя со времен оттепели появились свободно мыслящие философы, и внимание к мышлению стало расти. Но, в силу устройства высшей школы, оно оставалась крайне ограниченным, и в большинстве своем нынешние бюрократы, профессора и академики, творческие личности не имеют о нем никакого представления. <...> они не владеют мышлением в полном смысле слова, так как не задумываются над смыслом и происхождением используемых ими слов и понятий. Во-вторых, это мышление не практикует самокритику и анализ оснований – схем, ценностей и смыслов своих представлений» [2]. Для Раппапорта десятилетняя работа в Московском методологическом кружке и общение с Г. П. Щедровицким были уникальной школой мышления. Об этом он пишет в книге «Квадратура круга» [3].

В последнее время АГР вновь возвращается к осмыслению трудов Георгия Петровича Щедровицкого и роли его кружка в своей судьбе: «ММК был для меня своего рода МКС – космической станцией. Земля и ее жизнь оказались едва видны в иллюминатор. События разворачивались в капсуле комнатных семинаров» [3]. Олег Генисаретский, Борис Сазонов, Вадим

Розин участвовали в семинарах и тоже прошли эту «школу мышления». Марк Меерович участвовал и в семинарах, и в играх, которые устраивал Г. П. Щедровицкий. Я была участницей только нескольких ОДИ. Впечатление от лекций ГП и атмосфере на играх было ошеломляющее. Представляю, какая атмосфера царила на семинарах.

В начале 1990-х Раппапорт уехал из СССР, и на много лет наше общение прервалось. Весточкой о нем стала книга «99 писем о живописи», вышедшая в свет в 2004 году [4]. Увидев на обложке имя автора – А. Г. Раппапорт, я ее сразу купила и, рассматривая книжку, гадала: Саша стоит в синей куртке спиной на фотографии, что напечатана на обложке, или нет. Это был, конечно, не он. Интрига книги в том, что отдельные размышления о феномене и философии живописи оформлены как письма к Олегу Генисаретскому.

Позднее я узнала, что Раппапорт, уехав из СССР, оказался в Лондоне, где мечтал создать новую архитектурную школу. Идеям в области архитектурного образования не суждено было реализоваться, но эта тема его волнует, ей посвящены многие статьи последних лет.

10 лет АГР проработал на ВВС, а затем перебрался в Латвию, где живет уже больше 20 лет на хуторе Папардес – один. Правильнее будет сказать – не один, а в уединении. Ему не скучно наедине с самим собой, собакой Брошкой и природой. Каждый день он пишет и публикует свои тексты в блоге «Башня

и лабиринт» и в Фейсбуке. К своему 80-летию (23 октября 2021) написал 5000... Возможно ли вообще такое? Оказывается, возможно.

Сокровища его блога «Башня и лабиринт», где можно найти любую статью и книгу, когда-либо написанную АГР, доступны всем. Число посетителей уже давно перевалило за миллион. Читают, но редко кто вступает в диалог с автором. Страшно высказывать свои суждения: «а вдруг что-нибудь не то скажешь, а вдруг...» Казалось бы, безопасно задавать вопросы. Вопросов глупых, как часто говорит Раппапорт, не бывает. Но ведь в вопросе содержится уже часть ответа, и вопрос нужно уметь сформулировать...

На секунду вернемся еще раз в середину 1980-х годов, в Москву, в съемную неуютную квартиру АГР. Уголок у окна, где стояла старинная фисгармония, был там единственным обжитым островком. В другом государстве и другом мире Саша играл на старинном инструменте. Фисгармония вздыхала и воображала себя органом. Я сидела на скрипучем стуле, держа в руках папку с рукописью, и слушала. Над фисгармонией были натянуты веревочки, на них на бельевых прищепках покачивались листочки со стихами. Одно у нее успела прочитать и запомнить.

Мне все вообще напоминает пейзаж Лоррена.

***

*Живя на свете много лет и зим
Я думаю о смерти и о жизни тоже
И мысли все мои весьма похожи
Друг на друга, словно рожи
Похожих друг на друга лиц.*

Саша забыл об этом стихотворении, и когда я через много лет напомнила о его существовании, сказал, что «это звучит очень по-моему, но я его не помню».

В блоге «Башня и лабиринт» опубликованы его стихи разных лет. Вот одно из них.

*Я в автобусе еду опять
Бесконечной дорогой туда,
Где не ждет меня милая мать,
Где отец не бывал никогда.
И где бабушки блеклый портрет
На стене над кроватью висит,
Улыбаясь на солнечный свет
Или дождь, что опять моросит.
И язык мой на выдохе, вслух
Извлекает, губу теребя,
Лишь последнее слово из двух
Слов. Незгрозное слово – «тебя»...*

2008 г.

Размышляя о своих стихах, АГР писал: «Интересно – почему вообще я прибегал к стихам. Мне сегодня кажется, что это были способы автопророчества. В стихах я говорил так, как не мог бы сказать в иной словесной форме» [5].

Как пел Булат Окуджава, «<...> как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить», – это о Раппапорте. Он пишет о том, что его интересует, свободно, искренне и открыто. Иногда стихами, иногда прозой. Круг его интересов широк,

и запретных областей нет. Одно время АГР интересовала эзотерика. Это удивило многих его коллег, которые традиционно относятся с подозрением к «мистицизму». Но вслед за Раппапортом многие стали читать книгу Фулканелли «Тайны готических соборов» и не пожалели о затраченном времени [6]. О готических соборах известно многое, но то, что формы этих фантастических сооружений во многом обязаны своим рождением алхимической философии, мало кто знает. Дело даже не в готике, на которую благодаря увлечению эзотерикой АГР многие посмотрели с другой стороны. Важен вывод, который сделал Раппапорт об эзотерике: «<...> эзотерика не НАУКА как естествознание, а наука о сущности должного, то есть наука о невидимых законах самого видения, наука о необходимых образах видения, а не о реальных и смутных образах внешнего мира» [7]. Увлечение эзотерикой было лишь эпизодом. Вот темы размышлений АГР нескольких дней сентября 2021 г.: «Наука и деятельность», «Кризис постмодерна», «Осевое время», «Я как воля и представление», «Кошмар синхронизации»...

В последние годы мы встречаемся редко – то в Москве, то в Петербурге, то в Екатеринбурге... Разговариваем часто. Благо есть скайп и мессенджеры, позволяющие видеть и слышать друг друга. Иногда я успеваю записывать наиболее интересные моменты наших бесед. В стопке блокнотов с записями, которых накопилось немало за много лет, россыпи мыслей и афоризмов АГР. Открываю наугад.

– Меня раздражает скорость вращения земли вокруг солнца – с остальным я смирился.

– Инфантилизм потерян как достоинство.

– Жизнь так же внезапна, как и смерть. Внезапность рождения. Внезапность смерти.

– Смерть – аттестат зрелости, подготовка к ней похожа на поступление в ВУЗ.

– Придавать значение своим делам – свойство молодости.

– Для меня все важнее и важнее интуиция.

– Я переживаю успокоение. Спокойствие лечит. Бессмысленная серьезность – тяжелое заболевание.

Из записи беседы о Маяковском.

– Поэт улицы – Маяковский; Блок – нет.

– Поэт – это то, что остается от него в языке.

– Поэт – транслятор Бога. Автор любого удавшегося стихотворного произведения у любого поэта – один. Я понимаю это мистически.

– Маяковский – громкий шум. После чтения Маяковского нужно отдыхать.

– Маяковский – поэт для определенных состояний.

– Маяковский платил за каждое слово жизнью.

Об архитектуре.

– Самодовольство – одна из главных черт архитектуры.

– Средовой подход – апофеоз мещанства. Мещанское направление теории, мещанское по духу.

О времени.

Время – это то, что нельзя потерять. Время – не деньги. Все время, в котором ты жил – это твое бытие.

В преддверии своего 80-летия Александр Гербертович очень кратко описал этапы своей жизни. Привожу эту запись полностью. Предыстория – трагические события в судьбе семьи – очень важна, поэтому АГР начинает хронологию своей жизни не с 1941 года, а на несколько лет раньше.

1937 г. Расстрел Гертруды Ивановны Мацеевской, сестры моей бабушки, сотрудницы института Вавилова в Ленинграде (7 декабря – в один день с расстрелом Павла Александровича Флоренского)

1938 г. Самоубийство всех родных отца в Вене.

1941–1946 гг. Жизнь в Алма-Ате. Соседи по дому С. М. Эйзенштейн, В. И. Пудовкин, Э. К. Тиссе и пр. кинематографисты. Не сохранившаяся в памяти дружба с В. А. Лефевром (сыном подруги мамы, старше меня на 5 лет).

Вид далеких гор. Яблоки и арбузы. Кубики с буквами. Научился с помощью бабушки читать.

1947–1949 гг. Жизнь в Юрмале. 13 линия. Бабушка, дядя и сверстники – заговорил на латышском.

1949–1959 гг. Учеба в ленинградской средней школе № 79 на Большом проспекте Петроградской стороны. Товарищи Леня Прицкер, Леня Нагинский, Миша Во рошилов, позднее Миша Савельев.

1958 г. Поступил во ВГИК на режиссерский факультет, но от-

казался там учиться, так как попал в группу телевизионных фильмов, а не художественных. Пример роковой и судьбоносной глупости. Влияние итальянского неореализма и французского кино новой волны.

1959–1965 гг. Учеба на архитектурном факультете ЛИСИ. Знакомство с В. Соснорой, А. Кушнером, И. Бродским. Последний год – стажировка в Тбилиси.

Класс В. И. Шухаева в Академии художеств

Вера Федоровна Шухаева-Гвоздева

Гольдернесс
Феня

Дух грузинской души. Храм Баграта. Армения. Ереван. Путешествие по Хевсуретии. Дух гор и моря.

Сначала – полное непонимание архитектуры. Резкий поворот после случайно попавшей в руки книги Ф. Л. Райта «Будущее архитектуры». Гром среди ясного неба.

Последние годы учебы – синхронная жизнь с гигантами архитектурного авангарда Ле Корбюзье, Мисом ван дер Роэ, Луисом Каном, Алваром Аалто. Нас учили гении.

– **1965–1968 гг.** Работа в ЛенНИИП градостроительства. Решил, что будущее архитектуры в градостроительстве. Пошел туда, хотя мог бы пойти в Ленпроект со своим дипломом. Но что-то подсказало: в Ленпроекте погибну. Пошел вслед за Б. Устиновым, в котором тогда видел учителя, в ЛенНИИП градостроительства (Гипрошутка)

– **1965–1968 гг.** Работа в ЛенНИИП градостроительства (Гипрошутка)

Но Устинов почти тут же из него уволился. Через институт подружился с Галей Старовойтовой и социологией. Библиотека. Журнал «Экситика». Доксиадис.

Наконец, «ГОРОД – НЕ ДЕРЕВО» Кристофера Александера. Принципиально новый поворот к архитектуре и пространству.

Случайно читал стенограмму доклада О. Генисаретского о Ле Корбюзье. Поражен. Узнаю про ММК. Читаю Г. П. Щедровицкого.

Принимаю приглашение А. В. Иконникова в аспирантуру ЦНИИТИА.

Кружок (ММК). Щедровицкого выгоняют из КПСС. А. В. Иконников выгоняет из ЦНИИТИА. Ю. П. Бочаров.

Работаю в тандеме с Б. В. Сазоновым.

Переход в МНИПОКОЗ. Поглощен идеями М. Маклюэна.

1969–1975 гг.

1975 смерть Л. И. Мациевской-Шильдкнехт (бабушки)

Проблема схем и норм. Итог

1975 года: «ПРОЕКТИРОВАНИЕ БЕЗ ПРОТОТИПОВ».

Г. П. Щедровицкий и конструктивная методология деятельности.

1978–1991 гг.

1979 г. Первая поездка в Швецию к Эрику Местертону и Ингрид Якобсон

1983 г. Таинственная смерть отца

Идеи новой архитектурной школы

Работа с лидерами «Бумажной архитектуры»

Поездки с выставками «бумажников» по Европе и США

1991–2001 гг.

Постепенно увлекает вопрос о мышлении архитектора. Пространство и онтология. Междисциплинарное пространство. Влияние М. Маклюэна. Семиотика. Знак и язык.

Пространство и субстанция. Темпоральность пространства.

Концептуализм: Б. Гройс и И. Кабаков.

Проблема историзма и развития деятельности. Слова и схемы. Графика и логика.

Логика и рефлексия. Лефевр и рефлексивные игры. Архитектура в контексте рефлексивных игр.

Школа и образования как институты рефлексивного развития.

Проект новой школы в эзотерическом свете самозамкнутой сферы свободы. Крах идеи новой школы в реальных условиях. Отказ от архитектуры.

Журналистика. Работа в Лондоне – журналист ВВС.

Общение с А. М. Пятигорским. Дружба с А. Донде.

1995 г. Покупка хутора в Курземе (Латвия)

1998 г. Убийство Гали Старовойтовой.

2004 г. Окончательный переезд на хутор.

2004–2021 гг. Жизнь в Папардес.

Блог «Башня и лабиринт»
Интерес к живописи.

Дневник в Фейсбуке

2021 г. Постепенный выход из Архитектуры

Живопись

За каждым словом в этой хронологии жизнь, судьба и надежды. Работа с лидерами «бумажной архитектуры» – надежда на преодоление кризиса архитектуры. Увлечение Б. Гройсом и И. Кабаковым – осмысление новых тенденций в искусстве.

(Статьи Рappapорта о Кабакове и Гройсе, на мой взгляд, интереснее и глубже их творений. А лидеры

«бумажной архитектуры», вероятно, и сами не подозревали, что в их талантливых графических листах может увидеть философ. Им повезло – и Кабакову с Гройсом, и «бумажникам», и фотографам, о которых много писал АГР).

Александр Гербертович мог быть сегодня старейшим сотрудником ВНИИТИАГа, организации, за свою долгую жизнь сменившую несколько имен и некогда бывшей ЦНИИТИА. Но недавно он уволился «по собственному желанию»; вернее, его... уволили. Но хотят вновь принять на работу, смирившись с тем, что он не будет присутствовать лично на ученых советах и приходиться расписываться в ведомостях. Вероятно, осознали, что Александр Гербертович Рappapорт уникален и незаменим.

Сейчас Рappapорта увлекает живопись. И если любая философия начинается с рефлексии мышления, то живопись Рappapорта начинается с размышления о том, как и для чего он занимается живописью.

Александр Гербертович Рappapорт – философ. Это не звание, а призвание и судьба. И то, что сферой его интересов стала архитектура, означает, что архитектура обрела своего философа. Как известно, философские труды не устаревают. 5000 текстов АГР предстоит прочитать будущим поколениям и, возможно, его желание быть оракулом для тех, кто придет в архитектуру в третьем тысячелетии, осуществится.

P. S. Александру Гербертовичу 80 лет. Он пишет статьи, слушает лекции, музицирует, сочиняет стихи. Он такой один, как один Сергей Эйзенштейн, Александр Пятигорский, Иосиф Бродский... Один в поле воин.

На хуторе Папардес за 20 лет Александру Гербертовичу удалось создать дом, в котором ему нравится жить, и пейзаж, на который ему приятно смотреть. Перед домом луг, небольшой пруд и лес. Иногда сюда забредают козули и кабаны. Рай? Конечно, рай. Но в этом раю нужно топить печи, готовить себе еду... Да мало ли бытовых проблем у живущего в уединении философа. Александр Гербертович радуется, что начал играть на фортепьяно левой рукой свободно и интуитивно. Говорит, что загрузовал картонные коробки для занятий живописью, что прибрал мастерскую, и она стала светлой и чистой...

Литература

1. Рappapорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Форма в архитектуре: проблемы теории и методологии. – Москва : Стройиздат. – 1990. – 344 с.
  2. Рappapорт, А. Г. Итоги для начала. Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com> (дата обращения: 23.09.2021)
  3. Рappapорт, А. Г. Квадратура кружка. – Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com> (дата обращения: 15.09.2021)
  4. Рappapорт, А. Г. 99 писем о живописи. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с.
  5. Рappapорт, А. Г. Стихи разных лет. – Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com> (дата обращения: 20.09.2021)
  6. Фулканелли. Тайны готических соборов. – Москва : REFLE-book ; Киев : Ваклер, 1996. – 232 с.
  7. Рappapорт, А. Г. О неестественных науках. – Блог «Башня и лабиринт». – URL: <http://papardes.blogspot.com> (дата обращения: 29.09.2021)
  8. Багина, Е. Ю. Во всем виноваты император Петр II и Сергей Эйзенштейн // Проект Байкал. – 2016. – № 50. – С. 38–39
  9. Багина, Е. Ю. Живопись Александра Рappapорта // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 12–14
- ## References
- Bagina, E. (2016). Peter II and Sergei Eisenstein are to blame. Project Baikal, 13(50), 38-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.50.1078>
- Bagina, E. (2019). Alexander Rappaport's Painting. Project Baikal, 16(59), 12-14. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1425>
- Fulcanelli (1996). Tainy goticheskikh soborov [The mystery of the cathedrals]. Moscow: REFLE-book ; Kiev: Vakler.
- Rappaport, A. G. (n.d.). Stikhi raznykh let [Poetry of various years]. Tower and Maze. Retrieved September 20, 2021, from <http://papardes.blogspot.com>
- Rappaport, A. G. (2004). 99 pisem o zhivopisi [99 letters about painting]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pisem o zhivopisi.
- Rappaport, A. G. (2016, January 1). Kvadratura kruzhka [Squaring a small circle]. Tower and Maze. Retrieved September 15, 2021, from <http://papardes.blogspot.com>
- Rappaport, A. G. (2017, July 11). Itogi dlya nachala [Results to begin with]. Tower and Maze. Retrieved September 23, 2021, from <http://papardes.blogspot.com>
- Rappaport, A. G. (2018, May 30). O neestestvennykh naukakh [On unnatural sciences]. Tower and Maze. Retrieved September 29, 2021, from <http://papardes.blogspot.com>
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). Forma v arkhitekture: problemy teorii i metodologii [The form in architecture: problems of theory and methodology]. Moscow: Stroizdat.

Анализируются основные темы и проблемы монографии А. В. Малько, написанной на основе ее диссертации. В книге проведено немецко-российское сравнение механизмов и инструментов регенерации. С учетом их специфики они могут быть применены в разных исторических городах для их устойчивого развития. Ключевые слова: регенерация; градостроительство; Дрезден; Иркутск; устойчивое развитие. /

The review analyses the main topics and problems of the monograph written by A. V. Malko on the basis of her dissertation. The book provides a German-Russian comparison of the mechanisms and tools of regeneration. Taking into account their specificity, they can be applied in different historical cities for their sustainable development.

Keywords: regeneration; urban planning; Dresden; Irkutsk; sustainable development.

Based on her phd work, which Anastasia Malko successfully completed in 2017, the scientific publishing house Kurs has now published the Russian version "Regeneration of historical and built environment. Development of historical centres" (Регенерация историко-архитектурной среды. Развитие исторических центров), which takes the topic of historical districts and their sustainable development into focus.

The reason for the research work is the question, how to treat the urban and architectural heritage of the East Siberian city of Irkutsk in a sustainable manner. In order to gain knowledge for future strategies in the Russian city, planning instruments that are used in historical districts in Germany – using

the city of Dresden as specific case study – are evaluated, discussing if and to what extent they can also be applied to cities in Russia. The book presents the analysis of different urban quarters in Dresden in their historical development and current shape as well as planning strategies and instruments. Based on this evaluation Malko formulates recommendations for the development of planning strategies and legal regulations in the city of Irkutsk. The work goes beyond a purely conservational approach and illuminates the challenge that even historical building fabric has not only to be preserved but also transformed.

The book can give important impulses for the sustainable further development of historic city districts in Russia, which

Дрезден и Иркутск: сохранение и развитие центров / Dresden and Irkutsk: Preservation and development of centres

Малько А. В. Регенерация историко-архитектурной среды как средство сохранения и дальнейшего развития исторических центров. Стратегии, методы и инструменты немецкой практики на примере города Дрездена и возможности их применения в городе Иркутске. – Москва : КУРС, 2020. – 576 с. / Malko, A. V. (2020). Regeneration of historical and built environment as means of preservation and further development of historical centres. Strategies, methods and tools of German practice in the case of Dresden and their possible application to Irkutsk. Moscow: KURS.

текст
Барбара Энгель
Технологический институт Карлсруэ /
text
Barbara Engel
Karlsruhe Institute of Technology

В 2019 году книга была опубликована на немецком языке в издательстве «Logos» Berlin: Stadterneuerung als Mittel der Bewahrung und Weiterentwicklung historischer Stadtzentren. Strategien, Methoden und Instrumente der deutschen Praxis am Beispiel von Dresden und ihre «Übertragbarkeit auf Irkutsk».

На основе кандидатской диссертации, которую Анастасия Малько успешно защитила в 2017 году, вышла русская версия книги, в которой рассматрива-

ется тема исторических районов и их устойчивого развития.

Главной темой исследовательской работы является поиск подходов для устойчивого развития исторических районов Восточно-Сибирского города Иркутска, обеспечивающих сохранение городского архитектурного наследия.

На примере города Дрездена выполнен анализ и оценка немецких инструментов градостроительного регулирования, которые используются в исторических районах Германии.

Автор обсуждает, возможно ли и в какой степени применять их в исторических городах России. В книге представлен анализ различных городских кварталов города Дрездена с точки зрения их исторического развития и современного облика, а также стратегий и инструментов городского планирования. На основе этой оценки Анастасия Малько формулирует рекомендации по разработке стратегий градостроительного планирования и правовых норм в городе Иркутске. Работа выходит за рамки чисто кон-

are facing the challenge of meeting new functional requirements from an economic, ecological, social, and technical point of view, having at the same time a (social) responsibility to preserve the architectural heritage. This is a big task in view of dynamic interests, but also a lack of sometimes reliable municipal structures and urban development policies. Hopefully the people that are in charge of urban planning and development in Irkutsk will take up this knowledge in order to develop suitable regulations for the city.

It's just a pity that the title in the Russian edition was shortened in such a way that relevant information, such as "preservation and further development" and the "German-Russian compari-

son" are no longer included. Potential interested readers – from science and practice – at first glance don't have a chance to recognize what the content of the book is about.

The book takes up a highly relevant debate among experts and citizens that is currently being conducted in an international context. The findings are extremely important for the professional discourse and of great importance in terms of urban development policies – not only in Russia. In September of this year, the Russian Academy of Architecture and Construction awarded the work of Dr. Anastasia Malko with the Golden medal for excellent research work in urban planning for 2020.

сервативного подхода. Автор приходит к выводу, что даже историческая строительная ткань должна быть не только сохранена, но и преобразована.

Книга может дать важный импульс для решения проблемы дальнейшего устойчивого развития исторических городских районов России, которые сталкиваются с необходимостью соответствия новым функциональным требованиям с экономической, экологической, социальной и технической точек зрения. В то же время должны сохраняться целостность архитектурного наследия городов и районов и осознание социальной ответственности за него. Учитывая динамично меняющиеся интересы, а также отсутствие иногда надежных муниципальных структур и градостроительной политики, это большая задача. Надеюсь, люди, отвечающие за городское планирование и развитие в Иркутске, возьмут на вооружение эти знания, чтобы разработать правила, учитывающие специфику города.

Жаль только, что в заголовке русского издания не включена важная информация, имеющаяся в заголовке немецкого издания: «сохранение и дальнейшее развитие» и «немецко-российское сравнение». Представители науки и практики – потенциальные заинтересованные читатели – не имеют возможности с первого

взгляда понять, каково содержание книги.

Книга посвящена весьма актуальной дискуссии между экспертами и гражданами, которая ведется в настоящее время в международном контексте. Полученные результаты чрезвычайно важны для профессионального дискурса и имеют огромное

значение с точки зрения политики городского развития не только в России.

В сентябре 2021 года Российская академия архитектуры и строительных наук наградила работу доктора Анастасии Малько Золотой медалью за лучший научный труд в области градостроительства за 2020 год.

Награды иркутян

Осень стала поистине золотой сразу для нескольких иркутских архитекторов и авторских коллективов.

7–11 сентября

на фестивале ЗВС-21 в Кемерово (информационный блок в этом номере ПБ) иркутские архитекторы собрали неплохой урожай наград разного достоинства, а Гран-при ЗВС-21 завоевала команда Сибирской лаборатории урбанистики за благоустройство парка в г. Саянске.

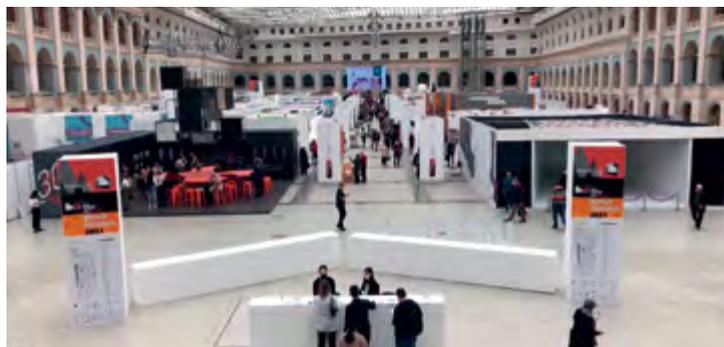
29 сентября

книга Насти Потаповой-Малко получила **золотую медаль РААСН** на конкурсе лучших монографий в области градостроительства. Представление книги в этом номере ПБ. Выпускница ИРНИТУ, Анастасия довольно регулярно публикует свои статьи в нашем журнале. (см. ПРОЕКТ БАЙКАЛ №№ 68, 63, 59 и др.).

3 октября

на церемонии вручения наград XXIX Международного фестиваля Зодчество в московском Гостином дворе **Золотую награду** конкурса «Города и регионы» получил город Приморск, проект для которого выполнил авторский коллектив Сибирской лаборатории урбанистики (А. Козьмин, А. Макаров, С. Соколов, А. Сергеев и др.).

А в смотре-конкурсе «Детское архитектурно-художественное творчество» в одной из номинаций **Золотой знак** получил иркутский Центр детского творчества, архитектуры и дизайна «Пирамида» (руководитель Наталья Ремизова).

29 сентября – 1 октября

прошло годовое собрание **Российской академии архитектуры и строительных наук**, на котором в ряду других вопросов повестки состоялись выборы новых членов Академии. В ЦДА на протяжении академической недели работали две юбилейные выставки – архитектора Андрея Некрасова и конструктора Владимира Травуша.

Президент РААСН Д. О. Швидковский открывает выставку В. И. Травуша. Фото Елены Григорьевой

2 и 23 октября

Субботник по очистке двух стен иркутского **Дома на набережной** архитектора В. А. Павлова устроили в честь Всемирного дня архитектуры иркутские архитекторы. Части стен испорчены вандалами, а между тем дом был признан лучшей постройкой в 1987 году на Всесоюзном конкурсе Союза архитекторов СССР и должен быть поставлен на охрану государством как выдающееся произведение архитектуры.

4 октября

в Москве в Центральном Доме архитектора состоялся **XIV Съезд Союза архитекторов России**. Впервые в новейшей истории открыл его Министр строительства РФ Ирэк

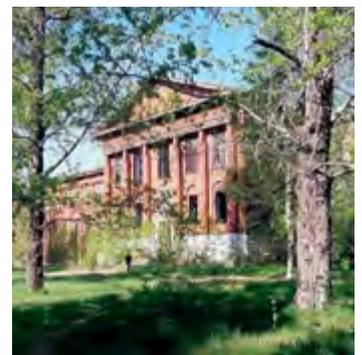

Файзуллин, не только произнеся приветственную речь, но и ответивший на вопросы делегатов Съезда. Министр и член Союза архитекторов рассказал о продвижении федерального Закона об архитектуре – процессе, который длится уже не один год.

Выступление Президента Н. И. Шумакова было посвящено фестивалям и конкурсам уходящего 2021 года, состоявшимся в России вопреки всем обстоятельствам. Съезд и последовавший за ним Пленум решили и ряд организационных вопросов, в том числе доизбрание новых членов в Правление и Президиум.

22 октября

В развитие цикла мероприятий ИРО СА России по защите здания **Кадетского училища**, не так давно исключенного из реестра памятников истории и культуры, в ИРНИТУ состоялась лекция для студентов и преподавателей на тему «Пространство образования. Школа», на которой был показан практический опыт Елены Григорьевой и ее соавторов по школам различной вместимости, построенным в Иркутске и других городах. По окончании презентации архитектор ответила на вопросы студентов и преподавателей, в том числе, связанные с приспособлением здания Кадетского училища под общеобразовательную школу большой вместимости.

27 октября

Правление ИРО СА России направило обращение губернатору Иркутской области И. И. Кобзеву и мэру города Иркутска Р. Н. Болотову с предложением о сохранении здания Кадетского училища и приспособлении его под школу.

Фестиваль ЗВС был учрежден на стыке тысячелетий. Впервые он состоялся в 2001 году в Иркутске в Сибэксцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общности Сибири и России.

С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. Первыми участниками фестиваля были архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, Республика Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский Бурятские автономные округа). С 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири (Омск и Барнаул), и фестиваль начинает превращаться в ЗВС – орен.

В дискуссионном клубе ЗВС обсуждаются самые актуальные темы; в Иркутский Дом архитектора приглашаются авторитетные эксперты – А. Раппапорт, О. Вендина, Л. Коган, А. Высоковский, А. Гимельштейн, А. Кафтанов, М. Рожанский, В. Дятлов, А. Иванов, Д. Фесенко, А. Сирина, А. Финогенов.

Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. За двадцать лет благодаря фестивалю архитекторы Сибири встретились со столичными мастерами Ю. Гнедовским, А. Асадовым, С. Киселевым, А. Скоканом, А. Бавыкиным, В. Плоткиным, А. Савиным, А. Чельцовым, А. Павловой, С. Скуратовым, Н. Явейном, Т. Кузембаевым, М. Мамошиным, Ю. Земцовым, А. Боковым, Т. Башкаевым, С. Гнедовским, Н. Шумаковым, А. Черниховым, А. Кузьминым, зарубежными архитекторами М. Драховски, Д. Дендра, Г. Станишевым, сибиряками И. Поповским, А. Мякотой, П. Анисифоровым, А. Дерингом и многими другими своими коллегами.

Фестиваль рассматривается организаторами как этап подготовки к международному фестивалю «Зодчество» в Москве. Много лет фестиваль ЗВС проводился в Иркутске; впервые он поменял площадку на Красноярск в 2014, а в 2017 году Красноярск принял ЗВС во второй раз. В том же году от архитекторов Алтая мы получили предложение провести следующий фестиваль в Барнауле, таким образом фестиваль вышел за границы Восточной Сибири. Было решено сохранить привычную аббревиатуру, наполнив ее новым географическим смыслом. В 2018 году местом проведения ЗВС был Барнаул, столица Алтая, в 2019 – Томск, а юбилейный, двадцатый фестиваль прошел в Иркутске, месте его рождения. В этом году Кемерово, празднующий 300-летие Кузбасса, гостеприимно принимает фестиваль «Зодчество в Сибири – 2021».

Елена Григорьева,
вице-президент СА России,
основатель фестиваля ЗВС

XXI фестиваль ЗВС-2021 / XXI festival "Zodchestvo in Siberia 2021"

The Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" was founded at the turn of the millennium. The first Festival was held in 2001 at Irkutsk Sibexcenter and caused a massive outcry among the architectural community in Siberia and throughout the country. Later the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" became one of the most important annual architectural events in Russia. The first participants of the Festival were the architects from Eastern Siberia (such cities as Irkutsk, Angarsk, Bratsk, Chita and Krasnoyarsk, republics of Buryatia, Tyva, Khakassia, as well as Ust-Ordynsky and Aginsky national districts of Buryatia). Since 2007 architects from Western Siberia (Omsk and Barnaul) have also participated in the Festival. The Festival becomes open. The most topical issues are discussed at the Discussion Club of the Festival. Among the most prominent experts are A. Rappaport, O. Vendina, L. Kogan, A. Vysokovsky, A. Gimmelstein, A. Kaftanov, M. Rozhansky, V. Dyatlov, A. Ivanov, D. Fesenko, A. Sirina, A. Finogenov. Prominent Russian architects give master classes, which enjoy great popularity. Thanks to the Festival, within twenty years, Siberian architects have met with masters from the capitals: Y. Gnedovsky, A. Asadov, S. Kiselev, A. Skokan, A. Bavykin, V. Plotkin, A. Savin, A. Cheltsov, A. Pavlova, S. Skuratov, N. Yavein, T. Kuzembaev, M. Mamoshin, Yu. Zemtsov, A. Bokov, T. Bashkaev, S. Gnedovsky, A. Chernikhov, V. Kuzmin, foreign architects M. Drahovsky, D. Dendra, G. Stanishev, as well as Siberian experts I. Popovsky, A. Myakota, P. Anisiforov, A. Dering and many other colleagues. The organizers consider the Festival to be a preparation stage for the International Festival "Zodchestvo" in Moscow.

"Zodchestvo of Eastern Siberia" is traditionally held in Irkutsk. In 2014 it was first held in Krasnoyarsk, and in 2017 Krasnoyarsk housed the Festival for the second time. In the same year, Altai architects proposed to hold the next Festival in Barnaul. Thus, the Festival went beyond the borders of Eastern Siberia. We decided to maintain the name of the Festival, filling it with a new geographical meaning: "Zodchestvo in Siberia". In 2018 the Festival was held in Barnaul, the capital of Altai, and in 2019 it was held in Tomsk. The twentieth-anniversary event took place on the native land, the city of Irkutsk. This year, Kemerovo celebrates the 300th anniversary of Kuzbass and hospitably hosts the Festival "Zodchestvo in Siberia 2021".

Elena Grigoryeva,
vice president of the Union of
Architects of Russia,
founder of the Festival
"Zodchestvo in Siberia"

XXI
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ

Генеральный партнер фестиваля
НОПРИЗ

ПАРТНЕРЫ

ГАУ «Госэкспертиза Кузбасса»
Компании «Уральский гранит»
«Альфреско»
«Рото Франк»

СРО «Ассоциация проектировщиков Кузбасса»
СРО «Ассоциация профессиональных проектировщиков Сибири»
Холдинг «СДС»
Кузбасский государственный университет,
Кемеровский государственный институт культуры,
Кузбасский техникум архитектуры, геодезии и строительства
организовали волонтеров из числа своих студентов.с.и
XXI межрегиональный фестиваль ЗВС-2021

XXI межрегиональный фестиваль ЗВС-2021 / XXI interregional festival “Zodchesvo in Siberia 2021”

Уважаемые коллеги!

Приветствую участников и гостей XXI Международного фестиваля «Зодчество в Сибири», который впервые проходит в столице Кузбасса городе Кемерово. Национальное объединение изыскателей и проектировщиков ежегодно поддерживает фестиваль, выступает генеральным партнером и принимает активное участие в его деловой программе, которая насыщена мастер-классами, научно-практическими конференциями и посещением знаковых объектов строительства.

Отрадно отметить, что география международного фестиваля давно вышла за пределы Сибири. В числе активных участников мероприятия мы видим представителей Дальнего Востока, Урала, Москвы, Санкт-Петербурга, что доказывает конструктивное взаимодействие и обмен опытом между профессиональными архитектурными сообществами разных субъектов Российской Федерации, а также активизацию процесса популяризации достижений современной архитектуры и укрепление социальной значимости архитектурных профессий.

Вместе с Союзом архитекторов России Национальное объединение изыскателей и проектировщиков работают над реализацией ключевых национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика», стратегией социально-экономического развития страны в части агрессивного развития инфраструктуры. Для создания комфортной жизни граждан огромное значение имеет архитектурная и экологическая составляющие, использование энергоэффективных решений и «зеленых» технологий. За реализацию этих направлений отвечает в первую очередь высококвалифицированный профессионал, несущий ответственность за свои решения.

Уверен, что фестиваль «Зодчество в Сибири – 2021» задаст вектор дальнейшего качественного развития архитектурной мысли страны, будет способствовать профессиональному росту творческой молодежи и передаче накопленного опыта от поколения к поколению.

Желаю продуктивной работы и реализации намеченных планов!

М. М. Посохин
Президент Национального объединения
изыскателей и проектировщиков,
народный архитектор России,
академик

ОРГАНИЗАТОРЫ

Союз архитекторов России
Национальное объединение изыскателей и проектировщиков
Правительство Кузбасса
Кемеровская региональная организация Союза архитекторов России
при участии Иркутской региональной организации САР

XXI
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ

Уважаемые коллеги, друзья, соратники!

В этом году Межрегиональный фестиваль «Зодчество в Сибири» впервые принимала столица Кузбасса город Кемерово. Это было мощно, с настоящим сибирским размахом и гостеприимством, тепло и по-дружески комфортно.

Номер журнала «Проект Байкал», который вы держите в руках, – своеобразный «пропуск» в современное архитектурное сообщество, где можно найти новых знакомых, встретиться со старыми друзьями, проверить свои ощущения, ответить самому себе на вопросы, которые ставит перед архитектором пространство, порой не оставляя времени на их решение. Но зодчество не терпит суеты, это искусство не сиюминутное, но глобальное, корнями уходящее в прошлое и всегда устремленное в будущее.

2021 год проходит под знаком 300-летия Кузбасса – открытия Кузнецкого угольного бассейна, и наш архитектурный фестиваль занял свое достойное место в юбилейных мероприятиях.

Выставки, смотры-конкурсы в нескольких номинациях, жаркие дискуссии на площадках деловой программы, неформальные встречи в кулуарах «ЗВС» – во всем присутствовал накал страстей, профессиональный азарт, дух соревновательного творчества.

В рамках фестиваля «Зодчество в Сибири» состоялась конференция Сибирского федерального округа Национального объединения изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ). Союз архитекторов провел рабочее заседание, на котором присутствовали представители наших творческих организаций, входящих в состав Союза архитекторов Сибирского федерального округа. И эти встречи, когда можно обсудить все профессиональные вопросы, глядя друг другу в глаза, понимая специфику и важность стоящих на повестке дня вопросов, – едва ли не важнейший итог состоявшегося события.

Мир поделился на бытность до пандемии и нашу нынешнюю реальность, когда уже сам факт личного присутствия, непосредственного контакта делает любую встречу важной и запоминающейся. Кемеровский фестиваль позволил нам всем с утроенной силой почувствовать и ощутить крепость и сплоченность нашего профессионального творческого братства.

Спасибо всем, кто был вместе с нами и кто примет сибирскую эстафету в 2022 году!

Николай Шумаков, народный архитектор РФ, президент
Союза архитекторов России и Союза московских архитекторов

Города-участники:

Омск, Новосибирск,
Томск, Кемерово,
Иркутск, Алтайский край
и республика Алтай,
Красноярский край,
Екатеринбург, Москва,
Крым

СОСТАВ ЖЮРИ

Раздел «Постройки»

- Председатель** **Шумаков Николай Иванович** (Москва)
президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, академик РАХ, народный архитектор России, лауреат премии Огюста Перре
- Заместитель председателя** **Григорьева Елена Ивановна** (Иркутск)
вице-президент СА России, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, лауреат Государственной премии РФ
- Члены жюри** **Куковякин Алексей Борисович** (Екатеринбург)
директор дизайнерско-архитектурной фирмы «Алкута», лауреат региональной премии «Рука мастера»
- Худяков Сергей Юрьевич** (Томск)
председатель правления Томской региональной организации СА России, профессор МААМ, лауреат межрегиональных смотров-конкурсов ЗВС.
- Секретарь** **Ярилов Владимир Евгеньевич** (Кемерово)
руководитель проектов ООО «Архитектурная компания» (Кемерово), лауреат Евразийской Премии 2020 (Екатеринбург)

Раздел «Проекты»

- Председатель** **Башкаев Тимур Истанович** (Москва)
многократный лауреат международных, российских и московских фестивалей и конкурсов, руководитель АБТБ
- Заместитель председателя** **Зыков Сергей Николаевич** (Кемерово)
председатель правления Кемеровской региональной организации СА России, многократный лауреат межрегиональных смотров-конкурсов «Золотая Капитель», «ЗВС»
- Члены жюри** **Дьякова Татьяна Федоровна** (Барнаул)
архитектор, лауреат ЗВС-18 (Гран-при)
- Класен Петр Яковлевич** (Томск)
архитектор, профессор МААМ, член СА России
- Климов Александр Иванович** (Кемерово)
руководитель ПТМ «Кубик АБ» почетный архитектор России, лауреат городских архитектурных конкурсов, член правления Кемеровской организации СА России
- Секретарь жюри** **Копцева Наталья Сергеевна** (Кемерово)
руководитель группы архитекторов ПИ Кузбассгорпроект, член СА России

Раздел «Творчество архитектурных коллективов и Мастерских»

- Председатель** **Козак Игорь Владимирович** (Иркутск)
заслуженный архитектор России
- Заместитель председателя** **Анисифоров Петр Иванович** (Барнаул)
вице-президент СА России, советник РААСН, председатель правления Алтайской региональной организации СА России
- Члены жюри** **Седиков Александр Павлович** (Томск)
директор Ассоциации (СРО) Томское проектное объединение, член правления Томской организации СА России
- Демков Сергей Борисович** (Иркутск)
член правления Иркутской региональной организации СА России
- Секретарь** **Нягин Дмитрий Юрьевич** (Кемерово)
руководитель группы архитекторов ПИ Кузбассгорпроект

– Смотр-конкурс лучших архитектурных произведений 2019–2021 годов. Здесь в разделе **«Постройки»**: в трех номинациях 11 участников (творческие коллективы и отдельные авторы) представили 19 работ.

В разделе **«Проекты»**: в четырех номинациях 27 участников представили 32 работы.

– Смотр-конкурс **«Творчество архитектурных коллективов и мастерских»** был представлен пятью проектными организациями.

– Смотр-конкурс **«Пропаганда архитектуры 2019–2021 годов»** также представлен пятью участниками.

– Смотр-конкурс **«Творчество молодых архитекторов и студентов Сибири»** включал 15 работ.

– На смотр-конкурс **детского архитектурно-художественного творчества** также было представлено 15 работ.

XXI МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ

Раздел «Пропаганда»

Председатель **Стахеев Олег Васильевич** (Томск)
заведующий кафедрой «Архитектурное проектирование» ТГАСУ, кандидат архитектуры, почетный архитектор России

Члены жюри: **Залесов Валерий Геннадьевич** (Томск)
кандидат архитектуры, заведующий кафедрой «Теория и история архитектуры» ТГАСУ, член СА России

Муленок Владимир Владимирович (Томск)
доцент кафедры «Архитектурное проектирование» ТГАСУ, член СА России.

Полуэктов Ярослав Игоревич (Кемерово)
почетный архитектор России, член правления Кемеровской организации СА России

Секретарь **Захарова Ирина Викторовна** (Кемерово)
доцент КузГТУ, лауреат ЗВС-20

Раздел «Молодежь и студенты»

Председатель **Успенская Анастасия Михайловна** (Москва)
старший преподаватель МАРХИ, учёный секретарь МООСАО (межрегиональная общественная организация содействия архитектурному образованию), куратор Всемирной ассоциации студентов архитекторов-WASA

Заместитель председателя **Хотулев Руслан Анатольевич** (Иркутск)
председатель правления Иркутской региональной организации СА России,

Члены жюри: **Тисленко Сергей Иванович** (Барнаул)
ГАП ООО «Классика», лауреат межрегиональных смотров-конкурсов «Золотая Капитель», «ЗВС»

Поликарпочкин Алексей Валентинович (Иркутск)
гл. архитектор АРМ-10 лауреат межрегионального смотра-конкурса «ЗВС»

Стахеев Олег Васильевич (Томск)
заведующий кафедрой «Архитектурное проектирование» Томского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат архитектуры, почетный архитектор России

Нягин Дмитрий Юрьевич (Кемерово)
руководитель группы архитекторов ПИ Кузбассгорпроект, член правления Кемеровской организации СА России

Раздел «Детское творчество»

Председатель **Оголь Ольга Анатольевна** (Кемерово)
лауреат межрегионального смотра-конкурса «Золотая Капитель», номинант Премии «АРХИП» издательства САЛОН-ПРЕСС, почетный работник дополнительного образования, член правления Кемеровской организации СА России

Заместитель председателя **Полуэктов Ярослав Игоревич** (Кемерово)
почетный архитектор России, член правления Кемеровской организации СА России

Члены жюри **Стахеев Олег Васильевич** (Томск)
заведующий кафедрой «Архитектурное проектирование» ТГАСУ, кандидат архитектуры, почетный архитектор России

Насонова Марина Евгеньевна (Кемерово)
архитектор, член СА России

Гончаров Артем Юрьевич (Томск)
архитектор, член СА России

Секретарь **Ярилова Екатерина Владимировна** (Кемерово)
архитектор

Хроника ЗВС-XXI Кемерово

Очередной XXI Межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество в Сибири» (ЗВС–21) впервые прошел в столице Кузбасса городе Кемерово с 7 по 10 сентября 2021 года. Как известно, в июле этого года отмечалось 300-летие с начала промышленного освоения Кузнецкого угольного бассейна, и наш архитектурный фестиваль стал продолжением юбилейной программы.

С переходом к номадическому образу жизни фестивали ЗВС стали, пожалуй, более яркими и запоминающимися. Своеобразие явно добавилось, что и требовалось при реформировании ЗВС и распространении его на весь Сибирский федеральный округ. Кемеровский ЗВС отли-

чался душевностью и некоторой камерностью. Если юбилейный XX-й иркутский пространственно развивался вдоль главной улицы исторического центра, то в Кемерово все происходило компактно – на площадке Музыкального театра в самом сердце города. Удачная локация и совмещение нескольких функций (выставка, мастер-классы, бар и столики, большой экран для презентаций и демонстрации фильмов) практически в одном пространстве создали атмосферу, располагающую к общению и творчеству.

Город-сад с его сталинской архитектурой тоже был постоянным участником праздника: принимал предусмотренные программой и самостоятельные экскурсии (Сергей Демков по сложившейся

уже традиции вел репортажи со своих прогулок в иркутский чат). Город прекрасный, гармоничный и уравновешенный, прибранный к 300-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна, встретивший нас новым зданием аэровокзала (материал о проекте – в этом номере ПБ). Город, славный своими бульварами, размеренным ритмом жизни исторического центра, имперской архитектурой 1930–1950 годов, голландскими архитектурными объектами 1920-х годов (см. пб52, стр. 132) и посвященной шахтерам скульптурой знаменитого художника Эрнста Неизвестного.

Открывая Фестиваль, Президент СА России Н. И. Шумаков и представитель генерального спонсора НОПРИЗ А. А. Панов приветствовали архитекторов Кемерово, Барнаула, Братска, Иркутска, Томска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска и гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Республики Крым.

Помимо основной экспозиции – **выставки** смотра-конкурса архитектурных проектов, графики и детского творчества, участникам были представлены еще три выставки: «НЕРЕАЛ – Нереализованные проекты кемеровских архитекторов XX – XXI вв.», передвижная выставка Всероссийского конкурса НОПРИЗ «Лучший

проект 2020 года» и «Художественная выставка архитекторов: Тахир Кулиев, Ярослав Полуэктов, Марина Коломеец».

В рамках **деловой программы** ЗВС–21 проводилась конференция Сибирского федерального округа Национального объединения изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ). Президент СА России Н. И. Шумаков (Москва), вице-президенты Е. И. Григорьева (Иркутск) и П. И. Анисифоров (Барнаул) провели заседание Совета организаций Союза архитекторов Сибирского федерального округа; молодежный лидер Анастасия Успенская (преподаватель МАРХИ, ученый секретарь МООСАО) возглавила заседание Молодежной секции Союза архитекторов Сибирского федерального округа и на встрече со студентами и молодыми архитекторами сделала презентацию WASA (Всемирная ассоциация студентов-архитекторов).

Мастер-классы провели народный архитектор РФ Н. И. Шумаков – главный архитектор АО «Метротранс», маститый художник и академик Российской академии художеств; Тимур Башкаев – архитектор, руководитель Архитектурного бюро, «Архитектор 2020 года» по версии «АРХ Москва», и Алексей Куковякин – руководитель архитектурной фирмы «Alkuta architects» из Екатеринбурга. Представитель

XXI МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ

Республики Крым архитектор Наталья Авдеенко рассказала о парке природных технологий «Богатое ущелье». В отдельной лекции архитектор Алексей Куковякин поделился интересным опытом системного подхода к формированию идеологии массового жилья XXI века (ФЛЭТ).

Традиционную **экскурсию** по новостройкам «Авторский надзор» вел заслуженный архитектор России Олег Ражев. В ходе пешеходной и обзорной экскурсий по городу участники познакомились с Музеем «Красная Горка», спортивным и образовательным кластерами, с «Парком Ангелов», разбитым на месте трагедии ТРЦ «Зимняя Вишня».

Основой программы Фестиваля традиционно являются **смотри-конкурсы** (см. Каталог). Шесть профессиональных жюри, собранные из представителей разных регионов, определили лауреатов в разделах и номинациях смотров-конкурсов.

Гран-при фестиваля присужден авторскому коллективу Сибирской лаборатории урбанистики за реализованный проект благоустройства парка «Таежные бульвары» в г. Саянске Иркутской области.

В заключительный день фестиваля была организована пленэр-экскурсия в историко-культурный и природный

музей-заповедник «Томская писаница». Архитекторы не только познакомились с уникальными петроглифами, но и вместе с сотрудниками музея-заповедника обсуждали вопросы, связанные с организацией проектирования Музея наскального искусства, дав квалифицированные советы по организации конкурса и выбору места расположения будущего павильона.

В фестивале приняли участие более 300 человек из вышеперечисленных городов Сибири и России. Было много молодежи; особенно отличилась Томская организация (председатель Правления Сергей Худяков) – целый автобус прибыл из города,

принимавшего ЗВС в 2019 году. Кузбасский государственный технический университет, Кемеровский государственный институт культуры, Кузбасский техникум архитектуры, геодезии и строительства организовали волонтеров из числа своих студентов.

Фестиваль ЗВС–21 запомнился не только программными мероприятиями, но и душевными вечерними беседами в необычайно теплой атмосфере, которой, мы, конечно же, обязаны признанным лидерам сообщества архитекторов Кузбасса Ольге Оголь и Сергею Зыкову. Они взяли на себя в этот юбилейный для региона год повышенные обязательства – организацию двух крупнейших

ежегодных фестивалей, проводимых на сибирской земле – и провели их успешно – и АРХИГЕШ (ПБ68), и ЗВС.

К началу 2022 года должна быть определена локация ЗВС–22. Кроме традиционного Иркутска, на Совете организаций СА СФО прозвучало инициативное предложение от представителя молодых архитекторов Новосибирска Петра Долнакова о проведении ЗВС–22 в столице Сибири.

Дополнительные материалы и информация по XXI Международному архитектурному фестивалю размещены на официальном сайте Фестиваля: <http://zvsiberia.ru/>

2

3

Номинация «БЛАГОУСТРОЙСТВО»

1. ГРАН-ПРИ, ЗОЛОТОЙ диплом
«Таежные бульвары».
Благоустройство парка в г. Саянске
Иркутской области
Авторы: С. Маяренко, А. Московская,
В. Казакова, А. Холякко, А. Репина,
А. Лобаева, А. Алешина, П. Заславская

2. ЗОЛОТОЙ диплом
Благоустройство территории отдыха
с пляжем «Бухта Ассоль» в ПГТ
Инской, Беловский городской округ,
Кемеровская область
Авторы: К. А. Гежа, В. Е. Ярилов,
Ю. А. Гейгер, А. С. Таутыкова,
В. И. Повереннова

3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Бульвар «Живая лаборатория»
в Томске
Авторы: К. А. Казанцев,
А. А. Кривошеина, К. А. Классен,
М. Ю. Ильина, Н. Б. Еремина

4. БРОНЗОВЫЙ диплом
Благоустройство сквера имени
А. С. Пушкина в Томске
Авторы: К. А. Казанцев,
А. А. Кривошеина, К. А. Классен,
Е. А. Евлахов, М. Ю. Ильина,
А. Ю. Березкин

4

5. Игровые площадки в образовательном комплексе «Точка будущего» в Иркутске
 Авторы: Е. В. Верхозин, И. А. Еременко, Д. К. Золотухина, К. К. Золотухина, А. И. Козак, А. Е. Шешукова, А. Б. Цыбенков, Е. В. Ямова, Г. В. Снимщиков, Т. В. Лиходиевская

6. Капитальный ремонт сквера «Мужеству посвящается» в г. Киселёвске
 Авторы: В. Е. Ярилов, Ю. А. Гейгер, А. А. Ваун

6

1

2

Номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

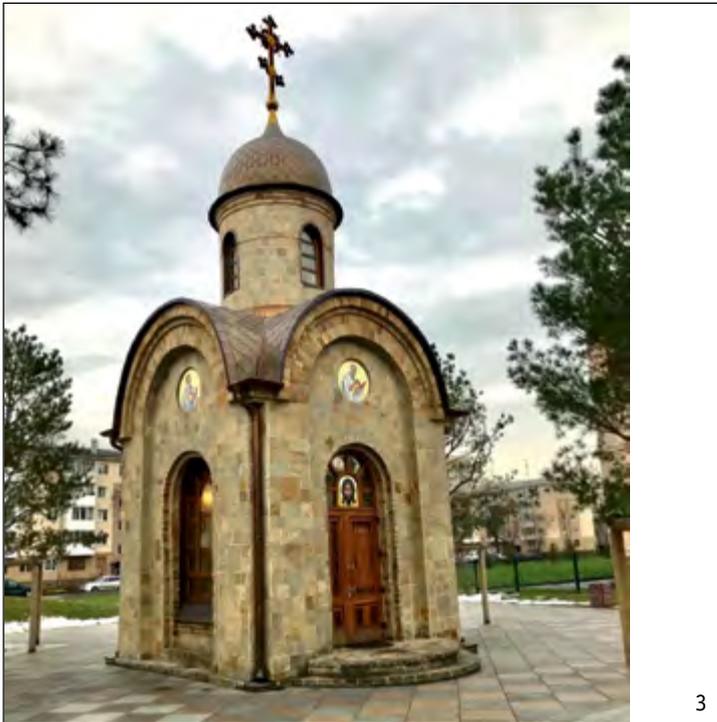
1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Малоэтажный жилой дом в п. Металлплощадка Кемеровского района
 Авторы: В. Легостаев, Л. Моторыкин, Р. Рязанов, Л. Кочуков, А. Кирсанов, М. Кагиров, Н. Андреев
2. 12–17-этажный жилой дом в мкр. «Кемерово сити»
 Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, Е. Ф. Паймурзина, Т. И. Александрович, М. Ю. Красильников, С. С. Беляев, В. А. Козлов, П. С. Копысов, Н. С. Копцева, Е. Н. Алеева

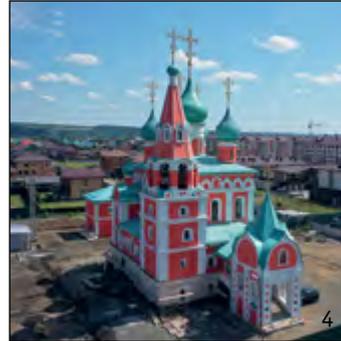
1

2

3

4

6

5

Номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Павильон продаж для жилого комплекса «Сибиряков» в Иркутске
Авторы: О. С. Ларионова, А. П. Былков, Р. И. Валеев

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Гостевые жилые дома в пансионате «Литфонд» в г. Пицунде, Республика Абхазия
Авторы: М. В. Филатова, О. Б. Гаврилова, Д. А. Филатова, Д. В. Дзарасов, И. О. Горский, А. А. Побожий, А. В. Семеряков

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Памятная часовня в честь Иконы Божией Матери «В скорбях и печалях утешение» в «Парке Ангелов» в Кемерове
Авторы: П. Г. Тиманов (архитектор), А. Кордаков (мозаичные панно)

4. «Храм Архистратига Михаила» в дер. Сухово Кемеровского района
Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, М. Ю. Красильников, Е. В. Маслеников, Е. А. Гайфулин

5. Детский сад на 200 мест с бассейном в г. Кемерове, микрорайон № 7Б
Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, Т. И. Александрович, Д. Ю. Нягин

6. Административное здание с возможностью размещения суда в г. Кемерове, пр-т Притомский
Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, Д. И. Кондрацкий, Р. Ф. Замалиев, Л. С. Лычкина

7

8

9

10

7. Учебно-воспитательный кластер в мкр. «Северный парк» в Томске Губернаторский лицей на 1100 учащихся со спальным корпусом на 50 человек
Авторский коллектив ООО «АКМ-3»

8. Учебно-воспитательный кластер в мкр. «Северный парк» в Томске Детский сад на 280 мест
Авторский коллектив ООО «АКМ-3»

9. Ледовый дворец «Кузбасс» в Кемерове
Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, Е. Ф. Паймурзина, И. О. Ражев, А. В. Матвеев, Е. А. Митичкина, Е. В. Маслеников, Е. Н. Алеева

10. Детский сад на 140 мест в р. п. Марково Иркутской области
Авторы: О. Г. Филиппова, Н. А. Мазылу, К. И. Ходыкина, Е. Б. Стрелков, Р. Н. Благонравин, Л. А. Павлова

11

Номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

11. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Реставрация памятника истории и культуры регионального значения «Дворец культуры» в г. Салаире Гурьевского района Кемеровская область
Авторы: О. В. Лещинер, И. Ю. Болтовская, Т. А. Смагина, Н. Э. Янценецкая, О. С. Фролова, О. Н. Рачковская, Н. П. Боброва, Е. Ю. Евсеева

1

2

3

4

5

Номинация «ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Проект планировки общегородского центра Кемерово с театром и площадью
Авторы: Главный архитектор О. Г. Ражев, главный инженер ООО ПИ КУЗБАССГОРПРОЕКТ А. А. Алимов, ГИП Е. Ф. Паймурзина, архитекторы И. О. Ражев, П. С. Копысов, А. С. Попов, И. А. Лидер, Ю. А. Данилова

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Стратегический мастер-план территории «СмартСити Новосибирск» проект Академгородок 2.0»
Авторы: П. А. Долнаков, А. Ю. Гончаров, Н. А. Щетникова, Н. А. Баталова, А. А. Зубахин, С. С. Сайк, А. С. Баранов, Ю. А. Голикова, В. И. Нефедкин

3. Пилотный проект комплексного развития территории жилой застройки в городе Усолье-Сибирское

Авторы: Н. Авласевич, В. Войтович, Д. Маргеева, М. Подшивалов, Ю. Семенов, И. Сенотрусов, О. Тучина, В. Хотулева
при участии И. Бирюков

4. Реновация кварталов в границах улиц Сахалинская, Хабаровская, проспект Мира, Дзержинского в городе Южно-Сахалинске
Авторы: И. Козак, Ю. Семенов, И. Сенотрусов, В. Хотулева, Р. Хотулев, А. Черных, А. Чинченкова, Ю. Шевченко

5. Концепция и идеология благоустройства ЖК «Парковый», Кемерово
Авторы: С. Колосовский, А. Козак, Д. Финакова, А. Шешукова, А. Лекомцева, А. Цыбенков

6

7

Номинация «БЛАГОУСТРОЙСТВО»

6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Благоустройство центра Асина «Объединяя город»
Авторы: К. А. Казанцев, Р. З. Пак, А. А. Кривошеина, К. А. Классен, В. А. Сухих, Е. В. Токарева, И. С. Шлыкова, Н. Е. Седельникова, А. Ю. Березкин.
При содействии администрации г. Асина, асиновского краеведческого музея, студии Design-orchestra, асиновской библиотеки и активных жителей города

7. Капитальный ремонт сквера у ДК «Угольщик» в ПГТ Новый городок
Авторы: В. Е. Ярилов, Ю. А. Гейгер

1

Номинация «КОНЦЕПЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Торгово-выставочный мебельный центр, город Кемерово, пр. Октябрьский, 55
Авторы: А. Б. Куковякин, Д. А. Куковякин, Ю. Д. Шевлякова, Е. М. Лаптев

2. Концепция музея леса «Околица» в Томской области
Авторы: Н. Узгоров, Ю. Марудина

3. Концепция кафе «Drive In» на трассе Москва-Казань
Авторы: Н. Узгоров, Ю. Марудина

2

3

4

5

4. Концепция учебно-лабораторного корпуса Алтайского государственного университета с общественными функциями в Барнауле
Авторы: А. Атаджанов, Д. Индюков, М. Максименко, О. Петухова

5. Стратегия развития исторического центра г. Томска в границах ул. Бакунина, ул. Октябрьской, ул. Шишкова, ул. Обруб
Авторы: К. А. Казанцев, А. А. Кривошеина, К. А. Классен, Е. В. Токарева, В. А. Сухих, А. Ю. Березкин, Т. Ю. Евлахова, Е. А. Евлахов, Р. З. Пак, Ю. Б. Скуридина, И. С. Шлыкова, Н. Ю. Ильина, С. С. Малевич, И. А. Зизевский

6

Номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Эскизный проект реконструкции офисного здания по адресу: г. Кемерово, Центральный район, ул. Мичурина, 13
Автор: В. Легостаев.
При участии: А. Кирсанов, А. Лузина, А. Кочуков

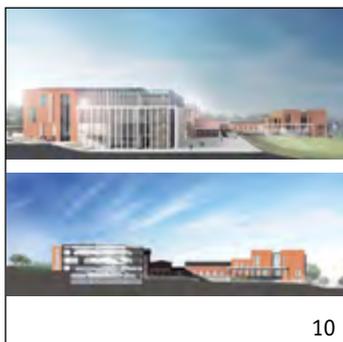
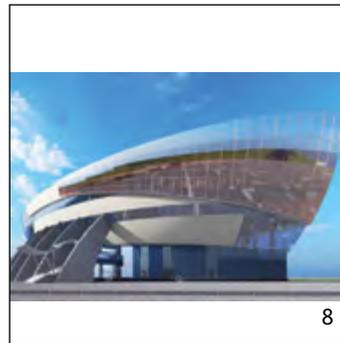

7

Номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

7. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Фрагмент комплекса «Декабристы в Иркутске». Реставрация объектов культурного наследия федерального значения: «Дом гражданского губернатора», «Здание мастерской иконописцев Старцевых», «Дом жилой» по адресу: г. Иркутск, пер. Волконского 3/3»

Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, И. В. Калинина, Л. Г. Басина, М. П. Борисова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник, К. В. Захаров, М. Д. Концин

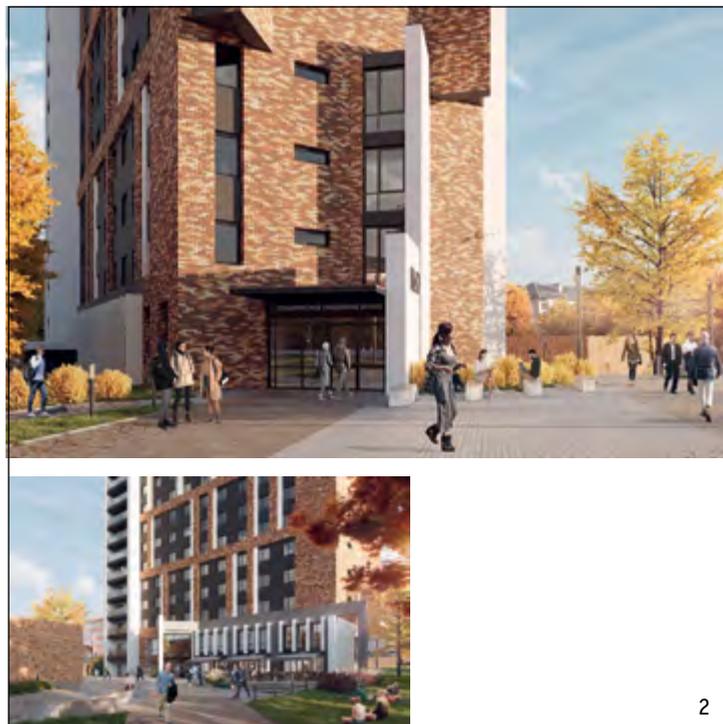
Номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Торгово-выставочный мебельный центр в Кемерове
Конкурсный проект
Авторы: Е. О. Логвинов, А. В. Тетёркин
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Административно-торговое здание в исторической части города Томска по пр. Ленина 140
Авторы: О. В. Лещинер, Ю. М. Аблеева, И. Ю. Воронков, С. П. Шкабаров, А. Д. Классен, В. Дубовицкая

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Банный комплекс «ПИРОГОВО»
Авторы: Н. Узгоров, К. Сырцев
4. Гостиница на Горе Соболиная в г. Байкальске Иркутской области
Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Щербина
5. Учебный корпус Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) в г. Барнауле по ул. Партизанской, 187
Авторы: А. Ф. Деринг, С. И. Тисленко, А. В. Шпенглер, И. В. Тремпольцев, А. О. Наумов

6. Основная и средняя общеобразовательная школа по пр. Metallургов в г. Новокузнецке
Автор: В. В. Цой. При участии: О. И. Водолазовой, М. Ф. Умысковой, Е. О. Конаковой
7. Храм Богоявления Господня в г. Братске по ул. Обручева
Авторы: В. Пуляв, Д. Арбатский
8. Спортивный комплекс «Кузбасс-Арена» в г. Кемерове
Авторы: О. Г. Ражев, А. А. Алимов, С. С. Балаяв, И. О. Ражев, А. В. Матвеев, Е. А. Митичкина, Е. А. Гайфулин, Е. В. Масленников, Е. Н. Алеева

9. Административно-складской комплекс в границах земельного участка с кадастровым номером 38:36:000020:11 по адресу: г. Иркутск, Куйбышевский район, ул. 2-я Красноказачья, 3
Авторы: В. В. Яковлева, Д. С. Дресвянкин; конструктор Н. П. Долгих
10. Проект развития Иркутского регионального колледжа педагогического образования
Авторы: И. Козак, А. Хороших, Ю. Шевченко
При участии: П. Пуляевский, М. Радчик, М. Сапрыкин, В. Цыбин, К. Шарыгин
11. Комплекс объектов здравоохранения: детская поликлиника на 400 посещений, женская консультация на 200 посещений в г. Иркутске
Авторы: В. В. Яковлева, Д. С. Дресвянкин; конструктор: Т. Х. Форостянова
12. Административно-гостиничный комплекс, расположенный по адресу: г. Томск, ул. Войкова, д. 75
Авторы: О. В. Лещинер, Т. А. Кузьменко

Номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Жилой комплекс «Проспект»
в границах улиц Сахалинская,
Хабаровская, пр. Мира, Дзержинского
в г. Южно-Сахалинске
Авторы: И. Козак, А. Хороших,
Ю. Шевченко.

При участии: П. Пуляевский,
М. Радчик, М. Сапрыкин, В. Цыбин,
К. Шарыгин

2. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Общежитие №17 Иркутского
национального исследовательского
технического университета
Авторы: Е. И. Григорьева,
С. О. Соколов, С. В. Муллаяров.
При участии: А. Г. Алешина,
Н. Н. Боровикова, К. О. Гуляева,
П. В. Ковшаров

3. Микрорайон Хрустальный
Парк, квартал индивидуальной
застройки Резиденция XV, (адрес:
Иркутская область, Иркутский район,
дер. Новолисиха, м-н Хрустальный
Парк, квартал индивидуальной
застройки Резиденция XV)
Авторы: менеджер проекта
А. А. Левкун, ГАП Т. А. Панкова,
арх. Е. В. Антипина, глав. спец.
генерального плана О. В. Саралидзе,
визуализатор А. М. Меркулова

4. Микрорайон Хрустальный Парк,
Французский квартал, (адрес:
Иркутская область, Иркутский район,
дер. Новолисиха, м-н Хрустальный
Парк, Французский квартал)
Авторы: рук. отд. проектирования
Е. А. Бойцова, ГАП Т. А. Панкова,
глав. спец. генерального плана
О. В. Саралидзе, визуализатор
А. М. Меркулова

5. Многоквартирный дом
со встроенными объектами
общественного назначения,
подземной автостоянкой
в г. Барнауле по ул. Сизова, 20
Авторы: М. И. Шмидт, Ю. А. Малетин

6. Загородный жилой дом на берегу
лесной реки
Авторы: архитекторы О. В. Лещинер,
Н. Ельникова; конструкторы
С. П. Шкабаров, А. Д. Классен

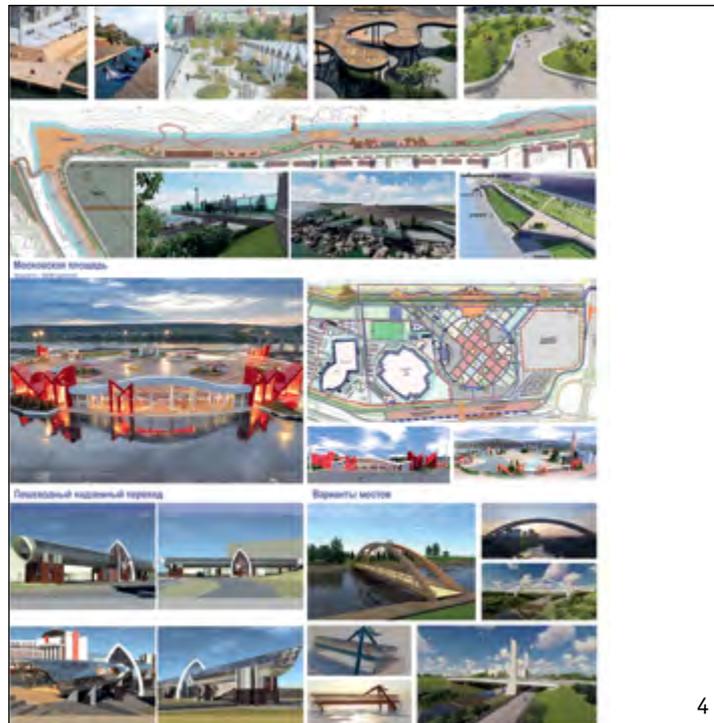
1

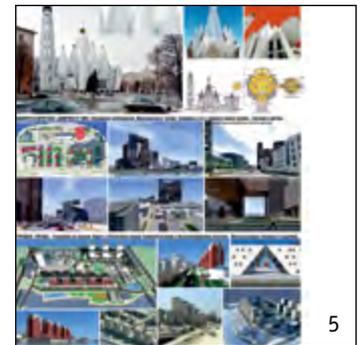
2

3

4

5

6

**РАЗДЕЛ «ТВОРЧЕСТВО
АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
И МАСТЕРСКИХ»**

- ЗОЛОТОЙ диплом**
Архитектурная мастерская «LogWorks»
Руководитель авторского коллектива Константин Сырцев
- СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
Креативное сообщество Томска
Руководитель авторского коллектива Н. Б. Еремина

- БРОНЗОВЫЙ диплом**
НО «ФСРТ» – «Центр развития городской среды Томской области»
К. А. Казанцев, А. А. Кривошеина, К. А. Классен, Е. В. Токарева, В. А. Сухих, А. Ю. Березкин, Т. Ю. Евлахова, Е. А. Евлахов, Р. З. Пақ, Ю. Б. Скуридина, И. С. Шлыкова, Н. Ю. Ильина, М. В. Макеева, Л. Е. Сидельникова, Е. А. Русакова, А. К. Белевцева

- БРОНЗОВЫЙ диплом**
ООО ПИ «Кузбассгрупппроект» г. Кемерово
Руководитель, архитектор, ГАП – главный архитектор холдинга СДС О. Г. Ражев

- ООО «АПМ "СТАХ"»**
Руководитель авторского коллектива Т. А. Кулиев
- ГБУ КО «Проектный институт «Кузбасспроект»**
Директор М. С. Дубенский.
Заместитель директора, начальник архитектурно-дизайнерского бюро Е. В. Петерс

1

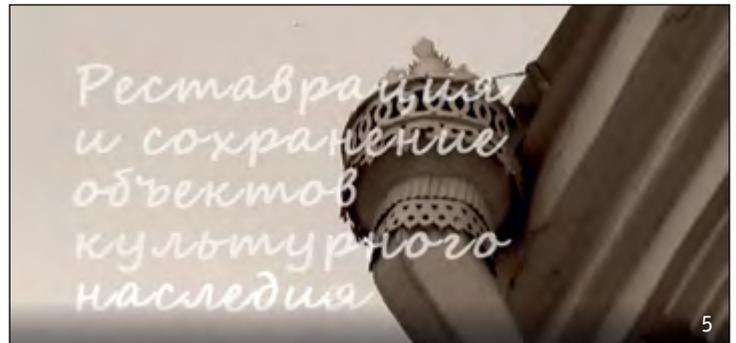
2

3

4

5

Номинация «АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Книга «Больше, чем коробка». О безграничном потенциале ограниченного пространства»
Автор: Е. И. Рейзбих

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Сборник публицистических произведений «Байкальская сплетница»
Авторы: А. А. Семиусова, Д. А. Авдосенко, Д. Ильин, Р. Малинович, В. Синчурина, О. Тучина, Л. Добосова

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Цикл публикаций в электронных СМИ 2020–2021 гг. «Победить архитекторов»
Автор: С. Ш. Хусаинов

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Массовый открытый онлайн-курс (МООК) «0 градостроительной документации»
Авторы: Д. Маргеева, А. Семиусова, В. Хотулёва, Р. Хотулёв

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Короткометражный фильм «Наследие»
Авторы: Е. В. Дашкевич, А. Н. Осипова

1

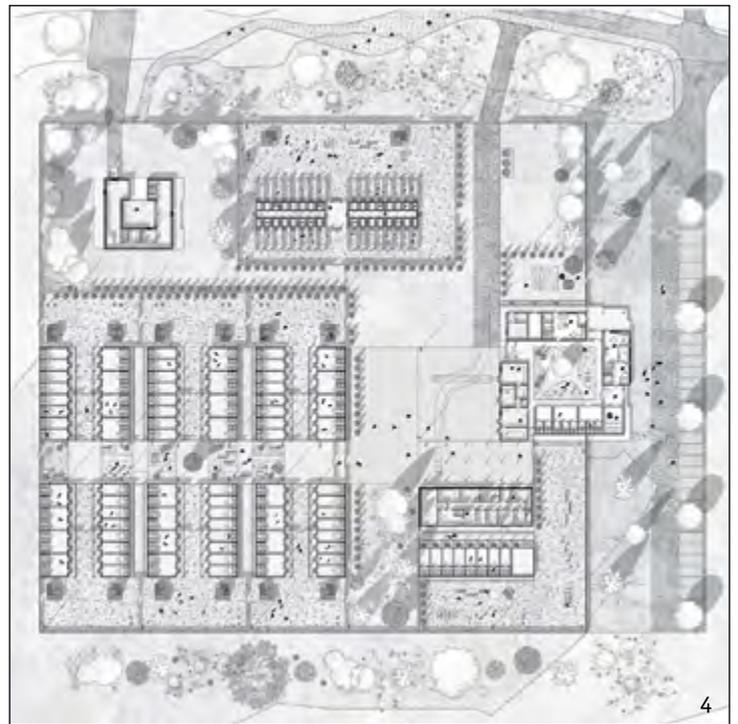
2

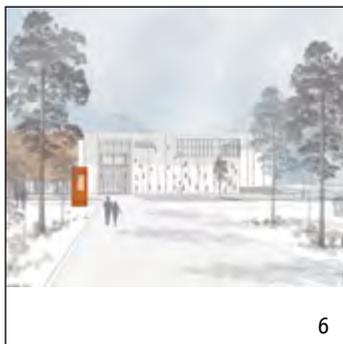
3

5

4

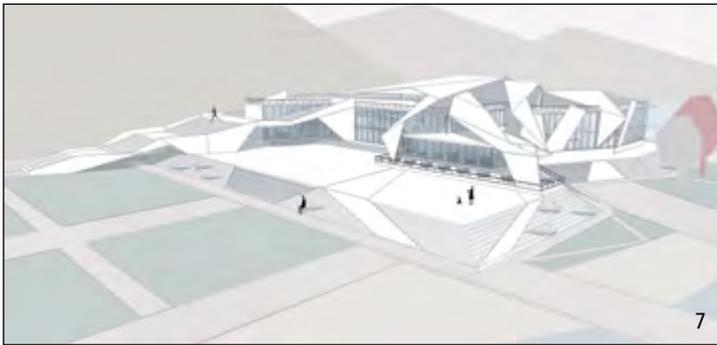
6

Дипломные работы

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Мусороперерабатывающий комплекс в г. Томске
Автор: Е. А. Полонянкина
Рук.: О. В. Стахеев, С. М. Ремарчук
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Интеграция принципов устойчивого развития промышленной территории города Томска
Автор: Г. А. Сысоев
Рук.: О. В. Стахеев, С. М. Ремарчук

- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Реставрация объекта культурного наследия «Церковь Спаса Преображения» кон. XIX века
Автор: А. Р. Узингер
Рук.: А. В. Слабуха, А. В. Высоцкий, М. П. Ужгеренас
- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Центр-приют для безнадзорных животных в Томской области (дер. Поросино).
Автор: Е. А. Колесова
Рук.: О. А. Глушенкова, Г. В. Коблашова

- 5. ОСОБАЯ ПРЕМИЯ за продвижение архитектуры и новых технологий
Принцип организации архитектурных пространств с применением инсталляционных технических средств
Автор: А. К. Барвицкая
Рук.: О. В. Стахеев
- 6. Многофункциональный культурный центр в бывшем здании ИЗТМ
Автор: П. М Развозжаева
Рук.: И. Е. Дружинина

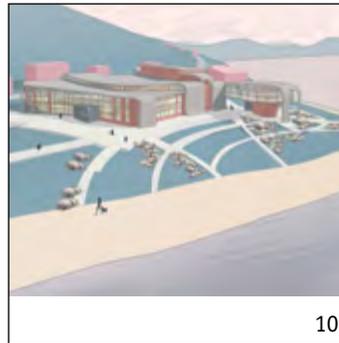
7

8

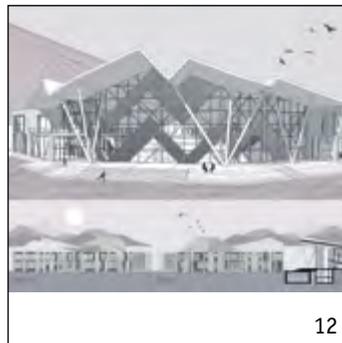
9

10

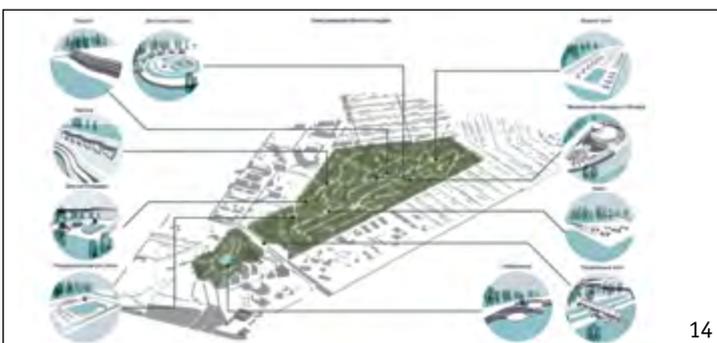
11

12

13

14

Курсовые работы

7. ЗОЛОТОЙ диплом
Клуб на 400 мест в посёлке Листвянка на берегу озера Байкал
Автор: П. Ю. Игнатьева
Рук.: Р. А. Селиванов, О. Г. Филиппова

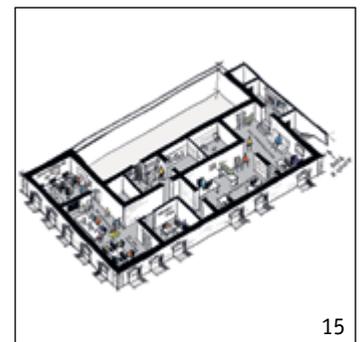
8. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Реставрация и приспособление объекта культурного наследия «Красноярская мужская гимназия», кон. XIX в нач. XX вв. для размещения Высшей школы архитектурной реставрации (ВШАР)
Автор: А. Н. Осипова
Рук.: А. В. Слабуха, А. В. Высоцкий, М. П. Ужгеренас

9. БРОНЗОВЫЙ диплом
Объект Новая вежа. Проект ревитализации территории тюремного замка г. Иркутск
Авторский коллектив: К. Н. Шарыгин, П. Е. Пуляевский, Н. Е. Кривчиков, В. А. Цыбин
Рук.: И. В. Козак, С. А. Смольков, А. Н. Прокудин

10. Клуб на 400 мест в поселке Листвянка на берегу озера Байкал
Автор: А. А. Диденко
Рук.: Р. А. Селиванов, О. Г. Филиппова

11. Реконструкция жилых домов №21 и №23, расположенных по ул. Пушкина посёлка Абашево г. Новокузнецка
Автор: В. Р. Сорокина
Руководитель: Е. А. Благиных

12. Клуб на 400 мест в поселке Листвянка на берегу озера Байкал
Автор: Н. В. Касьянова
Рук.: Р. А. Селиванов, О. Г. Филиппова

15

Конкурсные работы

13. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Архитектурная концепция реновации парка Юбилейный в городе Барнауле
Авторский коллектив: А. Д. Бородина, К. П. Глуменко, А. С. Кеда
Рук.: Л. В. Шокорова, Ю. В. Гребенщиков

14. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Архитектурная концепция реновации парка Юбилейный в городе Барнауле
Авторский коллектив: И. В. Антонюк, А. С. Литвинова
Рук.: М. П. Диндиенко, Н. В. Сергеева

15. Стратегия развития исторического центра г. Томска в границах ул. Бакунина, ул. Октябрьской, ул. Шишкова, ул. Обруб
Авторский коллектив: К. А. Казанцев, А. А. Кривошеина, К. А. Классен, Е. В. Токарева, В. А. Сухих, А. Ю. Березкин, Т. Ю. Евлахова, Е. А. Евлахов, Р. З. Пак, Ю. Б. Скуридина, И. С. Шлыкова, Н. Ю. Ильина, С. С. Малевич, И. А. Зизевский
Рук.: О. Н. Асаев, К. А. Казанцев

1

2

3

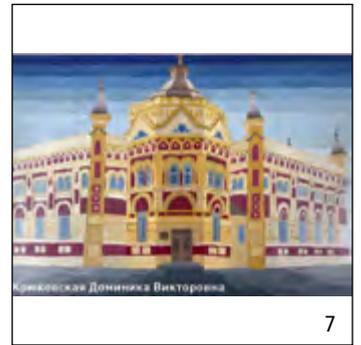
4

5

6

7

8

Номинация «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО. Дети 8–11 лет»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект «Геометрия города»
Автор: Анна Бальбурова
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Проект «Архитектурная керамика»
Автор: Марк Бызов
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Проект «Классика архитектуры»
Автор: Алиса Кондратюк
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская
- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Проект «Архитектурная керамика»
Автор: Дарья Колбина
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

Номинация «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО. Дети 12–16 лет»

- 5. ЗОЛОТОЙ диплом
Макет «Архитектурная азбука»
Автор: Арсений Пахатинский
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская
- 6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Архитектурный памятник»
Автор: Анастасия Пахатинская
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

- 7. БРОНЗОВЫЙ диплом
Проект «Архитектурный памятник»
Автор: Доминика Крюковская
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

Номинация «ДЕТСКАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ РАБОТА»

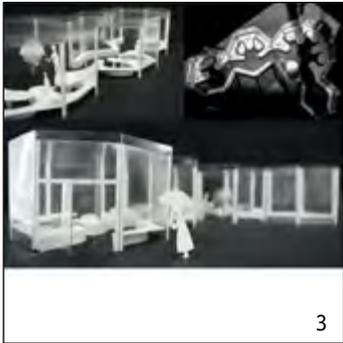
- 8. ЗОЛОТОЙ диплом
Макет слияния и преобразования
геометрических форм «Доминанта»
Авторы: Д. Белоусова, М. Карнышова,
А. Кондратюк, В. Кузьмина,
С. Михайловский, С. Панфилова,
В. Фереферова, Е. Хотулева
Преп.: А. В. Пахатинский, А. В. Пахатинская

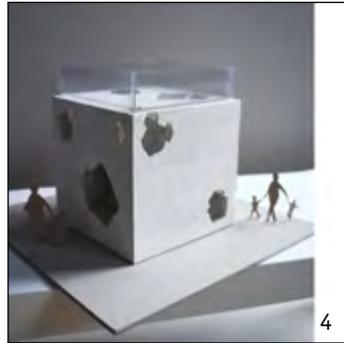
1

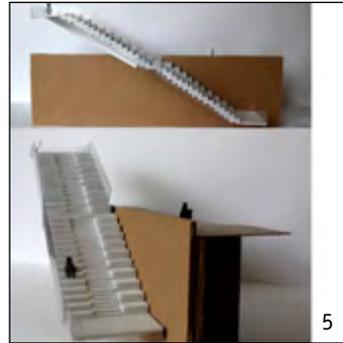
2

3

4

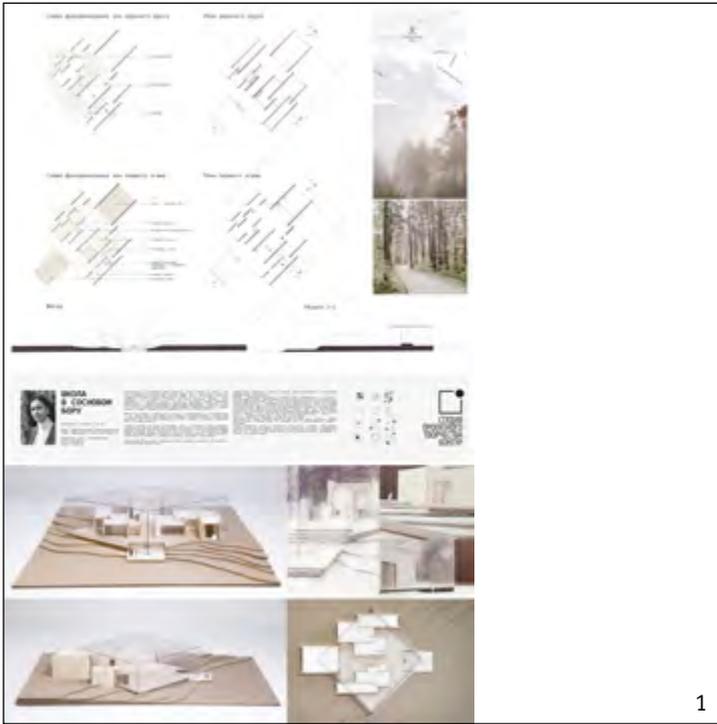
5

**Номинация «ДЕТСКИЙ ПРОЕКТ.
Дети 12–14 лет»**

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект «Каньон»
Автор: София Черняк
Преп.: М. В. Бакин, А. В. Бухрякова,
И. В. Леутина
- 2. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект «Белый холм»
Автор: Дарьяна Прокофьева
Преп.: М. В. Бакин, А. В. Бухрякова,
И. В. Леутина

- 3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Проект «Грани тепла»
Автор: Александра Хадид
Преп.: М. В. Бакин, А. В. Бухрякова,
И. В. Леутина
- 4. БРОНЗОВЫЙ диплом
Проект «Куб»
Автор: Владимир Ермаков
Преп.: М. В. Бакин, А. В. Бухрякова,
И. В. Леутина

- 5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Проект «Выбор»
Автор: Анна Пилипенко
Преп.: М. В. Бакин, А. В. Бухрякова,
И. В. Леутина

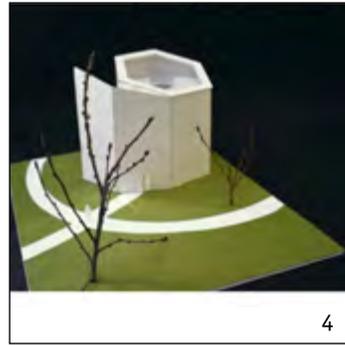
1

2

3

4

Номинация «ДЕТСКИЙ ПРОЕКТ. Дети 15–18 лет»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект «Школа в сосновом бору»
Автор: Елизавета Глусцова
Преп.: А. Кабаков, И. Гончаров
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Архитектурный образ»
Автор: Майя Хаснатинова
Преп.: А. В. Пахатинский,
А. В. Пахатинская

- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Проект «Школа в деревне»
Автор: Алиса Овчинникова
Преп.: А. Кабаков, И. Гончаров

- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Проект «Башня света»
Автор: Ирина Косачева
Преп. М. В. Бакин, А. В. Бухрякова

Номинация «ЛУЧШИЙ КОЛЛЕКТИВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ»

- 5. ЗОЛОТОЙ диплом
Бакин Максим Владимирович,
Бухрякова Анна Владимировна,
Леутина Ирина Витальевна
- 6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Пахатинский Алексей Владимирович,
Пахатинская Анна Владимировна
- 7. БРОНЗОВЫЙ диплом
Кабаков Антон, Гончаров Илья

инфраструктура / infrastructure

История культурного пространства рассматривается как история постоянной, необходимой модернизации инфраструктуры. Главный признак инфраструктуры – сетевая организация и конструирующая роль хабов-узлов и связей, их тяготение к рационализации, транснациональным трендам. Мощность, направления и цели инфраструктуры определяют развитие городов. Современные стратегии общесоциального развития – это появление эффективных коридоров связи, магистральных сетей и хабов, расположенных по периметру страны и определяющих тяготение страны к глобальным связям и взаимодействиям. Развитие качественной инфраструктуры – вклад в будущее и зона ответственности власти.

Ключевые слова: город; сетевая организация; инфраструктура; глобальные тренды; градостроительство; модернизация. /

Инфраструктура / Infrastructure

текст
Андрей Боков
РААСН; МААМ
text
Andrey Bokov
RAACS; IAAM

Слово «инфраструктура» в нынешнем официальном лексиконе заняло не менее почетное место, чем слово «среда». Призывы к «агрессивной инфраструктуре» и «комфортной среде», разрывающие советские шаблоны с их презрением к комфорту и неприятием агрессии, успешно дополняют друг друга. Новая картина мира предполагает, что комфортное окружение как важнейшая цель и ценность недостижима без новой или обновленной инфраструктуры.

В отличие от зримой и видимой среды, инфраструктура часто скрыта от глаз, и ее демонстративное присутствие далеко не всегда воспринимается с энтузиазмом. Об инфраструктуре вспоминают в случае перебоев с электроэнергией или тягостного стояния в километровой пробке.

Инфраструктура распознается и фиксируется особой оптикой, особо акцентированным и организованным восприятием, с помощью ночных снимков из космоса или особой схемы водоснабжения и канализации дома.

Первым и главным признаком инфраструктуры является ее сетевая организация, составленность из узлов и связей. В сообщество инфраструктур, в некую «метаинфраструктуру», входят сети разных уровней и разного качества. Мы отчетливо различаем глобальные, национальные, региональные и локальные дороги, а наряду с дорогами обнаруживаем инженерные сети, быстро растущую цифровую инфраструктуру и некие «квазиинфраструктуры», вроде возникающей на наших глазах системы мониторинга или климатического контроля. Особый слой составляют объекты социальной инфраструктуры, здравоохранения и просвещения, почтовые отделения, учреждения по доставке пиццы и т. д., и т. п. Все эти сети находятся в состоянии постоянных изменений: возникают, умирают, сжимаются и расширяются, они тесно переплетаются и взаимодействуют, при этом сохраняют самостоятельность и автономию. Лозунг сетей – «да здравствует одновременное разделение и объединение». Рельсовые пути и автомагистрали, способные разрушить локальные связи, деликатно уходят под землю и поднимаются на эстакады, но не покидают общие коридоры и не игнорируют места встреч с партнерами другого ранга и другой направленности.

Инфраструктура – в первую очередь, дело инженеров. Она стремится быть индустриальной, стандартной и предельно рациональной. Инфраструктура несет печать времени и следует глобальным транснациональным трендам, даже пребывая глубоко в теле небольшого семейного коттеджа.

Обыденному и консервативному сознанию инфраструктура представляется чем-то обслуживающим, обеспечивающим, служебным и не самым главным. Базовые фундаментальные архетипы – дом, город, страна – далеко не всегда ассоциируются с транспортными коммуникациями и линиями электропередач. Инфраструктура не имеет самостоятельной ценности и не предполагает получение конечного продукта. Более того, нечто, обеспечиваемое сегодня инфраструктурой, большую часть доиндустриального и доисторического времени казалось и было естественным даром природного окружения и меняющихся времен года. По сей день вклады в строительство дорог, водопровод или газопровод представляются не вполне ясными и окупаемыми затратами. Прямым итогом предубеждений становится хронический инфраструктурный дефицит и резкое нарушение баланса в пользу квадратного метра.

Дорога и стена, улица и дом, не имеющая границ открытая инфраструктура и закрытые, четко очерченные субстанции – вечные союзники-соперники, и спор о том, кто важнее и старше, лишен особого смысла. Квадратные метры без инфраструктуры такой же нонсенс, как пустующие пешеходные переходы над вылетными магистралями или БАМ, шедший практически в никуда.

Баланс между границами и дорогами складывается по-разному. В доме ведущая роль принадлежит стенам и ограждениям. Лестницы, коридоры (не говоря об инженерных коммуникациях) оказываются скрытыми в теле, ограниченном фасадами. Именуемая хай-теком отчаянная попытка авторов центра Помпиду в Париже жестко вынести транспортные и инженерные устройства на всеобщее обозрение не была поддержана и не привела к архитектурной революции. Модный минимализм, тяжело и стыдливо камуфлирующий присутствие труб и проводов, окончательно охладил интерес к реабилитации инфраструктуры. Современному архитектору так

The history of cultural space is viewed as a history of constant and necessary modernization of infrastructure. The main feature of infrastructure is the network organization and the constructive role of hub-nodes and connections and their bent for rationalization and transnational trends. The power, directions and goals of infrastructure determine the development of cities. Modern strategies for general social development imply the emergence of efficient communication corridors, highway networks and hubs located along the perimeter of the country, determining the country's gravitation toward global connections and interactions. The development of quality infrastructure is a contribution to the future and an area of the authorities' responsibility.

Keywords: city; network organization; infrastructure; global trends; urban planning; modernization.

и не удалось проникнуться сочувствием и интересом к инженерным хозяйству, увидеть и создать новую красоту из богатейшего и наличествующего материала. Время, когда дома, напоминающие химзаводы и энергоустановки, так волновали Якова Чернихова и Питера Кука, снова войдут в моду, наступит нескорую.

Настоящие инфраструктурные революции пока происходят в градостроительстве. Принципиальное отличие города от дома сводится к растущему влиянию инфраструктуры, к сущностному и видимому доминированию в городе и за городом транспортных и инженерных сетей. Город все больше походит на вывернутый наизнанку дом, в котором дороги, мосты, тоннели, магистрали, линии электропередач, генераторы электроэнергии чувствуют себя полными хозяевами. Не отдельные кварталы, тем более не дом, не застройка, а магистрали и улицы задают и создают природу городской ткани. Если стены и крыши домов, построенных столетия назад, способны приобретать еще большую ценность, то городская инфраструктура требует постоянного обновления.

Присвоение, освоение и усвоение территорий – не что иное, как разные состояния инфраструктуры. История города и всего культурного пространства – это история изменения инфраструктуры. Доиндустриальные улицы, бывшие одновременно сточными канавами и коммуникациями для людей и лошадей, сменили набережные, бульвары и проспекты города-ансамбля индустриальной эпохи. Основой нынешнего города-ландшафта становятся скоростные автомобильные и рельсовые магистрали. Магистральные сети оказываются сегодня главной темой всей инфраструктурной повестки. На них сосредоточено внимание государства, от их развитости и совершенства зависит успех в глобальной конкуренции и глобальном сотрудничестве. В немалой степени этот успех определяет настроение лиц, принимающих решения, культурный фон, на котором эти решения возникают.

Российский инфраструктурный нигилизм имеет почтенные корни. Россия не получила в наследие от монгольской империи дорог, подобных тем, что Европа унаследовала от римлян. Русская равнина, в отличие от сложного европейского ландшафта, была естественной коммуникацией. Многочисленные спокойные реки

служили идеальной инфраструктурой в домонгольские времена, а замерзающие зимой реки и болота гарантировали беспрепятственный проход монгольской конницы. Реки и зимники, бывшее дарами природы, служили стране вплоть до петровских реформ, когда выход из изоляции стал синонимом выживания.

Петр изменил и тип, и технологию инфраструктуры. Закрытая центростремительная система, признаком которой были расходящиеся от Москвы, постепенно сужающиеся и заканчивающиеся тупиками в виде крепостей и промыслов сухопутные направления, была радикально трансформирована. На смену центростремительной пришла открытая центробежная структура, ведущее место в которой занял Петербург – город-хаб, расположенный на периферии страны у выхода в Мировой океан. Грандиозный и успешный инфраструктурный имперский проект «окна в Европу» продолжился созданием флота и ускоренным развитием промышленности и торговли.

Последующие шаги имперского строительства носили как центробежный, так и центростремительный характер. Параллельно с укреплением рубежей, созданием военных баз в Севастополе, Кронштадте и Владивостоке возникли их мирные соседи вроде Одессы с франко-портом. Главными достижениями имперского инфраструктурного проекта становятся два великих транзитных пути из Европы в Азию и Америку – разведанный Северный морской путь и построенный Транссиб.

Родившийся в СССР двадцатых годов лозунг «мы живем не в городах, а в системе расселения», по сути утверждавший главенство инфраструктуры, был забыт и осужден вместе с его отцом. Наркомы считали, что танки и трактора сами прокладывают себе дорогу.

Индустриализация и победа в войне обеспечивались железными дорогами, построенными царями. Новая Россия пока успешно опирается на советское инфраструктурное наследие и ренту с инфраструктурных накоплений больших городов.

Хроническое отставание инфраструктурного развития наиболее заметно в узлах. Русский мужик крестился на перекрестках и у распутья, вечно опасался неладного. Советский вокзал со времен Гражданской войны оставал-

^ Фрагмент презентации инфраструктурного плана правительства РФ «Агрессивное развитие инфраструктуры». Стратегия опирается на преимущественное развитие точечных регионов России и основана на идее, что человек – главный капитал для страны, а инфраструктура – это экосистема. План оценивается более, чем в 22 трлн рублей и предполагает на следующие девять лет развитие в России 41 агломерации, создание «городов-турпродуктов», революционное преобразование дорожно-транспортной сети, решение проблем экологии и существенное улучшение жилищных стандартов. Группа М. Хуснуллиной «Агрессивное развитие инфраструктуры» – одна из пяти, которые в начале этого года сформировал премьер Михаил Мишустин для составления программы социально-экономического развития до 2030 года и назначил ответственных из числа своих заместителей. Помимо группы Хуснуллиной, к примеру, работают группы «Новая высокотехнологичная экономика», «Новый общественный договор», «Национальная инновационная система» и «Клиентоцентричное государство»

в Фрагмент презентации инфраструктурного плана, предложенного правительством Дж. Байдена для стимулирования экономики США в ее соревновании с растущей силой Китая (<https://www.nytimes.com/2021/04/28/upshot/biden-families-plan-american-rescue-infrastructure.html>). План опирается на вливания финансов (в масштабе триллионов долларов) в ключевые узлы инфраструктуры. Розовым цветом отмечены пункты, относящиеся к инфраструктуре в традиционном понимании. Голубым цветом обозначены пункты «гуманитарной инфраструктуры», относящиеся к развитию человеческого и социального капитала страны. План вызвал бурные обсуждения на разных уровнях. Отмечается его сходство с «новым курсом» Франклина Рузвельта, который помог США выйти из Великой депрессии в 1930-х годах (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/31/fact-sheet-the-american-jobs-plan/>)

ся главным местом обитания лиц с девиантными наклонностями, очагом распространения слухов и инфекций.

Нынешнее транспортно-пересадочные узлы также не избавлены от репутационных травм и мистических предрассудков. Городские планировщики и их начальники по-прежнему склоняются к изоляции транспортных сооружений. Вокзал не ощущается важнейшим компонентом городского центра. Мультимодальное пересечение не становятся местами приоритетного развития и эффективного использования. Освоение пространства над магистралями и развязками, строительство под землей, создание многоуровневых структур, пронизанных удобными и непрерывными пешеходными путями, остаются своего рода экзотикой. Станции метро предпочитают статус дворцов, а не генераторов высокоплотных центров активности. Опыт Московского Сити, оказавшегося в тупике, вне основных транзитных путей, так и не ставшего московским Дефансом и конкурентом-спасителем исторического центра, не стал назидательным.

Хабы или узлы определяют направления, цели и мощь инфраструктуры. Дороги, мосты, тоннели и трубопроводы не существуют сами по себе. Ни БАМ, ни Северный морской путь, ни мост на Сахалин или остров Русский не могут быть успешными вне сильных якорных образований, успешных центров управления и обмена.

Главными дорогами современного мира становятся коридоры между глобальными хабами вроде Сингапура, Шанхая, Роттердама, Сиднея, Дубая, Йокогамы или Нью-Йорка. Города – члены этого клуба охотно делегируют функции национальных столиц своим меньшим собратьям вроде Бразилиа, Канберры или Вашингтона, подчеркнуто удаленным от глобальных путей и внешних влияний.

Примеры эти особенно ценны в связи с недавно заявленной идеей строительства 3–5 городов-миллионников, поскольку ясно указывают, где и каким городам следует сегодня быть и как должна развиваться система расселения. Появление крупных хабов по периметру страны, движение столицы на восток, создание устойчивых и эффективных коридоров связи между этими узлами сегодня выглядит не фантазией, а предсказанием и сценарием долгосрочного развития инфраструктуры.

Огромные усилия, которые вкладывают Европейский союз, США и Китай в национальную и глобальную

инфраструктуру, практически исключают альтернативы «агрессивному» развитию российского пространства. Перспективы решения жилищного вопроса, связанные с необходимым удвоением национального жилого фонда и всего, что должно его сопровождать, требуют не только большего числа дорог и иной плотности дорожной сети, но дорог иного качества, основой которой становится единая непрерывная сеть высокоскоростных магистралей, релевантная существующей сегодня у наших соседей на Востоке и на Западе.

Качественная и развитая инфраструктура – зона ответственности власти, это вклад в будущее, это большие проекты большие и умные деньги, это та данность, с которой от идеи до воплощения работал архитектор-градостроитель, архитектор-планировщик. Представители этой профессии, институты, в которых они когда-то трудились, практически исключены из процесса принятия решений. Эти люди исчезают, теряют квалификацию и замещаются географами, экономистами, управляющими и лицами, называющими себя «урбанистами». Проблемой этих акторов является отсутствие особых компетенций, оказывающее блокирующее воздействие на эффективную работу с инфраструктурой. Те, кто потеснил сегодня архитектора, лишены его способности целостного восприятия сложной действительности и ясного видения качественно иного будущего.

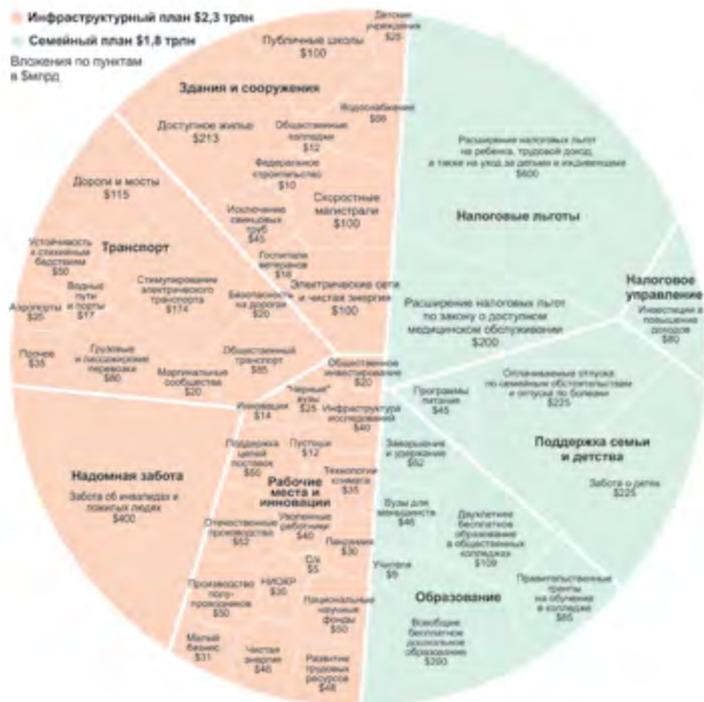
Любая инфраструктурная акция в восприятии неархитектора, как правило, предстает невыгодной, некупаемой, трудной в исполнении, выглядит фрагментарной, изолированной. Только взгляд из будущего позволяет различить сложный мультипликативный эффект, порождаемый инфраструктурой в близкой и далекой перспективе. Этот эффект не меряется критериями вчерашнего дня или исходя из внутренней логики локальных образований и групповых интересов. Строительству Транссиба препятствовали и крупные правительственные чиновники, и местное «гужевое лобби». Чем бы могла закончиться для страны их победа, вообразить несложно.

Литература

1. Стратегия «Агрессивное развитие инфраструктуры». – URL: http://ancb.ru/files/ck/1618305869_Husnullin_i_Plan_Mishustina.pdf (дата обращения: 24.10.2021)
2. Сергей Шойгу – о новых городах в Сибири. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412?fbclid=IwAR2WMIOI8MP2dEEoydrtgIRQFyJ8ZwNc48AMMUg2x-im1T853VXx7s5Z8> (дата обращения: 25.10.2021)
3. Новая инфраструктура становится стимулом для развития экономики. – URL: <https://rg.ru/2020/06/19/novaia-infrastruktura-stanovitsia-stimulom-dlia-razvitiia-ekonomiki.html> (дата обращения: 26.10.2021)
4. What Is in Biden's \$2 Trillion Infrastructure Plan? – URL: <https://nymag.com/intelligencer/article/breakdown-biden-infrastructure-plan.html> (дата обращения: 24.10.2021)

References

- Belova, A. (2020, June 19). Novaya infrastruktura stanovitsya stimulom dlia razvitiia ekonomiki [New infrastructure becomes a driver for economic development]. RG.RU. Retrieved October 26, 2021, from <https://rg.ru/2020/06/19/novaia-infrastruktura-stanovitsia-stimulom-dlia-razvitiia-ekonomiki.html>
- Khusnullin, M. Sh. (n.d.). Стратегия "Агрессивное развитие инфраструктуры" [Strategy for the "Aggressive development of infrastructure"]. Government of the Russian Federation. Retrieved October 24, 2021, from http://ancb.ru/files/ck/1618305869_Husnullin_i_Plan_Mishustina.pdf
- Prater, N. (2021, March 31). What Is in Biden's \$2 Trillion Infrastructure Plan? Intelligencer. Retrieved October 24, 2021, from <https://nymag.com/intelligencer/article/breakdown-biden-infrastructure-plan.html>
- Sergey Shoigu – o novykh gorodakh v Sibiri [Sergey Shoigu about new towns in Siberia] (2021, September 5). RBC. Retrieved October 25, 2021, from <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412?fbclid=IwAR2WMIOI8MP2dEEoydrtgIRQFyJ8ZwNc48AMMUg2x-im1T853VXx7s5Z8>

объекты инфраструктуры / infrastructure facilities

Три аэропорта / Three airports

Характеризуются терминалы аэропортов в городах Пермь, Саратов, Кемерово, созданных Архбюро Asadov. Даются общие концепции комплексов, архитектурные и интерьерные решения пассажирских терминалов, а также разработки дизайн-кодов административных и технических корпусов. Особое внимание уделено комфорту и безопасности пассажиров.
Ключевые слова: терминалы аэропортов; Пермь; Саратов; Кемерово; дизайн-код; технические характеристики; конструкции; технологии. /

The airport terminals in Perm, Saratov and Kemerovo created by Asadov Architectural bureau are presented. General concepts of complexes, architectural and interior solutions for passenger terminals, as well as elaboration of design codes of administrative and technical buildings are given. Particular attention is paid to passenger comfort and safety.

Keywords: airport terminals; Perm; Saratov; Kemerovo; design code; technical characteristics; structures; techniques.

Пассажирской терминал аэропорта в Кемерово / The passenger terminal at the Kemerovo Airport

Адрес: г. Кемерово

Проект: 2019

Реализация: 2021

Заказчик: Компания «Новопорт»

Генпроектировщик: ГК Спектрум (соавторы проекта), рук. В. Иванов, ГАП М. Давыдов

Архитекторы (бюро ASADOV): А. Р. Асадов, А. А. Асадов, Н. Кучеров, В. Шкуро, С. Соболев, К. Афанасьева

Генподрядчик: ЛимакМарашСтрой

Фасады: Витражная система – Shueco, стекло – Guardian, кровельная система – Riverclack

Интерьеры: Керамогранит – Kerama Marazzi, освещение – Fiberli

Показатели: Общая площадь терминала – 11600 м²

АНДРЕЙ АСАДОВ /
ANDREY ASADOV
автор / author

АЛЕКСАНДР АСАДОВ /
ALEXANDER ASADOV
автор / author

Аэропорт в Кемерове носит имя Алексея Леонова, советского летчика-космонавта, который первым в мире вышел в открытый космос. Связь с этим легендарным соотечественником предопределила «космический» облик нового терминала как снаружи, так и внутри. Наружная оболочка терминала имеет витражное остекление по всему периметру, частично прикрытое декоративными горизонтальными ламелями. Сам витраж выполнен по технологии структурного остекления. Ключевой элемент фасада – выносной козырек, накрывающий зону главного входа. Треугольный проем в козырьке напоминает букву Л, которая вместе с остальными буквами образует слово «Леонов». Облицовка козырька из фальцевого металла эффектно контрастирует со стеклянной оболочкой здания.

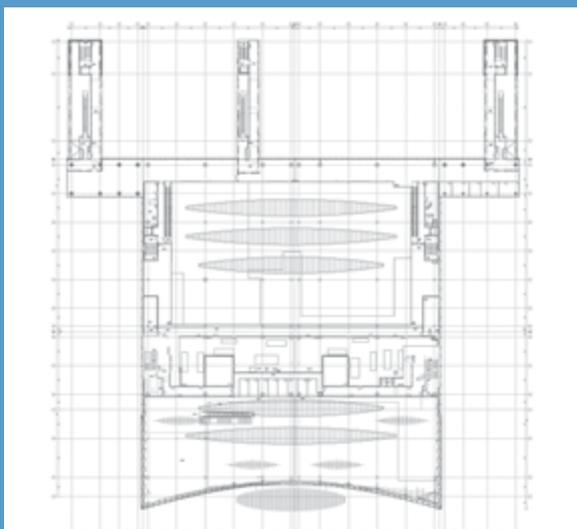
Внутреннее пространство терминала продолжает космическую тематику, образуя эффект открытого космического пространства. Точечные светильники под потолком – это образ звездных скоплений, между которыми парят отдельные небесные тела в виде световых колец, а также копия корабля Восход-2, на котором Леонов совершил свой выход. Темная гамма отделочных материалов поддерживает эффект бесконечного межзвездного пространства, окружающего пассажиров.

Аэропорт Гагарин в Саратове / The Gagarin Airport in Saratov

Адрес: г. Саратов

Проект: 2013

Реализация: 2019

Архитекторы: А. Асадов, А. Р. Асадов, Т. Лебедева, К. Шелета, Е. Дидоренко, П. Белкова, Ю. Шалетри

Заказчик: Аэропорты Регионов

Генпроектировщик: ГК Спектрум

Генподрядчик: Эста констракшн

Технология: WP-arch

Интерьер VIP-зон: VOX architects, OFFCON, KOSMOS architects

Медиа-музей, входная площадь: NOWADAYS office, RADUGA design + Макрофабрика

Ландшафт: «Архитектура живой формы»

Фасады: витражи – Алютех, стекло – AGC

Интерьеры: керамогранит – Керамика Будущего, потолки – Албес

Показатели: Общая площадь терминала – 23000 м²

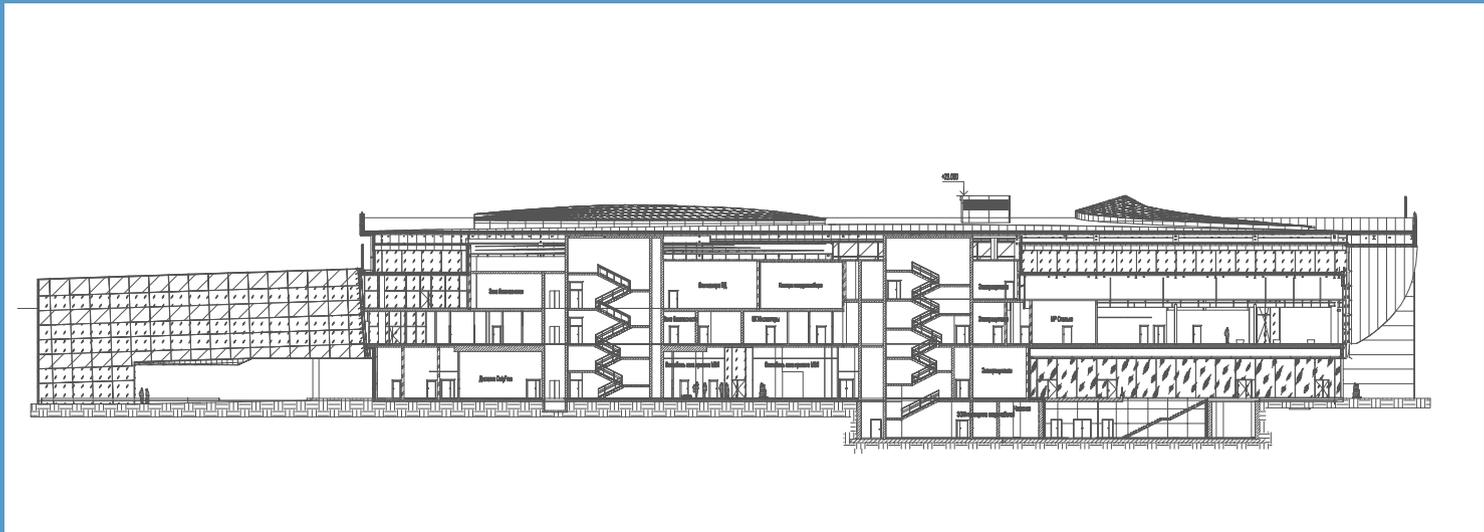
Новый аэропортовый комплекс в Саратове – один из первых аэропортов в современной истории России, возведенный с нуля. Над проектом работала целая команда специалистов, в задачи нашего бюро входило создание общей концепции комплекса, архитектурные и интерьерные решения пассажирского терминала, а также разработка дизайн-кода административных и технических корпусов. Общий тон для всего дизайна задало название аэропорта – Гагарин. Именно на саратовской земле учился, а потом и приземлился после первого космического полета Юрий Гагарин. Главный фасад терминала представляет собой «космическую» волну, расходящуюся протуберанцами от главного входа. Образ волны перекликается и с другими символами региона – рекой Волгой, а также знаменитой саратовской гармошкой.

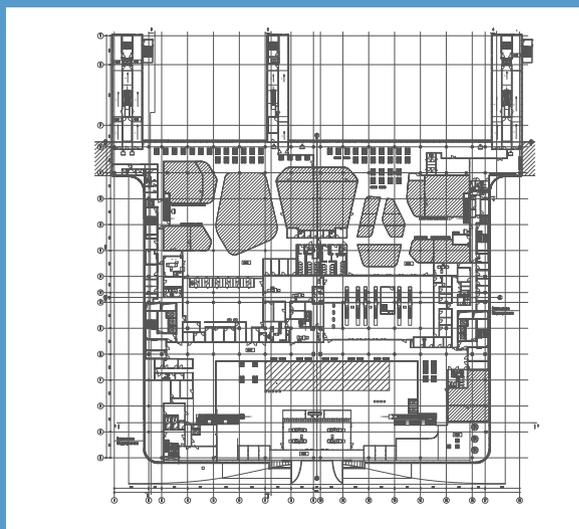
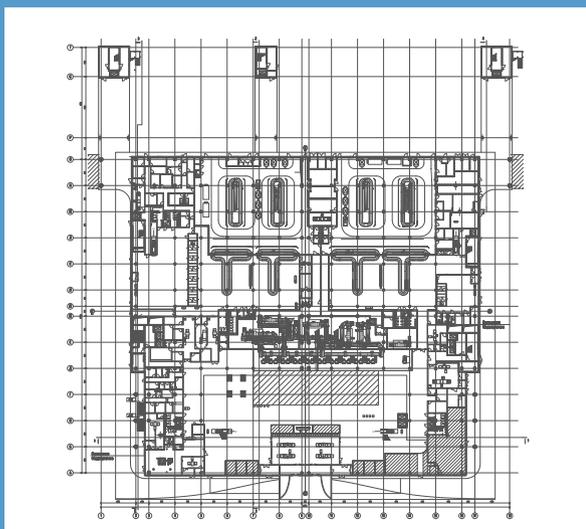
Внутренние пространства терминала выдержаны в космической черно-белой гамме. Ключевой акцент интерьера – серия парящих объектов, часть из которых обрамляет световые фонари, а часть свободно висит в пространстве. Вспомогательные элементы интерьера (павильоны duty-free, зоны отдыха и т. п.) также выдержаны в общей тематике. Неотъемлемой частью интерьера станет серия интерактивных инсталляций, рассказывающих об истории российской космонавтики и превращающих здание аэропорта в интерактивный музей.

«Крылатый» аэропорт – новый символ Пермского региона / The “Winged” Airport: A new symbol of the Perm region

Адрес: г. Пермь, Большое Савино

Проект: 2017

Архитекторы: А. Р. Асадов, А. А. Асадов, К. Шепета, Т. Лебедева, И. Шевченко

Генпроектировщик: Компания «Спектрум»

Интерьеры: UNK project

Генподрядчик: Компания «Альфа-строй»

Фасады: витражи – Schuесо + AGC,
алюминиевые панели – СтройПрофиль

Общая площадь – 26 тыс. м²

На основе базовой планировочной схемы было разработано оригинальное образное и конструктивное решение комплекса терминала, совмещающее функциональность, комфорт, безопасность и имиджевую составляющую.

При разработке проекта пассажирский терминал аэропорта в Перми архитектурное бюро Асадова и генпроектировщик проекта компания «Спектрум» взяли за основу функционально-планировочную и логистическую схему пассажирского терминала специализированной компании WP ARC (Германия). Эта схема была апробирована проектировщиками в аэропорту Саратова и подтвердила свою эффективность. Все функциональные зоны оптимально размещаются внутри периметра со стороной 140 метров, обеспечивая удобные и безопасные коммуникации внутри комплекса. Со стороны летного поля к терминалу пристроена галерея с расширением и несколькими перпендикулярными блоками, к которым стыкуются посадочные трапы.

Кроме проекта самого терминала, был разработан генеральный план прилегающей территории, включающий благоустройство площади перед главным входом в аэропорт, а также расположение отеля и многоэтажной парковки, строительство которых запланировано на следующих этапах реализации проекта.

Конструктивное решение базируется на универсальной каркасной системе из монолитного железобетона с основным шагом 9 м. В зонах, требующих большего простора, используется удвоенный шаг, а в особых случаях в зонах, требующих повышенной презентабельности, – общий зал и зал в зоне вылета – применяются большепролетные конструкции, являющиеся составной частью сложной конструкции кровли.

Покрытие над терминалом представляет собой оригинальную пространственную конструкцию, снаружи облицованную металлическими панелями золотистого цвета. В основе его объемно-пространственной композиции лежит образ деревянной скульптуры херувима, хранящейся в местном художественном музее, отталкиваясь от которого было разработано высокотехнологичное решение, реализованное компанией «Альфа-Строй» из Екатеринбурга.

Конструкция нависает над витражным периметром основного объема терминала. Вылет конструкций за периметр составляет до 10 м на углах здания.

Поверхность покрытия со стороны главного фасада изогнута по плавной дуге словно парус или крыло самолета, а над боковыми сторонами она сделана гладкой, словно срезанной огромным лезвием. Криволинейная часть покрытия выполнена из П-образного профиля, который потайным способом крепился на металлический лист. В результате получилась фактура, отдаленно напоминающая структуру дерева. Гладкие части покрытия выполнялись из полированных металлических листов.

Витражные фасады терминала украшают декоративные изображения, напоминающие стилизованные изображения окаменелостей и ископаемых, относящихся к так называемому «пермскому периоду». На боковых фасадах в зонах технических и служебных помещений витражи частично закрывает система горизонтальные импостов.

Для естественного освещения терминала в конструкцию покрытия включены световые фонари изогнутой формы, продолжающие главную «крылатую» тему.

Интерьер комплекса разрабатывало бюро UNK project, выбранное на основе конкурса. Предложенный ими дизайн-код основан на использовании сдержанной цветовой гаммы из белых, серых и охристых оттенков, растительных принтов и полированного металла в стиле хай-тек.

Все архитектурные и интерьерные решения терминала отвечают повышенным требованиям по безопасности и долговечности. Особое внимание было уделено удобству эксплуатации и комфорту пассажиров.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ ПЕРМЬ

Аэропорт в Перми

Транспортно-пересадочные узлы (ТПУ) совмещают черты общественных зданий и объектов транспорта. Функциональное разнообразие и технологические особенности диктуют их уникальность и невозможность применения типовых объемно-планировочных решений. Классификация и исследование ТПУ поможет успешно разрабатывать и реализовывать одновременно большое количество объектов. Описывается подход к классификации ТПУ по признакам: мощность (объем пассажиропотока), состав (количество видов транспорта), функционал, расположение в городе и планировочная структура.

Ключевые слова: транспортно-пересадочный узел; общественное пространство; Московский транспортный узел; архитектура общественных зданий; градостроительство. /

Transport interchange hubs (TIH) combine the features of public buildings and transportation facilities. Their functional diversity and technological features dictate their uniqueness and the inability to use standard space-planning solutions. Classification and research of the TIH will help to successfully develop and implement a large number of objects simultaneously. The author describes an approach to the TIH classification according to the following features: capacity (volume of passenger traffic), composition (number of modes of transport), functionality, location in the city and planning structure.

Keywords: transport interchange hub; public space; Moscow transport hub; architecture of public buildings; urban planning.

Классификация транспортно-пересадочных узлов на примере г. Москва / Classification of transport interchange hubs: A case study of Moscow

Правительственная программа формирования в Москве системы ТПУ, состоящей из 256 узлов, делает актуальным вопрос классификации ТПУ. В настоящее время не существует общепринятой их классификации и типологии, что значительно затрудняет взаимодействие проектировщиков, инвесторов и городских властей.

Наиболее полную классификацию транспортно-пересадочных узлов дал Д. Н. Власов в своей докторской диссертации [1]. «Научно-методологические основы развития агломерационных систем транспортно-пересадочных узлов (на примере Московской агломерации)». Попытаемся уточнить и дополнить классификацию с позиций архитектурно-градостроительного проектирования. Наиболее важными из возможных и необходимых в практическом отношении критериев классификации, на наш взгляд, являются:

1. **Мощность ТПУ** – суммарный пассажиропоток в ТПУ в утренний час пик.
2. **Состав:** количество СВТ, приходящих в транспортный узел.
3. **Функционал:** какие функции выполняет данный ТПУ.
4. **Расположение в городе:** в какой части города по отношению к центру и его границам находится ТПУ.
5. **Структура ТПУ:** применяется для краткой характеристики его объемно-пространственной компоновки.

Мощность ТПУ. Переход от точных численных значений к относительным определениям – «большой», «малый» – имеет смысл, поскольку методика точного расчета суммарного пассажиропотока очень сложна и запутана, особенно для нового ТПУ. Поскольку суммарный пассажиропоток имеет сильные колебания в течение недели, месяца, сезона, а масштабные комплексные натурные измерения по всем связям ТПУ в течение длительного срока также не гарантируют полной объективности ввиду постоянных изменений внутри транспортной системы города, переход на относительные параметры внутри данной классификации целесообразен и удобен. Мы будем придерживаться данных НИИПИ Генплана г. Москвы, поскольку нам важно не абсолютные точные значения интенсивности пассажиропотока, а их относительные показатели.

Необходимо определиться и с количеством шагов в классификации по мощности ТПУ. Она должна отражать типологические изменения объекта при увеличении его мощности. Предлагается ввести 5 шагов градации мощности от «малого» по мощности до «очень мощного». В анализе ТПУ мегаполиса целесообразно отталкиваться от среднего ТПУ, имеющего потенциал оформления в капитальный ТПУ, в состав которого входят два терминала СВТ (скоростных внеуличных систем транспорта: метро, пригородные/городские электрички). Это соответствует мощности пассажиропотока в утренний час «пик» в среднем 40 тыс. чел./час. ТПУ, в который входит только один терминал СВТ – «малый» по мощности, он генерирует поток в среднем 20 тыс. чел./час. Там, где нет вообще ни одного терминала СВТ, пассажиропоток редко превышает 5 тыс. чел./час. В большинстве это плоскостные ТПУ, не требующие капитального оформления; соответственно, предлагается называть его «минимальный» по мощности ТПУ.

В мире построены, а у нас уже проектируются и более мощные ТПУ, объединяющие три и более терминалов скоростных внеуличных транспортных систем. По мощности пассажиропотока это «большие» и «очень большие» ТПУ.

1. Классификация ТПУ по мощности

Минимальные	от 5 до 10 тыс. чел./час «пик»
Малые	от 10 до 20 тыс. чел./час «пик»
Средние	от 20 до 40 тыс. чел./час «пик»
Большие	от 40 до 80 тыс. чел./час «пик»
Супер-ТПУ	от 80 до 100 тыс. чел./час «пик» и более

Новизна классификации заключается в ее компактности, нарастающем размере шага, обосновании величин шагов средним приростом пассажиропотока в зависимости от количества СВТ в ТПУ с учетом кумулятивного эффекта. При этом, если в конкретном узле нет четкой корреляции его мощности с количеством терминалов СВТ, это не отменяет важности его относительного положения в классификации по мощности.

Практическая работа над проектированием системы ТПУ в Москве показала непрямую зависимость роста пассажиропотока от увеличения числа терминалов СВТ

текст
Тимур Башкаев
Московский архитектурный институт /
text
Timur Bashkaev
Moscow Architectural Institute

в ТПУ. Каждый следующий терминал как бы удваивает средний потенциальный пассажиропоток. Это происходит из-за кумулятивного эффекта ТПУ, привлекательность которого растет не пропорционально, а в геометрической прогрессии. Именно поэтому каждый последующий шаг вдвое больше предыдущего. Эта компактная классификация по мощности хорошо описывает большинство ТПУ от самых маленьких плоскостных до супер-ТПУ на Комсомольской площади (площадь трех вокзалов) или ТПУ «Нижегородская» и имеет фактически обоснованный шаг градаций, соотношенный со средним пассажиропотоком в ТПУ с одним терминалом СВТ. Эта привязка позволяет сохранить относительную классификацию даже при значительном неизбежном росте интенсивности пассажиропотоков почти во всех ТПУ Московской агломерации. Важно понимать, что сейчас есть значительная разница между средним пассажиропотоком в терминалах различных СВТ в пользу метрополитена. Терминалы станций железных дорог пока в разы уступают станциям метрополитена (за исключением конечных станций). Но развитие радиальных направлений железных дорог и МЦК (появление выделенных главных пассажирских путей) постепенно уменьшит эту разницу. Железная дорога станет полноценным внутригородским видом транспорта и оттянет на себя часть пассажиров метрополитена.

Состав ТПУ. Ему уделяли много внимания в советское время, но он был чрезмерно подробным, неудобным для классификации. Перечислим эти виды транспортных систем, которые могут прийти в ТПУ:

- метро;
- железная дорога;
- скоростной трамвай;
- автобус;
- троллейбус;
- трамвай;
- такси;
- легкое метро;
- монорельс
- коммерческий транспорт (маршрутки);
- велосипед.

Их количество велико, а возможность различных их сочетаний превосходит 50 млн. комбинаций. Но достаточно ввести критерий мощности конкретной транспортной системы – и становится очевидно, что самую существенную роль в ТПУ играют наиболее мощные по пассажиропотоку транспортные системы, а именно – скоростной внеуличный транспорт. В этом перечне их пока всего два – метро и железная дорога (в перспективе – скоростной трамвай, идущий по выделенным линиям, частично по эстакадам). Но и он не может составить конкуренции по пассажиропотоку двум первым из-за длины состава и интервала движения. Большинство других транспортных систем объединяются под названием НГПТ – наземный городской пассажирский транспорт, который почти всегда присутствует в любом ТПУ в различных сочетаниях, которые теперь не так важны, поскольку их суммарный пассажиропоток обычно уступает СВТ.

Таким образом, ключевым критерием для составления классификации по **составу ТПУ** становится количество терминалов СВТ в ТПУ. Терминалы – это места доступа в транспортные системы, которые оборудованы всем необходимым для обеспечения контроля и доступа пассажира в конкретную транспортную систему. Они являются ключевым понятием в нашем определении ТПУ.

Мы считаем, что **ТПУ – это система общественных пространств, которая объединяет терминалы транспортных систем, где осуществляется быстрая и комфортная связь между ними.**

Продолжим тему классификации по критерию состава ТПУ.

В качестве критерия классификации по составу ТПУ принимается количество терминалов СВТ в конкретном транспортном узле. Именно они приносят с собой максимальный пассажиропоток, обеспечивают переход количества в качество.

Предлагается взять за основу минимальный ТПУ, который потенциально готов оформиться в капитальный ТПУ. На наш взгляд, это ТПУ с двумя терминалами СВТ. Каждый по отдельности имеет значительный пассажиропоток и генерирует мощный пассажиропоток внутри связи между терминалами СВТ. Эта связь зачастую настолько мощная, что требует капитального оформления для повышения скорости и комфорта для большого количества людей, совершающих пересадку.

Принцип минимизации шагов классификации приводит к четкой и понятной системе: сколько терминалов СВТ может быть в ТПУ – столько шагов мы имеем в нашей классификации ТПУ по составу.

2. Классификация ТПУ по составу

Простейший	нет терминалов СВТ
Простой	один терминал СВТ
Базовый	два терминала СВТ
Сложный	три терминала СВТ
Суперсложный	четыре и более терминала СВТ

Классификация открыта к появлению новых скоростных внеуличных систем городского транспорта, но при этом мало реагирует на большое количество видов и комбинаций различных видов наземного городского пассажирского транспорта (НГПТ), к которым относятся автобус, троллейбус, трамвай и другие виды городского транспорта, которые в том или ином виде присутствуют в ТПУ.

Новизна нашей классификации по составу ТПУ состоит в акценте на терминалы СВТ, системообразующие для городского общественного транспорта.

Функционал ТПУ. Классификации, делающие акцент на доминирующей функции в конкретном ТПУ (распределительная, пересадочная, перехватывающая и т. д.) оказываются недостаточными: доминирующая функция не отменяет всех остальных. В качестве критерия классификации дополнительные функции, как правило, не рассматривались из-за опасения, что их посчитают доминирующими в ТПУ: считалось, что коммерция не может определять функционал ТПУ.

Мы считаем, что любой ТПУ является по определению и распределительным, и пересадочным одновременно, поскольку в любой из них надо попасть (распределение), и в нем же надо сделать пересадку (он же пересадочный!). При определенных условиях он становится и перехватывающим, не переставая быть распределительным и пересадочным. Таким образом, основные функции не могут являться критерием для классификации по функции.

Критериями для классификации являются, на наш взгляд, дополнительные, но очень важные функции ТПУ. Даже не столько сами функции, сколько способ интеграции их в единый комплекс ТПУ. Этих дополнительных функций немного: торгово-обслуживающая (включая общепит), офисная и гостиничная. Очевидно, что офисы и гостиницы из-за своего крупного формата имеют только один способ интеграции в ТПУ – как самостоятельные функциональные блоки, входные группы в которые располагаются вне транзитных зон ТПУ.

Таким образом, только торгово-обслуживающая функция имеет несколько способов интеграции в ТПУ в зависимости от своего формата. Выделим несколько форматов торговли, которые существенным образом влияют на структуру ТПУ и его связи.

Транзитный: в ТПУ предусмотрены только пересадка и распределение без дополнительных функций. Аналог – московское метро. 0–3% от общей площади технологии ТПУ.

1. ТПУ со **стрит-ритейлом:** минимальная дополнительная функция в виде киосков для импульсных покупок. 3–10% от общей площади технологии ТПУ.

2. ТПУ с **торговой галереей:** небольшая дополнительная функция в виде нескольких магазинов среднего размера универсального назначения с торговыми залами внутри. 10–30% от общей площади технологии ТПУ.

3. ТПУ с **торговым центром:** крупная дополнительная торговая функция в виде полноценного торгового центра, все же тяготеющего к транзиту. 30–100% от общей площади технологии ТПУ

4. ТПУ с **коммерческим блоком:** крупная дополнительная коммерческая функция в виде торговли, офиса или гостиницы или все вместе, которая может быть обособлена от транзитных зон ТПУ. 100–300% и более от общей площади технологии ТПУ.

Новизна нашего предложения заключается в отказе от традиционных функций ТПУ как классификационного признака, поскольку они присутствуют в каждом ТПУ, а функция перехвата не является доминирующей. При этом саму перехватывающую парковку можно рассматривать как отдельный функциональный блок по аналогии с коммерческим блоком. Взамен мы предлагаем считать важным классификационным признаком не сколько саму функцию, сколько способ ее интеграции в ТПУ в зависимости от формата и размера.

Практический опыт показывает, что с самого начала проектирования ТПУ необходимо понимать, какую коммерцию в нем необходимо разместить, как способ этой интеграции повлияет на всю структуру и объемно-пространственное решение транспортно-пересадочного узла.

Расположение ТПУ в системе города: выделялось несколько значимых зон, и в зависимости от местонахождения ТПУ его определенным образом классифицировали. В определенный период развития СВТ, когда метро еще не вышло за МКАД (московская кольцевая автомобильная дорога), а электрички не стали полноценным городским видом транспорта, классификация имела некоторый смысл. ТПУ, расположенные в **Центральной** зоне – в основном вокзалы, **срединные** – станции метро с пересадками на НГПТ, **периферийные** – места пересадки с пригородных электричек и автобусов на метро. Их планировали сделать перехватывающими с огромными паркингами на несколько тысяч машин в каждом периферийном узле.

По мере развития СВТ метро вышло за МКАД, электрички постепенно становятся внутригородским общественным транспортом, и крупные ТПУ появляются везде, в том числе в срединной зоне, где сосредоточены станции МЦК. Крупные ТПУ, где происходит пересадка с радиальных пригородных направлений железных дорог на метро, уходят далеко за МКАД в область, развивается система МЦД. Таким образом, привычная корреляция вида и размера ТПУ с его расположением в городе постепенно исчезает.

Мы предлагаем сохранить расположение ТПУ в городе как классификационный признак: специалисты привыкли понимать, как размещается объект проектирования по отношению к центру города. Кроме того, сейчас расположение влияет не на типологию или функционал ТПУ, а на степень урбанизации той части города, где он расположен. Степень урбанизации и характер окружающей застройки существенно влияют на возможности развития и объемно-планировочное оформление капитального ТПУ. Плотный, высокоурбанизированный центр

города предполагает скорее плоскостные решения ТПУ или подземное его развитие. Менее плотная срединная зона позволяет развивать и подземные, и надземные ТПУ. В периферийной зоне более уместны различные формы надземных конкурсов. Несмотря на схематичность предложенной классификации, она позволяет полнее учитывать именно урбанистический контекст, в котором существует или будет развиваться тот или иной ТПУ.

Предлагается следующая классификация по расположению в городе.

1. **Центральный** ТПУ располагается в пределах Садового кольца и кольцевой линии московского метрополитена. Местами они географически не совпадают, и кольцевая линия выходит за пределы Садового кольца. Но она является мощной городской СВТ и мощным потенциалом развития многих «центральных» ТПУ.

2. **Срединные** ТПУ располагаются в зоне от Садового кольца до Большой кольцевой линии метро. Объективным ориентиром являются предпоследние станции метро тех линий, которые не пересекают МКАД. Срединная зона города имеет различную плотность и степень урбанизации, но она заведомо менее плотная, чем центральная и более урбанизирована, чем периферийная зоны. В ней четко выделяются свои подзоны: промзоны, где проходит МЦК, селитебные районы и природные комплексы, где вряд ли будут развиваться ТПУ. В целях более компактной классификации эти нюансы учитывать не будут.

3. **Периферийные** ТПУ располагаются в зоне вокруг МКАДа по обе стороны дороги. Объективной границей этой зоны служит не МКАД, а конечные станции метрополитена, которые располагаются как до, так и за МКАДом.

4. **Областные** ТПУ располагаются за МКАДом вне периферийной зоны. Это название не совпадает с новым территориальным делением, которое не изменило ни характер застройки, ни степень урбанизации Новой Москвы, которой еще далеко до областных районов Мытищ или Люберец. Понятие «областные» больше говорит о степени урбанизации градостроительного контекста, и в этом ценность данной классификации.

Новизна предложенной классификации по расположению в городе – в том, что мы делаем акцент только на характере окружающей застройки и степени средней урбанизации данной зоны города. Этого достаточно чтобы понять потенциал и характер будущего развития конкретного ТПУ.

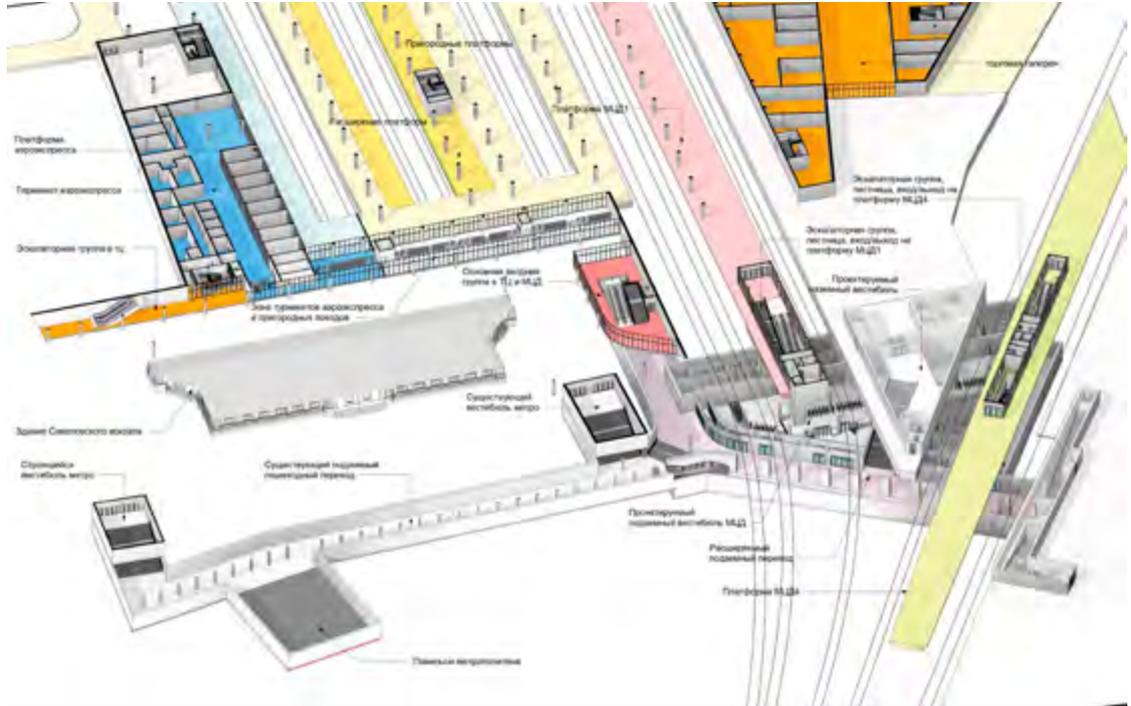
Важная характеристика как существующего, так и проектируемого ТПУ – его структура, рассмотренная с точки зрения расположения главной связи в ТПУ относительно уровня земли и степени ее капиталности. Она существенно влияет на все объемно-пространственные и архитектурные решения ТПУ. Он может быть частично подземным, а частично надземным, поэтому мы ввели понятие главной связи в ТПУ, которая имеет наибольший пассажиропоток. Именно она определяет, в какую группу мы определим конкретный ТПУ.

1. **Наземный плоскостной ТПУ.** Некапитальный ТПУ может быть только плоскостным и только наземным. Большинство ТПУ в мире плоскостные. Они важны, т. к. именно они формируют облик подавляющего количества транспортно-пересадочных узлов и больших фрагментов городской среды, примыкающих к ним.

2. **Наземный капитальный ТПУ.** Хронологически первый настоящий капитальный ТПУ в городе – вокзал. Долгое время он оставался единственным ТПУ на СВТ в городе. По мере урбанизации города в нем стало все сложнее организовать мощную пешеходную связь между терминалами СВТ в уровне земли. Поэтому начали появляться подземные ТПУ.

3. **Подземные ТПУ.** Главная пешеходная связь в них расположена под землей. Так, связь большинства стан-

> Рис. 1. ТПУ Савеловская.
Проектное предложение
АБТБ

ций метро, имеющих подземный вестибюль с остановками НГПТ, осуществляется с помощью системы пешеходных переходов разной степени развитости.

4. **Надземные ТПУ.** Главная пешеходная связь в них расположена над землей: большинство пригородных платформ железных дорог связаны с НГПТ с помощью надземного пешеходного моста.

5. **Комбинированные ТПУ.** В их состав входит несколько терминалов СВТ, следовательно, связей между ними с большим пассажиропотоком может быть две и более. Каждая из них может иметь свое собственное расположение относительно уровня земли.

Новизна предлагаемой классификации – в акценте не на общей структуре ТПУ, которая может быть очень сложной и разнообразной, а только на расположении главной связи в ТПУ, что определяет его общий характер.

Предложенная классификация проведена всего по пяти основным признакам – **мощность, состав, функционал, расположение и структура.**

Даже эта компактная классификация дает более 500 вариантов различных видов ТПУ, которых вполне достаточно для описания самого экзотического его варианта. Почти во все классификационные признаки внесены существенные изменения и уточнения, которые приблизили нашу классификацию к реалиям сегодняшнего дня.

Но классификация – всего лишь анализ. Для синтеза необходимо выделить в устойчивые группы по различным классификационным признакам ТПУ, обладающие рядом общих характеристик и закономерностей формирования. Типология – гораздо более сложная и спорная тема, чем классификация, но без нее работа по классификации ТПУ будет незаконченной.

Типология ТПУ

Практическая работа над проектированием различных систем ТПУ привела нас к выводу, что ключевым критерием формирования различных типов ТПУ является их статус или значение. Это убедительно доказал Д. Н. Власов [1]. Каждый ТПУ является частью одной или нескольких транспортных систем различного уровня, приобретая в зависимости от этого то или иное значение для терри-

ториальных образований различного масштаба – от местных до федеральных.

Для определения статуса ТПУ необходимо проанализировать статус СВТ, чьи терминалы объединяет данный ТПУ. Начнем с **простого** ТПУ, в котором есть один терминал СВТ. Так, имеющая **городское** значение линия метрополитена не обязательно является элементом ТПУ **городского** значения. Именно этот парадокс долгое время сбивал исследователей: линия СВТ городского значения состоит из ТПУ районного значения. Оговоримся: до тех пор, пока не появятся пересечения с другими линиями СВТ. В это трудно поверить, но легко проверить. Закроем любую станцию московского метро, не имеющую пересадку на другую линию СВТ и не конечную. Закрытие станет огромной проблемой для жителей района, но не для города в целом. Поэтому ТПУ с одним терминалом СВТ без автостанции (обычно на конечных станциях метро) с пересадкой на НГПТ является ТПУ **районного** значения. Это относится и к ТПУ на другой СВТ – железной дороге, которая имеет агломерационное значение, а сами станции и ТПУ вокруг них имеют только **районное** значение.

Большое значение для повышения ранга ТПУ с одним терминалом СВТ имеет ранг НГПТ, который приходит в этот ТПУ. Если в ТПУ на конечной станции метро находится автобусная станция с дальними городскими маршрутами, то ранг ТПУ повышается до **городского**. Также повышается ранг областного ТПУ с одним терминалом СВТ (железная дорога), расположенного в областном городе, если в ТПУ расположена автостанция с городскими маршрутами. Такой ТПУ имеет **«городское»** значение; при этом город может быть и небольшим. Относительно близлежащих районных ТПУ на других станциях этот, бесспорно, имеет более высокий статус.

Если в транспортном узле с терминалом СВТ находится автовокзал или автостанция с областными маршрутами, то ранг ТПУ повышается до **«агломерационного»** (ТПУ у метро «Планерная»).

Ранг ТПУ повышается, если нем находятся 2 терминала СВТ (базовый ТПУ по составу). Если обе системы СВТ имеют городское значение, например, две ветки метро (или метро + МЦК), не выходящие далеко за МКАД,

< Рис. 2. ТПУ Царицыно. Проектное предложение АБТБ

то и ТПУ, объединяющий их терминалы, будет иметь «городское» значение. Если одна или обе транспортные системы имеют агломерационное значение, то и ТПУ, объединяющий терминалы этих транспортных систем, тоже будет иметь «агломерационное» значение.

Таким образом, значение ТПУ не всегда зависит от его мощности или состава, а иногда только от ранга входящих в него транспортных систем. Хотя корреляция, несомненно, есть.

Формально в Московской агломерации есть ТПУ, в которых присутствуют терминалы транспортных систем, обслуживающих Российскую Федерацию и другие страны. Это вокзалы дальнего следования, аэропорты. Такие ТПУ имеют «федеральное» значение.

Итак, можно предложить хорошую основу для типологии ТПУ на основе их значения и статуса.

1. ТПУ **федерального** значения имеют в своем составе хотя бы один терминал федеральной транспортной системы: аэропорты, железнодорожные вокзалы дальнего следования, междугородние автовокзалы.

2. ТПУ **регионального** значения имеют в своем составе хотя бы один терминал транспортной системы, обслуживающий агломерацию, при условии, что хотя бы один терминал другой СВТ уже присутствует в ТПУ.

3. ТПУ **городского** значения имеют в своем составе хотя бы один терминал транспортной системы, обслуживающей город, при условии, что хотя бы один терминал другой СВТ присутствует в ТПУ.

4. ТПУ **районного** значения имеют в своем составе НГПТ (наземный городской пассажирский транспорт) районного значения при условии наличия одного терминала СВТ.

Новизна предложенной типологии – в принципиальной корректировке определений ТПУ районного и городского значений. Например, в классификации Власова Д. Н. «локальный» (**районный**) ТПУ имеет в своем составе СВТ, но нет НГПТ! Очевидно, что это очень редкая ситуация, чтобы к терминалу СВТ не подошел хотя бы один автобусный маршрут. А как только он подойдет, ТПУ сразу из локального (**районного**) становится «муниципальным» (**городским**). Также вызывает сомнения определение всех ТПУ с одним СВТ и НГПТ как ТПУ городского

значения. Из-за этого при использовании классификации НИИПИ генплана происходит кратное увеличение количества подобных ТПУ. Вместо пирамидального распределения количества ТПУ по значению: районных ТПУ больше всех городских, мы видим обратную картину. Почти все ТПУ в агломерации оказались городского значения, а районных оказалось несопоставимо мало. В нашей классификации учтены эти недостатки, в частности **городские** ТПУ – это пресечения СВТ и станции с мощным НГПТ с высоким статусом.

Представляется, что предложенная типология достаточно компактная, интуитивно понятная и верно отражающая иерархию ТПУ как важной части всей транспортной системы страны. Однако построения типологии только на одном, пусть и важном, признаке недостаточно. Необходимо подтвердить предложенную типологию устойчивой корреляцией между классами и типами.

Корреляция между классами и типами

1. **Простой** по составу ТПУ (один терминал СВТ) является районным по типу вне зависимости от значения единственного СВТ. Пример – станция МЦК Коптево.

2. **Простой** ТПУ становится городским или региональным по типу, если в его состав входит НГПТ городского или регионального значения (конечные станции СВТ). Типичный пример – станция метро Щелковская, расположенная под междугородним автовокзалом (рис. 4).

3. **Базовый** ТПУ (два терминала СВТ) является городским по типу, если оба терминала принадлежат СВТ городского значения, не выходя за город. Например, ТПУ Владыкино (МЦК + метро) (рис. 3).

4. **Региональным** по типу ТПУ становится, если в его составе хотя бы один из двух терминалов принадлежит СВТ регионального значения. Например, ТПУ Царицыно, в состав которого входит остановочный пункт МЦД (рис. 2).

5. **Сложный** ТПУ (три терминала СВТ) также может быть городским по типу, если все терминалы принадлежат СВТ городского значения, что довольно редко бывает. В Москве это в основном ТПУ метрополитена, расположенные в историческом центре – например, метро Пушкинская-Тверская-Чеховская.

< Рис. 3. ТПУ Владыкино. Проект и реализация АБТБ

6. **Сложный** ТПУ является региональным по типу, если в его составе есть хотя бы один терминал, принадлежащий СВТ регионального значения. Пример – ТПУ Савеловская (две линии метро + МЦД).

Дальнейшее усложнение состава не приводит к увеличению значения ТПУ. **«Сложный»** и **«супер»**-ТПУ могут быть и городского, и агломерационного, и федерального значения; например, «супер»-ТПУ (5 СВТ) на Комсомольской площади, в зависимости от статуса СВТ, чьи терминалы входят в состав ТПУ.

В некоторых случаях корреляции типов ТПУ с классификацией по составу недостаточно. Последние примеры показали, что некоторые **простейшие** ТПУ без СВТ могут быть формально даже **региональными** по значению, но не по типу. Для уточнения типологии мы предлагаем провести корреляцию по мощности ТПУ.

3. Корреляция между мощностью ТПУ и его составом

Мощность ТПУ	Пассажиропоток тыс./чел. «час пик»	Класс ТПУ по составу
Минимальные	от 5 до 10 тыс. чел./час «пик»	Простейший
Малые	от 10 до 20 тыс. чел./час «пик»	Простой
Средние	от 20 до 40 тыс. чел./час «пик»	Базовый
Большие	от 40 до 80 тыс. чел./час «пик»	Сложный
Супер-ТПУ	от 80 до 100 тыс. чел./час «пик» и более	Суперсложный

Можно сформулировать следующее правило. Если состав ТПУ коррелирует с мощностью пассажиропотока, то значение СВТ определяет тип ТПУ. Если нет, то значение ТПУ соответствует значению высокоранговому СВТ, а тип соответствует низкоранговому СВТ. Например, на предпоследнюю станцию метро приходит областная электричка. Формально это **базовый** ТПУ (2 СВТ) **регионального** значения, но суммарная мощность ТПУ не коррелирует с его составом. Он не **средний** по мощности, а **малый** (скажем, конечная станция метро перехватывает весь областной пассажиропоток с радиального направления РЖД). Это значит, что ТПУ в реальности не работает на область, и поэтому он не регионального, а **городского** типа. Хотя его **региональное** значение подтверждает его потенциал развития в **региональный** тип ТПУ. Жесткой границы здесь нет, поэтому мы предлагаем условную

границу типологического перехода: среднее значение пассажиропотока для данного состава ТПУ. Для нашего примера это суммарный пассажиропоток в ТПУ 30 тыс. чел./час «пик» (среднее между 20 и 40 для базового состава ТПУ). При достижении средних значений по пассажиропотоку можно уверенно говорить, что ТПУ работает не только на город, но и на агломерацию.

Это важное уточнение типологии. **Региональный** ТПУ – не только **«базовый»** по составу; он должен быть не менее **«среднего»** по мощности.

4. Корреляция между мощностью ТПУ и его значением

Мощность ТПУ	Класс ТПУ по значению
Малые	Районные
Средние или Большие	Городские
Средние и более мощные	Региональные
Большие и Супер-ТПУ	Федеральные

Расположение, функционал и структура не оказывают особого влияния на типологию ТПУ, поэтому мы ограничимся несколькими общими замечаниями.

Мы уже отмечали, что нет четкой корреляции между положением ТПУ в городе и его типом. **Федеральные** ТПУ находятся и в **Центральной** зоне (вокзалы), и в области (аэропорты); они начинают появляться и в **срединной** зоне (открытый в 2021 году вокзал «Восточный», интегрированный в ТПУ МЦК «Черкизово»), и планируемые к интеграции с системой ВСМ ТПУ «Петровско-Разумовская» и «Лихоборы».

Региональными ТПУ могут считаться все вокзалы в Центральной зоне и стыковки конечных станций метро с радиальными направлениями железных дорог, которые сейчас тяготеют к периферийной зоне, но в скором времени появится много региональных ТПУ на МЦК и ТПК в срединной зоне города.

Городские ТПУ – это почти все внутренние пересадки в метро, плюс все стыковки метро с МЦК (тоже городская СВТ) а это вся центральная и срединная зоны города.

Районные ТПУ располагаются везде: немного в центральной и периферийной зонах и почти везде в срединной зоне и в области.

< Рис. 4. ТПУ «Щелковский»: международный автовокзал. Москва. Проект и реализация Global Architecture Development

Функционал, или способ интеграции дополнительных функций в ТПУ имеет большое значение для объемно-пространственного решения ТПУ, но мало влияет на его типологию (ибо функции дополнительные).

Структура ТПУ имеет отношение скорее к оптимальному проектному решению конкретного ТПУ и характеру его развития. Разные типы ТПУ могут иметь схожие структуры и наоборот: однотипные ТПУ могут иметь разное объемно-пространственное оформление.

Подведем общий итог корреляции типов с классами и попробуем сформулировать итоговую типологию и классификацию ТПУ.

Учитывая приведенную ранее классификацию по **мощности, составу, функционалу, расположению и структуре**, можно дать комплексные системные характеристики ТПУ, имеющие весьма важное практическое значение.

1. **Федеральный** тип ТПУ должен иметь в своем составе хотя бы одну транспортную систему федерального значения (межрегиональное и/или международное сообщение): вокзал дальнего следования, аэропорт, порт или крупный межрегиональный автовокзал. **Состав** и **мощность** не очень существенно влияют на этот тип ТПУ. Состав может быть и **простым** (без второй СВТ), и пассажиропоток не очень большим (небольшие аэропорты и вокзалы не создают больших пассажиропотоков). Определяющим для этого типа ТПУ является **значение** транспортной системы.

2. **Региональный** тип ТПУ – это **базовый** или выше ТПУ, хотя бы один терминал которого принадлежит СВТ регионального значения. По мощности – не менее среднего значения для своего класса по составу. **Простой** по составу ТПУ (1 СВТ) может быть **региональным** при условии наличия в узле СВТ **регионального** значения и НГПТ **городского** значения.

3. **Городской** тип ТПУ – это, в основном, **базовый** по составу или выше ТПУ, где все СВТ имеют городское значение. По мощности он соответствует **среднему** пассажиропотоку. **Простой** по составу ТПУ может быть городского типа при условии наличия в узле НГПТ **городского** значения, с соответствующей мощностью пассажиропотока.

4. **Районный** тип ТПУ – это **простой** ТПУ с СВТ любого значения с НГПТ **районного** значения. **Простейший** ТПУ может быть районного типа при наличии НГПТ **районного** значения.

Приведенная типология отличается от предложенных ранее более точной классификацией, новым определением районных и городских типов ТПУ и объективной корреляцией между различными классами и типами ТПУ. В целом и классификация, и типология очень компактные, интуитивно понятные и соответствуют современной практике проектирования ТПУ в Москве.

Следующий классификационный признак – расположение ТПУ в системе города. Мы уже выяснили, что нет четкой зависимости типа ТПУ от его расположения, но некоторые взаимосвязи выявить можно.

Мощные ТПУ, расположенные в **Центральной** зоне – скорее, всего вокзалы. Сейчас они почти все **Федерального** значения, пока не произошло разделения вокзалов и зонных станций (конечных станций пригородных поездов). При этом все **Федеральные** ТПУ вокруг аэропортов находятся в **области**.

Региональные ТПУ могут располагаться почти во всех зонах города. Пересадки на пригородные СВТ сейчас происходят и в **центральной части города**, и в **периферийной** зоне у МКАД. Скоро будет построено несколько региональных узлов в **срединной** зоне, где проходит МЦК и третий пересадочный контур метро.

Большинство **городских** ТПУ – это пересадочные станции внутри метрополитена и ТПУ на МЦК, где городская СВТ стыкуется с метрополитеном. Это скорее **срединная** и **центральная** зоны города. В области почти все крупные вокзалы в городах стыкуются с городским автовокзалом, что переводит их ранг **городских** ТПУ.

Районные ТПУ локализуются в **срединной** и частично в **периферийной** зоне города. И в области почти все ТПУ вокруг остановочных пунктов радиальных железных дорог вне крупных городов являются **районными** и в основном плоскостными ТПУ.

Данный анализ подтвердил наше предположение, что нет четкой корреляции между месторасположением ТПУ и его типом, мощностью или составом. Главная ценность этой классификации – в понимании потенциала

развития ТПУ в различных зонах города, обладающих разной степенью урбанизации и плотностью застройки.

Функционал, или способ интеграции дополнительных функций в структуру ТПУ – следующий классификационный признак. Он зачастую коррелируется не с типом ТПУ, а именно с потенциалом развития дополнительных функций ТПУ в различных зонах города.

Очевидно, что в **центральной**, переуплотненной зоне города трудно сформировать достаточное пространство для дополнительных функций внутри ТПУ; наиболее предпочтительным будет минимальное пространство, предназначенное под стрит-ритейл, который эффективно работает из-за мощного пассажиропотока в центральных ТПУ. Более крупные форматы коммерции возможно разместить в центральных ТПУ только после глобальной реконструкции самого ТПУ либо комплексной реновации территорий, прилегающих к ТПУ, которые потребуют колоссальных капиталовложений.

В **срединной** зоне, менее урбанизированной, чем центральная, значительно больше возможностей сформировать большие площади под основные и дополнительные функции ТПУ. В этой зоне целесообразно создавать новые крупные ТПУ, которые разгрузят **Центральные** ТПУ.

В больших и средних ТПУ срединной зоны есть возможность размещать не только стрит-ритейл, но и торговые галереи; однако относительно низкие арендные ставки коммерческой недвижимости в этой зоне сильно сдерживают развитие дополнительных функций. В **супер-ТПУ** есть возможность размещать крупные коммерческие блоки в надежде на высокую посещаемость от транзита и на увеличение арендных ставок вследствие развития территории вокруг мощного ТПУ. Развитие кольцевых СВТ в срединной зоне (МЦК, ТПК) неизбежно повысит доступность этих территорий как для жителей агломерации (вдоль региональной СВТ), так и для всех жителей города.

В периферийной зоне арендные ставки еще ниже, а доступность для жителей города гораздо ниже из-за отсутствия периферийной СВТ. Поэтому несмотря на большой территориальный потенциал, развивать дополнительные функции тоже нелегко. Один из способов развития таких территорий – строительство крупных коммерческих блоков эконом-класса, конечно, при определенных экономических условиях. Но такой потенциал, несомненно, есть у крупных периферийных ТПУ, и со временем он будет реализован.

Подведем итог этой корреляции:

Центральные ТПУ

1. Центральные средние ТПУ – стрит-ритейл.
2. Центральные крупные (реконструкция) – торговые галереи среднего класса.
3. Центральные супер-ТПУ (реновации территории) – крупные коммерческие блоки среднего класса.

Срединные ТПУ

1. Срединные большие ТПУ – стрит-ритейл, торговые галереи.
2. Супер-ТПУ – торговые галереи, коммерческие блоки офисного и гостиничного назначения.

Периферийные и Областные ТПУ, независимо от размера, имеют потенциал развития коммерческих блоков офисного и гостиничного назначения.

Современные ТПУ существенно отличаются от традиционных транспортных объектов – железнодорожных и автомобильных вокзалов. Им присуще все больше черт общественных зданий. Кроме того, их планировочная структура лежит в основе формирования общественного каркаса района их расположения. Они являются драйверами урбанизации прилегающей территории. Вокруг них формируются новые общественные центры, объекты коммерции и места приложения труда. Поэтому для успеш-

ной проектной работы и грамотной оценки принимаемых решений необходимо принять классификацию ТПУ, отвечающую современным трендам их развития.

Эта классификация должна учитывать как количественные показатели, базирующиеся на пассажиропотоках, так и качественные, основанные на расположении в городе и функциональном потенциале. От ее гибкости и универсальности зависит качество и разнообразие ТПУ как значимых городских объектов.

Литература:

1. Д. Н. Власов. Научно-методологические основы развития агломерационных систем транспортно-пересадочных узлов (на примере Московской агломерации) : дис. ... доктора техн. наук. – Москва : Московский государственный строительный университет, 2013. – 305 с. : прилож.
2. Власов, Д. Н. Транспортно-пересадочные узлы : монография. – Москва : Изд-во Моск. Гос. строит. ун-та, 2017. – 192 с.

References

Vlasov, D. N. (2013). Nauchno-metodologicheskie osnovy razvitiya aglomeratsionnykh sistem transportno-peresadochnykh uzlov (na primere Moskovskoi aglomeratsii) [Scientific and methodological bases for the development of agglomeration systems of transport interchange hubs: A case study of Moscow agglomeration]. Doctor of Technical Sciences Diss.

Vlasov, D. N. (2017). Transportno-peresadochnye uzly: monografiya [Transport interchange hubs: monograph]. Moscow: Izd-vo Mosk. Gos. stroit. un-ta.

Характеризуются архитектурное решение и назначение транспортно-пересадочного узла «Нижегородская»; значение взаимодействия между ведущими проектными командами разного профиля. Описывается и показывается символично-художественный компонент проекта и его реализации.

Ключевые слова: транспортный узел; Москва; навигация; пассажиропотоки; архитектура; арт-объект. /

The article features the architectural solution and purpose of the Nizhegorodskaya transport and interchange hub, as well as the importance of interaction between the leading design teams of different profiles. It describes the symbolic and artistic component of the project and its implementation.

Keywords: transport hub; Moscow; navigation; passenger flows; architecture; art-object.

объект номера/object of the issue

ТПУ «Нижегородская» (Рязанская) в Москве/

“Nizhegorodskaya” (Ryazanskaya) transport hub in Moscow

ТПУ «Нижегородская» (Рязанская) в Москве / “Nizhegorodskaya” (Ryazanskaya) transport hub in Moscow

Место нахождения

Москва, Рязанский пр-т, стр. 1

Клиент МОСИНЖИНВЕСТ

Год 2012–2020

Типология Транспорт

Статус Реализация

Архитекторы

Т. Башкаев, Д. Шитов, В. Иорданова, М. Хаханова, В. Патов,
А. Медведева, А. Крохина, А. Карпунина, Л. Шилькова, А. Даровских,
Е. Гончарова, Т. Пирожкова, Н. Каверин, О. Каверина, Л. Купершмидт,
М. Васильев, С. Габараева, Л. Кукаева (ГИП)

Конструкторы и инженеры

З. Драганова, В. Пронина

Партнеры

НИИПИ Генплана Москвы, ОАО МКЖД, Моспроект-3,
Ленметрогипротранс, Гипротранспуть, ARTEZA, ГК Албирис

Показатели

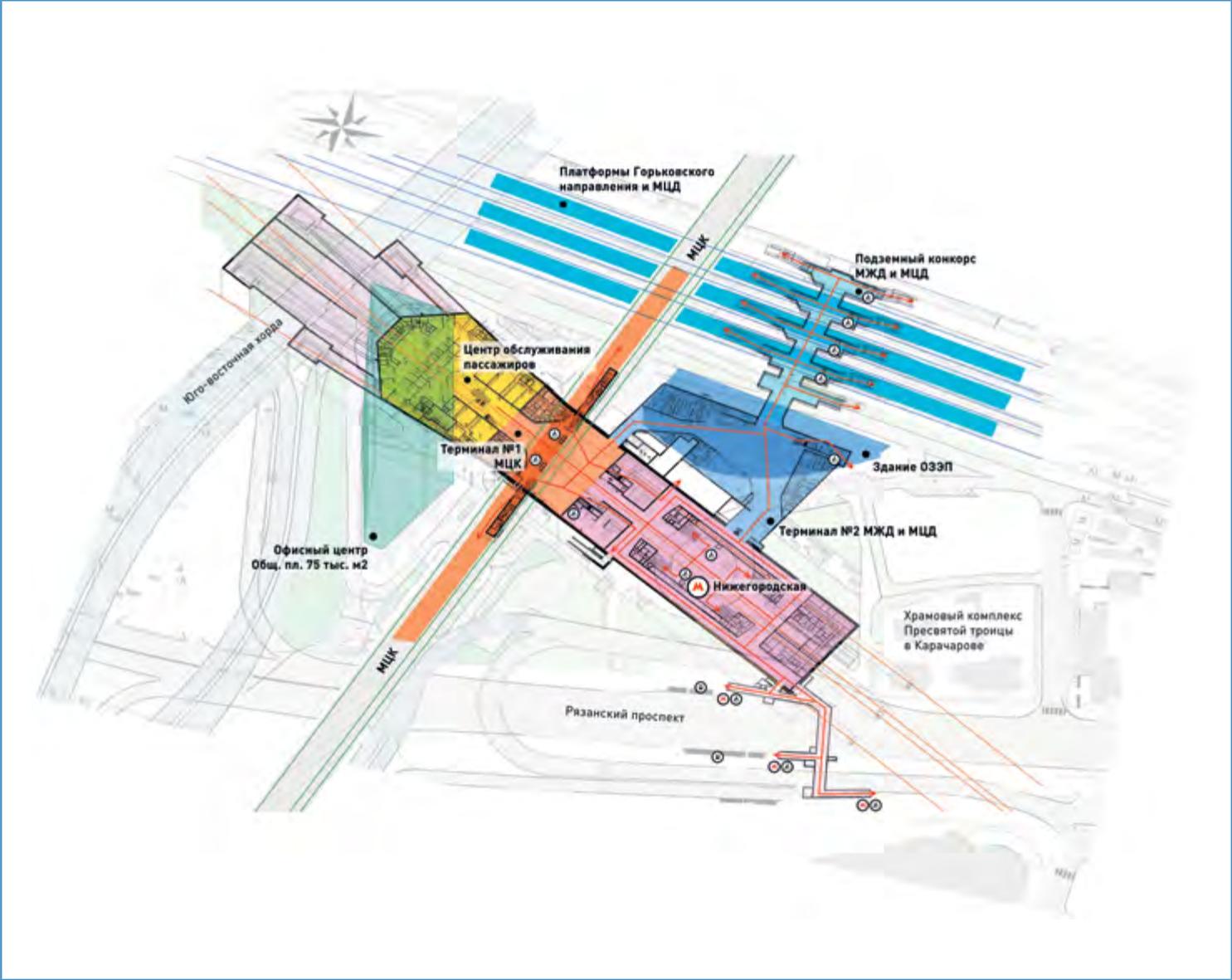
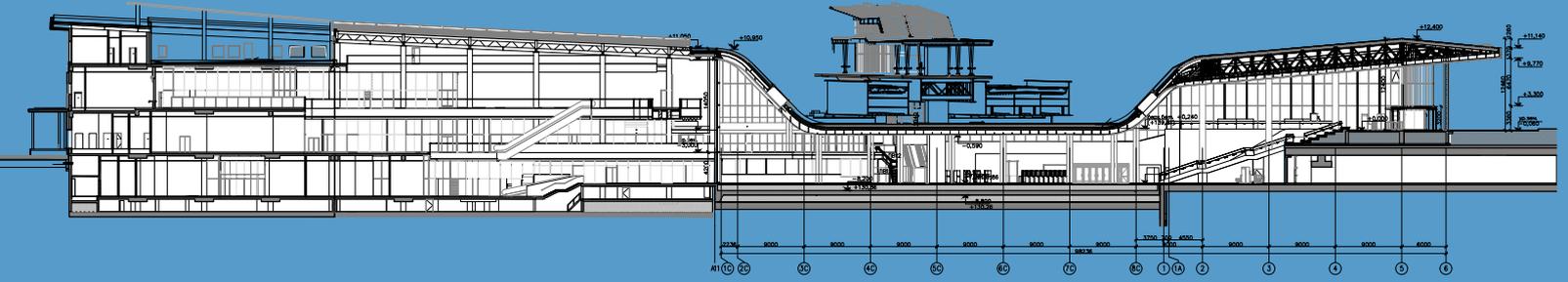
14967 м² – наземная площадь

9653 м² – подземная площадь

Nizhegorodskaya transport interchange, which started operation in 2020, became the largest transport hub in Europe. Five urban and suburban rapid transport systems come in this hub simultaneously.

Multiple terminals of transport system locate at different levels. ABTB Architectural bureau proposed to combine the lobby of the city train terminal and metro stations vestibule to form a high spacious entrance hall with natural light under the railway overpass, which is easy to navigate and pleasant to stay in.

Architectural image of the building bases on the idea of the volumes overflow, united by a common ribbon-roof which composes elements of the hub into a single ensemble. The theme of the continuous wave is also applied on the platform – the roof of the escalator pavilions turns into the platform canopies and the interior space of entrance hall, which was also designed by ABTB.

ТИМУР БАШКАЕВ /
TIMUR BASHKAEV
автор / author

Комментарий автора

Введенный в 2020 году транспортно-пересадочный узел «Нижегородская» стал крупнейшим в Европе объектом транспортного назначения. В него входят одновременно пять систем скоростного транспорта – Московское центральное кольцо, Московские центральные диаметры, пригородные поезда и две линии метрополитена.

В едином объеме здания – три пассажирских терминала (МЦК, Горьковского направления московской железной дороги и вестибюль метрополитена), а также центр обслуживания пассажиров. Кроме того, в состав ТПУ входят объединенное здание эксплуатационного персонала станции (ОЗЭП) и башня офисно-гостиничного центра.

Все три терминала объединены и закольцованы пешеходными связями, что делает ориентацию в этом сложнейшем ТПУ очень простой. Такая компоновка позволяет оптимально распределить пассажиропотоки между метро, МЦК и железной дорогой и избежать излишней концентрации пассажиров со всех направлений в одной точке.

Важной особенностью ТПУ «Нижегородская» является расположение всех терминалов в разных уровнях. Платформа МЦК находится над землей на железнодорожной эстакаде, станция «Карачарово» – на земле, а обе станции метро – глубоко под землей. АБТБ предложило объединить вестибюли терминала МЦК и станций метро и сформировать под железнодорожной эстакадой высокий просторный пассажирский зал с верхним и боковым естественным светом, в котором легко ориентироваться и приятно находиться.

Архитектурное решение здания ТПУ основано на идее перетекания объемов, объединенных общей лентой-крышей, связывающей отдельные элементы ТПУ в единый ансамбль.

Для реализации кровли необходимо было выбрать материал и технологию, которые бы максимально точно воплотили идею ее непрерывного, перетекающего формообразования.

С этой задачей прекрасно справилась компания Riverclack, которая специализируется на проектировании поверхностей кровли со сложной геометрией производит кровельные панели из алюминия серии 5754 с добавлением магния. Этот сплав, по сравнению с обычно

используемым для кровли алюминием серии 3000, отличается очень высокой гибкостью, эластичностью и одновременно прочностью.

Наиболее сложный и интересный участок ленты-крыши ТПУ «Рязанская» – участок с каландрированными панелями. Основное формообразование такого участка предполагает криволинейную конфигурацию металлокаркаса: на него укладывается профилированный настил, омега-профиль, на котором монтируются адаптивные кронштейны, далее – профиль обрешетки и клипы Riverclack. Адаптивные кронштейны позволяют установить клипы Riverclack под любым углом, тем самым мы обеспечиваем возможность монтажа панелей Riverclack сложной геометрической формы. В данном случае основной радиус каландрации составил 6,3 м.

Очевидный аргумент в пользу выбора системы Riverclack – простой и быстрый монтаж без перфорации, путем защелкивания, в результате чего образуется дренажный канал, и система становится абсолютно водонепроницаемой.

Разработка проекта кровли компанией Riverclack осуществлялась посредством полного трехмерного моделирования, включая разработку производственной документации в 3D с использованием BIM технологий.

Тема протяженной единой волны применена и на платформе, где кровля эскалаторных павильонов переходит в навесы платформы и внутреннее пространство интерьера, который также разрабатывался АБТБ.

Уникальность объекта заключается и в широкой коллаборации между ведущими проектными командами разного профиля. Общую концепцию, архитектурно-градостроительные решения узла разработало АБТБ; проект планировки территории и транспортную схему – Инсти-

тут Генерального плана города Москвы; проект станций метро разрабатывал институт «Ленметрогипротранс»; платформу «Карачарово» Горьковской железной дороги – «Гипротранспуть», а благоустройство территории поручили компании Arteza.

Художественным центром открытой площади перед входом в ТПУ является разработанный АБТБ арт-объект – композиция из перетекающих друг в друга колец, сливающихся в непрерывную ленту Мебиуса. Сами кольца символизируют собой знаменитые московские кольца: Московское центральное кольцо (МЦК) и большая кольцевая линия метрополитена (БКЛ), имеющие одну из двух точек пересечения как раз в ТПУ «Нижегородская»; в середине парит стальная сфера, на которой отпечатались все радиальные линии внутри старой кольцевой линии метро, символизируя бесконечные переплетения московских дорог.

> Рис. 1. Джотто ди Бондоне. Фреска «Изгнание Святым Франциском демонов из Ареццо». Ассизи. Церковь Сан Франческо

Историческая эволюция городской инфраструктуры – явление не только (и, возможно, не столько) пространственного и функционального развития урбанизации, сколько отражение изменения духовных и мифопоэтических представлений о городе и его взаимосвязях с внешним миром. Статья посвящена исследованию многовековой исторической трансформации городской инфраструктуры как предмета мифопоэтического дискурса. Ключевые слова: город; инфраструктура; мифопоэтика; символизм; тело; развитие. /

Historical evolution of urban infrastructure is a phenomenon not only (and, perhaps, not so much) of spatial and functional development of urbanization as a reflection of changing spiritual and mythopoetic perceptions of the city and its relationship with the outer world. The article is devoted to the study of centuries-old historical transformation of urban infrastructure as a subject of mythopoetic discourse. Keywords: city; infrastructure; mythopoetics; symbolism; body; development.

Поэтика инфраструктуры / Poetics of infrastructure

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет /

text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

В наши дни, говоря об инфраструктуре города, мы привычно понимаем ее как комплекс разнообразных инженерных сетей, технических сооружений и прочих объектов, функцией которых является обеспечение процессов жизнедеятельности современного поселения. Будучи сами все более включены в каждодневное потребление инфраструктурных благ – от водо- и теплоснабжения до услуг транспорта и связи – мы ощущаем город не только (а зачастую и не столько) через статику плотной материи его архитектурного тела, сколько через происходящие в этом теле процессы – «кровообращение», «нейросигнализацию», «метаболизм» и тому подобное.

В осознании роли инфраструктуры такая анатомическая метафора точна не только тем, что позволяет видеть город как сложный естественный организм, но и тем, что указывает на сам способ мышления и чувствования его человеком как средоточия телесности. Мысля город как тело, человек уподобляет его себе. И такая антропоморфизация урбанистического образа, с одной стороны, отражает симбиотический характер отношений между человеком и городом, а с другой – обнаруживается как явление современной мифопоэтики.

Впрочем, город и в древности ощущался и понимался как тело. История позволяет увидеть произошедшее за многие века смещение акцентов его мифопоэтического восприятия. Ниже мы попытаемся поразмышлять о том, как мифопоэтическое представление города меняет свой предмет во времени, как его энергия постепенно, но все больше смещается от статики, от пространственной закреплённости «топоса» и «локуса» в сторону динамики процессов и инфраструктурных элементов городского устройства.

В течение всей урбанистической истории город во все возрастающей степени служил источником творческого вдохновения для писателей и поэтов, художников и режиссеров, скульпторов и архитекторов, фотографов и кинематографистов, музыкантов и хореографов.

Люди искусства вдохновлялись зрелищем города и делали его объектом творческого осмысления и художественного отображения. За многие века этот процесс постепенной поэтизации города сформировал особый урбанистический дискурс, обнаруживающий себя в самом широком диапазоне вербальных, визуальных, пластических, музыкальных и прочих текстов.

Древнейшие образы города, впрочем, были вызваны к жизни не столько эстетическими импульсами их создателей, сколько общественным спросом на визуализацию сакрально-мифологических представлений, внутри которых город выступал всего лишь символической условностью, более или менее развернутым знаком.

Древняя иконография города, каковую мы обнаруживаем преимущественно в иконописи, в графических миниатюрах средневековых манускриптов и фресковой живописи храмов, предъявляет его, прежде всего, как ме-

> Рис. 2. Джотто ди Бондоне. Фреска «Гражданин Ассизи расстилает плащ перед Святым Франциском». Ассизи. Церковь Сан Франческо

< Рис. 3. Амброджо Лоренцетти. Фреска «Аллегория доброго правления». Сиена. Палаццо Публико

сто конкретных событий священной истории – библейской, евангельской или святожитийной. Город – ограниченное, выделенное в ландшафте пространство, всегда соразмерное масштабу происходящего в нем события, первоначально вписанного в память в виде словесного текста. Лишь много позднее, вслед изустному бытованию того или иного сюжета, включающего сведения о городе как об обстоятельстве места, рождаются попытки его визуализации. При этом город на протяжении многих веков не является самостоятельным объектом образного запечатления. Город как реальность в насковозь религиозном сознании и воображении средневекового горожанина вообще не обладает иными видимыми параметрами кроме тех, что проявляют его в качестве локальной сцены конкретного событийного факта. Особый случай составляет априори лишь символическая оппозиция двух образов города: с одной стороны, образ Града Божия (Небесного Иерусалима), задающий в христианской культуре абсолютную в своей кристаллической форме модель идеального места божественного присутствия, с другой – образ земного града Вавилона, места пленения духа и тщеты существования [2]. Оба города суть символические концепты, понятийные полюса, содержание которых еще в начале V века раскрывает в своих текстах влиятельнейший философ и богослов Аврелий Августин Блаженный (см., например, «Аврелий Августин. Толкование на псалом 136). Августин, в частности, говорит: «О том, что два града, перемешанные между собой телом и разделенные сердцем, движутся через смену веков вплоть до их конца, вы слышали и знаете: для одного града конец – вечный покой, что зовется Иерусалим, для другого радость – временный покой, что зовется Вавилон». Далее, проясняя смысл, Августин дает переводы этих имен: Иерусалим переводится как «видение мира», Вавилон – как «заблуждение» [1].

Эта мысль Блаженного Августина, автора фундаментальнейшего теологического произведения «О граде Божием», необычайно важна для понимания того исходного напряжения, которое возникает между двумя символическими концептами города и определяет историческую эволюцию его поэтики. Августин противопоставляет «видение мира» и «заблуждение», «основание Иерусали-

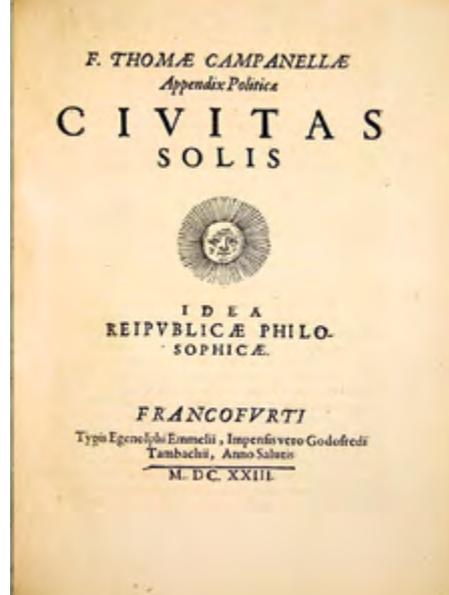
ма» и «реки Вавилона», трансцендентное и преходящее. По сути, уже в этом противопоставлении отражается особое понимание визуальной поэтики города: город для Августина есть «видение мира». Не просто видение городом самого себя, но именно ВИДЕНИЕ МИРА, зримая модель божественного мироустройства. Поскольку речь у Августина идет о сакральной и эзотерической оптике (то есть о сокровитом и потаенном), именно зримый характер такого образа – ключ к пониманию мифопоэтики города со времен поздней античности вплоть до эпохи Возрождения. «Разделенные сердцем» Иерусалим и Вавилон как выражение двух противоположных состояний человеческого духа определяют эволюцию образов города на протяжении полутора тысячелетий и актуализируются сегодня в практиках урбанистического развития.

Средневековая поэтика города сосредоточена вокруг его тела в той же мере, в какой и вокруг его духа. Йохан Хейзинга в «Осени Средневековья» отмечает: «Средневековый город не переходил, подобно нашим городам, в неряшливые окраины с бесхитростными домишками и унылыми фабриками, но выступал как единое целое, опоясанный стенами и ощерившийся грозными башнями. Сколь высокими и массивными ни были бы каменные дома купцов или знати, здания храмов своими громадами величественно царили над городом» [3]. Концентрированность средневекового города вокруг архитектурных вертикалей храмов, общая центростремительность его пространства, самоопоясывание урбанистического тела стенами крепостного периметра – все это находит отражение в описывающих город текстах – вербальных и визуальных. Когда Джотто ди Бондоне пишет в Ассизи, в церкви Сан Франческо храмовую фреску на сюжет изгнания Святым Франциском демонов из Ареццо, он изображает Ареццо, исходя вовсе не из того, как реально выглядит современный ему (или Святому Франциску) город, а из того, как он должен выглядеть согласно актуальному мифопоэтическому пониманию и дидактическому смыслу изображаемой истории. В композиции фрески стиснутый полукольцом крепостной стены город с воспарившими над ним демонами противопоставлен храму. И если в реальном Ареццо храм находился внутри городских границ, то в визуализированном Джотто

> Рис. 5. Томмазо Кампанелла. Гравюрный портрет

> Рис. 6. Книга Томмазо Капанеллы «Город Солнца»

^ Рис. 4. Современный вид храма Santa Maria sopra Minerva в Ассизи

сюжете он вынесен вовне. Символически это понятно: храм не может быть частью захваченного демонами города. Тут мы видим выражение упомянутого выше противостояния «разделенных сердцем» Иерусалима и Вавилона, совершенно в духе Блаженного Августина, и это, конечно, никак не связано с реальной географией города, с физической реальностью его устройства. Другой сюжет там же, в церкви Сан Франческо – «Гражданин Ассизи расстилает плащ перед Святым Франциском». На этой фреске город представлен внутри крепостных границ, но лишь фрагментарно, как место конкретного события. Дело (согласно то ли легенде, то ли сценографическому выбору самого Джотто) происходит на площади перед портиком Tempio di Minerva (храма Минервы). Это древнеримское здание сохранилось до наших дней (с 1539 года и поныне там католический храм Santa Maria sopra Minerva). Невозможно не обратить внимание на то, что, изображая город (точнее – конкретный его фрагмент), словно театральный задник для сцены расстилания плаща перед Франциском, Джотто не считает необходимым придерживаться фактической достоверности в визуальном воспроизведении архитектуры храма. Вместо великолепно спропорционированного римского портика (шесть каннелированных колонн коринфского ордера несут уложенный на их капители солидный антаблемент) мы видим странный портик с пятью готически истонченными колоннами, субтильное, орнаментально декорированное подобие антаблемента и завышенный фронтон с ажурной «розой». Такое пренебрежение реалистичностью образа городской архитектуры говорит нам о том, что город не мыслился человеком средневековья как нечто самостоятельное, достойное запечатления вне связи с конкретными происходящими в городе событиями. Город понимается и изображается чисто сценографически, по мере необходимости, определяемой символическим, надреальным и трансвременным содержанием визуального повествования.

Несколько более развернутый, показанный как бы изнутри образ города можно видеть, например, в исполненной Амброджо Лоренцетти для сиенского Палаццо Пубблико росписи «Аллегория доброго правления». Сюжет этой фрески, созданной в 1337–1339 годах, уже отнюдь

^ Рис. 7. Барон Жорж Эжен Осман, осуществивший грандиозную реконструкцию Парижа, автор и вдохновитель инфраструктурных проектов по преобразованию французской столицы. Его имя дало название нарицательному термину «османизация»

^ Рис. 8. «План Вуазен»: проект Ле Корбюзье по преобразованию Парижа как воплощение идей Кампанеллы в XX веке

не из церковного репертуара, не из разряда евангельских или святожитийных историй. Фреска дает аллегорический образ правильного, богоугодного, «доброе» правления; возможно, впервые в истории визуального урбанистического нарратива мы видим город в качестве самостоятельного, оформленного и завершенного в себе явления: в качестве среды повседневной жизни, в качестве объекта политического и хозяйственного управления, в качестве предмета общественной морали. У Амброджи Лоренцетти плотность архитектурной ткани изображенного на фреске города примерно та же, что и в посвященных деяниям Святого Франциска росписях Джотто: дома теснятся друг к другу, «перемешиваясь телом» и образуя сплошные монолиты квартальной ткани. Однако эта плотность показана изнутри, с точки зрения горожанина или вошедшего в город путника. Конечно, и здесь фрагментарно присутствует изображение ограничивающей и защищающей город крепостной стены, но она уведена на периферию общей композиции. Взгляд Лоренцетти панорамирует вдоль непрерывных сросшихся фасадов, вдоль разнообразных групп горожан, разворачивая протяженный визуальный рассказ о городском быте и устройстве урбанистического пространства. Обратим внимание, что на другой части росписи Лоренцетти наряду с аллегорическими образами доброго правления, правосудия и прочих добродетелей изображает группу представителей сиенской коммуны (городского мьюнители, сказали бы мы сейчас). Этот разворот внимания в сторону социального, коммунального аспекта образа города имеет важнейшее значение в контексте нашего размышления о поэтике инфраструктуры.

Внимание города к инфраструктурным аспектам своего устройства связано с обретением им выраженной субъектности, с тем этапом урбанистического развития, когда город становится местом генерации коллективной воли и представлений о будущем. Если в средневековом городе и есть какая-то зримая, пластически проявленная инфраструктура, то это, прежде всего, система храмовых вертикалей, символически отображающих связь города с «Небом», с источником высшего покровительства, с Богом. Это город, который больше отгораживается от окружающего ландшафта, нежели стремится в этот ландшафт

прорасти. Приходящий ему на смену город Возрождения принципиально изменяет пространственные отношения. В сценариях городского развития Возрождение подразумевает, наряду с прочим, возрождение политического и экономического значения связей. Речь о самых разнообразных связях между городами через просторы окружающего ландшафта, сквозь пустоту незаселенных и неблагоустроенных территорий. Возрождение «вспоминает» о римских генах города, пытается обнаружить их в себе, возвращаясь на тысячелетие назад, к дохристианским программам урбанизации, к духу территориальных завоеваний, географической экспансии, конкуренции и коммуникации между поселениями.

В Риме титул «понтифик» (лат. pontifex) принадлежал представителям высшей коллегии жрецов, возглавлявшейся верховным понтификом. Звание верховного понтифика вплоть до 382 года носил римский император. Позже оно стало наименованием Римского Папы и дожило до наших дней. Любопытно, что наиболее древние этимологические толкования слова «pontifex» связывают его со значением надзора за строительством Свайного моста (первого, согласно дошедшим до нас сведениям, моста в Риме через Тибр). Мост этот был возведен в 625 г. до н. э. при четвертом царе Рима Анке Марции. Некоторые из более поздних этимологических версий также склоняются к значению инженерно-строительных компетенций понтификов, связанных с возведением свайных мостов. Даже если эти толкования не вполне точны с современной научно-исторической точки зрения, в контексте нашего исследования мифопоэтики инфраструктуры они обнаруживают важную для понимания вопроса сосредоточенность культурного сознания на средствах межпространственной связи, на том, что помогает преодолевать границы, препятствия, естественные и искусственные разрывы в ландшафте, понимаемом как объект властной экспансии.

Элементы римской инфраструктуры прежде всех прочих значений (функциональных, утилитарных, хозяйственных, военных) демонстрируют и символизируют намерения и возможности власти, ее всеподавляющую политическую мощь, ее необъятные имперские ресурсы, ее безграничные геополитические притязания. Сухопут-

ные дороги и водные пути, мосты и путепроводы, каналы и водоводы – все эти коммуникации, обеспечивающие здоровое функционирование грандиозного организма империи, формируют символический, можно даже сказать, пропагандистский нарратив величия. Именно поэтому масштаб и трудозатратность римских инженерно-технических сооружений зачастую превосходят пределы логистической рациональности. Демонстрируя населению завоеванных территорий мощь имперских возможностей, Рим строит протяженные акведуки там, где, возможно, экономнее было бы обеспечить доставку потребного количества воды гужевым транспортом, мостит дороги камнем там, где можно было бы обойтись грунтовкой и т. п. Рим не экономит. Рим демонстрирует высшую щедрость в отношении всех классовых, географических и культурных субъектов, составляющих тело империи и входящих в его социальную структуру. Распластавшаяся на тысячи километров инфраструктурная паутина Римской империи, казалось бы, предвосхищает современный инфраструктурный глобализм с его планетарной сетью систем связи и информационного обмена, с его трансконтинентальными транспортными артериями как на земле, так и в небе. Однако будем справедливы: в отличие от Римоцентрической сети дорог и мостов (сети, в центре которой всегда находится «Город городов»), сегодняшняя мировая паутина транспортных, информационных и прочих связей по меньшей мере полицентрична (причем многие ее центры нестабильны и имеют «блуждающий» характер).

В отличие от современности, Возрождение имело куда более глубокие основания в своих попытках наследовать Риму спустя тысячелетие. Средневековый христианский опыт самоценности города, его центрального значения в культурном пространстве задавал смысл развитию инфраструктуры. Всякий город, почти независимо от своего масштаба, мыслил себя «Новым Римом» (или «Новым Иерусалимом», а то и «Новым Вавилоном»). И развивавшаяся инфраструктура при этом обслуживала конкретный город, его сакральную самость, а не абстрактный процесс урбанизации. В самом Риме Возрождение и последовавшая далее эпоха барокко вызвали волну воссоздания и реконструкции элементов древнеримской

инфраструктуры. Так, например, папа Павел V восстановил разрушенный в VI веке акведук Траяна. В 1612 году в честь завершения работ был построен знаменитый фонтан Аква-Паола, ставший грандиозным памятником, увековечившим последовательные усилия понтифика-«кводопроводчика». Этот удивительный разворот вектора внимания Ватикана в горизонтальном направлении, эта вдруг явно обозначившаяся тяга церкви к делам города и инфраструктурным проектам ощутимо изменили идеологическую риторику эпохи и смысл традиционного папского месседжа «*Ūrbi et orbī*». Отсюда было уже рукой подать до мироощущения и идей Реформации, до резкого поворота в культуре городов и отношений духовной и светской жизни в них.

Уже в конце XVI века Доменико Фонтана по поручению папы Сикста V перекраивал планировку Рима, переосмысляя ключевые магистрали города и создавая фактически новую сеть улиц. Этот труд, среди прочего, в значительной мере был ориентирован на возросший паломнический трафик: служил одновременно и пространственно-символическому выражению святости столицы христианского мира, и совершенствованию транспортной и пешеходной инфраструктуры. Подобная практика пространственно-планировочных реконструкций вслед за Римом охватила многие европейские города, устремившиеся к новому идеалу города как «здорового тела», понимаемого в качестве вместилища «здорового духа» (XVI, XVII и даже XVIII века, ориентируясь на непреходящий римский идеологический камертон, охотно и неоднократно вспоминают «крылатую латынь», в частности эту максиму Децима Юния Ювенала: «*Mens sana in corpore sano*»).

Проводя исторический пунктир от начальных реконструкций европейских городов (включая их инфраструктурные трансформации) в XVI – XVII к практикам их преобразования в XIX – XX веках, нельзя не заметить, как разворачивается вектор мифопоэтического осмысления города. Если Возрождение еще сохраняет традицию поэтизации города как места божественного присутствия, то уже XIX век делает предметом мифопоэтического дискурса совершенно иные содержания. Образ активно растущего, индустриализирующегося, развивающегося

< Рис. 9, 10, 11.
Гюстав Доре. Гравюры
из книги «Лондон:
паломничество». Образы
лондонской городской
жизни, отражающие
поэтику индустриального
мегаполиса викторианской
эпохи. 1872

внешние связи города (как, например, викторианские города Англии) затмевает собой старый урбанистический паттерн, вытесняя прежний образ города в область туристических фантазий. Глядя на этот процесс из сегодняшнего дня, мы прекрасно видим, какова принципиальная смысловая разница между программами городских преобразований архитектора папской курии Доменико Фонтаны и, скажем, префекта департамента Сена барона Жоржа Эжена Османа.

Развивая территории и инфраструктуру, европейский город на протяжении последних пяти веков все более социализуется и все сильнее десакрализуется. Пафос нарастающей механистичности городского организма, превращение города в своего рода машину и, соответственно, возрастание функционального значения инфраструктуры отражаются и в их мифопоэтическом осмыслении.

В своей недавней статье, посвященной «Городу солнца» Томмазо Кампанеллы [4], Григорий Ревзин замечательно показывает, как проникнувшийся идеями ренессансного неоплатонизма и вдохновленный «Утопией» Томаса Мора доминиканский монах дополняет матрицу платоновского города магией, астрологией и прочими герметическими измерениями и создает образ идеального города как машины по производству счастья. И действительно, «Город Солнца» исторически предвосхищает тот образ «идеального города», который хорошо знаком нам по теориям и градостроительным практикам XX века, но еще лучше знаком по урбанистическим социокультурным и политическим практикам наших дней. Вслед за Платоном Кампанелла заботился о формировании соответствующего идеальности города идеального же населения. И понятно, что не было для этого иного пути, как только превратить горожанина в механически послушный элемент городского иерархического механизма. Кампанелла идет дальше Платона и Блаженного Августина и, по сути, делает жителя города его инфраструктурной единицей. К XIX веку уже отлично виден результат влияния подобных идей и постепенно, из века в век, внедряемой социальной дисциплины на развитие города. А сегодня мы уже, не вздрагивая, слышим выражения вроде: «Люди – новая нефть». И действительно,

но, городское население, утратив былую субъектность, само становится расходным материалом самоценного, разрастающегося, как раковая опухоль, городского организма. И это превращение человека в инфраструктурную молекулу города, окончательно потерявшего гуманистический смысл своего развития и связь с идеей Высшего присутствия, не может быть осмыслено вне богатейшего исторического опыта мифопоэтического сознания.

Литература

1. Толкование на псалом 136 // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2 (1). – С. 117–141. Пер.: П. Н. Семенова. Оригинал: Augustinus/ Enarratio in Psalmum 136 // Sancti Augustini Opera. Ennarationes in Psalmos 134–140 / hrsg/ von F.Gori, F.Recanatini. – Wien: Verlag der Osterreichischen Academie der Wissenschaften, 2002. – S. 73–103. – (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 95/4). – URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-1-117>
2. Салмин, Л. Ю. Град Небесный // *Проект Байкал*. – 2021. – № 67. – С. 56–63
3. Хейзинга, Й. *Осень Средневековья*: Соч. в 3-х тт. Т. 1: Пер. нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В.И. – Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 416 с.
4. Ревзин, Г. И. Как сделать из города машину счастья // *Коммерсант Weekend*. – 2021. – № 31 от 17.09. – С. 17. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977363> (дата обращения: 24.10.2021)

References

- Augustinus (2002). Enarratio in Psalmum 136 [In Latin]. In F.Gori, & F.Recanatini (Eds.), Sancti Augustini Opera. Ennarationes in Psalmos 134–140 (pp. 73–103). Vienna: Verlag der Osterreichischen Academie der Wissenschaften (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 95/4).
- Huizinga, J. (1995). Osen Srednevekova [The Autumn of the Middle Ages] (V. I. Ukolova, Ed., Trans.) (Vol. 1). Moscow: Izdatelskaya gruppa "Progress" – "Kultura".
- Revzin, G. I. (2021, September 17). Kak sdelat iz goroda mashinu schastyia [How to make a happiness machine out of the city]. *Kommersant Weekend*, 31, 17. Retrieved October 24, 2021, from <https://www.kommersant.ru/doc/4977363>
- Salmin, L. (2021). The Heavenly City. *Project Baikal*, 18(67), 56–63. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1755>

Развитие цифровых технологий, превращение интернета в «коммуникационный медиум» ведет к становлению сетевого общества с широкомасштабным развитием сетевой культуры и вторжением сетевого бизнеса и сетевых форм обучения. Замена процессов личного контакта человека с человеком сетевой формой общения, разрушение личного пространства, открытость личной жизни, ее «включенность в сеть», одновременная возможность анонимности, защищенность и безответственность пользователей становятся реальностью современной жизни. Сетевые системы превращаются в базовую инфраструктуру современного общества.

Ключевые слова: сетевая инфраструктура; интернет; сетевая культура; сетевое образование; E-commerce; реклама; бренды. /

The development of digital technologies, the transformation of the Internet into a "communication medium" leads to the formation of a network society with the large-scale development of network culture and the invasion of network business and network forms of education. Replacement of the face-to-face contact by the network communication, destruction of personal space, openness of personal life, its "inclusion in the network", simultaneous possibility of anonymity, protection and irresponsibility of users become a reality of modern life. Network systems are becoming the basic infrastructure of modern society.

Keywords: network infrastructure; Internet; network culture; network education; E-commerce; advertising; brands.

Сетевая инфраструктура в реалиях современной жизни / Network infrastructure in the present-day realities

текст

Ольга Железняк

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Olga Zheleznyak

Irkutsk National Research Technical University

Образы ризомы, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, заменившие в картине мира корневую систему, становление концепций номадизма с идеалами странничества, рассеивания, «поиска новых земель» и реальной тягой к передвижению/перемещению с появлением разных точек оседлости, а также с вторжением интернета и процессов глобализации инициируют активное развитие сетевых форм построения мира. Это провоцирует прорастание сетевой инфраструктуры в ключевые сферы жизнедеятельности человека, определяющие качество жизни/среды и входящие в представление об устойчивом развитии цивилизации. Сетевая инфраструктура становится основой их построения и, по мнению Д. Пескова, может служить фундаментом для «формирования сильных стратегий развития».

Выделяя самоорганизацию в качестве ключевой характеристики сети, Мануэль Кастельс [2] в дискурсах о «сетевом обществе» представляет сеть как множество равноправных, взаимосвязанных и децентрализованных узлов, что создает более гибкую, приспособленную к адаптации организационную форму по сравнению с предшествовавшей иерархической – «корневой» системой. В свою очередь ориентация сети на собственное функционирование, действие по принципу «включение/исключение», игнорирование всего не встроенного в жизнь сети задает ограниченность и своеобразную «линейность сетевого мышления» [2], форм и правил сетевого существования в целом.

Специфической «тканью» жизни и базовой инфраструктурой сетевого общества являются «сети компьютерных сетей» [9], в то время как источником и идеологом сетевой формы выступает интернет. Глобальная компьютерная сеть начинается с концепции «World Wide Web» Тима Бернсома-Ли, которая в последующие 20 лет развивается в социальные сети, спам, онлайн-игры, мессенджеры, сервисы e-mail, телефонию и пр. Интернет-революция 1995 г. порождает новые скорости, развернутую сетевую инфраструктуру и многочисленных пользователей, заполнивших сети, блоги, электронные магазины, форумы и др. и составляющих сегодня, по отдельным оценкам, более 3,6 млрд. человек.

По мнению экспертов, основой «World Wide Web»/всемирной паутины служит гипертекст, появление которого

в компьютерной сети фактически предсказывал Вэннивар Буш еще в 1945 году. Интернет, по существу, становится «коммуникационным медиумом цифровой эпохи», формируя гибридную систему коммуникации с гибкими технологиями, позволяющими переходить «от унифицированного шаблона «гипертекста» к диверсифицированному, индивидуализированному «моему тексту» (мой гипертекст, мой прайм-тайм, произвольно отобранное мною сочетание образов и слов)» [9].

Расширяя «территорию» влияния, крупнейшие корпорации и IT-гиганты направляют усилия на развитие цифровых технологий и внедрение проектов «интернет для всех», «небесного» интернета, подчиняют себе интернет-бизнес, генерируют глобальные бизнес-сети, сочетающие различные формы и платформы коммуникации.

Становление сетевого общества порождает глобальные процессы «индивидуализации и осветления», определяющие преобразования в культуре и социальной жизни, в организации работы и экономической деятельности; трансформирует «социальность» в «сетевой индивидуализм» и создание сетевых сообществ [9].

«Сетевой скачок» в развитии бизнеса. «E-commerce» и реклама. Бренды как сетевая структура

Глобализация как современный тренд экономики превращает мир в единый рынок, повышает роль транснациональных компаний и сопровождается монополизацией, что, в свою очередь, порождает углубление взаимодействия экономических субъектов, интеграцию, развитие многоплановых связей и становление сетевых структур [4]. Обеспечивая взаимовыгодный обмен ресурсами, сетевые средства, нормы и правила вторгаются практически во все сферы жизни человека.

К основным формам **сетевого бизнеса** сегодня относятся MLM, или сетевой маркетинг; WEB-мастеринг; агентства по трудоустройству; игровой бизнес в сети; инвестиционные фонды; интернет-лизинг; интернет-магазины; интернет-маркетинг; интернет-франчайзинг; информационных посредников (каталоги, рейтинги, поисковые системы); информационный бизнес; контент-проекты; организацию, содержание и обслуживание общественных глобальных сетей; корпоративные, информационные, коммерческие, персональные пор-

^ Рис. 1. Развитие глобальной сети интернет. – URL: <https://informaconnect.com/anti-forced-heirship-and-anti-foreign-law-regimes/>

^ Рис. 2. Сетевая система кобрендинга – ключевой образ. – URL: <https://ngmsys.com/blog/9-best-co-branding-programs>

талы; предоставление услуг (дистанционное обучение, сетевые библиотеки, электронное здравоохранение, Интернет-консалтинг и т. д.); разработку ПО и цифровых товаров; рекламный бизнес; торговые площадки; услуги связи и средства общения; услуги сервис-провайдеров; финансовые услуги; электронное управление закупками и др. По данным различных источников, сетевой бизнес мира в 2010 г. оценивался приблизительно в 150–200 млрд. долл. [5].

Приобретивший огромную популярность и широкое развитие сетевой маркетинг (multilevel marketing/MLM), построенный на формировании сети независимых дистрибьюторов, не только обуславливает значительные изменения в механизмах и форме контактов между производителями и системой сбыта, в динамике оборота товаров, но и создает новую многоуровневую сеть взаимодействия с покупателем. Многие известные корпорации успешно используют сетевой маркетинг для ведения своего бизнеса; среди них Amway, Avon Products, Faberlic, Mary Kay, Neways, Nature's Sunshine Products, Vitamax, Oriflame, Primerica, Shaklee, Talk Fusion, Zepter International и др.

Важное место в сетевом бизнесе занимает **электронная коммерция**, которая представляет как финансовые и/или торговые транзакции, реализуемые с использованием сетей, так и глобальные бизнес-процессы. В настоящее время сюда подключаются мобильная коммерция, системы управления запасами и сбором данных, электронные переводы, управление поставками, интернет-маркетинг, электронный обмен данными (EDI), онлайн-обработка транзакций и пр. Общий вклад сегмента e-commerce в экономику мира непрерывно растет и, по некоторым прогнозам, к концу 2021 г. может достичь 25–30%.

Достаточно объемную нишу в современной экономике занимает **рынок рекламы**, одна из ключевых особенностей которого – развитие транснациональной сети агентств. Эволюция глобализационных сетевых процессов и рост конкуренции требуют адаптации внутренней структуры агентств и их внешних контактов к растущим потребностям и запросам глобальных рекламодателей, для чего создаются новые формы сетевой организации. Внедрение сети способствует сокращению параллельных

структур, нивелированию отрицательного воздействия иерархической системы и влияния жесткой конкуренции, а также позволяет ускорить нововведения, получить доступ к ресурсам и технологиям. Конкурентные преимущества самим агентствам-участникам рекламно-коммуникационных групп обеспечиваются прежде всего за счет особой специализации каждого агентства в рамках сети [4]. На глобальном рынке рекламы сети агентств объединены в ряд международных рекламно-коммуникационных групп, среди которых сегодня доминирует «Глобальная шестерка», контролирующая существенную часть рекламного рынка всего мира: Interpublic (США), WPP (Великобритания), Omnicom (США), Publicis (Франция), Hawas (Франция), Dentsu (Япония). Ведущие российские агентства также встроены в глобальную систему сетевых рекламных агентств, что позволяет им представлять такие группы на национальном/региональном рынке рекламы.

Важной частью мирового сетевого пространства и современной бизнес-системы являются **бренды и их сетевая инфраструктура**, изменившая правила и нормы коммуникации брендов с разными типами потребителей. Таким образом, при оценивании текущей стоимости бренда безусловными лидерами становятся компании, имеющие наиболее развитую и разветвленную сетевую инфраструктуру. В частности, в рейтинге Forbes («100 самых дорогих брендов мира») вслед за двадцатью ведущими IT-брендами, априори владеющими колоссальной сетевой инфраструктурой, следуют компании, предоставляющие финансовые услуги (14 брендов), автопромышленность (11) и розничная торговля (8), также обладающие развитой сетевой структурой. Кроме того, по версии Forbes, после пандемии бренды Amazon, Netflix и PayPal могут значительно вырасти благодаря онлайн-торговле, потоковому мультимедиа, онлайн-обработке платежей и пр. Все чаще, сталкиваясь с молодыми конкурентами, более старые бренды испытывают прессинг со стороны работающих онлайн стартапов. В связи с этим, учитывая современные тенденции, большинство зарекомендовавших себя брендов стремится расширить свое присутствие в сети. Так, программой развития брендов Испанского модного дома Inditex предусматривается их представление в международной сети через интернет-систему

^ Рис. 3. Примеры успешных кобрендинговых программ. «Louis Vuitton-BMW». – URL: <https://ngmsys.com/blog/9-best-co-branding-programs>

^ Примеры успешных кобрендинговых программ. «Gap-Red-campaign». – URL: <https://ngmsys.com/blog/9-best-co-branding-programs>

«Wildberries», что повлечет за собой расширение аудитории и значительный рост онлайн-продаж.

Важной современной формой продвижения брендов (в т. ч. культурных мероприятий – телепрограмм, шоу, интернет-акций/мероприятий и пр.), способом их сетевого построения и особым пространством сохранения и распространения корпоративной культуры выступает франшиза, описывающая права использования и правила «эксплуатации» бренда и бизнес-модели. В качестве франшизы обычно выступают методики и основные требования к ведению бизнеса, технология, товарный знак, медиа-произведение, интеллектуальная собственность в целом, состоящие, например, из вымышленных миров, персонажей, концептов и пр., представленных в оригинальном фильме, книге, компьютерной игре, авторской телепрограмме, серии фильмов (в т. ч. сиквелах/приквелах, ответвлениях сюжета) и т. п.

Еще одним действенным механизмом продвижения и развития брендов, максимально эффективным в идеологии сетевой жизни, является кобрендинг, который позволяет объединить энергию различных брендов для привлечения новых клиентов и сохранения благосклонного отношения к бренду уже существующих клиентов. Успех кобрендинговых программ определяется привлекательностью условий для брендов-партнеров и потребителей. Так, продающая портативные камеры GoPro и Red Bull со своими энергетическими напитками, будучи яркими пропагандистами активного образа жизни и лидерами экстремальных видов спорта, создают почти идеальное партнерство брендов. Менее очевидным выглядит альянс двух премиальных брендов BMW & Louis Vuitton, известных безупречной репутацией и высоким качеством. И именно эти ценности, которыми дорожат обе компании, положенные в основу кобрендинговой программы под девизом «Искусство путешествий», делают такое сотрудничество перспективным. Созданные в рамках этого партнерства спортивный автомобиль «BMW i8» и эксклюзивный комплект чемоданов и сумок «Louis Vuitton», прекрасно подходят по дизайну, качеству и материалу, безупречно сочетаются друг с другом, интeрпретируя образы «искусства движения», увеличивая потенциал каждого бренда, их представленность в сети.

Сетевая инфраструктура современных городов.

Вторжение сетевой жизни в существование города

Концентрируя на своей территории основную часть населения, города служат ключевой причиной происходящих глобальных трансформаций, позитивные и негативные последствия которых наиболее остро испытывают на себе горожане [11]. Урбанизация, сопровождающая процессы глобализации, вызывает необходимость преобразования и последующего развития инфраструктуры поселений.

Усиление связей между странами, территориями и городами, вторжение **сетевой инфраструктуры** в жизнь **современных городов** влечет за собой формирование деловых и финансовых мега-центров, развитие глобальных транспортных хабов, общую ориентацию жизни города на межконтинентальные связи и потоки. Возросший спрос транснациональных компаний на различные объекты недвижимости, прежде всего – коммерческой, создает базу для их развития и одновременно для преобразования традиционных сегментов. При этом коммерческая недвижимость становится менее доступной для местных «игроков», что усиливает поляризацию и расслоение на национальном уровне. Не менее важной особенностью современного сетевого города является высокая мобильность населения и конкурентная борьба за таланты, в связи с чем наличие в арсенале города арендного жилья высокого качества и развитой сферы культуры и услуг оказываются значимым фактором для привлечения высокопрофессиональных специалистов. Активное формирование сетей e-commerce, ведущее к спаду посещаемости сложившихся торговых моллов и центров, в значительной мере снижает привлекательность именно торговли недвижимостью и превращает традиционные магазины в своеобразные витрины, не только и не столько демонстрирующие товар, сколько формирующие и представляющие бренд компании, его уникальность. Традиционные торговые улицы при этом нередко сохраняют популярность, превращаясь в имиджевые пространства города. Увеличение масштабов сетевой онлайн-торговли одновременно стимулирует формирование новых типов складских помещений и индустриальной недвижимости. Развитие технологий преобразует формат занятости: популярность приобретают частичная занятость и дис-

танционная сетевая работа. В перспективе это может привести к пересмотру представлений о рабочем месте/пространстве вплоть до полной не востребоваемости изолированных офисов [11].

Сетевые формы организации работы и досуга сегодня приобретают все большее значение в жизни современного города и горожан, в становлении культуры и новых норм, правил и стиля «общезития». Происходят реальные изменения в образе жизни и формах ее организации и «стирания границ между личным пространством и пространством для работы» [13; 11]. Следствием этих преобразований является возникновение новых видов гибридных пространств и полифункциональных объектов, отвечающих сегодняшним требованиям, технологическим запросам и сетевой логике организации процессов.

Наглядным примером могут служить коворкинги, которые представляют собой соответствующие времени формы гибридных пространств и «гибких офисов», специфического функционально-пространственного симбиоза и инновационной «модели занятости», отражают современное понимание качества среды обитания и форматов жизни « сетевого » поколения. Превратившись в актуальный тренд архитектуры, инновационную технологию и один из приоритетов развития производственных сред, способ джентрификации заброшенных территорий и создания «третьей среды», коворкинги становятся все более востребованными и популярными. Их сетевая организация соответствует новому типу экономических отношений – экономике совместного потребления (ЭСП/sharing economy) и, будучи инвестиционно-привлекательной бизнес-моделью, составляет неотъемлемую часть современной культуры.

Сеть «Точка кипения» как образец отечественной сетевой системы коворкингов охватывает более сотни реально действующих площадок от Калининграда до Камчатки. Сетевая инфраструктура позволяет выстраивать работу с бизнес-партнерами, различными университетами и институтами регионального развития, оказывать помощь местным командам в запуске новых проектов, организовывать взаимодействие профильных сообществ и способствовать получению образования и карьерному росту. В отдельный блок выделяется работа с «цифровым следом» и информационными данными пользователей, сетевой эффект которых создает основные конкурентные преимущества.

С момента появления глобальных сетей **сетевой образ жизни** приобретает невиданный размах, набирает силу и темпы развития. Миллионы пользователей оказываются вовлеченными в работу сетей в своей повседневной практике, что фактически превращает человека в «оператора», обеспечивающего собственное культурное развитие, свои успехи и достижения в работе и личной жизни. Более того, в соответствии со складывающимся стереотипом «человек-оператор» непременно должен быть представлен в интернете, в противном случае в реальной жизни его шансы на успех значительно сокращаются, т. к. «если тебя нет в цифре, значит, тебя вообще нет». Сетевая жизнь, охватывая неограниченный круг интересов, помогает пользователям консолидироваться на базе схожих увлечений, политических убеждений или видов деятельности. Ряд сетей, как правило, замкнут на жизнь профессиональных сообществ; другая часть объединяет людей на основе языковой общности, национального, религиозного или гендерного своеобразия. Кроме того, они различаются по уровню доступности новых технологий, информационных и коммуникационных устройств и т. д. [13].

Таким образом, сетевое общество, сетевая коммуникация практически поглощают человека, формируя необходимость постоянной подключенности к сети (в прямом и переносном смысле), ощущение привязан-

ности, встроенности и доступности и весьма категорично определяя «сетевой формат жизни» через блоги/удаленку/дистанционку, сетевую организацию жизни и общения в целом, чаты по интересам и формам деятельности, систему личных кабинетов, сетевых услуг и пр.

Сетевая культура, мышление и сетевое образование Жизнь сетевого общества сопровождается становлением **сетевой культуры**, которая представляется не только как культура сетевого общения, «жизни» в сети, но и как культура, приобретающая сетевую форму существования, мышления и культурного нормирования. В качестве культуры отображения информации и общения пользователей сетевая культура возникает прежде всего благодаря Интернету и, как глобальный феномен, приобретает признаки и свойства самостоятельного общественного явления. В научный и культурный оборот вводятся новые понятия: «социальная сеть», «сетевые структуры», «сетевая культура» и пр. [13].

Широкому распространению сетевых структур способствует сетевой принцип построения информационно-коммуникационных технологий и их повсеместное развитие. Все это вместе превращает упорядоченный, иерархически организованный мир в пространство «тысячи плато», сетевой логики и «ускользающей паутины возможностей». При этом экспансия сетевых структур, «гипертекстов» и сетевой логики «складывает» представление о сетевой культуре с присущей ей «асинхронностью, нелинейностью, семантическим и аксиологическим плюрализмом, доминированием публичности» [10, с. 45], но одновременно – с возможностью анонимности, отсутствием подлинности участников сети.

В ситуации становления сетевой культуры происходит формирование глобального перформанса, который утверждает «ценности сетевого человека в форме участия в интерактивном остранении мира» [6, с. 6]. Генерируя новую реальность, «свободную от ограничений подлинного бытия», глобальный перформанс позволяет быть частью этой реальности и в то же время – свободным от нее. Возникает своеобразный эффект защищенности, эксплуатируя который «изобретательно и многообразно», современная культура помимо традиционных перформансов (массовых праздников и карнавалов, спортивных мероприятий, политических акций и др.), создает новые сетевые формы, превращая искусство в перформанс. К популярной форме такой трансформации можно отнести сериал; еще одним, особенно актуальным в сетевую эпоху видом перформанса, является традиционная для современной культуры форма массовой коммуникации – реалити-шоу, ток-шоу, новости и пр. [7, с. 32].

Однако к наиболее востребованным и доступным событиям глобального перформанса в сетевом обществе, несомненно, следует отнести интернет. Интерактивность интернета, эксплуатирующая эффект «отстраненного присутствия», делает участие человека и подлинным, и иллюзорным; публичным и персональным, но вместе с тем – анонимным; позволяет самостоятельно задавать систему событий и действий в интернете и оставаться при этом абсолютно безответственным в реальном пространстве [7, с. 32].

Глобальный перформанс как часть сетевой культуры фактически становится пространством, в которое почти непрерывно погружен человек с его материально-вещественным и виртуальным миром.

Важным фактом становления и развития сетевой культуры, имеющим несомненный положительный эффект, является активное обращение к использованию цифровых ресурсов культуры [3]. Так, Национальный проект «Культура» позволяет создавать на базе цифровой платформы «Артефакт» мультимедиа-гиды с применением технологий дополненной реальности, которые предоставляют возможность виртуального путешествия

^ Рис. 5. Сеть «Точка Кипения – Политех», Санкт-Петербург. – URL: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/polytechnic-officially-opened-boiling-point/

^ Сетевое образование: кадры для космодрома «Восточный» и авиационного завода в Улан-Удэ готовятся в регионах в рамках сетевых образовательных программ. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39688

по государственным и муниципальным музеям, «запуска» 500 виртуальных концертных залов и 450 выставочных проектов. За последние годы сформирован цифровой архив лучших спектаклей последних десятилетий и постановок знаменитых театров России, оцифрованы редкие исторические рукописи и пр. Все эти материалы находятся в сети и имеют широкий доступ.

Глобальная «интернетизация» и жизнь в непрерывном информационном потоке, которые неизбежно ведут к изменению психики, поведенческой логики и образа мышления индивида в целом [8] приводят к складыванию **«сетевого мышления»**.

В отличие от процессов существования и использования иерархического мышления (логичного, непротиворечивого и последовательного), мышление сетевого индивида, «блуждающего» по сетям, позволяет ему менять свое поведение, образ/«личину» и принципы. Он может совмещать в себе не связанные друг с другом образы и «персоны», что ведет к фрагментации личности «человека сети».

Основанное на поверхностном, «скользящем» восприятии разрозненных информационных фрагментов, сетевое мышление приобретает «месседжевый», клиповый характер и в своей «виртуальной компоненте» становится «молекулярным», «мозаичным». При этом ценность и значимость информации определяется не по содержанию, а по особым кодам и ключевым словам [8].. Интерпретируя сетевое мышление как особую форму исследовательского подхода, можно использовать его для обсуждения сложных взаимодействий и связей между различными узлами. Это дает возможность рассматривать каждую конкретную задачу и/или проблему в широком контексте, не изолированно, поощряя «нелинейное отражение второго порядка», способствующее появлению новых идей [1]. В то же время, по мнению отдельных исследователей [8], экспансия сетевого мышления провоцирует снижение глубины освоения информации и сокращение уровня концентрации на конкретных объектах, деградацию воображения и способности к критическому мышлению.

Особую силу сетевое мышление приобретает в условиях коллаборации, совместной работы в сети, создании новых «линий» и связей между узлами.

Сетевое образование день ото дня увеличивает свое присутствие в жизни современного общества, расширяя границы и занимая разнообразные ниши.

Базовые представления об «образовательной сети», «сетевом образовании» описываются в 15 статье Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и предусматривают возможность обучения с использованием ресурсов нескольких образовательных организаций, в том числе иностранных. В этом процессе могут также участвовать организации науки, культуры и другие структуры, обладающие необходимыми ресурсами для осуществления учебной деятельности в соответствии со стандартами и образовательной программой. Развитие сетевого образования сопровождается формированием новой образовательной инфраструктуры с иным содержанием и организационно-методическими формами. При этом сетевое образование не может выстраиваться по аналогии с работой компьютерной сети; скорее всего, оно должно определяться как социальное явление, основанное на существовании информационных и кооперационных связей и отношений партнерства и сотрудничества [12; 14].

Приоритетными трендами в развитии современных ВУЗов и образовательных моделей становится создание сетевых консорциумов, обеспечивающих повышение гибкости учебного процесса и мобильности обучающихся. К успешному опыту подобных сетевых коопераций можно отнести проект «Сетевой Университет СНГ», в котором принимают участие 16 вузов из 8 стран; соглашение о сетевом консорциуме сорока педагогических ВУЗов России, подписанное в 2010 г.; создание Томским государственным университетом сетевой коллаборации 60-ти университетов из 7 федеральных округов.

Важную роль играет сетевое сотрудничество ВУЗов с предприятиями инновационного сектора экономики и ведущими научными центрами (например, с инновационным территориальным кластером «Зеленоград», космодромом «Восточный», авиационным заводом в Улан-Удэ или предприятиями ядерно-оружейного комплекса) [14].

Не менее значимым аспектом сетевой инфраструктуры образования является ориентация на международную кооперацию, на встраивание в транснациональные об-

разовательные и научные системы. Наука, став неотъемлемой частью современных ВУЗов, также превращается в участницу сетевых систем и вынуждена соответствовать не только международным стандартам, но и сетевым базам данных для оценки результатов деятельности, которые фактически задают свои стереотипы проведения исследований и описания результатов, нормируют способы научной работы в целом, а также критерии ее оценки. Сетевым канонам чаще всего подчинены организация и проведение научных мероприятий, хакатонов, стартапов, конкурсов, выставок и пр.

Непременной частью системы сетевого образования является сотрудничество ВУЗов со школами и средними специальными учреждениями. Примером такого сетевого взаимодействия может служить «Сетевой лицей ИРНИТУ» с программы профориентационной и предпрофессиональной подготовки, которая ориентирована на семь актуальных направлений инженерии и ИТ. Особый интерес представляет курс «Инженерный дизайн в Autodesk Inventor, Siemens NX и 3D-моделирование компьютерных игр».

Процессы пандемии интенсифицируют развитие сетевого образования не только в ВУЗах, но и в сегменте среднего специального образования и школах. Системы «Сетевой город», «Дневник.ру», «Электронная школа», «Электронный журнал» и пр. становятся обязательной составляющей жизни современной школы, аккумулирующей информацию о расписании занятий, домашних заданиях, текущей успеваемости, образовательных курсах и т. д. Сетевые формы не только организуют взаимодействие педагогов, родителей и учащихся, а также коммуникацию родителей между собой, но активно включаются в сам образовательный процесс, трансформируя традиционные методики; это, несомненно, имеет как плюсы, так и откровенные минусы.

Наряду с сетевым форматом «академического»/официального образования сеть предоставляет возможность бесконтрольного и бесконечного вбрасывания образовательного контента со стороны любого заинтересованного пользователя независимо от уровня его квалификации, степени проработанности и объективности/корректности предлагаемого материала. И это также имеет свои положительные и отрицательные аспекты, реальные последствия воздействия которых объективно оценить можно будет только в будущем.

Разрушение «корневой» системы организации жизни в пользу ризомы ведет к становлению сетевого общества с особой формой «сетевого мышления», широкомасштабным развитием сетевой культуры и активным вторжением сетевого бизнеса и сетевых форм обучения. Утрата уникальности, прорастания-прирастания к месту, замена процессов личного общения и контакта человека с человеком и/или с продуктом/покупкой сетевой формой общения через гаджеты, сетевые услуги, дистанционные заказы и пр. становятся реальностью современной жизни. Разрушение и отсутствие в отдельных случаях личного пространства, открытость и вседоступность личной жизни, ее «включенность в сеть», в «сетевого оборот» и в то же время возможность анонимности, защищенность и безответственность пользователей задают новые правила сетевой жизни и новую сетевую этику взаимодействия и взаимоотношений. Стирание границ и разграничений, устранение проблем территориальной отдаленности и информационной недоступности, став частью жизни сетевого общества со всеми его плюсами и минусами, превращается в норму современной жизни.

Литература

1. Anne-Laure Le Cunff. Networked thinking: a quiet cognitive revolution // <https://nesslabs.com/networked-thinking> (дата обращения: 14.10.2021)

2. Manuel Castells. Materials for an Exploratory Theory of Network Society // *The British Journal of Sociology*. – 2000. – Volume 51, Issue1, Pages 5–24
3. Wallace Patricia. The psychology of the Internet / Patricia Wallace. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 1999. – XII, 264 p.
4. Ageev, A. V., Mudrov, A. N., Meier, V. S., Alexandrov, A. N., Pavlov, S. M., Lebedeva, I. V., Alekseeva, M. A. Сетевые рекламные агентства : Теория и практика рекламной деятельности. Индустрия рекламы. – URL: <https://adindustry.ru/doc/1147> (дата обращения: 16.10.2021)
5. Эйкен, Джон Вон. Дневник сетевого. – Москва : Альпина Паблишерз, 2010. – 592 с.
6. Докучаев, И. И. Перформанс и культура: морфология и историческая типология способов разрешения экзистенциального противоречия // *Международный журнал исследований культуры*. – 2016. – № 2. – С. 6–14
7. Докучаев, И. Сетевая культура как исторический тип // *Ученые записки КНАГТУ*. – 2012. – № 4. – С. 27–33.
8. Егорова, А. Г. Сетевое мышление: деградация или прогресс? // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 9–12. – С. 2626–2629. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35405> (дата обращения: 13.10.2021)
9. Кастельс, Мануэль. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич, А. А. Архиповой, науч. ред. А. И. Черных. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 590 с. : ил.
10. Лысак, И. В., Косенчук, Л. Ф. Современное общество как общество сетевых структур // *Информационное общество*. – 2015. – № 2–3. – С. 45–51
11. Пространство города для человека : Исследование уровня и динамики градостроительного развития крупнейших мегаполисов мира. – URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/city-space/city-space-short.pdf> (дата обращения: 08.10.2021)
12. Салми, Дж., Фрумин, И. Д. Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России // *Вопросы образования*. – 2013. – № 1. – С. 25–68
13. Суханов, В. В. Сетевая культура – неотъемлемая часть новых ценностей гражданского общества // *Современные исследования социальных проблем : Modern Research of Social Problems*. – 2012. – № 3 (35)
14. Шестак, В. П., Весна, Е. Б., Платонов, В. Н. Сетевое образование: лучшие отечественные и зарубежные практики. – URL: https://www.researchgate.net/publication/268505980_SETEVOE_OBRAZOVANIE_LUCSIE_OTECESTVENNYE_I_ZARUBEZNYE_PRAKTIKI/link/546cf3470cf2a7492c55aee3/download (дата обращения: 14.10.2021)

References

- Achen, J. V. (2010). *Dnevnik setevika [A networker's diary]*. Moscow: Alpina Publishers.
- Ageev, A. V., Mudrov, A. N., Meier, V. S., Alexandrov, A. N., Pavlov, S. M., Lebedeva, I. V., & Alekseeva, M. A. (n.d.). *Setevye reklamnye agentstva: Teoriya i praktika reklamnoy deyatel'nosti [Network advertising agencies: Theory and practice of advertising]*. Advertising industry. Retrieved October 16, 2021, from <https://adindustry.ru/doc/1147>
- Castells, M. (2017). *Vlast komunikatsii [Communication power]* (N. M. Tylevich & A. A. Arkhipova, Trans., A. I. Chernykh, Ed.). Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Castells, M. (2000). Materials for an Exploratory Theory of Network Society. *The British Journal of Sociology*, 51(1), 5-24.
- Dokuchaev, I. (2012). *Setevaya kultura kak istoricheskii tip [Network culture as a historical type of culture]*. *Scholarly notes of KNASTU*, 4, 27-33.
- Dokuchaev, I. I. (2016). *Performans i kultura: morfologiya i istoricheskaya tipologiya sposobov razresheniya ekzistsentsialnogo protivorechiya [Performance and culture: morphology and historical typology of the ways and methods to resolve the existential contradiction]*. *International Journal of Cultural Research*, 2, 6–14.
- Egorova, A. G. (2014). *Setevoe myshlenie: degradatsiya ili progress? [Network intellection: Degradation or progress?]*. *Fundamental research*, 9-12, 2626-2629. Retrieved October 13, 2021, from <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35405>
- Le Cunff, A.-L. (n.d.). *Networked thinking: a quiet cognitive revolution*. Retrieved October 14, 2021, from <https://nesslabs.com/networked-thinking>
- Lysak, I. V., & Kosenchuk, L. F. (2015). *Sovremennoe obshchestvo kak obshchestvo setevykh struktur [Modern society as a networking society]*. *Information society*, 2–3, 45–51.
- Prostranstvo goroda dlya cheloveka: Issledovanie urovnya i dinamiki gradostroitel'nogo razvitiya krupneishikh megapolisov mira [The space of the city for a human being: Research into the level and dynamics of urban development of the largest metropolitan cities of the world]* (2018, July). Retrieved October 8, 2021, from <https://www.pwc.ru/ru/publications/city-space/city-space-short.pdf>
- Salmi, J., & Frumin, I. D. (2013). *Kak gosudarstva dobivayutsya mezhdunarodnoi konkurentosposobnosti universitetov: uroki dlya Rossii [How states achieve international competitiveness of universities: Lessons for Russia]*. *Voprosy obrazovaniya*, 1, 25-68.
- Shestak, V. P., Vesna, E. B., & Platonov, V. N. (2013, January). *Setevoe obrazovanie: luchshie otechestvennye i zarubezhnye praktiki [Network format of education: The best domestic and foreign practice]*. Retrieved October 14, 2021, from https://www.researchgate.net/publication/268505980_SETEVOE_OBRAZOVANIE_LUCSIE_OTECESTVENNYE_I_ZARUBEZNYE_PRAKTIKI/link/546cf3470cf2a7492c55aee3/download
- Sukhanov, V. V. (2012). *Setevaya kultura – neot'emlemaya chast' novykh tsennostei grazhdanskogo obshchestva [Network culture – integral part of new values of civil society]*. *Modern Research of Social Problems*, 3 (35).
- Wallace, P. (1999). *The psychology of the Internet*. Cambridge: Cambridge univ. press.

В современном градостроительном дискурсе проблемы этического характера, в первую очередь – справедливость распределения ресурсов – обсуждаются все более настойчиво. Инфраструктура города здесь рассматривается как выражение принципов социальной философии. В статье ставится проблема моделирования эτικο-эстетических аспектов городской инфраструктуры с использованием искусственного интеллекта как части общей тенденции развития современной архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; градостроительство; инфраструктура; социальная ответственность; искусственный интеллект; моделирование городской среды. /

In modern urban planning discourse, ethical issues, primarily the fairness of resource allocation, are being discussed more and more persistently. The city's infrastructure is considered here as an expression of the principles of social philosophy. The article raises the problem of modeling the ethical and aesthetic aspects of urban infrastructure using artificial intelligence as part of the general trend in the development of modern architecture.

Keywords: architecture; urban planning; infrastructure; social responsibility; artificial intelligence; urban environment modeling.

Моделирование городской инфраструктуры – эτικο-эстетические аспекты / Urban infrastructure modeling: Ethical and aesthetic aspects

текст

Елена Булгакова
МИТУ–МАСИ
Константин Лидин /

text

Elena Bulgakova
MITU-MACI
Konstantin Lidin

Введение

Примерно двести пятьдесят лет назад в классической механике была сформулирована «Задача трех тел». Как будут двигаться три тела, связанные между собой гравитационными силами? Например, как точно рассчитать равновесную орбиту спутника связи, если кроме самого спутника и притяжения Земли необходимо также учесть влияние Луны (а учесть его нужно, иначе спутник вскоре собьется с орбиты и упадет)?

Но, несмотря на все усилия математиков и очевидную практическую важность, задача до сих пор не имеет общего решения.

Примерно в те же сроки (конец XVIII века) Великая французская революция выдвинула лозунг «Свобода, равенство, братство». Однако дальнейшее развитие западной цивилизации показало: найти равновесие между этими тремя прекрасными ценностями на практике очень непросто. Очень быстро (по историческим меркам) равновесие нарушается и происходит ускоряющееся сползание к одному из полюсов. Борьба за свободу во множестве случаев приводит к довольно уродливым вариантам либерализма и даже анархии. Равенство вырождается в тоталитаризм. Что касается братства, то в переполненном ненавистью сегодняшнем мире оно зачастую сужается до объединения только со «своими» против всех «чужих» и принимает уродливые националистические и ксенофобские формы.

Социологи, философы и политики пролили реки чернил и человеческой крови, но решения этой задачи так и не нашли.

Еще одна задача поиска тройственного равновесия имеет прямое отношение к архитектуре, дизайну и градостроительству. Это знаменитая «витрувианская триада» – Прочность, Удобство, Красота. Для того, чтобы привести к равновесию прочность и удобство, понадобилось изобрести целую науку – эргономику. Но вопрос красоты так и остается делом смутным, субъективным, подверженным колебаниям моды и разнообразным спекуляциям.

1. Искусственный интеллект и большие надежды

На протяжении примерно ста последних лет перспективы решения многих «задач трех тел» связываются с раз-

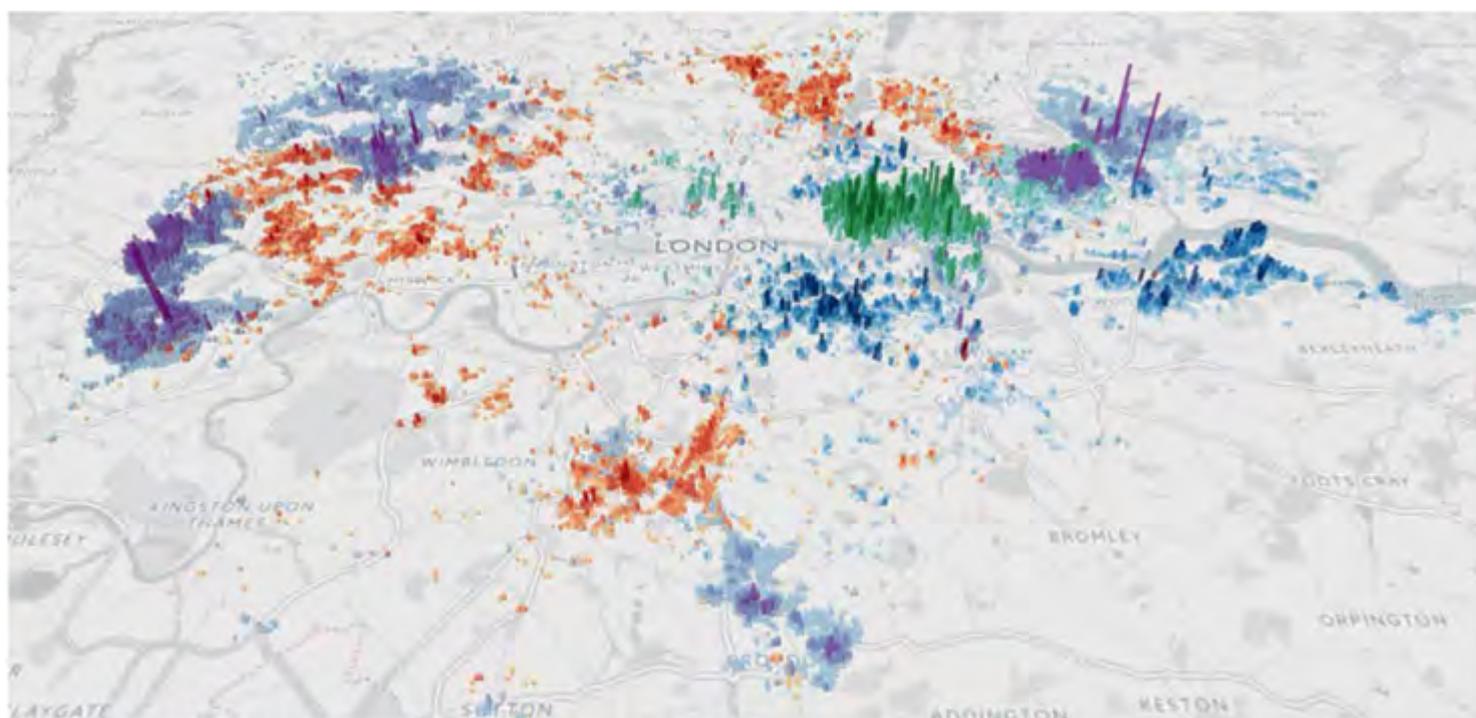
витием умных машин. В космической механике расчет параметров орбиты действительно трудно себе представить без участия компьютерной техники. Здесь в полной мере нашли применение особые качества машины – бесконечное терпение, быстрота расчетов, механическая логика. Машина находит решение нерешаемой задачи численными методами, то есть перебором вариантов. Объем расчетов получается чудовищным, но машине это не страшно.

В середине XX века знаменитый ученый, популяризатор науки и писатель-фантаст Айзек Азимов придумал Мултивак – огромный компьютер, которому люди будущего передадут судебную, экономическую и даже политическую власть. Расположенный в подземном бункере, недоступный для человеческих страстей и коррупции, Мултивак стал идеальным носителем справедливости и разума – настоящим воплощением идей Платона о «государстве философов». Математическая точность решений Мултивака обеспечивает, по Азимову, идеальное соблюдение принципа равенства всех перед Законом.

Реальные результаты применения компьютеров в управлении обществом оказались несколько иными. По большей части компьютерное моделирование используется для повышения шансов на выигрыш в социальных играх, начиная с биржевых спекуляций и заканчивая военными операциями. Отрасль математики, которая была специально для этого создана, так и называется: «теория игр». К сожалению, прогресс в области компьютеризации принятия решений во многих случаях сопровождается игнорированием человеческого фактора, так что и вторая половина XX века, и начало нынешнего не приблизили человечество к социальному равновесию.

Бурное развитие вычислительной техники в последние десятилетия сформировало множество надежд на то, что поиск равновесных решений «витрувианской триады» можно будет поручить машинам. Важно отметить, что компоненты триады в разной степени поддаются автоматизации. Расчеты прочности уже довольно давно опираются на машинные методы; существует обширный спектр профессиональных программ для моделирования прочностных характеристик машин, мебели, зданий, логистических узлов и целых городских систем. Эргономиче-

> Apple Campus 2 в Купертино, Калифорния в стадии строительства (Noah Berger/Reuters/Zak Bickel/The Atlantic)
 «В своем рассказе "Франшиза" 1955 года Айзек Азимов представил, как американская демократия может быть радикально преобразована в эпоху цифровых технологий. По сюжету, действие которого происходит в 2008 году, политическая воля американцев осуществляется не отдельными гражданами, которые стоят в очереди для голосования, а огромным суперкомпьютером Multivac. Он обрабатывает океан общедоступных данных с помощью непостижимых алгоритмов, чтобы надежно предсказать исход голосования, этого грязного, партизанского, дорогостоящего и слишком коррумпированного процесса». (Shannon Vallor (2017) Lessons From Isaac Asimov's Multivac. <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2017/05/lessons-from-the-multivac/523773/>)

London (United Kingdom) - Population by country of birth from

■ Nigeria ■ Bangladesh ■ Poland ■ India

^ Количество мигрантов в Лондоне по основной стране происхождения

Карта имеет разрешение ячеек сетки 100 x 100 м. Самые высокие столбцы соответствуют ячейкам, в которых количество мигрантов достигает 250. Хотя сегрегация может быть вызвана желанием самих мигрантов селиться поближе к друзьям, родственникам и членам той же этнической группы, они также могут быть вынуждены жить в более неблагополучных районах из-за отсутствия работы и доступного жилья. На сегрегацию может влиять распределение государственного жилья и, в случае беженцев, наличие центров приема и четкие меры по перераспределению потока мигрантов. Наконец, сегрегация может быть косвенным результатом постепенного покидания местными жителями районов с высокой концентрацией мигрантов. Со временем улучшение индивидуальных экономических условий может позволить мигрантам преодолеть ограничения, удерживающие их в зонах лишений, что делает сегрегацию довольно динамичным явлением. В этом смысле пространственная дисперсия может отражать процесс социально-экономической ассимиляции в принимающем обществе.

Vandecasteele I., Baranzelli C., Siragusa A., Aurambout J.P. (Eds.) The Future of Cities – Opportunities, challenges and the way forward, EUR 29752 EN, Publications Office, Luxembourg, 2019, p. 70

< В 2007 году был опубликован концептуальный генеральный план Кигали, разработанный американской фирмой Oz Architects, за которым последовали подробные планы территорий, разработанные Озом и сингапурской фирмой Surbana. Планы впечатляющие: районы трущоб преобразованы в экологические тематические парки и коммерческие районы, а холм Реберо на юге Кигали преобразован в туристический рай с отелями на 900 номеров. Расчистка трущоб сопровождалась массовым насильственным переселением жителей и экспроприацией земли

ские формулы также успешно переносятся на машинную основу, и прогресс в этой области очевиден. Но эстетический аспект архитектурного проектирования продолжает оставаться проблемной сферой [1].

Попытки автоматизировать поиски красоты проводят непрерывно и настойчиво. Особенно перспективной выглядит разработка самообучающихся программных продуктов, которым уже присвоили название Искусственного Интеллекта (ИИ). Заметим, что исчерпывающего определения, что собой представляет естественный (человеческий) интеллект до сих пор не существует, так что любые вопросы об обоснованности термина ИИ остаются на совести авторов, которые его используют.

Выходящие в последнее время книги содержат множество примеров того, как самообучающиеся программы проникают в область эстетики. Наверное, каждый человек предпочитает жить в эстетичной среде – в красивом интерьере, красивом районе красивого города, среди привлекательных людей и вещей. Естественно, когда существует спрос, появляется и предложение. Современные цифровые камеры (например, встроенные в смартфоны) автоматически редактируют фото- и видеоматериалы, которые снимают. Делают их ярче, увеличивают резкость и фильтруют баланс цветов. Может возникнуть даже иллюзия, что ИИ, как заботливый учитель, деликатно поправляет ошибки неумелого пользователя, ненавязчиво помогает человеку делать повседневную среду более эстетичной [2].

Но откуда при этом берется идеал – набор эстетических критериев, представлений о сущности понятия «красота» в этом конкретном случае? Сам по себе машинный «интеллект» лишен понятия эстетики и принципиально не отличает красивое от безобразного. На это способен только человек (и то не всякий).

Машинное обучение заключается в том, что в программу загружают большое количество исходной информации (например, фотографий из Инстаграмма или Фейсбука) вместе с оценками (количеством «лайков»), которые получил каждый снимок. Программа без усталости сопоставляет миллионы и миллиарды изображений и находит статистические закономерности, от которых зависит оценка зрителей. Яркие снимки привлекают больше внимания

и получают больше «лайков» – значит, надо корректировать новые фотографии в сторону большей яркости и хроматичности. Четкие и центрированные кадры нравятся большему числу пользователей – значит, надо повышать резкость изображения и подчеркивать область геометрического центра. И так далее. В результате деятельность ИИ в сфере повседневной эстетики сводится к укреплению и усилению среднего, наиболее массового представления о сущности и критериях красоты.

Формальный характер анализа и ориентация на усредненный, массовый вкус сегодняшнего потребителя – неотъемлемые черты работы ИИ [3]. Очевидно, что эти особенности машинной эстетики в сфере архитектуры и градостроительства могут создать немало проблем.

2. Этика и эстетика городской среды

Эстетические аспекты архитектурного проектирования тесно связаны с его этическими сторонами. Некрасивые, уродливые, дисгармоничные города подталкивают жителей к таким же уродливым формам поведения. «Теория разбитых окон» и эксперименты социальных психологов показывают: безобразная среда стимулирует девиантные и делинквентные тенденции в обществе и вызывает рост уровня безобразий. И напротив, красивая и гармоничная застройка способствует душевному равновесию, здоровью и упорядоченному поведению жителей [4; 5].

Насколько данная закономерность применима к ситуации разговора о городской инфраструктуре? Можем ли мы утверждать, что транспортная схема, сеть энергоснабжения или канализация должны быть красивыми?

Имперский Рим времен расцвета потреблял огромное (даже по современным меркам) количество воды. Воду приходилось транспортировать за многие сотни километров. Римские акведуки до сих пор выглядят образцом гармоничности, и это не случайно. Уровень мастерства поражает воображение – на некоторых участках уклон акведука составляет несколько сантиметров на километр. Этого достаточно, чтобы вода двигалась самотеком, но как римские строители добивались такой точности со своим простым и грубым инструментарием? Бетон и камень в этих постройках работают на пределе своих конструктивных возможностей, отсюда ощущение из-

щества и легкости. Такое же впечатление производят ранние работы Леонидова или вантовые конструкции Сантьяго Калатравы, которые моложе на две тысячи лет.

Римские акведуки были вызваны к жизни стремлением обеспечить всех жителей Вечного города равным доступом к воде. Точно так же знаменитые римские дороги были объектами социальными, с неограниченным доступом и равными правами пользования для всех жителей империи. Таким же уровнем эгалитарности обладали прекрасные дороги, связывавшие воедино империю Чингизидов. Принцип справедливого равномерного доступа служил основой и для римской канализации, но затем он был утрачен и вернулся только в XIX веке в виде Парижской клоаки.

Примеры можно умножать и дальше, но попробуем принять тезис о том, что справедливые, этичные инфраструктурные системы на протяжении многих поколений производят впечатление чего-то красивого и эстетично-

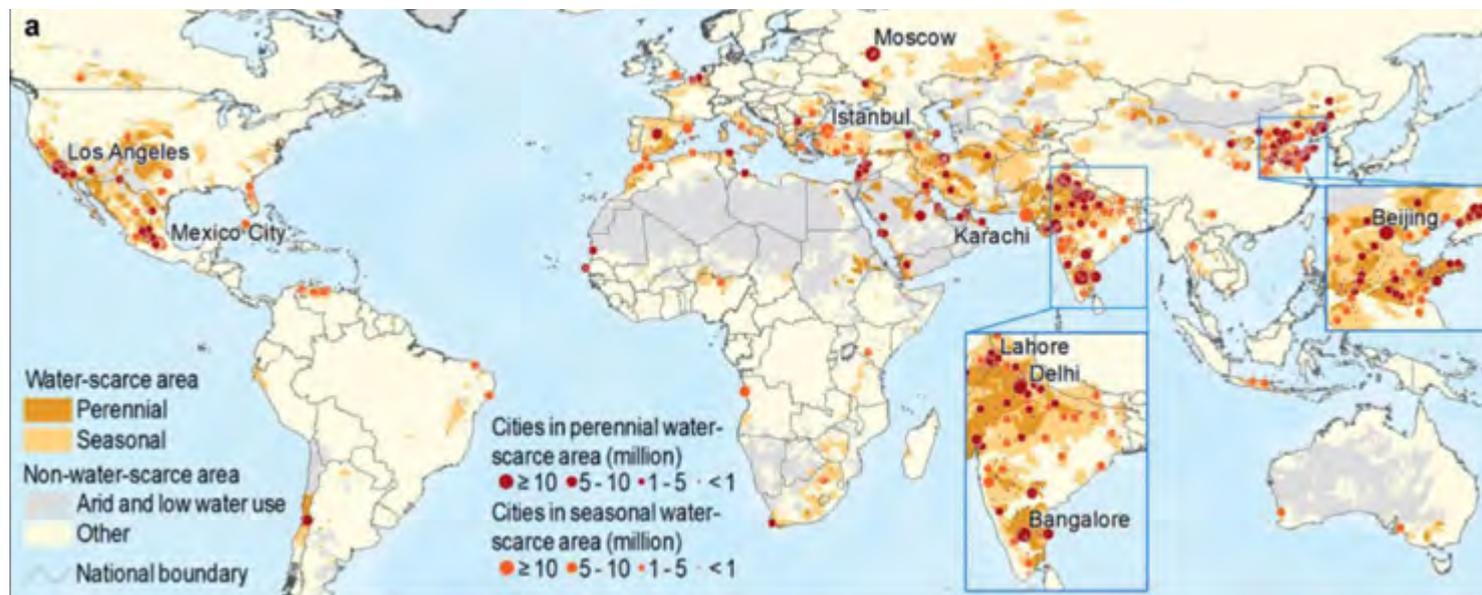
го. Для случая архитектуры и градостроительства есть все основания утверждать, что действительно красивое и гармоничное проектное решение – это и справедливое решение.

3. Инфраструктуры справедливого города

Новое время принесло и новый класс инфраструктур, связанный с электричеством. Передача энергии и информации по электрическим сетям развивается быстрыми темпами и продолжает кардинально изменять повседневную жизнь горожан. Ежегодно публикуются сотни статей и книг, трактующих тему «умного города» – города, в котором все инфраструктурные системы проектируются, регулируются и развиваются на основе компьютерных, автоматизированных методов. Мощь машинного интеллекта сулит создание всеобъемлющей модели города. Миллионы переменных параметров будут учтены в этой модели вместе с их взаимосвязями и ограничениями. Разумеется, разработчики моделей «умного города» обе-

^ В 2014 году Макаassar был провозглашен одним из индонезийских городов, получивших статус «умного» города. Чтобы реализовать эту цель, Мохаммад Рамдхан Поманто, мэр города, запустил ряд программ в поддержку программы Makassar Tidak Rantasa (MTR, кампании за чистый Макаassar). Например, с помощью услуг электронного здравоохранения граждане могут дистанционно записаться на прием к врачу и даже получить консультацию. В то же время врач сможет получить исчерпывающую информацию об истории болезни – но только в том случае, если пациент обладает современными средствами выхода в интернет

^ Урбанизация и изменение климата вместе усугубляют нехватку воды для городов мира. На карте показаны города и регионы, испытывающие дефицит воды. Светло-коричневым показаны области с сезонными проблемами, темно-коричневым – с постоянной нехваткой воды. Ситуация неизбежно будет ухудшаться. Сегодня мировое городское население, сталкивающееся с нехваткой воды, составляет около 933 миллионов человек. К 2050 году это число возрастет до 1,693 - 2,373 миллиарда человек (от одной трети до почти половины мирового городского населения). По прогнозам, количество крупных городов, испытывающих нехватку воды, увеличится со 193 до 284, включая 10– 20 мегаполисов. Чем заметнее становится дефицит воды, тем менее справедливым выглядит распределение этого ресурса между группами горожан (по данным He C, Liu Z, Wu J, Pan X, Fang Z, Li J, Bryan BA. Future global urban water scarcity and potential solutions. Nature Communication. 2021 Aug 3;12(1):4667)

щают свято соблюдать принципы социальной справедливости и равного доступа всех горожан к пользованию городской инфраструктурой. Но реальность, как обычно, вносит свои поправки в самые прекрасные планы.

Справочные сервисы интернета вроде бы равно доступны для любого горожанина, но только при наличии у него современного девайса. Если же вы не являетесь счастливым обладателем смартфона, то ваш доступ к поисковым системам ограничен домашним компьютером (если он у вас есть, конечно). Для жителей богатых стран наличие постоянного выхода в интернет стало уже привычным, повседневным элементом городской инфраструктуры, но в большинстве регионов мира это совсем не так.

Столица индонезийского острова Сулавеси город Макаassar постепенно интегрирует свой план умного города 2014 года с внедрением телемедицинских услуг, позволяя жителям получать доступ к консультациям в области здравоохранения с помощью мобильных средств. Несмотря на то, что это необходимое нововведение, оно по-прежнему обслуживает только тех, кто может позволить себе мобильные телефоны, эффективно маргинализируя городскую бедноту, не имеющую возможности получить доступ к тем же услугам из-за отсутствия связи [6].

Существует много примеров того, как стремление руководства стран и городов к прогрессу усиливает расслоение по имущественному признаку.

Столица Руанды Кигали добилась больших успехов в сокращении загрязнения своих городских районов. Относительно недавно был разработан планы «Vision City» – высокотехнологичного района с бесплатным Wi-Fi и солнечными батареями, питающими уличные фонари. Однако проект страдает уже знакомой проблемой умного города, связанной с отсутствием контекстуализации социально-экономических реалий. Жители района, в котором должен разместиться проект, были принудительно выселены, чтобы освободить место для элитного дорогого жилья [7].

Неравенство доступа к элементам городской инфраструктуры проявляется во многих случаях – например, в виде доступности рекреационных зон. Возник даже

специальный термин «зеленое неравенство», означающий несправедливое распределение доступа к необходимому контакту людей с островками природы в городе. Пандемия COVID, финансовые кризисы, изменения климата – все вызовы сегодняшнего дня только обостряют проблемы неравенства уровней комфорта. Стало уже невозможно скрывать процессы нарастания неравенства в организации городской среды.

Глобальное потепление проявляется, в частности, в увеличении амплитуды годовых колебаний температуры. Аномальная жара, поразившая многие города минувшим летом, сменяется обещаниями аномально суровой зимы, и подобные крайности погоды грозят стать нормой. На этом фоне стали заметнее недостатки инфраструктуры современных городов, особенно в распределении избыточного тепла. Город нагревается неравномерно: возникают «городские острова тепла», в которых перегрев особенно велик и опасен. Уже появляются проекты изменения состава строительных материалов, использование теплоотражающих покрытий, удерживающих тепло материалов для стен и кровли, более активное введение в городскую ткань растений, утилизирующих солнечную радиацию. Но все эти меры связаны с удорожанием строительства и, следовательно, с ограниченным доступом для наименее обеспеченных слоев населения. В отчете Корпуса милосердия (USC) по этой теме показано, что существует непропорционально большое бремя воздействия эффекта «городских островов тепла» на общины с низкими доходами как в городах, так и в богатых пригородах. По сути, чем ближе к черте бедности вы живете, тем больше у вас шансов остаться лицом к лицу с последствиями изменения климата без всякой помощи со стороны правительства [8].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считает, что в течение следующих десятилетий стоимость транспортировки питьевой воды в страны, не имеющие выхода к морю, вырастет в цене с 200 миллиардов долларов в год почти до одного триллиона долларов. Стоимость энергии для транспортировки этой воды вырастет на 140 миллиардов долларов. Но семьи с низкими доходами уже тратят большую часть своего

> Неравенство распределения прав пользования городской инфраструктурой выражается, в частности, в продолжительности жизни горожан. На карте показан фрагмент сети лондонского метро, связывающего престижные районы (Мэйфер) и менее престижные (Блумсбери). Для каждой станции метро указана средняя ожидаемая продолжительность жизни горожан в этой части Лондона. Обитатели богатых районов живут на десять - двенадцать лет дольше. Vandecasteele I., Baranzelli C., Siragusa A., Aurambout J.P. (Eds.) *The Future of Cities – Opportunities, challenges and the way forward*, EUR 29752 EN, Publications Office, Luxembourg, 2019, p. 72

дохода на еду и воду, и ожидается, что этот разрыв будет только увеличиваться [9].

Заключение

Почти пятьдесят лет назад англо-американский марксист, географ, один из основоположников «радикальной географии» Дэвид Харви выпустил книгу «Социальная справедливость и город» [10]. обстоятельно и подробно, как было принято в прошлом веке, автор показал связь между преобладающей в социуме идеологией и концепциями городского планирования. Социальная философия, система ценностей не является некоей абстрактной идеей. Она определяет направление развития всей инфраструктуры города.

Харви остро и резко критикует процессы, приводящие к расслоению общества (в основном по имущественному признаку) и его последствия – сегрегацию городской среды на богатые районы, с одной стороны, и «гетто» для бедных – с другой. Раздраженно и гневно он пишет о том, как реальная забота о справедливом распределении «права на город» подменяется лицемерными причитаниями о горькой судьбе бедняков (такую деятельность Харви называет «моральной мастурбацией»).

Недавно книга вышла на русском языке [11]. Она не утратила актуальности. Напротив, этико-эстетические проблемы урбанистики обострились. Новые возможности, которые приносит искусственный интеллект, дополнительно увеличивают ответственность архитектора перед обществом. Фантастические умения ИИ иногда могут замаскировать простой факт: у машины нет идеологии, нет этических и эстетических понятий. Представления о справедливом и красивом городе в машину закладывают люди.

Литература

1. Лидин, К., Булгакова, Е. (2018). Преодоление прекариатства : Архитекторы для экономики переживаний // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 150–152
2. McStay A. (2018) *Emotional AI: The Rise of Empathic Media*. SAGE Publications Ltd.
3. Manovich, L. *AI Aesthetics*. – Moscow : Strelka Press, 2019. – 22 p.
4. Бобкова, Т., Булгакова, Е., Дубынин, Н., Коновалова, В. . (2021). Высотки: доступность, здоровье, безопасность и архитектура // Проект Байкал. – 2021. – № 67. – С. 88–97
5. Булгакова, Е. А. Комфортность городской среды – анализ, измерение и проектирование роста : учеб. пособие. – Москва : МИТУ–МАСИ, 2021. – 102 с.
6. Maganga M. How "Smarter" Cities Can Exacerbate Inequity. 02 Oct 2021. ArchDaily. – URL: <https://www.archdaily.com/969113/how-smarter-cities-can-exacerbate-inequity> (дата обращения: 15.10.2021)
7. Standoff at Vision City project site ends with demolition of homes.

The East African. July 12, 2013. – URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/rwanda-today/news/standoff-at-vision-city-project-site-ends-with-demolition-of-homes-1317684> (дата обращения: 15.10.2021)

8. Morello-Frosch R., Pastor M., Sadd J., Shonkoff S. (2018) *The Climate Gap: Inequalities in How Climate Change Hurts Americans & How to Close the Gap*. In: Elisabeth M. Hamin Infield, Yaser Abunnasr, and Robert L. Ryan (Ed.), *Planning for Climate Change. A Reader in Green Infrastructure and Sustainable Design for Resilient Cities*. NY, London: Routledge. – Pp. 138–151

9. OECD (2021) *The inequalities-environment nexus: Towards a people-centred green transition*, OECD Green Growth Papers, No. 2021/01, OECD Publishing, Paris

10. Harvey D. (1973) *Social justice and the city*. Baltimore Johns Hopkins University Press

11. Харви, Д. *Социальная справедливость и город* / пер. с английского Е. Ю. Герасимовой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 440 с.

References

- Bobkova, T., Bulgakova, E., Dubynin, N., & Konovalova, V. (2021). High-rises: accessibility, health, security and architecture. *Project Baikal*, 18(67), 88-97. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1760>
- Bulgakova, E. A. (2021). *Komfortnost gorodskoi sredy – analiz, izmerenie i proektirovanie rosta: ucheb. posobie* [Comfort of urban environment: Analysis, measurement and design of growth: textbook]. Moscow: MITU-MACI.
- Harvey, D. (1973). *Social justice and the city*. Baltimore Johns Hopkins University Press.
- Harvey, D. (2018). *Sotsialnaya spravedlivost i gorod* [Social justice and the city]. (E. Yu. Gerasimova, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lidin, K., & Bulgakova, E. (2018). To overcome the precarity: Aspects for the experience economy. *Project Baikal*, 15(57), 150-152. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1376>
- Maganga, M. (2021, October 2). How “Smarter” Cities Can Exacerbate Inequity. Retrieved October 15, 2021, from <https://www.archdaily.com/969113/how-smarter-cities-can-exacerbate-inequity>
- Manovich, L. (2019). *AI Aesthetics*. Moscow: Strelka Press.
- McStay, A. (2018). *Emotional AI: The Rise of Empathic Media*. SAGE Publications Ltd.
- Morello-Frosch, R., Pastor, M., Sadd, J., & Shonkoff, S. (2018). *The Climate Gap: Inequalities in How Climate Change Hurts Americans & How to Close the Gap*. In Elisabeth M. Hamin Infield, Yaser Abunnasr, & Robert L. Ryan (Eds.), *Planning for Climate Change. A Reader in Green Infrastructure and Sustainable Design for Resilient Cities* (pp. 138–151). NY, London: Routledge.
- OECD (2021). *The inequalities-environment nexus: Towards a people-centred green transition*. OECD Green Growth Papers, 1. Paris: OECD Publishing.
- Standoff at Vision City project site ends with demolition of homes (2013, July 12). The East African. Retrieved October 15, 2021, from <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/rwanda-today/news/standoff-at-vision-city-project-site-ends-with-demolition-of-homes-1317684>

Мост – излюбленный образ в формировании символа города, его бренда и собирательного имиджа. В эссе предложена интерпретация мифопоэтики мостов – одной из самой неоднозначной, загадочной и привлекательной типологической «ниши» в архитектуре.

Ключевые слова: мост; мифопоэтика архитектуры; архитектурный образ; имидж города; смысл и значение в архитектуре. /

The bridge is a popular image of formation of the city's symbol, brand and composite character. The essay proposes interpretation of the mythopoetics of bridges, one of the most ambiguous, mysterious and attractive typological niches in architecture.

Keywords: bridge; mythopoetics of architecture; architectural image; image of the city; sense and meaning in architecture.

< Рис. 1. Александр Бродский и Илья Уткин. Город-мост, 1984 г.

Мост / The Bridge

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Мост через Пропасть – архетип Арки. И хотя не все мосты арочные и не все – через пропасти, равно как и не всякая арка служит мостом, в архетипе как форме символической соединяются сущности, сводя разнообразие существующего. И на этом всякое сведение, связанное с мостом, заканчивается.

Мост есть воплощенная связь различного и разделенного, преодолевающая непреодолимое. Разделенное с обретением связи не становится целым, различие сохраняется, но теперь это связанные судьбы, пусть их разрывание не всегда синхронно, симметрично или равноправно. Но мост – великий уравниватель, он приводит соединяемое им к согласию.

С точки зрения топологии пространства, мост есть оптимальное и искусное решение задачи на нахождение кратчайшего пути: преодолевая складки Природы, он сам являет собою искусственную складку ландшафта, доопределяющую его.

Мост кодифицирует прыжок – преодоление своей Пропасти, чему типологически соответствует пролет. Поэтому

мостом не является дорога – как бы выразительна она ни была – по дамбе или даже плотине, вроде плотины Гувера, которая, несомненно, есть хорошо организованное место, но это место транзита (пусть и сопровождаемого видами), и это не столько транзит по плотине, сколько... в поперечном направлении: там гораздо активнее движется вода, людям же дозволено лишь созерцание...

Мост – именно служение. Арка может служить мостом, а может и нет, может быть вообще свободной от всякого служения, вроде пустопорожней дуги Ээро Сааринена в Сент-Луисе. Но мост – работа и служба, где нельзя отступить и подвести. Служба же – это не функция, но миссия.

Мост всегда прочен. Это качество следует из доблести служения, а также из естественного отказа называть что-либо мостом, коли использовать в таковом качестве его не представляется возможным. Повторим: речь о миссии, о свете над событием Дороги, влекущей в миры возможностей и открытости, а не о функции, исполнение которой можно было бы поручить случайному предмету. Так камень можно использовать в качестве молотка, остановившись ненадолго на ремонт; но камень всегда может предательски расколоться: все функционирующее – временно¹.

Мост умышлен, его присутствие в высшей степени неслучайно. Польза моста намного превосходит утилитаризм переправы. Факт этот скрытый, но никогда не бывший тайной: мифопоэтика мостов, их ритуальное значение известны испокон.

Впрочем, прочность мостов – это еще и вопрос строительной жертвы. Ее поздним, по внешности рациональным субститутом стала традиция проверки сдающегося в эксплуатацию моста, при которой по мосту едут груженые камнями телеги (грузовики, тракторы или танки), а под мостом в уютной лодчонке ожидает своей участи архитектор или инженер. Что бы ни произошло, чем бы ни завершилось испытание – он-то уже в символическом аду, в эмоциональной пропасти (все эмоции остановлены, все в прошлом), в готовности пропасть за свои грехи, вольные или невольные. Мало где жертвенность автора достигает такой силы, и уж точно нигде – такой наглядности.

в Рис. 2.

Мост Ракотцбрюке (Чертов мост), Германия, 1863 г.

^ Рис. 3. Мост Алькантара на реке Таго, Испания, 104 г.

^ Рис. 4. Каменный мост "Калогерико", Загорохорья, Греция, 1814 г.

Мост – очень большой монополист на выразительность; он готов делить свою власть лишь с Башней, а уж если с Аркой – то под собой или в составе Башни. Оттого мост, «усиленный» арками по сторонам (для натяжения вант, держащих его или делающих вид, что держат) много теряет в символической целостности и смысле. Арочные фермы, особенно в исполнении В. Г. Шухова, который, кстати, размещал их и внизу проезжего полотна моста, еще терпимы в силу их очевидной симпатической вовлеченности в работу, но арки вантодержания уже лишь коннотируют работу, пусть бы и реально ими исполняемую, денотируют же собственную гордыню. И такая пустая денотация заглушает генуинные смыслы моста, превращает его в симулякр самого себя. Это обстоятельство тоже можно преодолеть, имея вкус и талант, а также имея дело с гигантским пролетом, окупающим подобные символические жертвы и даже иной раз выводящим общий символ моста на какие-то новые горизонты. Но его слишком часто игнорируют инженеры, ослепленные выморочной пластикой и возможностями своих конструкций и нечуткие к мифопоэтике: таков Puente Bac de Roda (мост Калатравы) в Барселоне, мост им. Кубичека в Бразилиа и, увы, не только они.

Возможно, мост – не вполне архитектурная форма; или уж такая форма, что стоит лишь одной ногой в типологии сооружений. Но это и есть качество моста – стоять разными ногами в разном; есть ли иной способ архитектурно организовать связь? Архитектура трансцендентальна оттого именно, что ее присутствие не есть натуральное наличие. Стояние в разном, принадлежность различному – не уникальное качество моста: таков и портал, и порог. Но мост, в отличие от порога и портала, имеет конститутивную длительность – протяженность, *durée*. Мост обладает положительной темпоральностью движения² по нему, которое в случае порога и портала стремится к исчезновению (что и создает их тайну и обеспечивает их привлекательность). Мост длится, его стороны не сведены. Но мост также и Портал (в эзотерическом смысле) – да еще какой! Универсальная лиминальность мостов хорошо развита в мифопоэтике, в литературе и кино. Мост – граница и переход (явь/навь; добро/зло; живое/мертвое); обмен плененными резидентами; семь

мостов свадебного ритуала; масса «проклятых мостов» по всему свету; битвы за мост и на мосту; Калинов мост русских сказок-преданий (это – плюс к рамке службы)... Торжество, битва, подвиг, измена, засада, убийство, казнь, проклятие, сделка... Мост – аттрактор наиболее сильных переживаний. Мост события, и он хранит свои события, они в каком-то смысле или измерении не заканчиваются никогда. Мост – накопитель состояний: совместные стояния (со-стояния) человека и бытия напротив друг друга, случившись однажды, не покидают его. Мост – посредник, Портал между несведенным³. И мост властно предъявляет требование вступившим на него – принять на себя часть его груза, его воспоминаний и символических обязательств, требует вступления в открытость. На такой поступок, на жертву, способны не все: плата за переход бывает не по силам; и стоит ли удивляться существованию гефирофобии – боязни пересечения мостов?

Единство несведенного придает важность третьей стороне моста – промежуточному, тому, что расположено между берегами помимо моста. Если «берега» – чем бы они ни были и как бы далеко друг от друга ни находились – образуют пару, то Мост и его Пропасть – еще более сильная пара. Это и гештальтиская фигура-фон, со всеми прелестями эстетической инверсии: без моста бездна «мала», ее нелегко оценить, в т. ч. и по масштабу.

Мост – четверичность (квадрант) левого и правого, присутствия и отсутствия. Именно мост проваливает отсутствие в Тартар, а обрушение его самого в пропасть – символ (временной) победы сил Зла (что обыграл Толкиен в сцене поединка Гэндальфа с Морийским Балрогом на мосту Казад-Дума). Мост – не отдельная конструкция в центре модели мироздания: он единство или обвод всего. Исчезновение пропасти столь же оглушает мост, сколько обрушение моста драматизирует пропасть.

Мост – и точка, и линия в ландшафте. Обладая пространственной протяженностью, мост, будучи втянут в масштабные игры с картами, может предстать точкой. Но уж если это точка, то такая, движение которой не только порождает линию (по известной графеме П. Клее); оно раскрывает все линии, явно или потенциально связанные с этим местом. И все же в сути своей Мост – не точка, но топос (ведь феноменологически Ме-

1. «Ствол упавшего дерева, всегда служивший нам мостом, скрылся под бурлящими волнами» (Ф. Грегори, «Привилегированное дитя»)

2. Другим архитектурным элементом, обладающим и лиминальностью, и неотъемлемой протяженностью, является тоннель. Но тоннель – «труба», образ пещеры; его дление драматично, если не трагедийно. Мост же, в отличие от тоннеля, форма легкая, его пространство светлое

3. «Св. Бернар говорил, что римский понтифик, как следует из этимологии имени, служил мостом между Богом и Человеком ([в] «Трактате [о] правах и обязанностях епископов»). В силу этого радуга – естественный символ понтификата, – читаем в «Энциклопедии знаков и символов» – в источнике, протезирующем, хотя и не без пробелов, наше утраченное символическое самосознание

^ Рис. 5. Мост им. Ж. Кубичека, Бразилия, арх. А. Чан, 2002 г.

^ Рис. 6. Карлов мост в Праге, мощение

сто несводимо к точке на карте, это не более чем ловушка нашей исчисляющей семиотики). Это не сеть: его дление не бесконечно, и оно само есть локальность бльших масштабов, нежели сам мост и его потребная размерность. В качестве точки (point) мост (pont) пребывает в пространстве легенды дороги (ср. «легенда на дороге») булавочным уколом (i) на планкарте устойчивых перемещений. Однако счастливое совмещение точки и линии (отрезка дороги, который не уступит целому) – не следствие одного только согласования масштабов. Это – топическая особенность мостов (или, если угодно, их понты⁴), свойство их пребывания в пространстве и возмещения занимаемого ими места. Локация имеет продолжение в стороны, бессмысленна без них; но и сам Мост, презентуя оговоренную (как правило – видимую) часть Дороги, задает ей смысл, стиль и камертон.

Представляя Дорогу как протяженное целое или как тип, Мост неизбежно выпадает из простой презентации наличного и образцового и впадает в репрезентацию, тем самым предъявляя Дорогу в ее несамобытных образах. Это окаянство (т. е. собственно репрезентация) уводит топические смыслы Моста от данной (в опыте) явленности, равно как и от телесной и визуальной памяти этой-вот-дороги, уводит куда-то в сторону – уже не ввысь и не вниз, не по стреле пути и не по потоку, путем пересечения. Уводит в воображаемое, перегружая и без того насыщенную карму Моста, что не столько угрожает мостовой прочности, сколько обогащает его «инструментальность» в отношении человеческой души и чувства: дает еще несколько ключей в связку для доступа к каждому. Будучи едва ли не самой «местной» из человеческих построек (уступая в этом лишь некоторым башням, но с башнями, как мы заметили, мосты дружат и нередко образуют неразрывную пару), Мост одной из своих опор зиждется в Утопии, чем, вероятно, и открывает зазор – просвет бытия, или – уж точно – задает площадку, вступление на которую и есть вступление в открытость просвета бытия. Быть может, именно это и стоит называть Местом – Мостом отсюда в иное? Место не создается тупым и наивным наличием, оно требует разнесения и трансцензуса. Мост сохраняет свою трансцендентальность; он, в отличие, например, от жилища, никогда

не позволяет себе сжаться в быту или утилитарности, он всегда несколько не здесь⁵ – но... контролируемо, хотя и не вполне безопасно.

Для того, видимо, чтобы удержаться в статусе архитектурной формы (а статус этот легко покинуть), мосту приходится быть волевой формой – самой волевой из архитектурных. Мост формально конгруэнтен власти, его произведшей на свет и им проводимой в мир; формообразование мостов – не тектоника камня, но обнаженный тектонизм силы власти (power).

«Мы построим мост...» – формула усилий по взаимопониманию (пресловутый «мост через рот» у А. Райкина – по существу о том же). Непростая служба «Людей в черном» неслучайно отнесена к Департаменту Мостов и Тоннелей. От комического до трагического, соединяя их, Мост возвышается над всеми нашими системами коммуникаций и над самими коммуникативными способностями. Напрасно мосты прописаны по ведомству специализированной инженерии; им место в универсальной семиотике или, по крайней мере, в конфликтологии.

Мост: мостить, мостовая – мосты чаще всего были замощены, что разительно отличало их от дороги до и после моста, которая могла позволить себе пребывать в слякоти и распутице. Мост – лучшая, наиболее «сделанная» и интересная часть дороги, собственно, он и есть Дорога, ее синекдоха, ее символ. В городе мост – лучшая из улиц, лицо города, как Карлов мост в Праге. И уж если мост соседствует с башней – перед нами узнаваемый паттерн, непременно маркирующий Место.

Мост сам есть Место, Город. Городские смыслы моста очевидны даже там, где место есть, а города нет: он создает очеловеченное место, потенциально способное стать городом; он свидетельствует о вхождении путника в зону ответственности поселения – тем более крупного, чем серьезнее мост. Мост – городская опция, именно мост часто становится символом города. И здесь родство моста и арки заканчивается: город может иметь множество триумфальных арок, но они не годятся на роль городского символа, поскольку их нарратив экстерриториален, пусть бы Арка и стояла в самом центре города.

Мост, пожалуй, наиболее темпорально наличествующая, явленная архитектурная форма; время в нем

4. Первым прервал историю этого слова как жаргонизма и ввел его в теоретико-средовой и архитектурный дискурс Г. З. Каганов (возможно, оттого, что он житель и талантливый мифолог Петербурга – города... мостов)

5. А иногда и совсем не здесь, как Литейный мост в Питере, имеющий свойство иногда, в густом тумане, уводить людей и корабли в небытие по своему двойнику-фантому

^ Рис. 7. Мост на острове Скай, Шотландия

^ Рис. 8. Гаэтано Превиати. Тихоокеанская железная дорога, 1915 г.

(на нем) достигает почти гаптического присутствия – становится густым до осязаемости. Портал, окно или арка темпорально контрастны и... «моментальны»; стена, видимо, не имеет родовых темпоральных качеств, а купол, похоже, играет на нашей планете роль «чёрной дыры», втягивающей в себя пространство и время. Мост же расположен во времени, точнее – во временах (и ко временам он тоже расположен). Его дление есть тем самым и временение; его «здесь» протяженно, но и его «теперь» – не миг (возможно, поэтому оно и не ускользает из чувства присутствия и из памяти, как ускользают иные архитектурные формы). С легкостью принадлежат разным берегам, разным местам, он также принадлежит и разным временам, различным темпоральным масштабам. Мост монументален, но не моментален (потому так завораживают трансформируемые мосты, понтонные переправы и плавсредства инженерных войск: они остраивают архетип, создавая, впрочем, обычный прием дизайна в отношении архитектуры). Мост – идеальный монумент, он хранит историческую память места во всей ее мифо-символической целостности и «нагнетенности» (если вспомнить А. Ф. Лосева), чем можно объяснить и его символическую силу, и его брендинговую популярность.

При этом, мост не назовешь прегнанным гештальтом: он всегда «незакончен», не завершен в себе, он – заноза для глаза и чувства; им не успокоишься. Мост, говоря каламбуром, – «нехорошая форма», что, разумеется, никогда не было секретом. Арки, когда они есть, несколько спасают дело, но и они скорее лишь подпевают основной теме моста, приправляют его загадку, камуфлируют тайну.

Мост судьбоносен. Это место встреч и расставаний («...мы простимся на мосту»). Не оттого ли традиция и городская мифология часто приписывают его создание божественным или inferнальным силам, а уж если человеку, то непременно или святому, или продавшему душу дьяволу.

Левое и правое, верх и низ, божественное и inferнальное: Мост – с Ангелом над ним и архитектором в лодке под ним – благословляет этот мир, утверждая в нем равновесие. И, хотя привкус сделки остается устойчивым, не будем забывать: Мост ведь еще и знак Завета.

И нам ли, живущим, давать оценку силам, связывающим все со всем? Так или иначе, несмотря на свою не вполне принадлежность архитектуре – или благодаря ей – именно Мост, а не жилище, не пресловутая хижина Витрувия, и, пожалуй, не менгир (он «прост», он лишь начинает ряд, порождает традицию, он первичен и бессознателен) и даже не Храм (он сложнее во всех смыслах, он рефлексивен и сверхсознателен) сделал человека Человеком, а его постройки – Архитектурой.

v Рис. 9. Мост и Замок св. Ангела в Риме. Ангел, парящий над мостом, задаёт координаты сугубо мостового трансцензуса. Этот римский паттерн потрясающ: мощь присутствия на Месте не уступает мощи точно артикулированного отсутствия - провалу в вечность, в дльщееся "всегда" Истории; интенциональный, волевой вектор не столько упирается, сколько рассеивается округлой несхватимостью Времени. В плане Место представляет собою перевёрнутый восклицательный знак или букву i, что можно уже признать лингвистическим эквивалентом Моста-с-Башней.

Отсутствие интегрированного территориально-транспортного планирования в Иркутске и Иркутской агломерации привело к деградации транспортной инфраструктуры. Авторы предлагают ряд мер, включая разработку плана развития устойчивой мобильности с ориентиром на обслуживание городских территорий общественным транспортом. Использование современных инструментов транспортного моделирования позволяет учитывать негативные последствия по снижению транспортной доступности, но требует интеграции накапливаемой информации о характеристиках обслуживаемых территорий для повышения точности транспортных прогнозов.

Ключевые слова: Иркутск; транспортная доступность; транспортное моделирование; интеграция; территориально-транспортное планирование; Иркутская агломерация. /

The lack of integrated territorial and transportation planning in Irkutsk and Irkutsk agglomeration has led to the degradation of transport infrastructure. A number of measures are proposed to improve the efficiency of the transport system, including the elaboration of a development plan for sustainable mobility with a focus on public transportation services for urban areas. The use of modern transport modeling tools allows to take into account the negative consequences of reducing transport accessibility, but requires the integration of accumulated information about the characteristics of the service areas to increase the accuracy of transport forecasts.

Keywords: Irkutsk; transport accessibility; transport modeling; integration; territorial and transport planning; Irkutsk agglomeration.

Транспортное планирование в развитии Иркутской агломерации / The role of transport planning in the sustainable development of the Irkutsk agglomeration

текст

Алексей Левашев
Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ)

Максим Шаров
ИРНИТУ

Ольга Лебедева
Ангарский государственный технический университет

Алла Лыткина
ИРНИТУ

Александра Бутузова
ИРНИТУ

Оксана Прокофьева
ИРНИТУ

Светлана Яценко
ИРНИТУ /

text
Alexei Levashev
Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Maxim Sharov
INRTU

Olga Lebedeva
Angarsk State Technical University

Alla Lytkina
INRTU

Alexandra Butuzova
INRTU

Oksana Prokofieva
INRTU

Svetlana Yatsenko
INRTU

Устойчивое развитие урбанизированных территорий невозможно без решения задач в области транспортного планирования.

Одно из определений транспортного планирования – это процесс рассмотрения текущей транспортной ситуации в городе, агломерации, регионе и проектирование мероприятий по развитию транспортной системы на перспективу с учетом накладываемых бюджетных ограничений, уже имеющихся ориентиров развития и транспортной политики. Транспортное планирование помогает формировать рост сообщества или города, учитывая все – от развития улично-дорожной сети до использования грузовых судов, общественного транспорта и велосипедной инфраструктуры и влечет последствия во всех сферах, от бизнеса до отдыха и качества жизни [1].

Наиболее важной из задач транспортного планирования является оценка транспортного спроса, в зависимости от размера изучаемой территории выражающегося величиной интенсивности движения на участке улично-дорожной сети, размером пассажирооборота на общественном транспорте, матрицей корреспонденций передвижений между районами города или агломерации и др. В связи с этим альтернативная версия определения транспортного планирования может быть сформулирована как процесс нахождения баланса между транспортным спросом и транспортным предложением.

Наличие или отсутствие транспортного планирования в городе можно определить по тому, какие решения принимаются или не принимаются применительно к развитию транспортной инфраструктуры, а также к развитию городских и пригородных территорий. Яркий пример – процесс субурбанизации многих городов без учета развития системы пассажирского транспорта, в ходе которого интенсивно снижаются возможности обеспечения транспортной доступности городских территорий и их устойчивого развития.

Анализируя текущее состояние транспортной системы Иркутской агломерации, особое внимание следует уделять развитости транспортной инфраструктуры Иркутска как ее основного центра, с которым происходит основной обмен транспортными корреспонденциями.

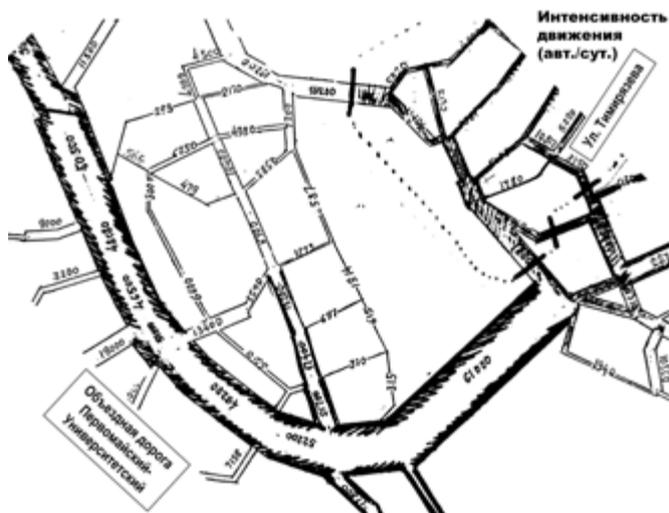
В 1985 г. в Иркутске был разработан генеральный план (ЦНИИП градостроительства РААСН), в составе которого был раздел транспортного планирования, включающий оценку транспортного спроса. С целью обеспечения транспортной доступности городских территорий в генплане была предусмотрена развитая улично-дорожная сеть (УДС), которая должна была обеспечивать запас пропускной способности ее элементов, в частности, в центральной части Иркутска. Одной из важнейших составляющих запланированной УДС была система связей, представляющих собой скоростную кольцевую дорогу (рис. 1), которая должна была обслуживать внутригородские транзитные межрайонные потоки, а также внешние транспортные потоки внутри агломерации.

Новый генплан Иркутска 2005 г. наследовал планы по развитию скоростной кольцевой дороги; вместе с тем уже на тот момент часть территорий, прилегающих к дороге, была застроена без проработки условий организованного доступа к ним. Это, в свою очередь, сделало невозможным реализацию непрерывного движения транспортных потоков.

Развитие территорий без учета организации качественного доступа к ним в сочетании с полной застройкой планируемых участков улично-дорожной сети привели к тому, что плотность сложившейся магистральной улично-дорожной сети Иркутска оказалась вдвое и более ниже рекомендуемых значений (рис. 3). Низкая плотность улично-дорожной сети не позволяет решать задачи по перераспределению транспортных потоков, а также задачи по рассредоточению маршрутов общественного транспорта, которые на данный момент сконцентрированы на ограниченном участке магистральных улиц.

В 2007 г. был реализован Академический мост, который должен был снимать транспортные нагрузки с улично-дорожной сети центра города по прогнозам 1985 г. (рис. 2). Отсутствие недостающих элементов и организация доступа к новому мосту через центр города (ул. 3-го Июля) привели к так называемому спровоцированному спросу (induced demand) на движение транспорта через центральную часть Иркутска.

Несогласованность развития транспортной инфраструктуры была дополнена образованием ряда крупных

^ Рис. 2. Фрагмент оценки распределения транспортных потоков по улично-дорожной сети Иркутска с учетом скоростной кольцевой дороги из транспортного раздела Генерального плана Иркутска 1985 года

^ Рис. 1. Скоростная кольцевая дорога Иркутска в составе Генерального плана Иркутска 1985 года

объектов массового тяготения, отличающихся по характеру генерации транспортных потоков от наиболее распространенных объектов проживания, труда и др. На территории города появились крупные центры массового тяготения населения без учета последствий, связанных с организацией движения на прилегающей УДС. Так, в зоне торгово-развлекательного центра Jam Moll на участке улично-дорожной сети протяженностью около 600 м насчитывалось 12 примыканий, нерегулируемое пересечение и пешеходный переход. Еще одним ярким примером является комплекс торговых центров «Фортуна» – объект в центре Иркутска (рис. 3) с посетителями, прибывающими преимущественно на индивидуальном транспорте со средней продолжительностью парковки около 90 мин. По уровню генерации транспортных потоков этот комплекс сравним и даже превышает отдельные спальные районы города. А учитывая, что развитие третичного сектора в центральной части города ежегодно нарастало, прирост посетителей, прибывающих на индивидуальном транспорте в последние годы, составил более 5% в год.

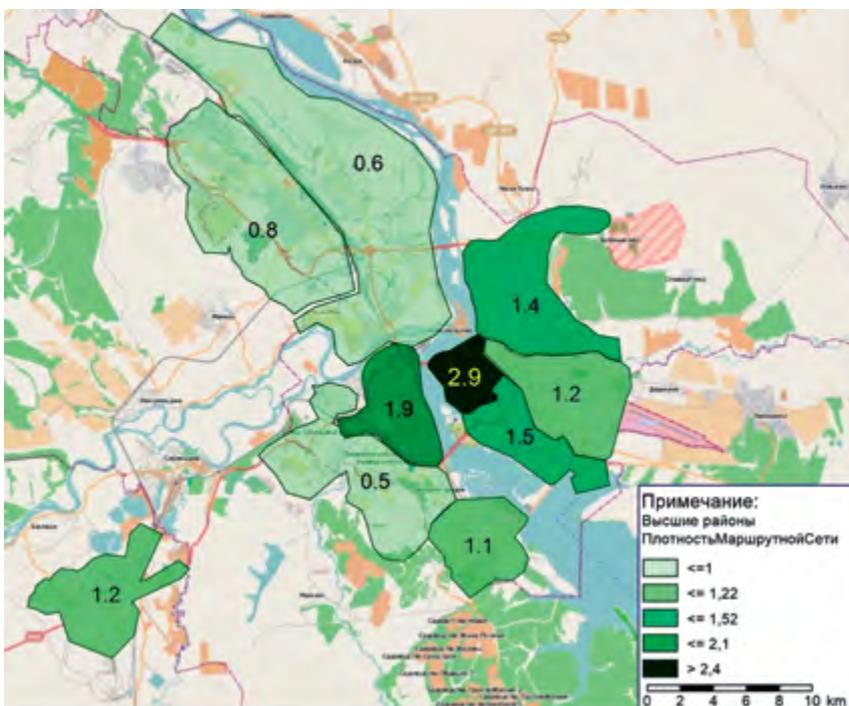
В результате перечисленных негативных факторов в развитии территории Иркутска доступность большинства районов города превысила нормативные требования (рис. 4), в соответствии с которыми передвижения 90% населения должны укладываться в 37,5 мин.

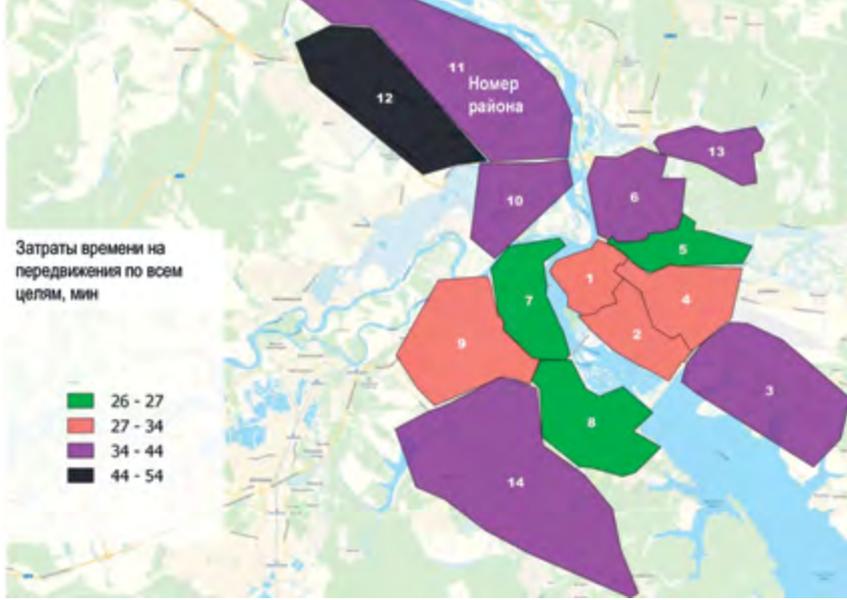
Планируемые в настоящее время мероприятия по повышению пропускной способности отдельных пересечений и развязок могут позволить улучшить условия движения на 15–30%; вместе с тем быстро развивающаяся территория Иркутского района без должной проработки системы общественного транспорта не позволяет рассчитывать на длительное сохранение такого эффекта. Например, развитие территории вдоль Байкальского тракта на перспективу позволяет сделать прогноз о приросте транспортных потоков почти вдвое (рис. 5). Очевидно, что существующая улично-дорожная сеть в зоне входа Байкальского тракта на территорию Иркутска не рассчитана на такую интенсивность движения.

В целях повышения качества транспортного обслуживания территории Иркутской агломерации может быть использован ряд мер, включающий:

- разработку плана устойчивого развития мобильности жителей агломерации (необязательный документ, который должен скоординировать действия по развитию транспортной инфраструктуры и обслуживаемых ею территорий);
- оптимизацию сети маршрутов общественного транспорта с учетом появления новой инфраструктуры для маршрутов большой вместимости (включая электротранспорт); организацию системы диспетчеризации и введение электронного билета с сетевым тарифом, обеспечивающим оплату проезда по расстоянию независимо от количества совершенных пересадок; обновление подвижного состава общественного транспорта;
- внедрение приоритета общественного транспорта совместно с ограничениями на парковку в централь-

v Рис. 3. Распределение плотности магистральных улиц (рекомендуемые значения: 2–2,5 м/м²)

^ Рис. 5. Результаты оценки распределения затрат времени передвижения населения укрупненных расчетных транспортных районов Иркутска по результатам анкетного опроса. 2019

^ Рис. 4. Распределение одновременно припаркованных автомобилей в центре города. 2007 г. – 7 000 ед. (ежегодный прирост 2007–2019 более 5%)

ной части Иркутска в ущерб пользователям индивидуального (вынужденная мера, на которую уже давно сориентированы развитые страны);

– развитие велосипедной инфраструктуры, которая обеспечит повышение привлекательности общественного транспорта и передвижений на короткие расстояния.

Возвращаясь к вопросу интегрированного территориально-транспортного планирования на примере Иркутска и Иркутской агломерации, можно перечислить три основных принципа, которые необходимы для успешного устойчивого развития территории.

1. Градостроительные решения должны сопровождаться транспортными исследованиями, включая оценку транспортного спроса и показателей эффективности этих решений.

2. Границы рассматриваемой территории необходимо принимать с учетом задач, связанных с оценкой транспортного спроса и предполагаемых последствий, которые могут быть вызваны градостроительными решениями.

3. Инструменты транспортного планирования должны быть подготовлены заранее, т. к. они учитывают влияние

развития территорий, которые являются генераторами транспортных потоков (рис. 6. Пример использования инструмента транспортного моделирования, который в качестве исходных данных требует характеристики использования территории).

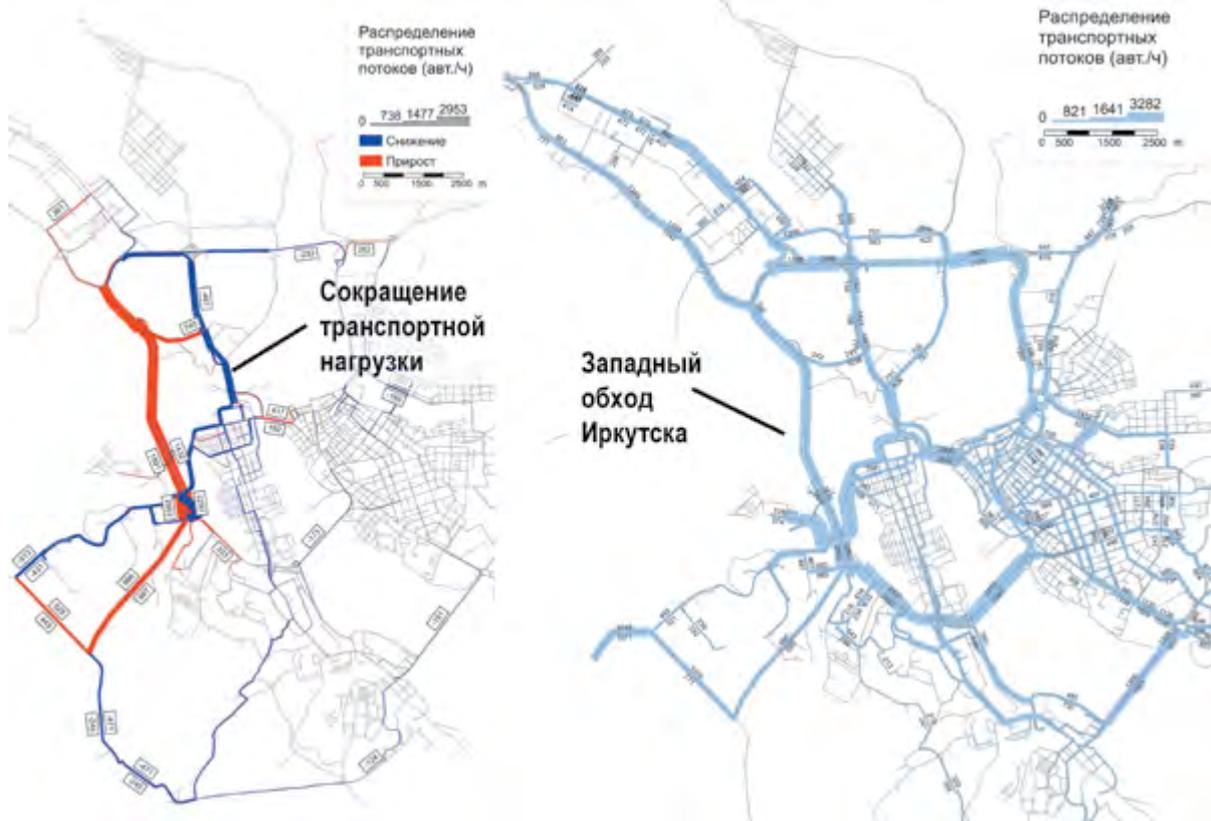
В рамках деятельности НИ Транспортной лаборатории ИРНТУ за последние несколько лет был проведен ряд исследований [2–12], направленных на изучение способов повышения пропускной способности улично-дорожной сети, качества транспортного обслуживания населения и повышения транспортной доступности городских территорий. В 2017–2020 гг. было проведено исследование [13; 14] по влиянию транспортной доступности на стоимость жилья на территории Иркутской агломерации (рис. 7, 8). В результате исследования были сделаны следующие выводы:

- транспортная доступность напрямую влияет на стоимость территории;
- развитие урбанизированных территорий должно подкрепляться оценкой транспортной доступности на перспективу;
- вклад в развитие транспортной инфраструктуры, обслуживающей развиваемые территории, должен лежать в области интересов не только администрации, но и застройщиков.

В заключение важно повторить тезис: градостроительное планирование должно включать в себя интегрированное территориально-транспортное планирование. В зависимости от границ рассматриваемой территории развития необходимо на начальном этапе планирования выбрать набор инструментов транспортного планирования и требуемых исходных данных. Успешное интегрированное территориально-транспортное планирование также требует интеграции накапливаемых данных о территории, которые позволят без лишних потерь времени и ресурсов обеспечить обслуживание развития территории на уровне транспортного планирования.

v Рис. 6. Прогноз увеличения транспортных потоков с Байкальского тракта в связи с развитием территории Иркутского района. 2015

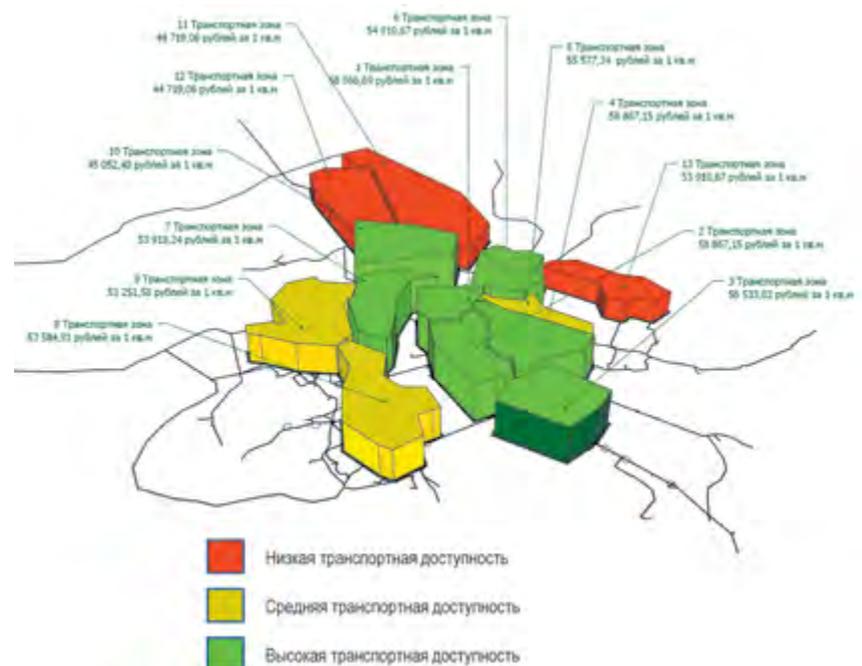
< Рис. 7. Применение инструментов транспортного моделирования для оценки распределения транспортных потоков на основе расчетных характеристик территорий Иркутской агломерации (появление западного обхода снижает транспортные нагрузки на ул. Трактовая на 40–50%, что позволяет реализовывать пассивный и активный приоритеты общественного транспорта)

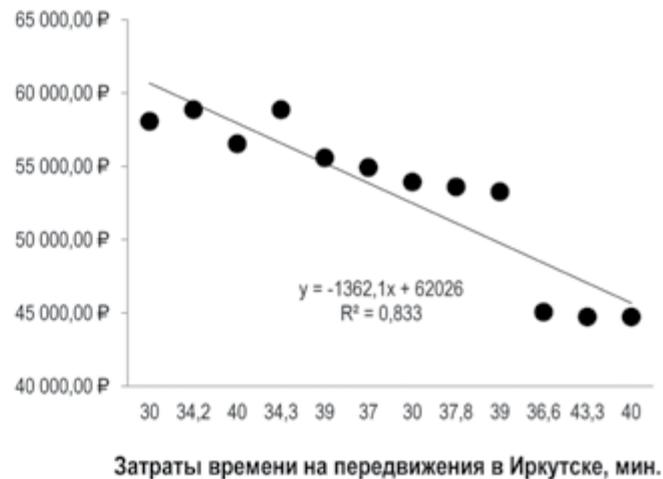
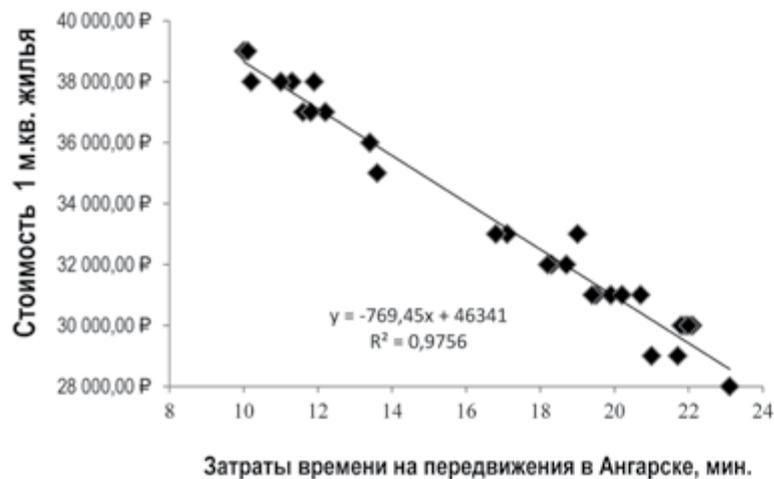
Литература

1. What Is Transportation Planning. – URL: <https://planva.org/transportation/what-is-transportation-planning/> (дата обращения: 12.10.2021)
2. Шаров, М. И., Лебедева, О. А. Влияние транспортного зонирования на функционирование маршрутной сети города // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2019. – № 2 (62). – С. 196–202
3. Челпанова, И. А., Левашев, А. Г. Исследование функционирования остановочных пунктов в центральной части г. Иркутска // Автомобильные перевозки и транспортная логистика: теория и практика : сборник научных трудов кафедры «Организация перевозок и управление на транспорте» с международным участием / под научной ред. Е. Е. Витвицкого. – Омск, 2020. – С. 110–117
4. Немчинов, Д. М., Мартяхин, Д. С., Комарова, Т. К., Поспелов, П. И., Михайлов, А. Ю. Стратегическая цель – снижение перегрузки // Автомобильные дороги. – 2020. – № 9 (1066). – С. 144–149
5. Клевакин, А. Города меняются снизу. Зимняя сессия на фоне событий в стране : 13-я сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета «Экология пригородного расселения и города Иркутска» // Проект Байкал. – 2012. № 32. – С. 88–98
6. Kolganov, S. V., & Skutelnik, V. V. (2019). Research of the possibilities to increase the traffic capacity of streets in the central part of Irkutsk. Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 632(1) doi:10.1088/1757-899X/632/1/012070
7. Levashev, A. (2017). Application of geoinformation technologies for the transportation demand estimation. Paper presented at the Transportation Research Procedia, 20 406-411. doi:10.1016/j.trpro.2017.01.066
8. Levashev, A. (2018). Formation of the transport model of urban agglomeration. Paper presented at the MATEC Web of Conferences, 212 doi:10.1051/mateconf/201821205001 Retrieved
9. Levashev, A., Mikhailov, A., & Golovnykh, I. (2013). Modelling parking based trips. WIT Transactions on Ecology and the Environment, 179 VOLUME 2, 1067-1076. doi:10.2495/SC130912
10. Levashev, A., Mikhailov, A., & Sharov, M. (2018). Special generators in tasks of transportation demand assessment. Paper presented at the Transportation Research Procedia, 36 434-439. doi:10.1016/j.trpro.2018.12.119
11. Mikhailov, A., Sharov, M. I., Levashev, A. G., Butuzova, A. B., & Ovchinnikova, N. I. (2019). Evaluating reliability of municipal public transport operation in the Russian federation cities. Paper presented at

- the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, , 632(1) doi:10.1088/1757-899X/632/1/012064
12. Sharov, M., Levashev, A., & Mikhailov, A. (2014). The Irkutsk transportation master plan solutions for public transport system development. WIT Transactions on Ecology and the Environment, 190 VOLUME 1, 651-660. doi:10.2495/EQ140621
  13. Sharov, M. (2018). Analysis of the impact of transport accessibility on the cost of housing on the example of the city of Irkutsk. Paper presented at the MATEC Web of Conferences, 212 doi:10.1051/mateconf/201821203001
  14. Sharov, M. I., & Lebedeva, O. A. (2020). Housing cost dependence on transport accessibility territory of industrial city. Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 880(1) doi:10.1088/1757-899X/880/1/012073

v Рис. 8. Влияние транспортной доступности на распределение стоимости квадратного метра жилья по укрупненным транспортным зонам в Иркутске. 2017

^ Рис. 9. Влияние транспортной доступности на распределение стоимости квадратного метра жилья в Иркутске и Ангарске. 2017–2020

References

- Chelpanova, I. A., Levashev, A. G. (2020). Issledovanie funktsionirovaniya ostanovochnykh punktov v tsentralnoi chasti Irkutsk [Study of the functioning of bus stops in the central part of Irkutsk]. In E. E. Vitvitskii, (Ed.), *Automobile transportation and transport logistics: theory and practice*. Collection of scientific papers of the department "Organization of transportation and management on transport" (with international participation) (pp. 110-117). Omsk.
- Klevakin, A. (2012). The Cities Change from Below: The 13th Session of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design: "Ecology of Suburban Settlements and the City". *Project Baikal*, 9(32), 88-98. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.32.224>
- Kolganov, S. V., & Skutelnik, V. V. (2019). Research of the possibilities to increase the traffic capacity of streets in the central part of Irkutsk. Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 632(1) doi:10.1088/1757-899X/632/1/012070
- Levashev, A. (2017). Application of geoinformation technologies for the transportation demand estimation. Paper presented at the Transportation Research Procedia, 20 406-411. doi:10.1016/j.trpro.2017.01.066
- Levashov, A. (2018). Formation of the transport model of urban agglomeration. Paper presented at the MATEC Web of Conferences, 212. doi:10.1051/mateconf/201821205001 Retrieved
- Levashev, A., Mikhailov, A., & Golovnykh, I. (2013). Modelling parking based trips. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*, 179 VOLUME 2, 1067-1076. doi:10.2495/SC130912
- Levashev, A., Mikhailov, A., & Sharov, M. (2018). Special generators in tasks of transportation demand assessment. Paper presented at the Transportation Research Procedia, , 36 434-439. doi:10.1016/j.trpro.2018.12.119

- Mikhailov, A., Sharov, M. I., Levashev, A. G., Butuzova, A. B., & Ovchinnikova, N. I. (2019). Evaluating reliability of municipal public transport operation in the Russian federation cities. Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 632(1). doi:10.1088/1757-899X/632/1/012064
- Nemchinov, D. M., Martyahin, D. S., Komarova, T. K., Pospelov, P. I., & Mikhaylov, A. Yu. (2020). Strategicheskaya tsel – snizhenie peregruzki [The strategic goal is to reduce congestion]. *Automobile roads*, 9(1066), 144-149.
- Sharov, M. (2018). Analysis of the impact of transport accessibility on the cost of housing on the example of the city of Irkutsk. Paper presented at the MATEC Web of Conferences, 212. doi:10.1051/mateconf/201821203001
- Sharov, M. I., & Lebedeva, O. A. (2019). Vliyanie transportnogo zonirovaniya na funktsionirovanie marshrutnoi seti goroda [The impact of territory zoning on the functioning of the route network of the city]. *Modern Technologies. System analysis. Modeling*, 2(32), 196-202.
- Sharov, M. I., & Lebedeva, O. A. (2020). Housing cost dependence on transport accessibility territory of industrial city. Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 880(1). doi:10.1088/1757-899X/880/1/012073
- Sharov, M., Levashev, A., & Mikhailov, A. (2014). The Irkutsk transportation master plan solutions for public transport system development. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*, 190 VOLUME 1, 651-660. doi:10.2495/EQ140621
- What Is Transportation Planning (n.d.). PlanRVA. Retrieved October 12, 2021, from <https://planrva.org/transportation/what-is-transportation-planning/>

Вряд ли кому-то придет в голову сегодня оспаривать важность системы общественных пространств. Ее роль в качестве неотъемлемого элемента городской инфраструктуры активно изучается, хотя едва ли до конца осознана. В этой рубрике собраны посвященные истории вопроса публикации на примере общественных пространств Красноярска. Терапевтическая роль городских садов – пример новаторского подхода ученых Крыма к проблеме инфраструктуры города.

Философия отдельных объектов обсуждается в статьях наших постоянных авторов. Фонтан и городской колодец, конечно, одно временно являются и частью общественных пространств, и частью инженерной инфраструктуры, обеспечивающей (бесплатно!) жизнь города и горожан. Воистину город укореняется колодцами.

Елена Григорьева

общественные пространства / public spaces

Nowadays, one can hardly deny the importance of the system of public spaces. Its role as an integral element of urban infrastructure is actively studied, yet not fully comprehended. This section presents a collection of publications devoted to the history of the question using the example of public spaces in Krasnoyarsk. The therapeutic role of urban gardens is an example of the innovative approach of the Crimean scientists to the problem of the city infrastructure.

Philosophy of separate objects is discussed in the articles of our regular authors. The fountain and the city well, of course, are both part of the public spaces and part of the engineering infrastructure that (for free!) ensures life of the city and citizens. The city is indeed rooted in wells.

Elena Grigoryeva

Открытые общественные пространства (ООП) Красноярска анализируются с позиции формирования комфортной городской среды. Приведенная классификация отражает уникальные природные ландшафты и объекты сложившейся ландшафтно-планировочной структуры города. Методологический подход к анализу их современного состояния базируется на оценке потенциалов развития территории и выполнен с применением геоинформационного анализа данных. Выявлены факторы, влияющие на развитие ООП, даны рекомендации по их трансформации в показатели и параметры комфортности среды. Сформулированы принципы и обозначены перспективы дальнейшего развития ООП Красноярска.

Ключевые слова: открытые общественные пространства; Красноярск; комплексный анализ; геоинформационные технологии; потенциал развития. /

The open public spaces (OPS) of Krasnoyarsk are analyzed from the perspective of the global trend in the comfortable urban environment formation. The given classification reflects the unique natural landscapes and objects of the existing landscape-planning structure of the city. The methodological approach to the complex analysis of their current state is based on the assessment of the territory development potentials and is carried out, inter alia, with the use of geoinformation data analysis. The unique and unified factors influencing the development of the OPS are identified and recommendations are given for their transformation into indicators and parameters of the environment comfort. The principles are formulated and the prospects for the further development of OPS in Krasnoyarsk are outlined.

Keywords: open public spaces; Krasnoyarsk; complex analysis; geoinformation technologies; development potential.

Потенциалы развития открытых общественных пространств Красноярска / Development potentials of Krasnoyarsk open public spaces

текст

Наталья Унагаева

Сибирский Федеральный университет

Ирина Федченко

Сибирский Федеральный университет

Алексей Липовка

Сибирский Федеральный университет

Ольга Блянкинштейн

Сибирский Федеральный университет

Наталья Попкова

Сибирский Федеральный университет

Матвей Савельев

Сибирский Федеральный университет /

text

Natalia Unagaeva

Siberian Federal University

Irina Fedchenko

Siberian Federal University

Alexey Lipovka

Siberian Federal University

Olga Bliankinshtein

Siberian Federal University

Natalia Popkova

Siberian Federal University

Matvey Savelyev

Siberian Federal University

Введение

Открытые общественные пространства – это отражение благосостояния общества, исторических, планировочных и социокультурных особенностей развития любого поселения. Принятая в 2013 г. ООН «Хартия общественного пространства» направлена на устойчивое городское развитие и повышение качества жизни через раскрытие уникальных возможностей Места [1]. В связи с этим тенденция «формирования комфортной городской среды» открытых общественных пространств в последние десятилетия становится мировым трендом.

Красноярск является активным участником Федерального стратегического проекта «Формирование комфортной городской среды» (далее – Федеральный проект) национального проекта «Жилье и городская среда», действующего на территории Российской Федерации с 2016 г. Кроме того, на территории Красноярского края с января 2019 г. реализуется Региональный проект «Формирование комфортной городской среды на территории Красноярского края». Он нацелен не только на повышение индекса качества городской среды, но и на разработку механизма прямого участия граждан в решении вопросов ее развития, на повышение эмоциональной привязанности людей к Месту и воспитание у них чувства общности, гражданской позиции и ответственности [2]. В рамках действующих программ благоустраивают общественно-рекреационные пространства, территории социально-значимых объектов и жилых дворов; разработаны «Альбом архитектурных решений по благоустройству общественных пространств» (для муниципальных образований Красноярского края) и «Стандарты благоустройства улиц муниципальных образований Красноярского края». К сожалению, в отечественной практике «комфортная среда» сводится к понятию «хорошее благоустройство», достаточно универсальному подходу к обустройству разных типологических объектов и выбору «типовых» (по каталогам) малых архитектурных форм. При этом отличная на первый взгляд идея формирования базы лучших проектов по результатам ежегодного архитектурного конкурса, проводимого в рамках Федерального проекта и позволяющая проследить за ходом его реализации, провоцирует «тиражирование» архитектурных решений

без привязки к контексту Места. Постепенно как в научном, так и в профессиональном сообществе складывается понимание необходимости более системного, комплексного подхода к проектированию открытых общественных пространств, учитывающее характеристики современного представления о среде проживания, региональных и природных особенностях, социальных и поведенческих аспектах, ландшафтно-экологических и культурологических основах развития территории. Необходимо учитывать и современные проблемы конкретного населенного пункта.

Классификация открытых общественных пространств Красноярска

Красноярск обладает уникальными природными ландшафтами, богатой гидрологической системой реки Енисей и ее притоков, что, несомненно, нашло отражение в развитии ландшафтно-планировочной структуры города: системе озелененных городских территорий, системе открытых общественных и рекреационных пространств (рис. 1). Поэтому природно-ландшафтные признаки, как и генезис осваиваемой территории, легли в основу подхода к классификации и типологии открытых общественных пространств города.

Общая структура ООП Красноярска сформирована двумя укрупненными группами объектов (рис. 2). Природно-ландшафтные особенности города и высокий рекреационный потенциал отдельных структурных элементов природного комплекса позволяют выделить группу **открытых общественных пространств природных территорий** (на основе ландшафтно-рекреационных зон), к которым относятся:

- городские леса, в том числе и естественные природные ландшафты в административных границах города;
- особо охраняемые природные территории (национальный природный парк Столбы);
- лесопарки (Березовая роща, Гремячая грива);
- природные парки на территории речных пойм, островов (острова Татышев, Молокова, Отдыха, пруды ручья Серебряного, реки Бугач, Кача, Базаиха и т. п.);
- природные спортивные парки: горнолыжные (Фанпарк «Бобровый лог», «Сопка»), гольф-парки («Орлиные

в Рис. 2. Н. Унагаева. Классификация открытых общественных пространств Красноярска

холмы» д. Кузнецово, кампус СФУ), спортивный парк на базе стадиона «Радуга» и т. п.),

– парки и скверы в структуре города/в урбанизированных районах (с преобладанием озелененных пространств естественного ландшафта): например, Красноярский центр «Юннаты» и парк «Химик».

ООП природных территорий являются неотъемлемой частью экологической системы города, обеспечивающей сохранение биоразнообразия, ибо они сформированы

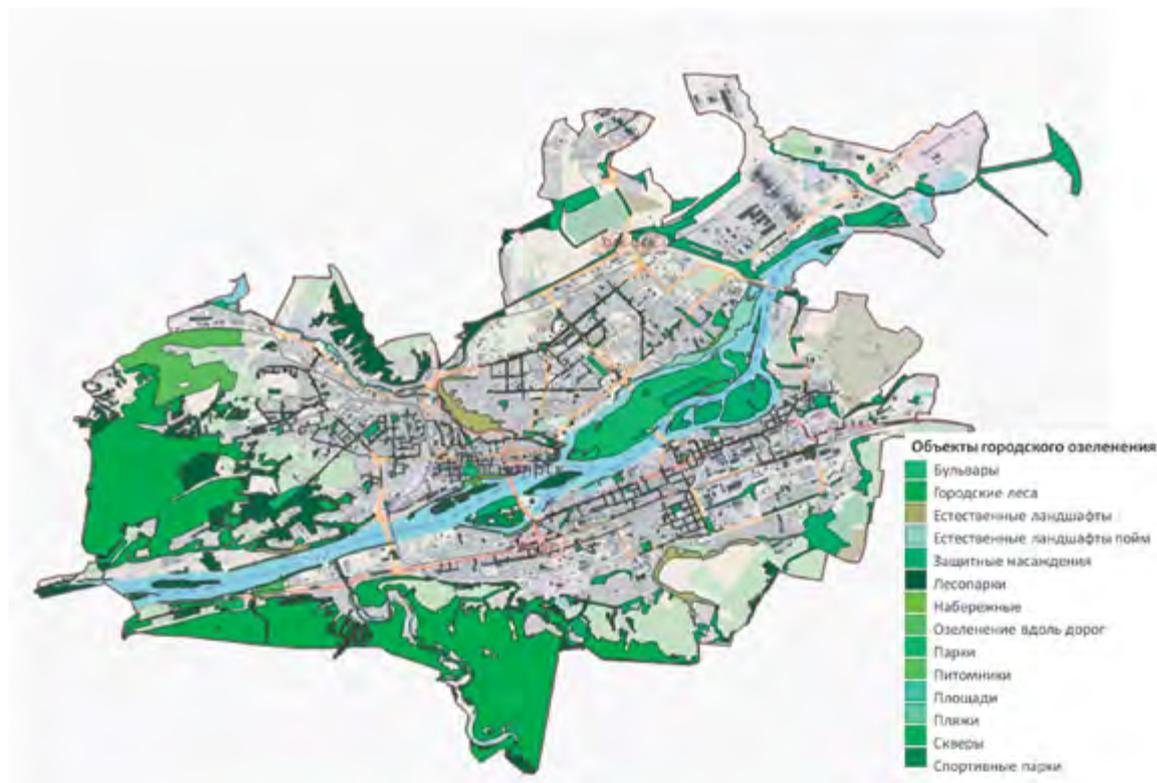
на основе естественной растительности, особенностей рельефа и гидрологического режима местности.

Следующая группа – **открытые общественные пространства урбанизированных территорий** – представлена объектами, интегрированными в различные функциональные зоны города:

- парки и скверы (с преобладанием искусственных компонентов паркового ландшафта),
- площади,

Исследование выполнено при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта «Открытые общественные пространства города Красноярска: методологические основы архитектурно-градостроительной регламентации формирования комфортной среды жизнедеятельности» /

Acknowledgements: The work was supported by the Krasnoyarsk Regional Fund of Science within the project “Open public spaces in the city of Krasnoyarsk: methodological bases of architectural and town-planning regulation of the formation of a comfortable living environment”

< Рис. 1. Общая структура ООП Красноярска. Состояние на 2021. Карта выполнена в программе QGIS

- улицы,
- бульвары,
- набережные.

Отдельную подгруппу на урбанизированных территориях формируют открытые общественные пространства жилых районов: сады микрорайонов, скверы, дворовые территории, пешеходные пространства и другие «зоны общественного пользования» (рис. 2).

Таким образом, парки и скверы в урбанизированных районах занимают переходную позицию, и их принадлежность к конкретной классификационной группе зависит от степени сохранения массивов зелени естественного происхождения.

Такое деление на группы позволяет подчеркнуть несколько уровней развития ООП: макроструктура (уровень природного каркаса), мезоструктура (уровень города – внутри градостроительной ткани), микроструктура (локальный, связанный с конкретным объектом и его особенностями).

Подходов к дальнейшей классификации ООП может быть несколько. Среди сложившихся в теории градостроительства наиболее распространенный подход определен главной функцией объекта. По основному назначению можно выделить следующие открытые общественные пространства:

- рекреационные (лесопарки, парки, скверы, сады микрорайонов и т. д.),
- социально-событийные (площади, скверы, территории зданий административного назначения),
- культурно-досуговые (парки культуры и отдыха городского, районного значения; площади и скверы перед зданиями общественно-делового назначения и культурно-просветительской деятельности),
- торговые (открытые пассажи, площади),
- коммуникационные (связующие): бульвары, набережные, улицы. При этом внутри линейных объектов (например, улиц) тоже могут содержаться зоны различного функционального назначения: социально-событийные, культурно-досуговые, торговые и т. д.

Зачастую общественные здания диктуют организацию прилегающего открытого пространства, либо полностью превращая его содержание «места социальной активно-

сти и времяпровождения» в «коммуникацию», обеспечивая транзитное движение людей, либо в «место парковки автомобиля» [3]. Так, в Красноярске площадь перед Большим концертным залом долгое время представляла собой открытую парковку для его посетителей. Позднее территория была реконструирована, появились зоны для отдыха, ожидания и проведения мероприятий (рис. 3). Потенциальные открытые общественные территории крупных торгово-развлекательных центров также заняты автомобилями, где лишь периодически отгораживается зона для проведения каких-либо мероприятий.

Более логичным кажется подход, основанный на структурно-функциональном потенциале территории. А. Л. Гельфонд подчеркивает, что в аспекте устойчивого развития открытые общественные пространства должны подчиняться законам сквонной, транзитивной типологии, быть более гибкими, «<...> обладать принципом смены функциональных приоритетов», что поможет сохранить их востребованность и жизнеспособность [4, с. 45]. Таким образом, не функция, а принадлежность ООП к пространственному каркасу города должна лечь в основу классификации.

В Красноярске можно выделить несколько слоев пространственных структур, в системе которых развиваются ООП:

1. Относительно неизменяемые, устойчивые во времени пространственно-планировочные структуры:

- природно-экологический и ландшафтно-водный каркас (ООП природных территорий);
- историко-культурный каркас (ООП в зоне влияния объектов культурного наследия и достопримечательных мест, культовых сооружений);
- транспортно-планировочный и инженерно-технический каркас (защитные насаждения санитарно-защитных зон, озеленение вдоль дорог, бульвары, набережные, улицы).

2. Относительно изменяемые, зависящие от характера функционального наполнения градостроительной ткани:

< Рис. 3. Использование общественного пространства площади перед Большим концертным залом в Кrasноярске.
3.1 – парковка с обозначением направлений видов А и Б. – URL: armahema.livejournal.com, 2018.
Виды А и Б – площадь после реконструкции. 2021.
Фото Н. Унагаевой

- система объектов социального и культурно-бытового обслуживания населения (площади, скверы, улицы, парки и сады специализированного назначения);
- производственные и коммунально-складские зоны (защитные насаждения и скверы, входящие в структуру санитарно-защитных зон);
- жилые районы (сады микрорайонов, скверы, пешеходные пути, дворовые территории).

При этом каждый каркас развивается по своим правилам, которые не могут не повлиять на формирование ООП и, соответственно, на методику их проектирования. Тем не менее все открытые общественные пространства, в каком бы «слое» они ни находились, должны развиваться системно, объединяя непрерывными пешеходными маршрутами, сопровождая все аспекты жизнедеятельности человека. Поэтому для оптимального соотношения функций каждого пространства важно проанализировать всю систему ООП. «При этом территориальная дифференциация и размежевание несовместимых функций сопровождается территориальным «наложением» взаимодополняющих» [5, с. 5].

Данный принцип – принадлежность ООП к пространственному каркасу города – прослеживается и в Правилах землепользования и застройки г. Красноярск. Открытые общественные пространства не выделены в отдельную территориальную зону, их принадлежность определяется структурно-функциональным потенциалом прилегающих территорий. Как показал анализ, в границах ООП выделено порядка 32 территориальных зон (рис. 4). Кроме того, один объект может быть поделен на несколько зон, соответственно, иметь разные правила землепользования, предельные параметры и ограничения на разных участках; это, несомненно, отрицательно отразится на самом объекте. Особенно стоит отметить ландшафтно-рекреационные ООП. Например, остров Отдыха, ментально воспринимаемый как единый объект спортивно-рекреационного назначения, по данным Интерактивной карты города Красноярск (<https://web-gis.admkrsk.ru/>) на 09.08.2021 г. имеет следующие территориальные зоны: Р-1, Р-2, Р-3, Р-5, Р-6, И, 3-1, СП-3, Т-2. Остров Татышев: В0, Р-1, Р-2, Р-3, Р-4, И, ИТ (рис. 4). Предельные параметры установлены к отдельным функ-

циональным зонам, а не к природному объекту в целом, что приводит к значительному сокращению площади зеленых насаждений за счет замещения природы антропогенной средой и постепенно – к деградации уникальных природных объектов.

Особенности комплексного анализа открытых общественных пространств

Особенности комплексного анализа, как и методика проектирования открытых общественных пространств,

в Рис. 4. Территориальные зоны в границах открытых общественных пространств Красноярск. Фрагменты Интерактивной карты Красноярск: остров Отдыха и остров Татышев. – URL: <https://web-gis.admkrsk.ru/>

> Рис. 6. Пространственная оценка траектории пешеходного движения в характерных морфотипах массовой жилой застройки Красноярск. Красным выделены результаты расчета транзитного пешеходного движения; зеленым – концентрированные потоки внутри дворового пешеходного движения. А. Липовка, И. Федченко

должны быть основаны на структурно-функциональном потенциале территории. В названии Федерального проекта уже заложены главная цель и предмет проектирования: «комфортная городская среда». Поэтому стоит сконцентрироваться на концепции среды, методах средового анализа и проектирования. К. В. Кияненко в своих исследованиях подчеркивает, что «средовой подход» в отечественной практике имеет множественные трактовки [6], а в зарубежных странах понятие «средовое проектирование» объединяет в себе многообразие дисциплин, связанных с проектированием рукотворной среды обитания (built environment), но не исключает ее природную составляющую (natural environment) [7]. Таким образом, «среда» – «совокупность качеств в городе, созданных человеком и природой, выраженных в физических объектах» [8, с. 161]. И если мы говорим о методах средового анализа и проектирования, то должны учесть физические, пространственные, поведенческие, социальные и экологические аспекты.

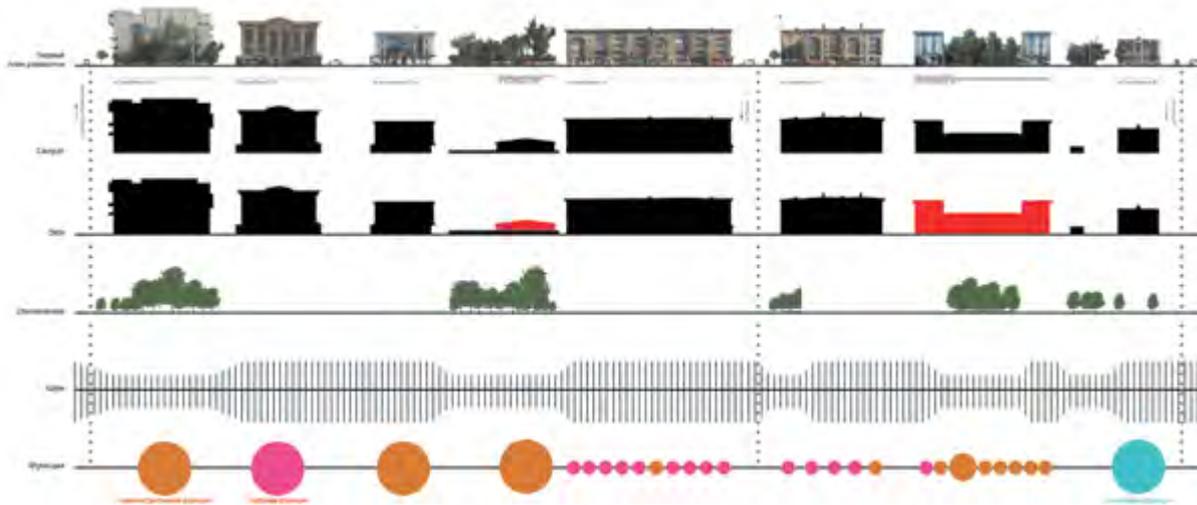
Авторами статьи определены следующие группы факторов, влияющие на формирование открытых общественных пространств: экологические (ландшафтные, природно-климатические и антропогенные); морфологические (морфология городской застройки, факторы пространственного контекста), социокультурные (историко-культурные, социальные, политические) и экономические – с целью их дальнейшей трансформации в показатели и параметры для определения степени комфорта и безопасности среды в конкретном месте.

Экологические ландшафтные и природно-климатические факторы влияют на развитие без исключения всех пространственно-планировочных структур города согласно общему характеру местного ландшафта, диктуя условия для решения задач объемно-пространственной организации поселения. Более полный учет ландшафтных и природно-климатических условий, особенностей микроклимата с применением архитектурных и природных компонентов как равноценных средств композиции позволяет достигнуть индивидуального средового облика и отдельных районов города, и отдельных микропространств. Это особенно важно при формировании открытых общественных пространств в составе природно-экологического и ландшафтно-водного каркаса города. Предпочтение отдается развитию рекреационного и эстетического потенциалов природных территорий с сохранением биоразнообразия, особенностей природного рельефа, естественной растительности, которая на территории Красноярск представлена лесами, степями, лугами, кустарниковой и водной растительностью, болотами [9]. Это не может не отразиться на подборе ассортимента растительности в разных частях города.

Для получения микроклиматических данных конкретной территории в реальном времени можно применять не только переносные приборы, но и использовать специально установленные Приложения на мобильный телефон (для оценки температурного, влажностного, ветрового режимов, освещенности и инсоляции, фиксации скорости ветра) (рис. 5).

в Рис. 5. Данные о микроклимате в реальном времени (с мобильного телефона)

< Рис. 7. К. Фатеева. Графоморфологический анализ фрагмента улицы Карла Маркса в центральной части Красноярска

Экологические антропогенные факторы, к сожалению, учитываются при проектировании открытых общественных пространств в меньшей степени, хотя могут играть значительную роль в создании экологического комфорта для населения, минимизации последствий антропогенного загрязнения окружающей среды урбанизированных территорий. Соотношение площади озелененных территорий и твердого покрытия в каждом отдельном ООП должно зависеть от состояния окружающей среды близлежащих территорий и должно быть направлено на повышение экологической эффективности каждого объекта и системы открытых общественных пространств в целом. Специфическим остается озеленение улиц, бульваров, набережных, где многоярусная посадка деревьев и кустарников, желательна плотной живой изгородью, защищает пешеходов от шума, пыли и выхлопных газов. Поэтому в зависимости от интенсивности автомобильного движения и поперечного профиля улиц уровень озеленения в красных линиях может и должен варьироваться. Выбор ассортимента растительности также должен учитывать степень их устойчивости к разным видам загрязнения для повышения приживаемости растений и полного раскрытия их декоративного потенциала.

Кроме того, при комплексном ландшафтном анализе территории необходимо уделить должное внимание рельефу не только с точки зрения пространственно-визуальной характеристики участка, но и как одному из главных факторов, влияющих на экзодинамические процессы и характер распространения загрязненных воздушных масс в нижних слоях атмосферы. При выявлении перспективных территорий для развития системы ООП Красноярска была использована оценка соответствия функциональной, композиционной структур природной ситуации и оценка микроклиматического потенциала территории, выполненная К. С. Мокринцом [10].

Морфологические факторы включают морфологию городской застройки и факторы пространственного контекста. Морфология застройки, определяемая системой улиц, топологическими характеристиками плана, конфигурацией зданий и ландшафтной подосновой, является основой для трассировки соединяющих все узлы

социальной активности пешеходных маршрутов и создает условия не только для ориентации и идентификации человека в городском пространстве, но и влияет на формирование открытых общественных пространств.

Современные методы пространственного анализа (например, Space syntax) позволяют дать оценку потенциалов развития пешеходного движения при разной морфологии застройки. В данном исследовании были проанализированы различные морфотипы массовой жилой застройки Красноярска и выявлены основные траектории транзитной и внутривортовой пешеходной активности в зависимости от конфигураций зданий и рисунка морфоплана (рис. 6).

Стоит отметить, что помимо анализа структуры плана становится актуальным графоморфологическое исследование фронтального восприятия среды, которое дает визуальное представление о сложившейся структуре за счет послойного разложения панорамы и наглядно демонстрирует имеющиеся проблемы (выраженность силуэта застройки, окружение объектов культурного наследия, характер и степень озеленения, уровень шумового загрязнения, функциональное насыщение) (рис. 7).

Особенности морфологии застройки связаны с такими показателями, как проницаемость, открытость и доступность среды, а также с факторами пространственного контекста, т. к. оказывают влияние и на психофизиологическую комфортность, обусловленную не только физической емкостью самого пространства, но и особенностями его эмоционального восприятия. Важными параметрами в данном случае являются структура и форма. Таким образом, основанные на иерархии ООП структурные элементы городской среды и их архитектурно-планировочные параметры рассматриваются с точки зрения психологии восприятия человеком среды, ментального образа города. Поэтому акцент стоит делать на средовых комплексах – «<...> условно выделяемых участках территории, в которых локализуются определенные сценарии социальной жизни людей, что задает пространственные и социальные параметры средового контекста» [11, с. 28]. В них объединяются субъективные психологические факторы и объективные критерии социального комфорта: идентичность, безопасность, память,

^ Рис. 8. Березовая роща. Постепенное восстановление травянистого покрова на протоптанных несанкционированных тропах после строительства Бульвара Студенческого: 1) 2017; 2) 2021. Фото О. Блянкинштейн

доступность и связность, проницаемость и оживленность, открытость и людность [12].

Социокультурные факторы включают такие аспекты жизни общества, как **историко-культурный, социальный и политический**. Они требуют особого подхода к анализу Места, времени и происходящих процессов, т. к. среду города формирует социум. Верно и обратное: в среде формируется личностное мировоззрение, моральные нормы, поведение и этические принципы. Человек – носитель культурного наследия и одновременно инициатор коммуникационно-культурных взаимоотношений. Особую значимость в формировании «среды» в архитектурно-градостроительной теории отводится осмыслению региональной культурной идентичности и ее выражению в элементах открытых общественных пространств, где воспроизводятся в том числе и «высокие образцы культурной деятельности» [12, с. 57].

Изучение генезиса историко-культурного каркаса Красноярска позволило выделить несколько характерных типов открытых общественных пространств, находящихся в зоне влияния объектов культурного наследия (ОКН): ООП в охранной зоне ОКН и являющееся частью улицы; ООП в охранной зоне ОКН, находящееся внутри застройки (двор, внутренний сквер, усадьба); улица, формируемая фасадами нескольких объектов культурного наследия с одной или двух сторон (охранная зона либо зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности ОКН); площадь или сквер, являющиеся частью архитектурного ансамбля – объекта культурного наследия (зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности ОКН); территория квартала, сформированного группой объектов культурного наследия, являющаяся охранной зоной ОКН; парк или сквер в границах охраняемых исторических зеленых насаждений («памятное место, связанное с историей и культурой города»); рекреационные территории (парки, скверы, набережные, бульвары) в зонах охраняемого природного ландшафта. Их развитие следует по несколько другому «контекстному» сценарию в соответствии с принципами исторической преемственности, архитектурно-градостроительной целостности среды, историко-культурной идентичности в функциональном и предметном наполнении, визуаль-

ной связи с естественными природными достопримечательностями [13].

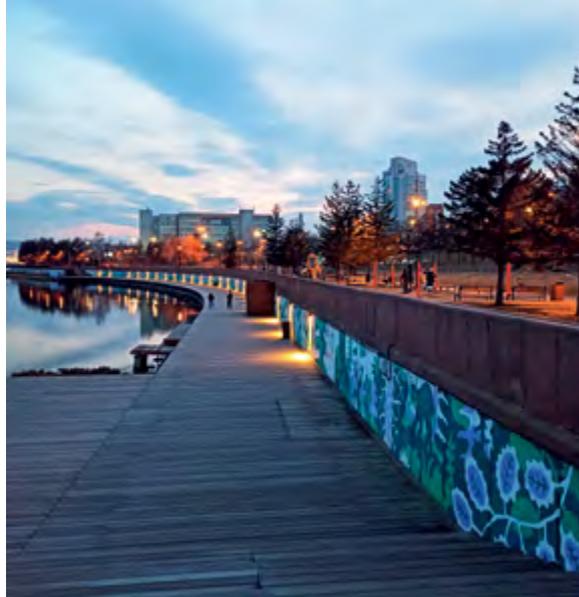
Социальные и политические процессы общественной жизни оказывают влияние и на физические преобразования градостроительной ткани. В предпроектном комплексном анализе выявления потенциалов развития территорий ООП особую роль занимает проведение социологических исследований, направленных на изучение формируемых социальных связей. Среди широкого круга прикладного инструментария авторы исследования выбрали следующие: метод наблюдения (фиксация активностей, целевых аудиторий, сценариев использования, построение карт социальной мобильности), метод анализа субъективного восприятия (интервью и анкетирование пользователей пространства разных социальных групп, ментальное картирование, цифровые следы), метод соучастного планирования (организация воркшопов с приглашением специалистов и активным участием пользователей пространства, обсуждение в форумах, социальных сетях, участие в общественных слушаниях; фиксация результатов совместного «творчества»). Стоит отметить поддержку последнего и на законодательном уровне: право граждан на информацию о градостроительных мероприятиях и изменениях среды обитания населения; сроки, предоставляемые населению и общественности для обсуждения проекта; процедура внесения предложений; выбор отдельных лиц или группы полномочных представителей населения, а также участие членов неформальных объединений (соседских общин, квартальных комитетов и т. д.) в обсуждении градостроительных проектов.

При анализе социальных активностей в Красноярском краевом центре «Юннаты» использовался и метод наблюдения, и анализ цифровых следов (данные Яндекс, социальной сети Foursquare). Сопоставление результатов показало одинаковую статистику по времени посещения, схожий средний балл оценки состояния парка (3,375/3,4/4,1) и пожелания, оставленные и в отзывах в интернете, и в анкетах респондентов при натурном обследовании.

Метод выявления социальных активностей и вынесение результатов исследования на карту позволяет

^ Рис. 9. Импровизированная площадка для игры в керлинг на проспекте Мира. – URL: https://www.instagram.com/v_centre_mira/

^ Рис. 10. Граффити на тему «Обитатели тайги» на подпорной стене левобережной набережной Енисея. Фото Н. Унагаевой

оценить антропогенную нагрузку. Особенно это важно для понимания степени деградации ландшафтно-рекреационных ООП. Анализ пешеходных путей в Березовой роще (2009) позволил выявить достаточно развитую сеть, классифицировать их по 4-м категориям в зависимости от степени использования и запланировать благоустройство основных «результатирующих» направлений [14]. Так в 2017 г. появился Бульвар Студенческий (рис. 8).

Событийность оказывает влияние не только на развитие самих ООП, но и прилегающих районов, раскрывая градостроительный потенциал территории, меняя образ жизни и поведение людей. Это могут быть события дня и одного места: «Бал в кедах» или «Ресторанный день» на территории парка возле бывшего ДК «Сибтяжмаш» – ныне культурного пространства «Каменка» (проект КГБУ «Красноярский краевой Дворец молодежи»); проспект Мира стал пешеходным по выходным дням и наполнен разными культурными событиями (рис. 9).

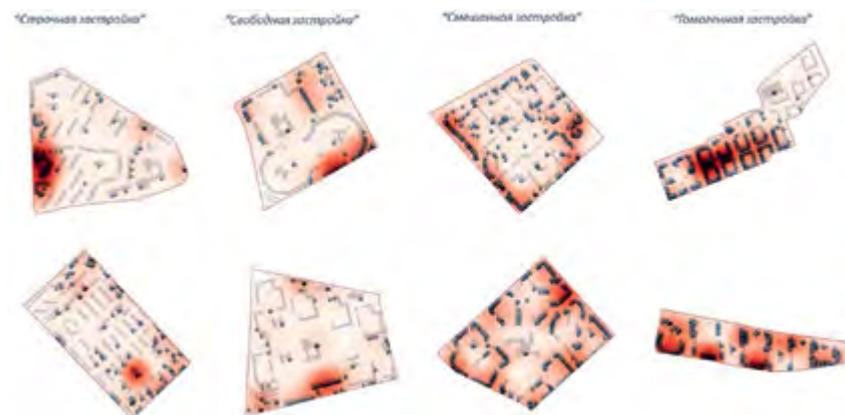
Могут быть и «глобальные» события, влияющие на развитие инфраструктуры всего города, способствующие появлению новых и трансформации существующих открытых общественных пространств, повышению уровня благоустройства. XXIX Всемирная зимняя универсиада 2019 года оставила в наследство городу открытые общественные пространства. Часть из них, например, на территории кампуса СФУ, так и не стали востребованными у молодежи и требуют переосмысления; территория многофункционального спортивно-развлекательного комплекса «Арена Север» перешла в статус «ограниченного пользования», т. к. до сих пор сохраняются периметральное ограждение и контрольно-пропускные пункты на входе. Кроме того, универсиада определила некую «региональную» специфику в дизайне ООП (рис. 11).

Любые проявления социальных изменений в обществе отражаются на развитии ООП не только трансформациями функционального назначения, но и переосмыслением социально-пространственной структуры. Так, ситуация с распространением вируса COVID-19 внесла изменения во все области нашей жизни и вызвала острую необходимость в изменении среды жизнедеятельности человека. Одновременные требования чувства общности и социального дистанцирования помогли выявить несоответствия,

а где-то и неспособность к быстрой пространственной адаптации ООП. Кроме того, особую значимость обрела способность парковых пространств оказывать терапевтический эффект за счет обильного озеленения (использования особого ассортимента растений), а также возможности контролируемого микроклимата (организация зон с различными климатическими вариациями: уровнем влажности, температуры, аэрационного режима) и использованием мебели со специальным фотокаталитическим покрытием для удаления загрязнений и обеззараживания поверхности. Рекомендации соблюдения режима «самоизоляции» и «социального дистанцирования» породили необходимость развития сети мелких объектов отдыха в шаговой доступности (не более 15 минут пешком), а также условного деления крупных общественных пространств на «территориальные ниши» с учетом масштаба персонального общения.

Экономические факторы стоит выделить в отдельную группу. С одной стороны, общественные пространства города есть не что иное, как места наибольшей концентрации деловой и потребительской активности жителей, в особенности если это касается административных, общественно-деловых районов города. Они стимулируют экономическое развитие окружающих территорий, о чем свидетельствует анализ функционального

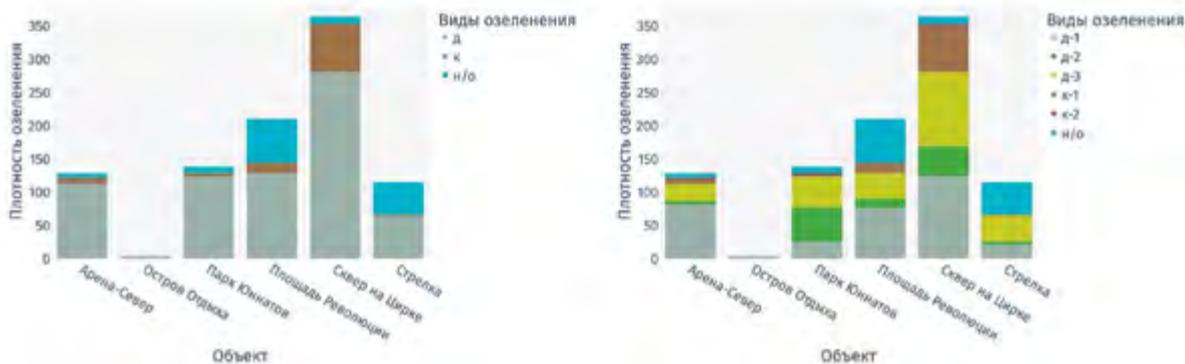
v Рис. 11 А. Липовка, И. Федченко. Пространственная оценка концентрации функций, влияющих на формирование открытых общественных пространств массовой жилой застройки Красноярска по состоянию на март 2021 (по данным 2GIS)

^ v Рис. 12. Объекты пространственного анализа: 1) Площадь Революции; 2) площадь перед многофункциональным спортивно-развлекательным комплексом «Арена Север»; 3) парк Юннатов; 4) сквер Паниковка; 5) фрагмент набережной реки Енисей «Стрелка»; 6) остров Отдыха; 7) улица Карла Маркса

< Рис. 13. Сравнительные гистограммы разнообразия ассортимента растительности на исследуемых объектах. Д (Деревья): д-1 – первой величины, д-2 – второй величины, д-3 – третьей величины. К (Кустарники): к-1 – первого яруса, к-2 – второго яруса, н/о – неопределенные в базе данных виды элементов озеленения

насыщения района в радиусе пешеходной доступности от различных ООП (см. раздел ниже). С другой стороны, согласно Хартии ООН, ООП не могут рассматриваться с точки зрения объекта, приносящего прибыль, иначе они теряют свою «публичность». В действительности же ООП подвергаются коммерческому давлению. Делается ставка на разнообразие предлагаемых услуг, инновации, креативность, высокие технологии [12], но, как правило, это связано с сопутствующими услугами, предоставляемыми населению (пункты питания, проката спортивного инвентаря, аттракционы и т. п.). В Красноярске есть «псевдообщественные» пространства – частные парки «Сады мечты» в микрорайоне «Взлетка» и «Прищепка» в микрорайоне «Ветлужанка», которые, несмотря на платные вход и предоставляемые услуги, пользуются большим спросом у горожан и выступают как проявление новой практики в градостроительстве: приватизация и коммерциализация публичных пространств. Уровень ландшафтного благоустройства и качества строительства в коммерциализированных пространствах достаточно высок по сравнению с муниципальными ООП, что объясняется ограниченностью городского бюджета на реализацию всех заложенных проектных решений и эксплуатацию объекта. Должно измениться отношение к ООП в целом: это не место для инвестиций в строительные объемы; это, скорее, «<...> потенциальные пространства завтрашнего дня, в социальном и экономическом плане» [15, с. 144].

Помимо описанных методов исследования авторами использовался метод пространственного ГИС-анализа.

Применение технологий геоинформационного анализа пространственных параметров открытых общественных пространств

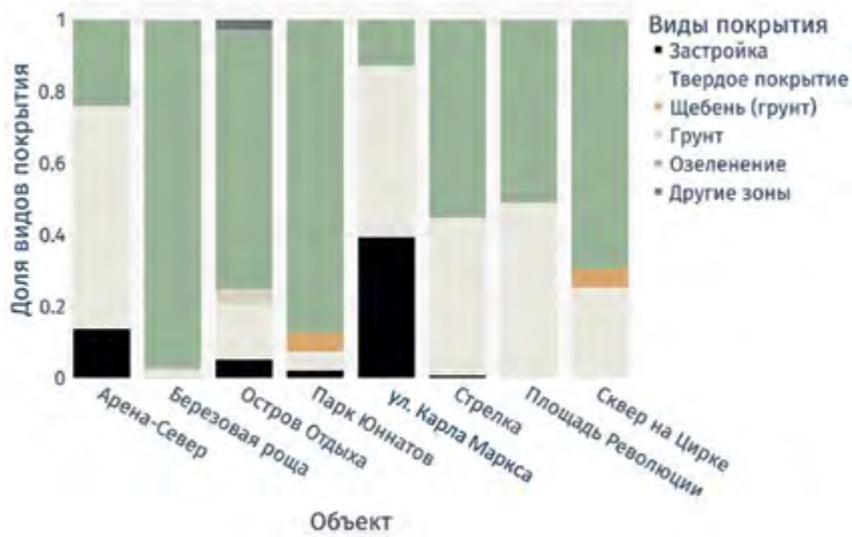
В продолжение морфологического анализа жилых территорий на основе базы данных 2GIS была проведена оценка функциональной плотности и веса отдельных категорий функций для выявления и определения характера формирующихся новых типов ООП в жилой застройке: коммерческая пешеходная улица, коммерчески активное общественное ядро, функциональный периметр жилой планировочной единицы и др. (рис. 11). Это представля-

ет интерес для дальнейшего исследования в рамках землепользования, разрешения на законодательном уровне конфликта интересов жителей и представителей бизнеса.

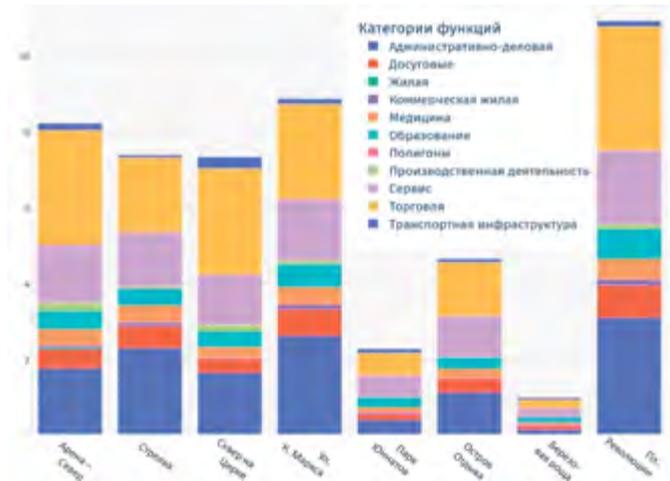
Для пространственного анализа открытых общественных пространств урбанизированных территорий было определено по одному из типологических объектов в разных районах города: площадь Революции, площадь перед многофункциональным спортивно-развлекательным комплексом «Арена Север», центр «Юннаты», сквер Паниковка возле городского цирка, фрагмент набережной реки Енисей на «Стрелке», остров Отдыха, улица Карла Маркса (рис. 12). Исследование проводилось с использованием данных, полученных из открытого источника OpenStreetMap (<https://www.openstreetmap.org/>), базы по инвентаризации зеленых насаждений системы Countree.ru [16] и специализированного языка программирования Python, предназначенного для обработки и визуализации информации через сравнительные гистограммы показателей. ГИС – это инструмент количественного анализа. Однако именно математическая обработка геометрических примитивов позволила оценить биологический ресурс и композиционную составляющую открытых общественных пространств, а визуализация процентного соотношения разных типов покрытия – степень озелененности территории (рис. 13, 14).

Кроме того, на основе базы данных 2GIS (по состоянию на апрель 2021) был проведен анализ функционального наполнения территорий, прилегающих к ООП в зоне 15-минутной пешеходной доступности. Оценка плотности распределения объектов малого и среднего бизнеса, а также схожее процентное соотношение разных категорий функций в зонах влияния ООП подчеркивают равные возможности исследуемых территорий и их соответствие принципу «смены функциональных приоритетов» (рис. 15).

Все полученные результаты были сведены в результирующую таблицу «Картографический анализ данных открытых общественных пространств Красноярска», наглядно демонстрирующую их потенциал дальнейшего развития.

^ Рис.14. Сравнительная гистограмма баланса покрытий показывает разницу озелененности ООП природных и урбанизированных территорий

^ Рис.15. Сравнительная гистограмма плотности функций в зоне 15-минутной пешеходной доступности ООП

Заключение

На основе представленного исследования можно сделать следующие выводы, которые должны лечь в основу дальнейшего развития системы открытых общественных пространств Красноярска.

1. Развитие ООП связано с уникальным природным ландшафтом, в котором исторически сложилась пространственная и функциональная структура города. Поэтому за основу классификации открытых общественных пространств взят генезис осваиваемой территории: природно-ландшафтные признаки и структурно-функциональный потенциал территории.

2. Развитие ООП должно рассматриваться системно. Группа ООП природных территорий – часть природно-экологического каркаса, основанного, в том числе, на сложной гидрологии Енисея и его притоков, а также многообразии природно-ландшафтных зон; тем самым фиксируется и развивается экологический каркас города. Группа ООП урбанизированных территорий развивается по «своим» законам в зависимости от принадлежности к историко-культурному, транспортно-планировочному и инженерно-техническому каркасам города, а также от характера функционального наполнения градостроительной ткани (система объектов социального и культурно-бытового обслуживания, производственные и коммунально-складские зоны или жилые районы). Кроме того, все ООП должны объединяться пешеходными маршрутами для сопровождения всех без исключения аспектов жизнедеятельности человека.

3. В проблематике тенденций устойчивого развития и формирования комфортной городской среды немаловажным является социально-средовое содержание. Выявленные группы факторов – экологические, морфологические, социокультурные и экономические, влияющие на развитие открытых общественных пространств – должны лечь в основу методики анализа и проектирования, следовательно, быть трансформированными в показатели и параметры комфортности среды. Среди них можно выделить: общепринятые – спектр ООП разной направленности как в городе, так и по районам, шаговая (15-минутная) доступность ООП от жилищ и мест при-

ложения труда, эстетические качества среды, качество архитектурно-пространственной организации и уровня благоустройства; «уникальные» – зависящие от типа ООП. Например: защита от антропогенных факторов загрязнения окружающей среды, защита от неблагоприятных особенностей микроклимата, уровень озеленения и степень разнообразия ассортимента растительности, уровень психологического комфорта и безопасности, степень разнообразия социальных активностей, удовлетворение физических потребностей, разнообразие предоставляемых услуг и т. п.

4. Содержательно-смысловой и предметно-физический анализ, в том числе с применением геоинформационных технологий, позволяет выявить потенциал развития территории и разработать соответствующую программу развития ООП в зависимости от потребности сегодняшнего дня и конкретного места.

5. Проведенный анализ показал неравномерное распределение ООП по территории города, особенно ООП с древесным покровом. Лишь незначительная часть лесопаркового пояса граничит с жилыми районами, поэтому для большей части населения единственная возможность общения с природой – это городские озелененные территории. Следовательно, необходимо изменить подход к существующему нормированию, направленному только на достижение минимальных среднестатистических показателей душевой обеспеченности озелененными территориями в сторону сдерживания процесса замещения природных территорий урбанизированными. Для этого необходимо ввести пороговые уровни процентного соотношения запечатанных и незапечатанных поверхностей, но с учетом функционально-структурного генезиса территории.

6. Современное состояние окружающей среды города требует изменения подхода к существующему нормированию в сторону усиления средостабилизирующих функций зеленых насаждений ООП, увеличения биоразнообразия, увеличения площади особо охраняемых территорий, что, в свою очередь, направлено на обеспечение комфортной среды жизнедеятельности населения.

Литература

1. Комплект инструментов для решения глобальных проблем общественного пространства. От глобальных принципов к глобальной практике / Программа ООН по населенным пунктам (ООН Хабитат) // под ред. Доминика О'Рейли. – URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Toolkit_Public%20space.pdf (дата обращения: 27.01.2021)
2. Министерство строительства Красноярского края: официальный сайт. Региональный проект «Формирование комфортной городской (сельской) среды на территории Красноярского края». – URL: <http://minstroy.krskstate.ru/page13291/page13308> (дата обращения: 01.03.2020)
3. Григорьева, Е., Ткачева, М. Общественные пространства и их системы в Иркутске: уничтожение и создание. Диалог архитектора и культуролога во время прогулки по городу // Проект Байкал. – 2013. – № 35. – С. 52–57
4. Гельфонд, А. Л. Архитектура общественных пространств : монография. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 412 с.
5. Вотинов, М. А. Реновация и гуманизация общественных пространств в городской среде : монография. – Харьков : ХНУХ им. А. Н. Бекетова, 2015. – 153 с.
6. Кияненко, К. В. Круг среднего знания и его сегментация в теории архитектуры // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – № 3. – С. 44–50
7. Кияненко, К. В. Предметное поле проектной деятельности и архитектурное образование // Academia. Архитектура и строительство. – 2009. – № 2. – С. 15–20
8. Кукина, И. В., Унагаева, Н. А., Федченко, И. Г. Идефикс – комфортная среда: формат общественных пространств в регионе // Современная архитектура мира : Вып. 15 / отв. ред. Н. А. Конова-лова. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История. – 2020. – № 2. – С. 159–185
9. Рябовол, С. В. Растительность г. Красноярск // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7582> (дата обращения: 25.08.2021)
10. Мокринец, К. С. Оценка геоморфологических условий территории г. Красноярск и его окрестностей как среды жизни человека : дис. ... канд. геогр. наук. – Красноярск, 2012. – 144 с.
11. Крашенинников, А. В. Когнитивные модели городской среды. – Москва : КУРС, 2020. – 210 с.
12. Птичникова, Г. А. Модели городских общественных пространств // Современная архитектура мира : Вып. 9 / отв. ред. Н. А. Конова-лова. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История. – 2017. – № 2. – С. 47–66
13. Савельев, М. В., Унагаева, Н. А., Федченко, И. Г. Особенности формирования открытых общественных пространств Красноярск в зоне влияния объектов культурного наследия // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 42. – С. 135–157
14. Блянкинштейн, О. Н. Природный объект «Березовая роща» в условиях развивающегося г. Красноярск // Город, пригодный для жизни : материалы первой Международной научно-практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна». – Красноярск : Сиб. федер. ун-т. – 2013. – С. 264–273. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/145188942.pdf> (дата обращения: 25.08.2021)
15. Engel, V. Новые виды городского ландшафта, или Чему может научить ландшафт // Проект Байкал. – 2016. – 13(49). – С. 142–145
16. Злобин, Д. В. Инвентаризация городских зеленых насаждений с использованием цифровых технологий // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Экология: вчера, сегодня, завтра». – Грозный : ООО «АЛЕФ». – 2019. – С. 206–211

References

- Bliankinshtein, O. (2013). Prirodnyi obekt "Berezovaia roshcha" v usloviakh razvivaiushchegosia g. Krasnoirska [The natural object "Birch grove" in the conditions of the developing city of Krasnoyarsk]. The city suitable for life: materials of the first International scientific and practical conference "Modern problems of architecture, urban planning, design" (pp. 264-273). Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. <https://core.ac.uk/download/pdf/145188942.pdf> (Accessed: 25.08.2021).
- Engel, V. (2016). New Landscapes in the City, or Learning from Landscape. Project Baikal, 13(49), 142-145. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1066>
- Gelfond, A. L. (2020). Architecture of public spaces: monograph. Moscow: INFRA-M.
- Grigoryeva, E., & Tkacheva, M. (2013). Public Spaces and Their Systems in Irkutsk: Elimination and Creation. The Dialogue between an Architect and a Culture Expert during their Walk around the City. Project Baikal, 10(35), 52-57. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.35.15>
- Kiyanko, K. V. (2009). Predmetnoe pole proektnoi deiatel'nosti i arkhitekturnoe obrazovanie [The subject field of project activity and architectural education]. Academia. Architecture and construction, 2, 15-20.
- Kiyanko, K. V. (2019). Krug sredovogo znaniia i ego segmentatsiia v teorii arkhitektury [The circle of environmental knowledge and its segmentation in the theory of architecture]. Academia. Architecture and construction, 3, 44-50.
- Komplekt instrumentov dlia resheniia global'nykh problem obshchestvennogo prostranstva. Ot global'nykh printsipov k global'noi praktike [A set of tools for solving global problems of public space. From global principles to global practice]. UN Programme for human settlements (UN habitat). http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Toolkit_Public%20space.pdf (Accessed: 27.01.2021).
- Krashennikov, A. V. (2020). Kognitivnye modeli gorodskoi sredy [Cognitive models of the urban environment]. Moscow: KURS.
- Kukina, I. V., Unagaeva, N. A., & Fedchenko, I. G. (2020). Idefiks — komfortnaia sreda: format obshchestvennykh prostranstv v regione [Idefix — comfortable environment: the format of public spaces in the region]. Modern architecture of the world, 15(2), 159-185.
- Ministry of Construction of the Krasnoyarsk Territory: official website. Regional'nyi proekt "Formirovanie komfortnoi gorodskoi (sel'skoi) sredy na territorii Krasnoirskogo kraia" [Regional project "Formation of a comfortable urban (rural) environment on the territory of the Krasnoyarsk Territory"]. <http://minstroy.krskstate.ru/page13291/page13308> (Accessed: 01.03.2020).
- Mokrinets, K. S. (2012). Otsenka geomorfologicheskikh uslovii territorii g. Krasnoirska i ego okrestnostei kak sredy zhizni cheloveka Avtoreferat kand. nauk [Assessment of geomorphological conditions of the territory of Krasnoyarsk and its environs as a living environment. Cand. Diss. Abstract]. Krasnoyarsk.
- Ptichnikova, G. A. (2017). Modeli gorodskikh obshchestvennykh prostranstv [Models of urban public spaces]. Modern architecture of the world, 9(2), 47-66.
- Ryabovol, S. V. (2013). Rastitel'nost' g. Krasnoirska [Vegetation of Krasnoyarsk]. Modern problems of science and education, 1. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7582> (Accessed: 25.08.2021).
- Saveliev, M. V., Unagaeva, N. A., & Fedchenko, I. G. (2021). The features of public space formation within cultural heritage areas of influence. Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 42, 135-157. DOI: 10.17223/22220836/42/12
- Votinov, M. A. (2015). Renovatsiia i humanizatsiia obshchestvennykh prostranstv v gorodskoi srede: monografiia [Renovation and humanization of public spaces in the urban environment: monograph]. Khar'kov: KhNUUE named after A.M. Beketov.
- Zlobin, D. V. (2019). Inventory of city green plants using digital technologies. Materials of the Russian scientific and practical conference "Ecology: yesterday, today, tomorrow" (pp. 206-211). Grozny: 000 "ALEF".

Работа выполнена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта «Открытые общественные пространства города Красноярска: методологические основы архитектурно-градостроительной регламентации формирования комфортной среды жизнедеятельности». / Acknowledgements: The work was supported by the Krasnoyarsk Regional Fund of Science within the project "Open public spaces in the city of Krasnoyarsk: methodological bases of architectural and town-planning regulation of the formation of a comfortable living environment"

Красноярские парки рассматриваются в общей системе озелененных территорий города. Подробно анализируется Центральный парк Красноярска, прослеживается его эволюция по периодам. Изучены и проиллюстрированы планировочные, ландшафтные и архитектурно-пространственные преобразования территории сада – парка. Обозначены перспективы развития парка на основе обзора проектных предложений и результатов Открытого международного конкурса на разработку концепции развития Центрального парка в Красноярске. Сформулированы принципы хорошего парка.

Ключевые слова: парк; открытое общественное пространство; Центральный парк Красноярска; хороший парк; рекреация. /

Krasnoyarsk parks are studied in the general system of green areas of the city. The Central Park of Krasnoyarsk is analyzed in detail, its evolution is traced through its periods. The planning, landscape and architectural-spatial transformations of the garden-park territory have been studied and illustrated. The prospects for the development of the park are outlined on the basis of a review of project proposals and the results of an Open International Competition for the development concept of Gorky Central Park in Krasnoyarsk in 2020. The principles of a good park have been formulated.

Keywords: park; an open public space; Central Park of Krasnoyarsk; good park; recreation.

Первое открытое общественное пространство Красноярска / The first open public space in Krasnoyarsk

текст

Ольга Блянкинштейн
Сибирский федеральный университет
Наталья Попкова
Сибирский федеральный университет /

text

Olga Blyankinshtein
Siberian Federal University
Natalya Popkova
Siberian Federal University

Парки как озелененные открытые общественные пространства восполняют дефицит природы городским жителям. Природный ландшафт оказывает благоприятное воздействие на психоэмоциональное состояние человека. Но парки – не только место отдыха и досуга горожан. Зеленые территории парков способствуют созданию благоприятных микроклиматических и санитарно-гигиенических условий, поэтому парки часто называют «легкими» города. Проблемы природной составляющей городской среды – животрещащая тема каждого крупного населенного пункта, которая находится под пристальным вниманием общественности и профессионального сообщества градостроителей, архитекторов, проектировщиков [1].

Свод правил «СП 475.1325800.2020. Парки» [2], введенный в действие 23 июля 2020 года, четко обозначает, что парк – это «участок озелененной территории общего пользования, основной вид разрешенного использования которого – рекреация». Для крупных и крупнейших городов рекомендуется предусматривать парки площадью

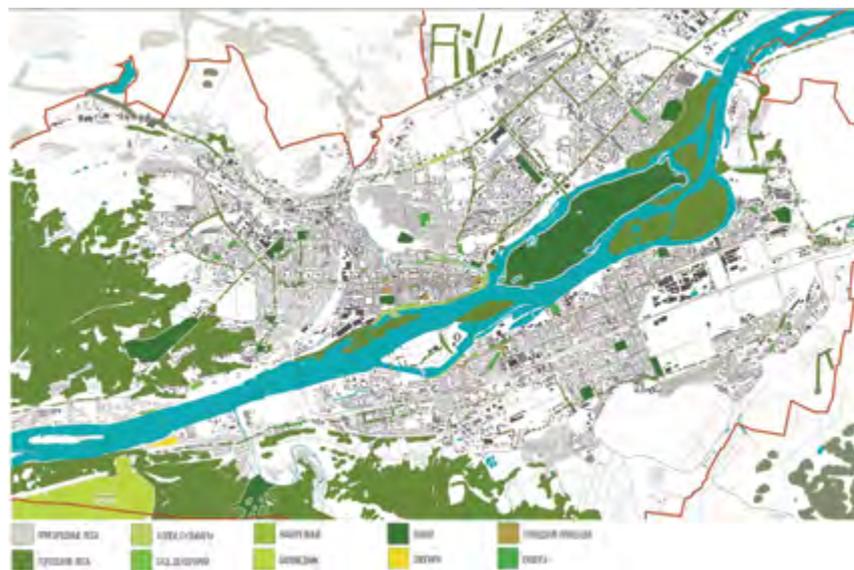
не менее 50–100 га, минимальная площадь территории парка ограничена двумя гектарами, а площадь озелененных территорий в парке должна составлять не менее 70% в общем балансе всех поверхностей [2].

Анализ существующих зеленых пространств в Красноярске выявил 32 парка, которые являются важной составляющей общего зеленого каркаса города в ряду бульваров, скверов, садов, озелененных набережных и дорог, питомников, а также городских лесов (рис. 1) [3]. В масштабах такого крупного города, как Красноярск, это немного. Парки составляют всего 8,45% от общей площади «зеленых» территорий города и пригородов и по районам города распределены неравномерно. Больше всего их в Октябрьском и Советском районах, а в Железнодорожном, Ленинском и Центральном районах этот тип ландшафтной архитектуры представлен единичными объектами. Самый большой парк Татышев (635 га) располагается на одноименном острове в русле Енисея. В последние годы его активно благоустраивают, и он является очень востребованным местом отдыха жителей и гостей города.

Понимание важности парка для города в Красноярске существовало еще 200 лет назад, когда первый губернатор Енисейской губернии А. П. Степанов велел разбить публичный городской сад. Под сад был отведен участок естественного соснового леса на береговой террасе Енисея; участок огородили, прорубили аллеи, установили скамьи, организовали два входа.

На плане губернского города Красноярска 1828 г. (рис. 2а), выполненном петербургским архитектором В. И. Гесте совместно с губернским архитектором П. Ф. Воцким, публичный сад обрел четкие границы прямоугольного участка размерами 440 × 270 м, был правильно геометрически распланирован [4]. В соответствии с этим планом площадь сада составляла примерно 1/40 (2,5%) по отношению к площади города. Проектный план не был полностью воплощен в жизнь, но 1828 год считается годом рождения публичного городского сада в Красноярске, и в то время он представлял единственное озелененное общественное пространство. Принципиально важным стало композиционно-пространственное расположение сада на плане города, его раскрытие

в Рис. 1. Парки в системе зеленых пространств Красноярска [3]

^ Рис. 2. План губернского города Красноярска. Российский государственный исторический архив: а – 1828 г.; б – 1852 г.

на Енисей и расположение на одной оси и в непосредственном соседстве с новой Соборной площадью (ныне площадь Революции).

Следующий этап формирования сада с 1852 г. связан с деятельностью губернатора В. К. Падалки и зафиксирован губернским землемером А. И. Бутаковым в новом проектном плане Красноярска (рис. 2б). Размеры сада немного уменьшились: отсечен значительный участок с западной стороны. В планировке сада сохранились прямолинейные аллеи; центральная аллея, которая стала основной на долгие годы (рис. 3), пересекала сад от северного входа с Новособорной площади до южного входа на берегу Енисея. Такое расположение основных входов сохранилось до сих пор. В парке проложены криволинейные тропинки, разбиты цветочные клумбы, на пересечениях аллей и тропинок располагались открытые круглые площадки. Парк обогатился архитектурными сооружениями (рис. 4а, 4б), были построены: летнее помещение благородного собрания, красивая крытая веранда, павильон для музыкальных и театральных вечеров, помещение для игры в кегли и роскошная китайская беседка для отдыха. В завершение композиции построена открытая терраса на берегу Енисея.

В 1880-е гг. площадь городского сада составляла 12,5 га. В то время сад считался лучшим не только в Сибири, но и в России. Он служил главным и единственным местом прогулок для детей и взрослых. Летом здесь устраивались гулянья с разными увеселительными мероприятиями: музыкой, танцами, фейерверками и т. д. В зимнее время иногда на главной аллее сада сооружался каток для катания на коньках. Сад обнесен с трех сторон деревянным забором, а с северной стороны огражден решетками с парадными воротами. Вход в сад для большей части горожан был платный.

В конце XIX века площадь городского сада еще сократилась, прибрежный участок отвели под здание мужской духовной семинарии. На плане Красноярска 1906 г. (рис. 5) видно, что с южной стороны сада вдоль берега пролегла Садовая улица (ныне улица Богграда) и отделила городской сад от Енисея. В его юго-западном углу отгородили отдельную территорию для детей, устроили так называемый «детский сад» (рис. 6) с приспособлениями

для разных игр и гимнастических упражнений. В центре детского сада построена большая горка – прообраз современной геопластики, так популярной на современных детских игровых площадках. С горки зимой катались на санках, а летом просто забегали, состязаясь в скорости. Детский сад отделялся от основной части городского сада высоким деревянным забором и имел отдельный вход.

В 1908 г. в северо-восточном углу городского сада по инициативе В. А. Полякова построен деревянный павильон кинематографа (рис. 7). Здание прослужило городу до 1960-х гг., когда на его месте выстроили кинотеатр «Луч». С начала XX века городские строения все ближе подступали к городскому саду. В 1909 г. вход в сад становится бесплатным для всех. В 1911 г. была построена большая оранжерея для выращивания цветочной рассады. В выходные и праздничные дни играл духовой

в Рис. 3. Аллея Городского сада Красноярска [5]

^ Рис. 6. Участок «детского сада» в Городском саду. Фото 1903. Красноярский краеведческий музей

^ Рис. 7. Здание кинематографа В. А. Полякова. 1908 [5]

оркестр, устраивались народные гулянья, встречи по интересам. Каждую весну горожане участвовали в уборке сада и посадке декоративных деревьев.

Городские преобразования начала советской эпохи отразились как на окружении сада, так и на его содержательной и планировочной составляющих. В 1921 г. Новособорная площадь переименована в площадь Революции, а в 1934 г. городской сад получает новое имя – Парк культуры и отдыха имени Горького [5]. Территорию парка разделили на две части: тихого отдыха и зону аттракционов. Через два года запустили первую в России детскую железную дорогу с длиной пути более 800 м и самой узкой колеей из всех детских железных дорог – 508 мм. По ней ездят только самодельные составы, и она работает до сих пор [6]. Позднее появились «зеленый театр» и разнообразные аттракционы: русские качели, карусели, силомер и др. Была построена и действовала даже парашютная вышка. В предвоенные годы в «зеленом театре» с концертами выступал духовой оркестр. Парк действи-

тельно стал местом сосредоточения отдыха, развлечений и культурного времяпровождения красноярцев.

По проекту «Большого Красноярска», утвержденному в 1936 г., создавался новый архитектурный ансамбль площади Революции в стиле советского классицизма, главным элементом которого вместо снесенного Богородице-Рождественского собора должен был стать Дом Советов [7]. По этому проекту в центре площади закладывался сквер с большим количеством партерной зелени, который становился продолжением озелененного пространства Парка культуры и отдыха, но реализована

v Рис. 4. Архитектурные сооружения Городского сада Красноярска:
а – китайская беседка [4];
б – веранда [5]

▲ Рис. 8. Площадь Революции Красноярска как продолжение открытого общественного пространства Парка культуры и отдыха им. Горького: а – зеленый партер площади Революции; 1970-е [5]; б – качели площади Революции. 2021. Фото О. Блянкинштейн

эта идея была только в 1950–1970 гг. (рис. 8а). Идея распространения открытого общественного пространства для активного отдыха из парка на площадь Революции нашла свое продолжение в 2018 г., когда на административной площади установили качели и гамаки (рис. 8б).

В 1972 г. началась реконструкция парка, в результате которой он снова получил выход на набережную Енисея. Однако очередные планировочные мероприятия привели к значительному сокращению зеленых насаждений и исчезновению некоторых развлекательных объектов парка. Из ранее построенных объектов уцелели лишь павильон для танцев и китайская беседка. В 1977 г. в парке был установлен корпус самолета Ил-18 (рис. 9) [5]. В нем располагалась кафе «Карлсон», которое сгорело во время сложных экономических преобразований и социальных потрясений 1990-х гг.

В 2002 г. это зеленое общественное пространство Красноярска получает свое нынешнее имя – Центральный парк. В 2006 г. у детской железной дороги появилось современное и просторное здание вокзала (рис. 10), железнодорожный путь был закольцован, появилась также новая посадочная платформа «Мечта».

В настоящее время Центральный парк продолжает быть востребованным у жителей и гостей города так же, как и в предыдущие годы (рис. 11а, 11б), однако состояние парка можно считать физически и морально устаревшим. Парк потерял свою композиционную и стилистическую целостность, не отвечает современным запросам жителей города. Территория с богатой историей и большим потенциалом, к сожалению, не имеет возможностей для его раскрытия. Элементы благоустройства и зеленые насаждения серьезно деградировали за последние годы, а уникальные сооружения, несущие культурную и историческую ценность, были утрачены.

Большая часть активно используемых территорий парка занята морально устаревшими детскими аттракционами и торговыми павильонами, составляющими экономическую базу содержания территории. Внешний контур, невнятные входные группы и выход к набережной, а также отсутствие связей с окружающими парк пространствами не способствуют привлечению посетителей. Парк остро нуждается в переосмыслении и преобразова-

нии. Современное состояние парка настоятельно требует реализации новой стратегии его развития.

В 2011 г. в мастерской градостроительного проектирования ОАО ТГИ «Красноярскгражданпроект» был выполнен «Проект регенерации исторического квартала», прилегающего к Центральному парку с западной стороны. Впоследствии проект явился базой для концепции общественного пространства в квартале улиц К. Маркса – Горького – Богда – Декабристов Красноярска, разработанной компанией «А2» в 2017 г. (рис. 12) [8]. Важной

в Рис. 5. План губернского города Красноярска. 1906. Красноярский краеведческий музей

^ Рис. 9. Кафе «Карлсон» в корпусе самолета Ил-18. 1977 [4]

^ Рис. 10. Вход на вокзал детской железной дороги Центрального парка. 2019. Фото Н. Попковой

составляющей этого проекта стала интеграция пешеходных пространств квартала и территории Центрального парка, а также строительство дополнительной ветки детской железной дороги. Ее использование предполагалось не только как аттракциона, но и как инфраструктуры для специальных мероприятий – продуктовых ярмарок и базаров, народных гуляний, презентаций.

Работы по благоустройству прилегающей к парку территории на данный момент завершены. Но полное окончание реализации проекта планируется к 2025 г. А к 400-летию юбилею Красноярска в 2028 г., кроме квартала на улице Горького, планируют провести полное преобразование Центрального парка.

С целью генерации идей и стратегий перевоплощения Центрального парка Красноярска в августе 2020 г. был объявлен открытый международный конкурс на разработку концепции развития центрального парка им. Горького в городе Красноярске [9]. Главным требованием конкурса стало сохранение самобытности общественного пространства и наполнение его атрибутами современности. Конкурс оказался очень резонансным.

в Рис. 11. Площадка с эстрадой в парке: а – танцы, 1960-е [5]; б – танцы, 2021. Фото О. Блянкинштейн

Для участия в нем в команды объединились 76 компаний из 37 городов мира и 15 стран. Из 43 проектов, поступивших на первом этапе, жюри конкурса выбрало трех финалистов [10].

По результатам обсуждения проектов конкурсной комиссией третье место было присуждено проекту консорциума под руководством Архитектурного бюро «Базис» (Москва, Россия). В состав команды также вошли ООО «Ситимейкерс» (Москва, Россия) и ООО «Культура света» (Москва, Россия). Основу работы составил комплексный анализ предпосылок развития территории, включающий оценку бюджетных эффектов от реализации проекта при помощи методики картографического анализа с применением градиентных (тепловых) карт.

Ключевая идея проекта: «Природа – новый аттракцион». Команда видит новый парк как «уголок девственной тайги», сохраненный когда-то во время его основания. Претерпев различные трансформации в течение почти 200 лет, он вновь возвращается жителям города (рис. 13).

^ Рис. 13. Конкурсный проект Центрального парка Красноярск консорциума под руководством Архитектурного бюро «Базис» (Москва, Россия). Фрагмент [8]

^ Рис. 12. Концепция общественного пространства «Исторический квартал» г. Красноярск. 2017 [7]

Концепция проекта работает на трех уровнях. Первый уровень привносит в парк характер края, его природную составляющую в виде лесов, гор и могучей реки. Второй уровень отражает локальную идентичность при помощи использования местных материалов: сиенит, мергель и алюминий. Третий – выражает актуальный общественный запрос жителей, которые больше хотят видеть этот парк как место тихой рекреации, «когда на место устаревшим аттракционам придет примат его природы. Природы как нового аттракциона» [9].

Второе место заняла работа команды, состоящей из нескольких участников: Проектдевелопмент (Красноярск, Россия), PRAXYS (Париж, Франция), УрбанПро (Санкт-Петербург, Россия). Лидером консорциума выступила компания MLA+ (Санкт-Петербург, Россия).

Центральный парк в этом проекте рассматривается как «сердце» нового зеленого каркаса города. Это не просто «ключевое ядро», откуда начинаются и куда приводят зеленые маршруты, где разные ландшафты соединяются вместе, а генетический код – место, которое до сих пор хранит фрагменты реликтового енисейского бора, призванное стать точкой отсчета нового, пронизанного природой, Красноярск (рис. 14). При этом необходимо переосмысление содержания парка, базирующееся на трех основных постулатах: эскапизме, памяти места и фотогеничности.

По замыслу архитекторов новый парк позволит жителям «отключиться от города», оказаться в тишине, обрести душевное равновесие в контакте с природой. Сохраняя память об исторических эпохах в архитектурных сооружениях, парк станет в некотором смысле «путешествием в прошлое», что поможет поддержать чувство идентичности горожан и гармонично связать его с расположенным рядом Историческим кварталом. И, наконец, проектное решение предполагает, что парк останется не только в памяти, но и на тысячах семейных фотографий как фон и «главная декорация» жизни красноярцев.

Победу (первое место) в конкурсе одержал российско-британский консорциум в составе компаний МАП (Москва, Россия), ЛДА Дизайн Консалтинг (Питерборо, Великобритания) и Сарнер Интернешннал Лимитед

(Кингстон-апон-Темс, Великобритания), чей проект, по мнению жюри, оказался наиболее достижимым с точки зрения реализации.

Главной идеей проекта стало деление территории исторически сложившимися маршрутами на четыре основных зоны, каждая из которых будет связана с ключевой темой – Наследием, Культурой, Здоровьем и Благополучием, объединенных между собой кольцом детской железной дороги, расширенным также для пешеходов и велосипедистов (рис. 15). Командой было также предложено сделать парк визитной карточкой Русала (инициатора конкурса), наполнив территорию современными скульптурами и необычными фасадными решениями, созданными работниками компании.

В основе проектного решения победителя (рис. 16) лежит простое и понятное, знакомое всем нам с детства свойство городского парка – «дарить людям радость среди повседневности». Для этого парк будет наполнен местами для отдыха, рассчитанными на людей всех возрастов, спортивными и игровыми сооружениями, богатой разнообразной программой, каждый раз удивляющей по-новому. По замыслу архитекторов, это не только сделает Центральный парк им. Горького любимым местом горожан, но изменит мнение жителей о своем городе к лучшему и даже станет «причиной, чтобы «остаться или вернуться»» [9; 10].

Несмотря на весомые отличия, все три конкурсные работы объединяет общая сюжетная линия – отражение в проектном решении региональной или локальной идентичности, основанной на уникальной природе и истории Места, что говорит об их ценности не только для горожан, но и для гостей города. Кроме того, все три финальных проекта отражают идеи Хорошего парка.

Хороший парк – прежде всего озелененная территория на основе естественных природных зеленых массивов или с помощью искусственных насаждений различных древесных и кустарниковых пород, а также устройства газонов, цветников и др. Именно природа является естественной средой для человека. Важно, чтобы зеленые пространства обязательно присутствовали в теле города.

Хороший парк – это парк открытый и доступный, который не должен быть отгороженным от внешней среды.

^ Рис. 14. Конкурсный проект Центрального парка Красноярска консорциума под лидерством MLA+ (Санкт-Петербург, Россия). Фрагмент [8]

Хороший парк соединяет пространство со всеми сообществами вокруг. Доступность парка – одно из базовых условий Хорошего парка.

Хороший парк учитывает ландшафтно-природный и историко-культурный контекст Места, отражает идеологию города, имеет композиционную идею и строится по законам пространственной композиции.

Важной композиционной составляющей хорошего парка являются здания, сооружения, малые архитектурные объекты и формы, элементы благоустройства, которые выполняются с учетом современных архитектурно-дизайнерских трендов, с применением традиционных и новейших технологий.

Хорошим может быть как многофункциональный парк, так и специализированный монопарк. Функциональное наполнение определяется в каждом конкретном случае в зависимости от локации и назначения.

Хороший комфортный парк – это парк, проработанный в деталях и воплощенный на высоком качественном уровне. В нем предусмотрены и тщательно спланированы условия для разных форм деятельности людей: контакта с природой, занятий спортом, спокойного отдыха, познания, общения, развлечений, игр, досуговых занятий, культурных программ, семейного и детского отдыха.

Хороший парк доступен людям разного возраста от 0+ до 90+; он не только подходит для разных поколений, но и помогает им общаться между собой. Он хорошо воспринимается даже с высоты глаз трехлетнего ребенка. Наиважнейшей задачей является создание в парке безбарьерной среды, а также условий для социальной адаптации людей с особыми потребностями, например, создание условий для совместной игры детей с разными физиологическими и психологическими особенностями и возможностями.

Современный комфортный парк – это еще и технологичное место с использованием геоинформационных систем, сенсорных сетей и других смарт-технологий, например, виртуальные прогулки с помощью дополненной реальности.

Хороший парк – это парк в непосредственной близости (в десяти-пятнадцатиминутной пешеходной доступности) от места проживания человека. Сейчас недостаточно

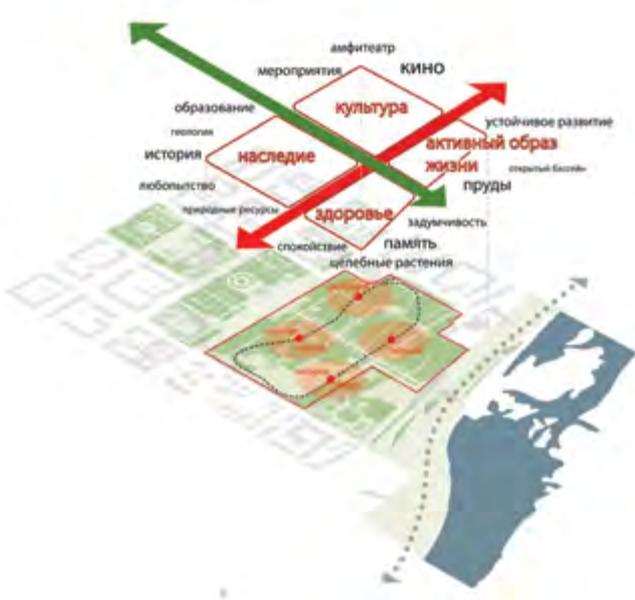
иметь в городе один парк, необходимо выстраивать систему парков от малых карманных [11] до крупных специализированных и многофункциональных в общем контексте зеленых экологических каркасов.

Парки решают разные экологические, социальные, культурные и экономические задачи. Организация парков – это одно из самых простых и доступных решений сделать город более комфортным, красивым и подходящим для проживания, а хороший парк является «лицом» города.

В год 400-летия Красноярска Центральному парку исполнится 200 лет. «Новое рождение» самого первого в истории города парка не только в виртуальных моделях, но и в действительности будет достойным подарком Красноярску, горожанам и гостям города.

Литература

1. Природа в городе: Дискуссионный клуб // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 72–81
2. СП 475.1325800.2020. Свод правил. Парки. Правила градостроительного проектирования и благоустройства (утв. и введен в действие Приказом Минстроя России от 22.01.2020 N 26/пр). – URL: <https://sro-a.ru/upload/medialibrary/b54/SP-475.1325800.2020.-Svod-pravil.-Parki.-Pravila-gradostroitoit.pdf> (дата обращения: 24.08.2021)
3. Брит, М. А. Ретроспективный анализ зеленых пространств г. Красноярска : диссертация на соискание степени магистра градостроительства. – Сиб. федер. ун-т, Красноярск, 2019
4. Царев, В. И., Чобанян, В. Л. Центральный парк в городе Красноярске: история формирования и архитектурно-планировочные преобразования // Вестник КрасГАУ, Красноярск. – 2013. – №7. – С. 281–288
5. Центральный парк, г. Красноярск /официальный сайт. – URL: <http://www.centrpark.ru/> (дата обращения: 12.07.2021)
6. Центральный парк, г. Красноярск / Энциклопедия Красноярского края – URL: <http://my.krskstate.ru/docs/nationalparks/tsentralnyy-park-krasnoyarska/> (дата обращения: 20.09.2021)
7. Дворецкая, А. П., Гонина, Н. В. Ансамбль площади Революции г. Красноярска: последний аккорд сталинской эпохи / Баландинские чтения : сборник статей X научных чтений памяти С. Н. Баландина, Новосибирск, 15–17 апреля 2015 г. – Том X. Часть 2; – Новосибирск : Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2015. – С. 137–146

^ Рис. 15. Конкурсный проект Центрального парка Красноярск российско-британского консорциума под руководством МАП (Москва, Россия). Главная идея проекта [8]

^ Рис. 16. Конкурсный проект Центрального парка Красноярск российско-британского консорциума под руководством МАП (Москва, Россия). Проектное решение [8]

8. Исторический квартал II / Официальный сайт компании «А2». – URL: <http://www.proa2.ru/projects/histor-kvartal-2> (дата обращения: 12.08.2021)

9. Открытый международный конкурс на разработку концепции развития центрального парка им. Горького, г. Красноярск / официальный сайт проекта. – URL: <https://krasnoyarskpark.ru/> (дата обращения: 10.09.2021)

10. Открытый международный конкурс на разработку концепции развития центрального парка им. Горького, г. Красноярск / агентство стратегического развития Центр. – URL: <https://www.centeragency.org/ru/projects/103> (дата обращения: 20.09.2021)

11. Шешукова, А. Карманный парк как новая типология парков и общественных пространств в Иркутске // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 109–112

References

Brit, M. A. (2019). Retrospektivnyy analiz zelenykh prostranstv g. Krasnoyarska [Retrospective analysis of green spaces in Krasnoyarsk]: diss... magistra gradostroitel'stva. Sib. feder. un-t. Krasnoyarsk.

Dvoreckaya, A. P., & Gonina, N.V. (2015). Ansambly ploschadi Revolyucii g. Krasnoyarska: poslednij akkord stalinskoj ehpkohi [The ensemble of the Revolution Square in Krasnoyarsk: the last chord of the Stalin era]. In Balandinskije chteniya: Sbornik statej X nauchnykh chtenij pamyati S. N. Balandina (Vol. X, part 2, pp. 137-146). Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arkhitekturno-khudozhestvennaya akademiya.

Istoricheskij kvartal II [Historic quarter II] (n.d.). A2. Retrieved August, 12, from <http://www.proa2.ru/projects/histor-kvartal-2>

Otkrytyj mezhdunarodnyj konkurs na razrabotku koncepcii razvitiya central'nogo parka im. Gor'kogo, g. Krasnoyarsk [Open International Competition for development concept of Gorky Central Park, Krasnoyarsk] (n.d.). Retrieved September 10, 2021, from <https://krasnoyarskpark.ru/>

Otkrytyj mezhdunarodnyj konkurs na razrabotku koncepcii razvitiya central'nogo parka im. Gor'kogo, g. Krasnoyarsk [Open International Competition for development concept of Gorky Central Park, Krasnoyarsk] (n.d.). Agency for strategic development Center. Retrieved September 20, 2021, from <https://www.centeragency.org/ru/projects/103>

Sheshukova, A. (2016). A Pocket Park as a New Typology of Parks and Public Spaces in Irkutsk. Project Baikal, 13(49), 109-112. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1059>

SP 475.1325800.2020. Svod pravil. Parki. Pravila gradostroitel'nogo proektirovaniya i blagoustrojstva [Set of rules. Parks. Urban planning

and landscaping rules] (approved and came into force by the Order of the Ministry of Construction of Russia of 22.01.2020 N 26/pr). Retrieved August 24, 2021, from <https://sro-a.ru/upload/medialibrary/b54/SP-475.1325800.2020.-Svod-pravil.-Parki.-Pravila-gradostroit.pdf>

Tkacheva, M. (2016). Nature in the City. Discussion Club. Project Baikal, 13(49), 72-81. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1052>

Tsarev, V. I., Chobanyan, V. L. (2013). Central'nyj park v gorode Krasnoyarske: istoriya formirovaniya i arkhitekturno-planirovochnye preobrazovaniya [Central Park in the city of Krasnoyarsk: the history of formation and architectural and planning transformations]. Vestnik KraSGAU, Krasnoyarsk, 7, 281-288.

Tsentr'al'nyj park, g. Krasnoyarsk [Central Park, Krasnoyarsk] (n.d.). Retrieved July 12, 2021, from <http://www.centrpark.ru/>

Tsentr'al'nyj park, g. Krasnoyarska [Central Park, Krasnoyarsk] (2017). Ehnciklopediya Krasnoyarskogo kraja. Retrieved September 20, 2021, from <http://my.krskstate.ru/docs/nationalparks/tsentralnyy-park-krasnoyarska/>

Создание терапевтических садов и терапевтических ландшафтов в структуре озеленения больниц, поликлиник и госпиталей – важное направление в формировании ландшафтно-градостроительного каркаса городов для нивелирования последствий пандемии. Дается определение ландшафтного кода терапевтических садов и терапевтических ландшафтов, подчеркивается их значение для архитектурно-ландшафтной организации территорий объектов здравоохранения и создания комфортной городской среды.

Ключевые слова: Ландшафтный код; терапевтические сады; терапевтические ландшафты; ландшафтно-градостроительный каркас; ландшафтная инфраструктура; зеленый каркас. /

The creation of therapeutic gardens and therapeutic landscapes in the structure of landscaping of hospitals and clinics is an important direction in the formation of the landscape and urban planning framework of cities to avoid the consequences of the pandemic. The landscape code of therapeutic gardens and therapeutic landscapes is scientifically grounded practical guidelines for the architectural and landscape design of the territories of healthcare facilities.

Keywords: Landscape code; therapeutic gardens; therapeutic landscapes; urban landscape framework; landscape infrastructure; green framework.

Ландшафтный код терапевтических садов и терапевтических ландшафтов / Landscape code for therapeutic gardens and therapeutic landscapes

текст

Элина Красильникова
Севастопольский государственный университет
Инна Журавлева

Севастопольский государственный университет

Инна Заика

Севастопольский государственный университет / text

Elina Krasilnikova

Sevastopol State University

Inna Zhuravleva

Sevastopol State University

Inna Zaika

Sevastopol State University

Формирование комфортной городской среды с позиции ее насыщения оздоровительной функцией имеет большое значение для нивелирования негативных процессов, отягощенных COVID-19. На первый план выходит проблема обеспечения населения качественной городской средой, способствующей продлению жизни и создающей комфортные условия жизни для всех категорий граждан. Здоровое долголетие становится главным элементом оценки качества формируемой городской среды [1, с. 20–21].

Природные ландшафты и городское озеленение оказывают положительное терапевтическое воздействие на человека и непосредственное влияние на общественное здоровье, уменьшая стресс и психические расстройства, увеличивая эффект физической активности, уменьшая неравенство в отношении укрепления здоровья и личного восприятия качества жизни человеком [2, с. 19–20].

Создание современных лечебно-терапевтических садов основано на принципах биофильной гипотезы Э. О. Уилсона [3; 4] и предполагает, что люди обладают врожденной склонностью к поиску связи с природой и другими формами жизни. Понимание связи между природой и сообществом посредством биофильного дизайна дает нам возможность спроектировать пространства, которые помогут посетителям, пациентам, сотрудникам объектов здравоохранения и прилегающим к ним территориям соединиться с природными условиями исцеления и снижения стресса на основе применения принципов биофильного дизайна. Данная интеграция способствует ускорению процесса выздоровления и снижению риска новых заболеваний. Поэтому в настоящее время это одна из реальных возможностей не только для борьбы с распространением коронавируса, но и для создания благоприятной, здоровой среды для людей, перенесших этот недуг и проходящих период реабилитации и выздоровления. Зеленые насаждения напрямую связаны со здоровьем человека, поэтому в XXI веке во всем мире особое внимание уделяется созданию терапевтических садов и терапевтических ландшафтов [5, с. 3–5].

На основе рефункционализации системы озеленения города происходит создание комфортной и многофункциональной внутренней структуры его зеленого каркаса, в который целесообразно интегрировать терапевтические ландшафты [6, с. 3–9]. К сожалению, территории больниц со стационарами являются закрытыми градостроительными объектами с огороженными территориями, которые относятся к категории объектов озеленения ограниченного пользования. Тем не менее есть возможность интеграции объектов здравоохранения в зеленый каркас города, так как сейчас пространственно-планировочная и функциональная организация территории современных больниц основана на комплексном, мультифункциональном подходе. Интеграция садово-парковой зоны объектов здравоохранения (больничных комплексов, медицинских центров, районных городских больниц) с зеленым каркасом города происходит через открытые для общего доступа входные зоны территорий поликлиник, по нормам проектирования не требующих устройства стационарного ограждения [7; 8]. Поэтому организация входных зон больничных комплексов, медицинских центров, районных и городских больниц может быть основана на создании терапевтических ландшафтов, примыкающих непосредственно к улице или пешеходной дороге (рис. 1, 2); таким образом и будет происходить одна из форм их интеграции в зеленый каркас города.

Терапевтические сады представляют структурный элемент лечебных ландшафтов, так как они ландшафтно-планировочно организованы в сад. Терапевтические сады – лечебные открытые сады с деревьями и кустарниками, специально проектируемые соответственно физическим, психологическим и социальным потребностям людей, в первую очередь – находящихся на лечении и реабилитации в лечебных учреждениях. Одним из главных аспектов формирования терапевтического сада и его дальнейшей интеграции в сине-зеленый городской зеленый каркас является разработка его ландшафтного кода. Но сначала нужно понять, каким должен быть терапевтический сад конкретной больницы, как он может быть интегрирован в локальный зеленый каркас прилегающих территорий. Ответы на эти вопросы должны соотноситься с одним из ключевых аспектов формирования ландшафтного

Исследование выполнено в рамках гранта «Концепция ландшафтно-градостроительного развития и благоустройства территорий объектов здравоохранения г. Севастополя», шифр 29/06-31 / Acknowledgements: The research was supported by the grant "Concept for the landscape and urban development and improvement of areas of healthcare facilities in Sevastopol", code number 29/06-31

< Рис. 1. Parc Sanitari Pere Virgili. Барселона, Испания. Фото Э. Э. Красильниковой. 2014 ©

кода, которым является создание уникального пейзажа терапевтического сада, гармонично сочетающегося с соседствующими территориями.

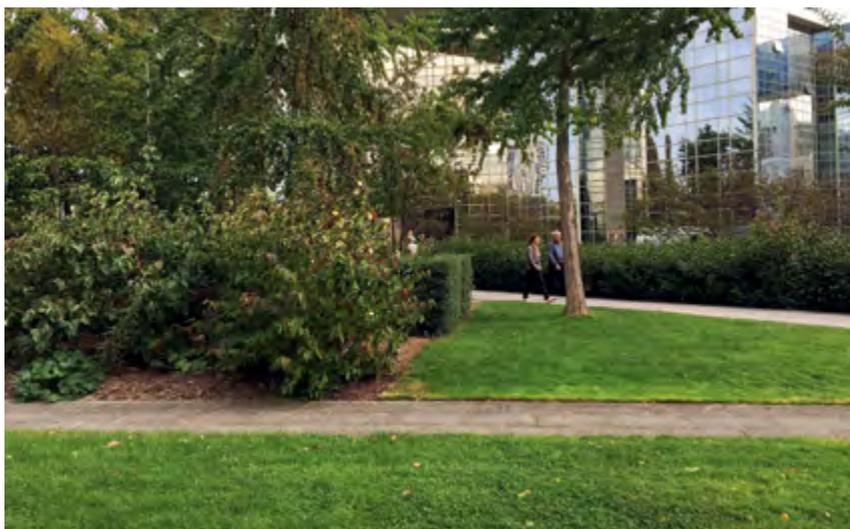
Терапевтические сады, расположенные на территории лечебных учреждений и разработанные специально для целевой группы пациентов (аутисты, психиатрические, туберкулезные, онкологические и др. пациенты), в настоящее время все чаще признаются врачами важным аспектом помощи в оздоровлении и преодолении болезни [9; 10]. Терапевтический сад на территории больницы – не просто парк: это общественное пространство, завершающее целостную картину медицинского учреждения. Ассортимент растений терапевтического сада формируется с учетом природно-климатических характеристик региона, целебных свойств растений, их декоративных свойств, сохраняемых в течение всего вегетационного периода. Современный терапевтический сад обеспечивает связь между зданиями различного назначения, объектами отдыха и пешеходными маршрутами без пересечения с транспортными и техническими проездами, а самое главное – связывает территорию терапевтического сада с прилегающим городским пространством. Так происходит интеграция терапевтических садов в городскую ткань и зеленую инфраструктуру города. Наглядным примером является создание парка Parc Sanitari Pere Virgili в районе Грасия в Барселоне (рис. 1, 2). Парк Пере Вирджили является показательным, социально значимым проектом в сфере здравоохранения Испании. Для его реализации министерство здравоохранения Каталонии учредило государственную компанию под названием Parc Sanitari Pere Virgili. В результате в 1999 г. началась градостроительная регенерация старого военного госпиталя в медицинский центр, предоставляющий в настоящее время медицинские, исследовательские и образовательные услуги. История центра связана с именем Пере Вирджили, который был врачом и ученым (род. 1699), главным хирургом армии и флота Испании. Пере Вирджили сыграл решающую роль в становлении испанской хирургии, был новатором и создателем хирургических исследований на Пиренейском полуострове, основал хирургические колледжи Кадиса и Барселоны в 1748 и 1768 гг.

Интересен пример интеграции небольшого терапевтического сада Европейского госпиталя им. Жоржа Помпиду в Париже с прилегающей территорией парка Андре Ситроена. Зеркальные фасады здания госпиталя гармонично вписаны в архитектурно-планировочную структуру парка, они отражают ландшафт парка, зрительно расширяя его границы. (рис. 3, 4). Поэтому временная трансформация ландшафта парка, изменение его ландшафтного кода влияют и на изменение ландшафтного кода терапевтического ландшафта госпиталя.

Парк Андре Ситроена был создан знаменитыми ландшафтными архитекторами Жилем Клеманом и Аленом Прово в 1987 г. и открыт для посетителей в 1992 г. В основу ландшафтной организации парка была внедрена авторская концепция «сада в движении» Жюль Клемана. В ней Жиль Клеман интерпретировал четыре принципа, влияющие на создание уникального запоминающегося современного архитектурно-ландшафтного комплекса и его ландшафтного кода: Природа, Движение или Метаморфозы, Архитектура и Искусство [11, с. 158–159].

> Рис. 2. Пример интеграции терапевтического ландшафта парка Parc Sanitari Pere Virgili в общественно-пешеходное пространство улицы. Барселона, Испания. Фото Э. Э. Красильниковой. 2014 ©

^ Рис. 3. Зеркальный фасад Европейского госпиталя имени Жоржа Помпиду, в котором отражается ландшафт парка Ситроен в Париже. Фото Э. Э. Красильниковой. 2019 ©

^ Рис. 4. Зеркальный фасад Европейского госпиталя имени Жоржа Помпиду, в котором отражается ландшафт парка Ситроен в Париже. Фото Э. Э. Красильниковой. 2007 ©

Парк Андре Ситроена считается одним из парков мира, созданным на принципах ландшафтного урбанизма. Природные элементы ландшафта (деревья, кустарники, газоны) являются частью архитектурно-пространственной композиции парка и рассматриваются как природные архитектурные формы, нивелирующие доминирование архитектурных объектов [12, с. 74–76].

Изменение «ландшафтной моды» в связи с глобальными климатическими процессами – внедрением в практику ландшафтной организации территории биоразнообразия, создания устойчивых природных ландшафтов («дождевые сады»), ландшафтные композиции, сформированные по типу «природных сообществ» – повлияло на трансформацию ландшафта парка Ситроена. За последние несколько лет жесткие линии стриженных боскетов вечнозеленых кустарников были смягчены посадкой на втором и третьем плане многолетних трав, образующих мягкие «облачные» формы и создающих более природные формы ландшафтных композиций, более естественный колористический код зеленых насаждений. Такие изменения в ландшафтной организации парка Андре Ситроена произошли в большей степени на территории, прилегающей к зданию госпиталя (рис. 5, 6, 7, 8, 9).

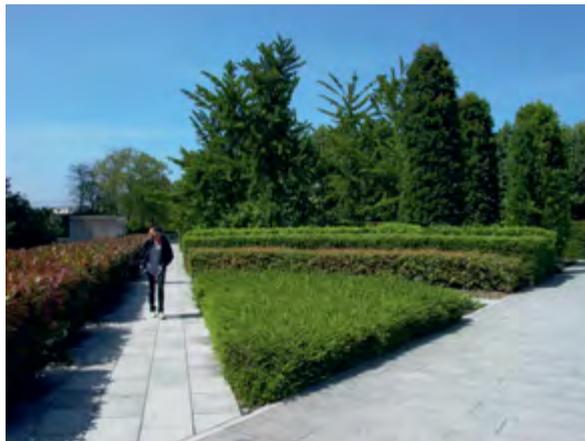
Анализ зарубежного опыта создания терапевтических ландшафтов на территориях парков, прилегающих

к зданиям объектов здравоохранения, на примере терапевтического ландшафта парка Parc Sanitary Pere Virgili в Барселоне, парка Андре Ситроена и Европейского госпиталя имени Жоржа Помпиду в Париже показывает пример интеграции терапевтических ландшафтов в ландшафтно-градостроительный каркас города. Каждый из объектов имеет свой уникальный ландшафтный код, на основе которого сформирована концепция ландшафтной организации этих территорий.

Ландшафтный код терапевтических садов и терапевтических ландшафтов формируется на основе климатических характеристик региона, целебных свойств растений, их декоративных свойств, сохраняющихся в течение всего вегетационного периода. Современный терапевтический сад обеспечивает связь между зданиями различного назначения, объектами отдыха и пешеходными маршрутами без пересечения с транспортными и техническими проездами, и главное – связывает территорию терапевтического сада с прилегающим городским пространством.

Ключевыми научными подходами к созданию ландшафтного кода терапевтических садов являются: терапевтический, эколого-эстетический и адаптивный. Управленческими механизмами создания ландшафтного кода территорий могут быть ландшафтные регламенты и методические рекомендации.

> Рис. 5. Парк Ситроен в Париже. Территория, прилегающая к Европейскому госпиталю имени Жоржа Помпиду. Фото Э. Э. Красильниковой. 2007 ©

> Рис. 6. Парк Ситроен в Париже. Территория, прилегающая к Европейскому госпиталю имени Жоржа Помпиду. Фото Э. Э. Красильниковой. 2019 ©

^ v Рис. 7, 8, 9. Изменение ландшафтного кода парка Ситроена в Париже. Включение в ландшафт парка природных сообществ из злаковых трав и многолетников. Фото Э.Э. Красильниковой. 2019 ©

Ландшафтный код терапевтического сада зависит от микроклиматических особенностей местности, определяющих вегетативные периоды изменения колористики кроны и листвы, силуэта растений. Растения должны подбираться также с учетом высоты, свойства ломкости, возможного оздоровительного эффекта. При проектировании терапевтического сада рекомендуется предусмотреть сохранение существующих насаждений с организацией дождевого сада. Важной составляющей ландшафтного кода терапевтического сада должен быть подбор ассортимента древесно-кустарниковых, многолетних и травянистых растений на основе формирования произрастающих в данном регионе природных сообществ для расширения биоразнообразия на локальной территории сада и с учетом терапевтических свойств этих растений. Это сложная задача, но правильно подобранный ассортимент древесно-кустарниковых насаждений и их композиционная организация обеспечивают привлекательность места для физических упражнений и способствуют физическому здоровью, улучшают внимание и психическое состояние, уменьшают хронические боли, снижают стресс.

Основой ландшафтного кода терапевтических садов является использование принципов арома-хромотерапии – ароматического и колористического оздоровительного воздействия аромата и цвета растений.

В результате проведенных исследований по анализу и подбору ассортимента древесно-кустарниковых и многолетних травянистых растений, рекомендуемых для создания терапевтических садов терапевтических ландшафтов Юга России (на примере г. Севастополя), исследуемых по колористическому оздоровительному воздействию, была определена цветовая гамма растений, обладающих наилучшим терапевтическим воздействием. Наибольший терапевтический эффект получают посетители терапевтических садов от зрительного восприятия ландшафтных композиций, сформированных по типу природных сообществ растений с цветами и листьями от фиолетово-бордового до бледно-розового цвета. Усиление этого эффекта связано с запахами изучаемых растений, которые также обладают оздоравливающим терапевтическим эффектом. Например, подобранная цве-

товая гамма многолетних травянистых растений на основе дендроматрицы всепогодности озеленения (рис. 10) с цветами и листьями от фиолетово-бордового, пурпурно- до бледно-розового цвета оказывает положительное лечебное воздействие на людей с сотрясением мозга, эпилепсией, невралгией, рассеянным склерозом, заболеваниями надпочечников (рис. 11). Визуальное восприятие розового цвета помогает очищению крови от вредных веществ, действует как слабительное, снижает агрессию, способствует расслаблению, снятию стресса.

Подход к созданию ландшафтного кода терапевтических садов и терапевтических ландшафтов объектов здравоохранения должен учитывать социальные особенности и потребности их пользователей. Поэтому среди пользователей терапевтических садов выделяются следующие группы:

Пример подбора растений по колористическому оздоровительному воздействию (цвета растений имеющих лекарственные и лечебные свойства. Результат – эффект ароматерапии и хроматерапии цветущих растений. Цветовая гамма от фиолетово-белого, пурпурного до бледно-розового.

Цветовая гамма	Наименование растения	Месяцы												
		январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
Розовая, пурпурная, фиолетовая	Аистов лекарственный													
	Амарант													
	Бадан толстолистный													
	Башкирский жасмин													
	Белый жасмин													
	Бергамот													
	Бергамот душистый													
	Бергамот лекарственный													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													
	Бергамот душистый													

^ Рис. 10. Дендроматрица всесезонности озеленения для эффективного озеленения объектов здравоохранения (по колористическому коду). Пример подбора растений по колористическому оздоровительному воздействию цвета растений, имеющих лекарственные и лечебные свойства. Результат – эффект ароматерапии и хроматерапии цветущих растений

– Пациенты. Среда оказания медицинской помощи должна разрабатываться с учетом психологического состояния пациентов, их физических потребностей, наличия инвалидности и продолжительности пребывания. Длительно пребывающие в стационаре пациенты и амбулаторные пациенты имеют более разнообразные потребности, чем пациенты, посещающие лечебное учреждение время от времени. Комплексный эффект от лечения значительно возрастает за счет доступа к терапевтическим садам, площадкам на открытом воздухе, общим социальным мероприятиям (занятиям, чтению и т. п.).

Для пациентов с различными видами заболеваний требуются разные функциональные особенности в терапевтических садах: для маломобильных пациентов необходима возможность использования вспомогательных средств для ходьбы в саду; пожилые пациенты нуждаются в поручнях и затененных участках; пациентам физиотерапевтических отделений может быть необходимо ухаживать за растениями на разной высоте, психиатрическим пациентам могут понадобиться «подсказки памяти» и посадки, которые минимизируют риск травм и повреждений и т. п.

– Посетители. Поддерживающая и отвлекающая среда терапевтического сада важна для людей, посещающих друзей или родственников в лечебном учреждении, поскольку само посещение пациентов может быть как полезным, так и эмоционально истощающим.

v Рис. 11. Фотографии многолетних растений, подобранных для создания эффективного озеленения объектов здравоохранения (по колористическому коду) на основе дендроматрицы всесезонности озеленения

– Персонал. Открытые пространства важны для медицинского персонала, который долго находится в лечебном учреждении и нуждается в удаленных от их повседневной деятельности, выделенных доступных местах, чтобы отдохнуть, снять стресс от работы. У административного персонала, как правило, больше свободного времени для использования открытых пространств во время обеденного и регулярных перерывов; медицинские сестры обычно не успевают отдохнуть уединенно, так как должны оставаться с пациентами в силу своих обязанностей.

В рамках исследования сформулированы принципы ландшафтного кода терапевтических садов Севастополя. Все принципы сгруппированы как общие и частные принципы.

К группе общих отнесены три основополагающих критерия.

– Образ лечебного учреждения – образ архитектурно-ландшафтного комплекса больницы. Ландшафтная организация, основанная на ландшафтном коде, позволяет создать уникальный образ объекта здравоохранения. Репрезентативный образ ландшафта больницы должен состоять из четырех сменных образов, соответствующих четырем сезонам года.

– Ментальный образ (дизайн-код). Запоминание через запахи, цвета, звуки. Сопрежен с дизайн-кодом, включает использование малых архитектурных форм, навигацию (в том числе для слепых).

– Идентичность. Сад должен поддерживать сознание принадлежности человека к культурным группам или иным общностям горожан (идентификация места, «дух» места).

Современные терапевтические сады предназначены не только для пациентов больниц. Нередко терапевтические сады создаются для широкого пользования, имеют зоны деятельности, в которых посетители могут участвовать в посадке растений, создавать цветочные композиции, изучать особенности выращивания декоративных растений и пр. Занятия в зоне деятельности терапевтического сада направлены на:

- получение опыта общения с природой;
- содействие социальному взаимодействию и физической активности пациентов и посетителей сада;
- стимулирование системы чувств пациентов и посетителей сада взаимодействием с природой;
- улучшение физического и психического благополучия пациентов и посетителей сада;
- повышение интереса к растениям и садоводству.

К группе частных принципов относятся:

- 1) Экологичность.
- 2) Биологическая безопасность.
- 3) Биогеоэкологическая устойчивость.
- 4) Микроклиматическая устойчивость.
- 5) Наличие оздоровительного эффекта.
- 6) Доступность.
- 7) Историческая контекстуальность.
- 8) Ассоциативность восприятия.
- 9) Мультисенсорность.
- 10) Интеграция с дизайн-кодом территории.
- 11) Колористическая устойчивость (включает колористический код деревьев).
- 12) Пейзажность (принципы ландшафтной пейзажной композиции, панорамность восприятия).
- 13) Кронеобразование.
- 14) Видовая образность.
- 15) Сезонная изменчивость.
- 16) Аромакод.
- 17) Колористический код (хромокод).
- 18) Символика лечебного учреждения (связана с входной зоной).

19) Дождевые сады – водосберегающий городской дизайн (WSUD).

Символика лечебного учреждения на входной зоне, вписывающаяся в ландшафтную композицию сада, усиливает эффект от терапевтического сада и является своеобразной визитной карточкой лечебного заведения.

Визитной карточкой терапевтического сада является и справочник растений, который разрабатывается для каждого конкретного сада, с фотографиями или рисунками растений в стиле ботанической живописи и подробным описанием лечебного воздействия растения.

Для объектов здравоохранения г. Севастополя на примере больницы № 3 им. Даши Севастопольской разработан справочник растений терапевтических сада (рис. 12).

Методы, применяемые при проектировании и организации терапевтического сада

1. Сценарный подход (поведение пользователя).
2. Связанность территории.
3. Визуальная трансформация пространства (территории).
4. Метод дендроматрицы (подбор видов растений по колористическому и аромапринципам).
5. Метод преобразования рельефа местности (геопластика).

Ландшафтный код терапевтического сада связан с вегетативными периодами изменения колористики кроны и листвы, силуэта (формы) растений. Растения должны подбираться с учетом микроклимата территории, по высоте, свойству ломкости (предпочтительны неломкие растения), возможному оздоровительному эффекту. Рекомендуется размещать в саду участки с вечнозелеными растениями (не рекомендованы для гипертоников).

Ландшафтный код влияет на уникальность территории и становится важной составляющей ее бренда. Поэтому ландшафтный код терапевтических садов имеет важный социокультурный и эстетический контекст для создания эстетически привлекательной, экологически безопасной городской среды.

Литература

1. Новая программа развития городов: Резолюция ГА ООН 71/256 от 23 декабря 2016 года. – ООН, 2017. – 60 с. – URL: <https://uploads.habitat3.org/hb3/NUA-Russian.pdf> (дата обращения 18.09.2021)
2. Handbook Green Infrastructure Planning, Design and Implementation // Edited by Danielle Sinnett, Nicholas Smith and Sarah Burgess. University of the West of England, UK, Edward Elgar Publishing, 2015. – 496 pp.
3. Уилсон, Э. О. Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами / пер. с англ. С. Г. Пилецкого. – Москва : URSS, Ленанд, 2017. – 304 с.
4. Kellert, S. R.; Heerwagen J., Mador M. Biophilic Design. – Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey, 2013. – 432 pp.
5. Bell, S. L., Foley, R., Houghton, F., Maddrell, A. and Williams, A. M. From therapeutic landscapes to healthy spaces, places and practices: a scoping review. *Social Science & Medicine*, Elsevier, 2018. – 196 pp. 123-130. Available at <http://centaur.reading.ac.uk/74329/> (дата обращения: 21.09.2021)
6. Красильникова, Э. Э., Кусов, И. С., Журавлева, Т. А., Гончарик, А. А. // Комфортная среда – здоровая среда. Создание терапевтических садов в структуре города. Сб. международной науч. конференции 26–27 декабря 2020. – Севастополь : СевГУ, 2021. – С. 3–9
7. СН 441-72* Указания по проектированию ограждений площадок и участков предприятий, зданий и сооружений. Москва: ЦИТП Госстроя СССР, 1987. – 4с.
8. СП 158.13330.2014. Свод правил. Здания и помещения медицинских организаций. Правила проектирования / Buildings and rooms for health care facilities. Design rules. Изд. офиц., Москва : Минстрой России, 2014. – 138с.
9. Souter-Brown, G. Landscape and Urban Design for Health and Well-Being. Routledge, Taylor and Francis. NY.2015. – 340 pp.

10. Варданын, К. Основы озеленения лечебных учреждений. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 188 с.

11. Ван Зюилен, Г. Все сады мира / Габриэль Ван Зюилен [пер. с фран. М. Карелиной]. – Москва : Астрель : АСТ, 2001. – 176 с.

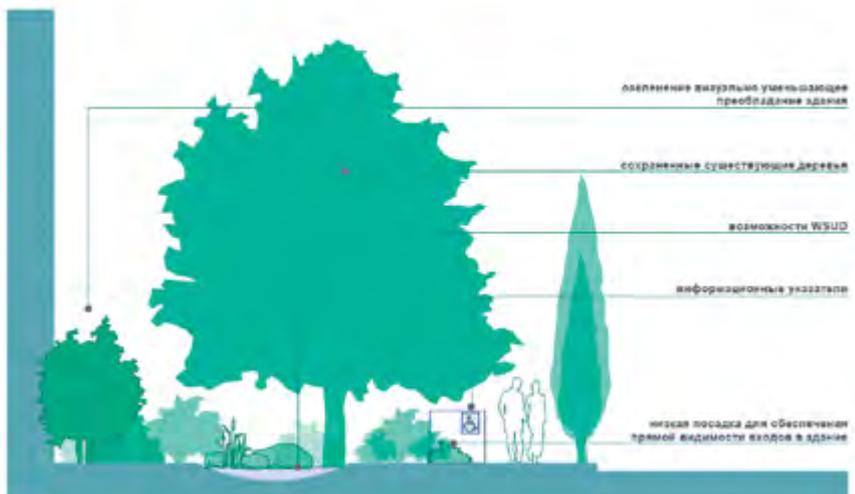
12. Красильникова, Э. Э. Ландшафтный урбанизм. Теория – практика : научная монография. – Волгоград : Областные вести, 2015. – Часть 1. Научные и практические основы ландшафтного урбанизма. – 156 с.

References

- Bell, S. L., Foley, R., Houghton, F., Maddrell, A., & Williams, A. M. (2018). From therapeutic landscapes to healthy spaces, places and practices: a scoping review. *Social Science & Medicine*: Elsevier, 11.035-2017. Available at <http://centaur.reading.ac.uk/74329/>
- Kellert, S. R., Heerwagen, J., & Mador, M. (2013). *Biophilic Design*. Hoboken, New Jersey: Wiley & Sons, Inc.
- Krasilnikova, E. E. (2015). *Landshaftnyi urbanizm. Teoriya-praktika: nauchaya monografiya* [Landscape urbanism. Theory-Practice: scientific monograph]. Volgograd: LLC "IAA" Oblastnye Vesti "
- Krasilnikova, E. E., Kusov, I. S., Zhuravleva, T. A., & Goncharik, A. A. (2020). *Integratsiya terapevticheskikh landshaftov v zelenuyu infrastrukturu goroda* [Integration of therapeutic landscape into green urban infrastructure]. *Komfortnaya sreda – zdorovaya sreda. Sozdanie terapevticheskikh sadov v strukture goroda*. New Urban Development Program (2017). Habitat III. UN Conference on Housing and Sustainable Urban Development [Electronic edition], UN. <https://uploads.habitat3.org/hb3/NUA-English.pdf>
- Proceedings of the international scientific conference, 26-27.11.2019. Sevastopol: SevGU
- Sinnett, D., Smith, N., & Burgess, S. (Eds.) (2015). *Handbook Green Infrastructure Planning, Design and Implementation*. University of the West of England: Edward Elgar Publishing.
- SN 441-72* Ukazaniya po proektirovaniyu ograzhdeniy ploshchadok i uchastkov predpriyatiy, zdaniy i sooruzheniy [Design directions for fences of sites and plots of enterprises, buildings and structures]. Moscow: CITP, Gosstroy (USSR).
- Souter-Brown, G. (2015). *Landscape and Urban Design for Health and Well-Being*. NY: Routledge, Taylor and Francis.
- SP 158.13330.2014 Svod pravil. Zdaniya i pomescheniya meditsinskikh organizatsiy. Pravila proektirovaniya [Buildings and rooms for health care facilities. Design rules]. Izd. offits., Moscow: Minstroy Rossiy.
- Van Zyulen, G. (2001) *Vse sady mira* [All the gardens of the world]. Moscow: Astrel Publishing House LLC: AST Publishing House LLC.
- Vardanyan, K. (2016). *Osnovy ozeleneniya lechebnykh ucherezhdeniy* [Basics of gardening of hospitals]. LAP: LAMBERT Academic Publishing.
- Wilson, E. O. (2017). *Biophilia: The human bond with other species*. Moscow: Lenand.

^ Рис. 12. Эрингиум, или Синеголовник (Eryngium). Рисунок И. А. Заики

в Рис. 13. Приемы улучшения функциональности и восприятия ландшафта

Фонтан, часто размещенный в самом центре старых городов, оказался не в центре проблематики архитектуры; более монументальные и весомые постройки и масштабные вопросы несколько оттеснили его. При выяснении истоков города, его начал или его «зерна» обычно на ум приходит что-то гораздо более твердое, чем вода и более прагматичное, нежели изящные струи. Однако истоки и источники – дело особой магии, восходящей, как утверждал Витрувий, к египтянам; с нее начинаются города. В статье сделана попытка рассмотреть феномен фонтанов, осмыслить его границы.

Ключевые слова: фонтан; водопад; архитектурное формообразование; мифология и символика воды; истоки города; феноменология архитектуры; ар-деко. /

Often placed in the heart of old cities, the fountain has not become a focus of architectural problematics, being pushed aside by more monumental and significant constructions and large-scale issues. When identifying the origins of the city, or its source, one usually thinks of something harder than water and more pragmatic than fine streams. However, the sources are of special magic, which, as claimed by Vitruvius, traces its origin to the Egyptians, and from which all cities take their origin. The article makes an attempt to study the phenomenon of fountains and to comprehend its scope.

Keywords: fountain; waterfall; architectural form-making; mythology and symbolics of water; sources of the city; phenomenology of architecture; Art Deco.

> Рис. 1. Висбаден. Городской фонтан

Фонтан как «первая вещь» городской генетики / A fountain as the “first thing” in the urban genetics

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет/
text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Дивный кристалл, что влагу вобрал!

Победил ты по праву

Воды и камни: ведь ты – камень,

и ты же – течешь.

**Клавдий Клавдиан, римский поэт
(ок. 370 – ок. 404)**

Фонтан и другие

Фонтаны родственны колодцам: они имеют дело с водой как добываемым ресурсом, артикулируют его; они – источники. Артикуляция доставки (поставка, Gestell M. Хайдеггера, что сразу же переводит тему в скользкий для нее контекст функционализма) воды, однако, различна: у колодцев гораздо меньше пафоса, чем у фонтанов, в них нет помпы. Но и наличие таковой несколько не мешает фонтанам обеспечивать население водой, совмещая службу с украшением, нередко центральным, как в старых городках Европы.

Источники разнообразны; в их случае функциональная типология опять дает сбой. Есть элгические каскады, есть утилитарные скважины. Есть истоки, настолько зрительно малозначительные при всем величии порождаемых ими рек, что для репрезентации их значимости приходится использовать формы покрупнее малых – беседку или ротонду (со своим миром значений и образов, несколько уводящим от истока в обширные ландшафты, что в конце концов и требовалось). Это невзрачные природные родники или величественные груды камней и скульптур, отсылающие к высшей природе: ведь источники обычно малы размером, но жизненно важны городам и ландшафтам; их значение издревле усиливается средствами архитектуры. Источники не принадлежат какому-то одному типу, скорее подлежат некоей символической таксономии вроде той, начало которой положил Гастон Башляр ироничным рассуждением о нимфе при каждом источнике и неперменной дочери морского царя во всякой тенистой бухточке¹.

Фонтан технически связан с водопроводом (это могут быть даже акведуки со всей мощью их присутствия в городском пространстве и ландшафте), но символически и феноменологически он автономен, никогда не мыслится конечной частью (вроде потребительского крана)

больших гидротехнических систем. И не оттого, что подвод воды может быть скрыт от глаз. Фонтан как феномен имитирует гейзер, а это настолько точечное и событийное явление, что феноменология общения с ним не оставляет места и времени вопросам о недрах и инфраструктурах. Такие вопросы появляются в осмыслении постфактум, да и то у специалистов.

Вода в фонтанах уже есть – «здесь и теперь», и она устремлена в воздух, вверх, что роднит фонтаны с колодцами гораздо больше, нежели наличие воды (которое может быть и подразумеваемым) – они инструменты, механизмы воды. Акведуки или цистерны – величественные и уважаемые архитектурные типы – не роднятся с фонтанами и колодцами: их феноменология иная, их дело – покой, дление и хранение. Их характер – протяженность, они обладают внятной мерностью – длиной, объемом, глубиной. Там вода ждет своего оргазмического мига, томится, готовится, подбирается к нему. Фонтан и колодец – точки прокола всей этой фрустрации земных гумор.

Но недра разнят фонтаны и колодцы. Точнее, даже не сами недра, но организуемое по их поводу воображение. Фонтаны «выражают» недра как свое скрытое означаемое, а колодцы намекают на возможность исследователю проникнуть в глубины взглядом, а то и телом. Фонтан – заведомо тенденциозное зрелище с минимальным нашим соучастием; колодец – инструмент познания и общения, не активный без нас. Оттого так пугают и завораживают легенды о городах, затопленных темными водами, неожиданно поднырившими из городских колодцев: так выглядят захват сознания мышлением (нередко неотличимым от безумия). Фонтан же – брызжащий дозированным оптимизмом остроумный регулятор подобных катастроф, клапан сброса избыточного давления городского бессознательного.

Фонтаны, кажется, совсем не против тихо журчащей воды, как в т. н. флоуформах, рекомендуемых антропософами-ландшафтниками [1]. Такая вода полезна в драматургии фонтана, это его минор. Однако его мажор – струя! Его звук – не столько журчание, сколько шум падающей с высоты воды. Звуки зрелища в самом деле важны: фонтан едва ли не единственный и сегодня объект архитектуры, постоянно издающий предусмотренные

1. Гастон Башляр в «Воде и грезе» иронизирует над обывателем, однако Иван Ильич серьезен: «Лишь воды, избобилующие нимфами и воспоминаниями, способны сочетать архетипическую и историческую стороны сновидений. В этом смысле H₂O – не вода. H₂O – это жидкость, лишенная как своего космического смысла, так и своего гения места» [5].

2. «Ваши философы отрицают, что движение может производиться силою одних лишь фигур, – послушайте, однако ж, что я вам скажу, и вы уверитесь в обратном. Посредством вот этой двойной улиткоподобной фигуры, находящейся во взаимодействии с пятиричной системой клапанов в каждом внутреннем изгибе (точь-в-точь как полая вена в том месте, где она владает в правый желудочек сердца), приходит в движение священный этот фонтан и порождает гармонию, которая доплещивается даже до ваших

^ Рис. 2. Город Сагаласос, юго-западная Анатолия (современная Турция). Нимфей

звуки. Причем звуки неотчуждаемые и неустраимые; свои собственные, а не получаемые посредством динамик или иных акустических уловок.

Водопад, без сомнения, один из источников вдохновения для архитектурных игр с движущейся водой. Но сам фонтан обеспечивает и подъем воды: это едва ли не более впечатляющее зрелище, нежели вполне «естественное» падение, следующее за ним в непрерывной динамике струй. Водопад для архитектуры остается дорогим природным аксессуаром, фоном или даже компонентом, как в вилле Кауфмана. Он может имитироваться, как и вся природа, средствами ландшафтной архитектуры, как на вилле д'Эсте, и даже составлять величественные каскады, как в Барселоне, но не переходит в разряд акцентированно искусственных устройств. Попытки же превратить водопад в артифицированное зрелище до сих пор выглядят отвратительно, как 108-метровый поток воды из небоскреба в китайском городе Гуйян – образ перманентной коммунальной катастрофы.

Мифы и стихии

С точки зрения мифологии хтонических сил и борьбы стихий фонтан есть вечно длящаяся попытка придать форму воде – тому, что по природе своей формы не имеет и противится всякому насилию над своей текущей природой. Тайное предание фонтанизма гласит: ё1 если верная форма фонтану придана, сила воды станет немереной². В этом смысле фонтан – выдающийся симулятор формообразования, но... он же может служить и символом тщетности любых формообразовательных усилий. Гастон Башляр в книге о воде из своей пенталогии стихий, в «Воде и грезях», замечает: «Мы понимаем, что материя есть бессознательное формы. Вся вода в своей массе, а не одна лишь ее поверхность, настойчиво шлет нам послания о своих отражениях» [2, с. 82]. Отражения обманчивы, формы преходящи, материя остается непознанной; выкинув «коленце», она покидает театрик имитированного осознания, уходит в родные глубины. «И вообще инкогнито эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция <...>» (Иосиф Бродский). Не за иллюстрацию ли асимметрии в пропорции «дневно-

го» разума и его скрытых истоков мы так любим зрелище фонтанов и артифицированной воды?

Но с точки зрения топологии феноменов дело фонтана – обыграть небольшую дыру в земле, выход (или, как в случае колодца, – вход), путь в скрытое, не участвующее прямо в самом акте «игры». Ему ближе пещеры, чем аркады акведуков. Такую концентрацию субстанциальных сил, которую демонстрирует фонтан, можно наблюдать как бы с «обратной» стороны – в куполах с их точкой разрядки, окулюсом. Но фонтанный выброс, имитируя вечную поллюцию и торжество жизненной энергии, в отличие от куполов и гейзеров не дает облегчения недрам или трубам; в этом симулякре вода лишь играет в муки, изображает восторги. Но мы обманываться рады...

Легкомыслию фонтанов посвящено немало произведений во всех жанрах; все искусство и архитектура ар-деко – о них. Имея немалую историю, фонтаны оказались центрированы на эстетику ар-деко, в которой они и сами получили центральное место, едва ли не стали его метафорой. Но есть и более ранние, хрестоматийные случаи фонтанной фривольности и авантюризма. Таков известный еще от Геродота, но ставший легендарным архетипом в Средневековье «Источник вечной молодости», или «Фонтан юности», окунувшись в который можно вернуть былую красоту и свежесть. Он в свойственной всем фонтанам манере соединял доверчивость публики с нешуточной проблематикой утекающего времени³. Наверное, этому архетипу фонтаны обязаны смысловым смещением с питья и мытья, расширением своего семантического поля.

Фонтан не раз уже был назван орудием архитектурной манипуляции, развлечением для бедных. Своей популярной механикой он отвлекает от анализа и рефлексии обозначаемых им событий⁴. Поэтому фонтан – наихудший из мемориалов: у него короткая память, он сиюминутен и ветрен, его стихия – игривый союз воды и воздуха, его значения – витальность и гедонизм. Применение фонтанов в мемориальных целях есть или проявление феноменологической бесчувственности, или следствие скрытого намерения поскорее пустить память по воздуху. Но вода ниспадающая, как слезы, несомненно, способна

морей», – открывает тайны организованных жидкостей Франсуа Рабле [11, с. 501–502].

3. Легкомыслен здесь лишь мотив наивной веры, но сама вера в существование таких источников была, видимо, сильна, едва ли не достигала масштабов индустрии воображаемого: так, на картине Лукаса Кранаха Старшего к «Фонтану юности» старух подвозят в массовом порядке, телегами.

4. Таков же и парадоксально малоизвестный т. н. «Фонтан Победителей», воздвигнутый, согласно легенде, по приказу Сталина на время Парада Победы 24.06.1945 г. и демонтированный сразу же после него. Это немалое сооружение щедро поливало водой (причем под проливным дождем, который, как известно, шел в день Парада) Лобное место, которое оно собой прикрывало и связанные с ним неоднозначные ассоциации, призванные их купировать. Такое обилие воды можно считать символом очищения от тягот войны. Но этот фонтан строго событиен, у него не было мемориальных функций; скорее напротив. В то время к символам еще относились с чуткостью.

v Рис. 3. Рим. Фонтан на площади Санта-Мария-ин-Трастевере

^ Рис. 4. Рим. Фонтан Баркачча. Архитектор Пьетро Бернини. 1627–1629

быть метафорой скорби; так сделано в больших квадратных водоемах на месте разрушенных небоскребов WTC.

Фонтанирующая вода плохо сочетается с огнем, в т. ч. Вечным огнем, что опять же надо отнести к этике мемориального строительства. Вода плюс огонь – это пар, баня, в лучшем случае (у Гастона Башляра) – пунш, огненная вода [3]. Случайные и прихотливые струи фонтана противостоят мерному биению огня, вечного не в своей неизменности, но в своем неизменном наличии. Фонтан «включают»; это становится радостным событием, не балующим частотой даже и в великих фонтанных комплексах мира. Но его и выключают; он подчинен воле человека и его техническим заботам. Вечный огонь символически от нас независим, он больше нас, он первичен (primum).

Игры с огнем в архитектуре не достигли театрального совершенства, сопоставимого с достижениями в случае воды. Казалось бы, наблюдение за вулканами могло поспособствовать возникновению каких-то типов сооружений, отвечающим им. Но таковы лишь некоторые мемориалы: курящиеся пирамидки, вспоминающие, что за огонь у них внутри. Но вспомнить им не дают романтики эры капитала, присовокупляющие, с К.-Н. Леду, всякие дымные горы к деловому пейзажу. Огненное дело теперь служит индустриальному поставу, не отрываясь от него даже в гиперболах: таков храм Молоха в «Метрополисе» Ф. Ланга (1926). Но ведь уже и у греков в вулкане Этна

размещалась кузница Гефеста. Мифологема огня всегда, видимо, имела производственные коннотации, лишь в погребальных сожжениях корреспондируя с *temento mori*. Неудивительно, что огонь в целом профанирован архитектурой; исключение составляет лишь лишенный всякой функциональности, проявления которой в его случае преступны, чистый символ Вечного огня.

Чаша

Но вернемся к фонтанам. Частый мотив оформления фонтанов – чаша и каскад чаш. Чаша – один из древнейших и глубинных символов, а после М. Хайдеггера – еще и местоблюститель всякой Вещи. Множественные интерпретаций чаши в мирах символического успели «замылить» наши способности видеть ее как таковую, принять величие в простоте и конкретности. Так, после Хайдеггера, чашей Граала может оказаться неказистая деревянная крестьянская плошка, как в «Баудолино» Умберто Эко. Такое откровение подлинности в чаше фонтана можно, совершенно не ожидая ее, встретить на лестнице Ивана Леонидова в Кисловодске – в этом священном Граале десакрализованных времен.

Фонтанные чаши европейских городов, городков и замков далеки от простоты и незатейливости. Все-таки им поручено украшать собою пространство – держать площадь, фиксировать ось, задавать камертон. Фонтан любим горожанами, его стремятся сделать монументальным, не скупятся на изящные художества. Он на виду, известен всем, но... открытие городского фонтана как «Первой вещи» все еще возможно: это же полная чаша смыслов, где есть и утоление жажды, жизненно значимое в годину осады; омовение, неистребимые сакральные ноты.

При очевидной «нужности» фонтанов и прочих источников мы опять попадаем в ловушку, всегда готовую и хищно ждущую наше потерявшее бдительность воображение. Это ловушка дефиниции «функциональность». Она услужливо подставляет свои объяснения, кажущиеся очевидными. Однако магия воды и ее фонтанов никогда не была утилитарной; она скорее имела порождающий смысл, первичный в отношении городов и самой жизни. Возможность жизни неотрывна от наличия воды, а воз-

> Рис. 5. Кисловодск. Чаша фонтана в комплексе санатория НКТП. Архитектор Иван Леонидов. 1938

^ Рис. 7. Таормина, Сицилия. Городской фонтан

^ Рис. 6. В. Г. Перов. Очередь у бассейна. 1865

возможность возвести город – от наличия источника. Самый замысел о городе, поселении, как это прописано уже у Витрувия, начинается с поиска, выявления и артикуляции источников вод. Но уже и Витрувий был склонен сводить смысл этой магической процедуры к *utilitas*! Однако устойчивое пользование чем-либо становится возможным лишь после его осознания, принятия, после вхождения в структуру освоенного бытия. Рим был не изобретателем, но наследником Вещи; Витрувий намекает на египетский опыт, а вместе с ним на уходящие в глубины и хорошо забытые откровения и дары. «Сейчас нам кажется несомненным, – писала блистательная О. М. Фрейденберг, – что наши многочисленные вещи созданы нашими потребностями и нашим опытом. Однако это не так. Вещь появилась у человека не в силу его потребностей» [4, с. 86].

Городской фонтан – это и место, и инспиратор сновидений, ибо «<...> сны всегда формировали города, а города навевали сны, вода же служила живительной силой как для городов, так и для снов» [5]. Это место деловых встреч и любовных свиданий, запоминающийся визуальный и акустический узел средовой ткани; центр городской идентичности, изъяв который можно рассыпать город, как если бы вынуть из древнего колеса ступицу. Таков фонтан (по сути – питьевой фонтанчик) сицилийского города Таормина, скульптурное содружество мифологических существ и героев, привычно разыгрывающих перед всяким подлинную историю места.

Фонтан не оставляет в стороне ни одного органа чувств. В его случае, кажется, несложно обеспечить эффект присутствия, вовлечения прохожего в спектакль городской жизни. Фонтан не оставит равнодушным, даст комфорт, освежит и развеселит детей и взрослых. Однако он остается зрелищем, а зрелищу присущи отстраненность и созерцание предуготованного представления. Описываемое Г. Башлярком «купание врасплох» или «смех воды» – шутка с неожиданным обрызгиванием почтенной публики – ломает отстраненность, активизирует облитых: «Пока гид, водящий туристов по Хельсбрунскому дворцу в окрестности Зальцбурга, показывает им восхитительную Ванну Персея и Андромеды, потайной механизм приводит в действие «сто фонтанных струй», и они

обрызгивают посетителей с ног до головы» [2, с. 229]. Фонтан становится чем-то большим, чем зрелище. Но, как пишет цитируемый Башлярком Эуженио д'Орс, «"смех автора шутки и смех ее жертв" звучат в разных тональностях» [2, с. 229]. Современные решения, например, возможность хождения среди вертикальных струй разной величины сближают фонтаны и людей; вовлечение в игру происходит, но развлечение остается строго локализованным. Старые фонтаны, даже и с пустыми, высохшими чашами гораздо больше вовлекают в присутствие, в *Dasein*. Получается, что вода – не главное в фонтанах! Этот парадокс прекрасно иллюстрируют те конструкции, где нет ничего видимого, кроме бешеного напора стремящихся в разные стороны множества водяных струй. Здесь нужен их танец и мерцающая подсветка, вся цветовая музыка зрелища, несмотря на забавные ухищрения и вызываемый им восторг... остающегося пустоватым; таковы фонтаны Дубая.

Переход фонтанов из рук архитекторов в руки дизайнеров и инженеров ознаменован утратой чаши. Как сказал бы Иван Ильич, «трепетную и насыщенную символами плоть традиции» они превратили в «функциональную систему фильтров и трубок». В очередной раз Грааль ушел сквозь пальцы. Симулякры Фонтана множатся, фантазия, как и вода, не иссякает, бассейны наполняются, а высоты струй достигают рекордных отметок (фонтан короля Фахда в Джидде, Саудовская Аравия, 312 метров). Но Чаша остается пуста.

Источник

Мы ходим вокруг темы источника, не раз его упомянув, но не приблизившись вплотную. В околоархитектурных контекстах источник ныне сильно дискредитирован писаниями Айн Рэнд. Она немало поспособствовала сведению всяческих источников к самолюбивому импульсу в теле индивидуалиста, сумев даже внушить многим, что архитектура именно так и производится – модернистским импульсом «изнутри наружу», как физиологическое отправление [6]. Нет резона критиковать эти нелепости: они немного стоят на фоне тысячелетнего существования подлинных Источников. Последние всегда маргинальны, всегда на Краю, за Порогом или у его преддверия

^ Рис. 8. Екатеринбург. Фонтан «Каменный Цветок»

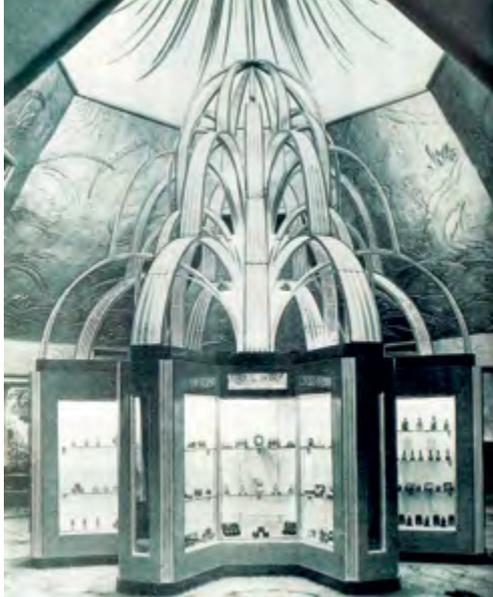
^ Рис. 10. Дубай. Фонтаны

v Рис. 9. Париж. Фонтан на площади Согласия

[7]. Это не случайно, поскольку истоки сущего должны располагаться в символическом отдалении, а подлинное не дано в обыденном опыте; для его постижения необходимо проникнуть за обыденность к истине повседневности – тавтология здесь мнимая, ибо пелена обыденности (звоямая в древних текстах майя) окутывает не уникальное, не экзотическое, но именно повседневное, вну-

шая ложное чувство его незначимости. Ведь подлинность фонтанов состоит вовсе не в их дизайнерской оригинальности или рекордных величинах (высоте струи, количестве струй, висащем в воздухе объеме воды, скорости выпихивания из себя или циркуляции в себе жидкости). Меряться размерами – занятие плембеев.

^ Рис. 12. Парижская выставка современных декоративных и промышленных искусств. Фонтан в интерьере павильона «Парфюмерия Франции». 1925

^ Рис. 11. Лукас Кранах-старший. Фонтан юности. 1546

Приватизация источников – одна из наиболее отвратительных фигур пространственного поведения. Источник принадлежит народу, городу и миру, он утоляет жажду всех, без селекции и корысти, подобно тому, как происходит это среди животных. Но у старых городских источников – не столько декоративных, сколько «питательных», по словам А. Платонова, есть сильная градозащитная аура; их эманации (обереги «своих») ощутимы, воспеты в мифах и легендах. Это источники самости и, если вспомнить о феномене «памяти воды», хранящей историю всего с ней случившегося, то и институт воспроизводства городской идентичности.

Городской фонтан начинался с небольших искусственных источников Рима. Их насчитывалось до девяти сотен, и каждый имел имя. А Имя – это не только признательности и маркер места, но и одушевление вещи.

Предоставляя доступ к своим сокам, являя заботу, городской фонтан и даже малый фонтанчик, не бьющий струей, а позволяющий воде стекать в чашу, вступает с горожанином в интимный сговор, в диалог живых душ, чего не встретишь в случае иных архитектурных типов. Этот сговор не лишен лукавства и веселья, хотя основа его довольно прозаична, а нередко и сурова. Распространенный мотив писающего ангелочка неслучаен: это не декоративный прием, а выражение характера городского фонтанчика, готового шутить, брызгаться, но... по-домашнему, по-свойски.

Город дышит фонтанами. Благодатная влага и остужающая камни прохлада не позволяют отнести их к элементам благоустройства или к пресловутым «малым формам», как легкие у человека не есть устройство для комфорта, как сердце, при его небольшой величине, нельзя назвать второстепенным украшением грудной клетки. Фонтан конститутивен для города. Такой вывод означает смену стратегии обращения к фонтанам: от утилитарной или, что случается теперь гораздо чаще, оформительской, к смысловой, символической (при сохранении всего утилитарного, ибо символическое снимает в себе многое). Пусть сегодня фонтан – не единственный источник воды для горожан, но его значение архетипично, оно не померкнет еще долго. Фонтан должен перестать быть дежурным средством казенного или ком-

мерческого благоустройства, к нему стоит относиться с почтением, его уместность должна осмысляться глубоко и обсуждаться широко в городском сообществе.

В странах, где на зиму фонтаны закрываются, город впадает в спячку («Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану», – напоминает Козьма Прутков). Город, разумеется, жив: он светится своими окнами, каминами и фонарями. Но движение застыло – ни люди, ни автомобили так и не стали субстанцией городского самодвижения, ведь они не относятся к его гуморам. А открытие фонтанов – праздник весеннего возрождения, общегородское гуляние! Цикл жизни города связан с работой фонтанов, никакое сезонное событие не сравнится с их запуском.

Фонтан – самая живая и динамичная форма в городской архитектуре, наиболее тесно связанная со временем; по темпоральной чуткости с ним сравнится только гномон, а по витальности – ничто. Но солнечные часы стали экзотом в городах, практическая надобность в них отпала; фонтаны же остаются востребованы.

Фонтаны ар-деко

Фонтаны не всегда живы: есть периоды или состояния архитектурной истории, когда они живы не вполне. Такова эпоха ар-деко – время, когда фонтаны любили настолько, что иногда кажется, будто здесь их и изобрели. Еще сильнее этот эффект в сравнении с ортодоксальным модернизмом, отвергшим фонтаны как сентиментальный предрассудок.

Причина такой тяги к сооружению, а еще более – к изображению фонтанов столь же очевидна, сколь и загадочна: это упоение властью над природой, культивирование умений сделать природу регулярной, изящной, препарированной. В избытке они наблюдаются уже в садово-парковом искусстве Нового времени, где природа существует на правах уродцев, с младенчества выращиваемых в фигурных сосудах на забаву благородной публике. Но ар-деко возводит поверх этого новоевропейского тренда новый горизонт отстраненного эстетства: умение насиловать природу ценится уже само по себе, вне всякой космогонии и онтологических притязаний, без самоутверждения духа и героического

в Рис. 13. Рим. Архитектор Пьетро Ломбарди. Фонтан Книг. 1927

новаторства. Романтизм сменяется цинизмом, и техника перестает быть целью и средством: она исчезает за создаваемой при ее посредстве орнаментальной иллюзии нового полнокровного мира-на-скорую-руку. Ар-деко паразитировал на модернистских порывах, на имитациях радикализма, благоразумно оставленного другим; он сосредоточился на комфорте и наслаждении в безопасных нишах своего беспокойного времени. Разумеется, он не мог обойти вниманием фонтаны.

Неподлинность мира ар-деко не была секретом и для него самого. Оттого изображения преобладают, причем ими могут быть и полновесные постройки – они коннотируют постройку в гораздо большей мере, чем ею являются. Таков фонтан Рене Лалика на Парижской выставке декоративного искусства и художественной промышленности 1925 года – цветомузыкальный колос экзотического злака, проросший вдруг в центре Европы и ставший одним из символов нового стиля. Но он не символ: ведь символ есть непосредственная данность

значения в знаке. Здесь же значения размыты мелко струящейся подсвеченной водой; здесь чистая репрезентация – изображение иного через доступное.

В уже цитированной замечательной лекции Иван Иллич предупреждал: «Мы поняли, что у городской воды в западной культуре есть начало и, соответственно, может быть и конец. Она рождается, когда художник приручает каждый поток римской воды к жизни в особом фонтане, где она нашептывала свою неповторимую историю грезящим горожанам, и она оказывается под угрозой, когда всасывающие ротаторы станций превращают ее в очиститель и охладитель, часть которого можно отвести в искусственное озеро» [5]. Художник ар-деко ни в чем не подобен художнику или даже инженеру Древнего Рима, но он еще не погряз в утилитаризме нового инженерного подхода, который Иллич проблематизировал в лекции 1985 года. Ему еще не доступен нигилизм гидротехнического хай-тек, но он уже не способен организовывать жизнь воды в своих творениях. Для него вода – послушная материя, подчиненная формообразовательной воле и в принципе принимающая те формы, которые автор от нее потребует. Формы на самом деле не столь уж разнообразны, но для ар-деко хватает: он весь построен на узком допуске своей свободы в навязчивом повторе порубленных в крошку и брызги древних архетипов.

Эстетика макабра отнюдь не чужда внешне столь жизнелюбивому «стилю», как ар-деко [8–10]. Тема смерти вообще любима XX столетием, но если еще в ар-нуво (модерне) она романтизировалась как состояние живого-на-границы, а вместе с ней романтизировались и воды, разделяющие жизнь и смерть, а чуть позже, также заодно с нею, воды остраивались (Велимир Хлебников, «Зазовье водностных тайн»), то ар-деко предпочитает иметь дело не с переходными и не с переходящими состояниями, но с телом – весомым, грубым, зримым... Однако если у В. Маяковского и конструктивистов тело должно работать и приносить пользу («...как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима»), то для ар-деко предпочтительней тело как объект наслаждения и экспериментов, допускающее изображения его и на нем, лучше всего – тело мертвое. Труп. Замечательным примером тому может служить поле для мини-гольфа Wilshire Links, пафосно открытое Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом в Лос-Анджелесе (1930); ничего живого, все имитируется декорациями, как в плохом фильме или болезненном сне: деревья, трава, водоемы... Вода умирает в ар-деко, ее душой и ее тайнами больше никто не интересуется: только внешним эффектом. А последний проще воспроизвести в иных материалах, без контакта с этой мокрой и остающейся, несмотря на все приложенные усилия, своенравной субстанцией.

Возвращение стихий

При всей популярности будущее фонтанов не безоблачно. Слишком много страстей вьется вокруг них, слишком много тенденций разрывают их феномен. Фонтаны мельчают смыслом, ибо декоративные тенденции, увы, сегодня относятся к числу ведущих. Да и типология архитектурно-технических объектов в наши дни давно перестала быть невинной и утратила благопристойную консервативность: всяк спешит изобрести собственный тип фонтанирующего устройства, дабы удивить праздную публику. Но есть и тренд в глубину, есть возвращение к феномену: ведь архетип неуничтожим, а образцов подлинных фонтанов сохранилось все еще немало.

Фонтану – фонтаново. Ни больше, ни меньше. Фонтаны и без того слишком разнообразны и противоречивы, чтобы размыывать их сообщество чем-то близким, похожим. А похоже на фонтан, по сути, все, что так или иначе связано с пересечением стихий.

Жители стран, в океанах которых обитают киты, знают и ценят внезапный выброс столпа воды из ее ровной глади. Это воистину прото-архитектурное зрелище. Оно придает одной из стихий новое измерение, и такое мгновенное приращение смыслов заораживает; его можно ожидать и от других стихий. Памятники, вырывающиеся из каменных пут в иорданской Петре, относятся к подобному опыту. Порывы воздуха и языки (протуберанцы) пламени не ушли в архитектуре дальше орнамента и декора, но, возможно, их черед впереди: ведь были же столбы света у А. Шпеера, образующие гигантский периптер. Все подобные опыты отсылают нас к началам архитектуры, ее истокам и инспирациям, среди которых польза, прочность и даже красота не занимают сколько-либо привилегированных мест. Начала – не в прошлом: они здесь и теперь, вечно актуальны в циклах длящегося формообразования, которое всякий раз норовит обернуться циклом возвращения забытого, уже не раз бывшего. Так и работает фонтан, этот синтезатор форм, гоня по кругу субстанции воображения.

Литература

1. Уилкс, А. Дж. Вода и архитектура // Архитектура и антропософия / Сост. и отв. ред. А. П. Соколова. – Москва : Изд-во КМК, 2001. – С. 201–206
2. Башляр, Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 22(68) с.
3. Башляр, Г. Психологический анализ огня / Пер. с фр. Н. В. Кислова. – Москва : Прогресс, 1993. – 176 с.
4. Фрейденоберг, О. М. Миф и литература древности. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.
5. Иллич, И. H₂O и воды забвения // Индекс/Досье на цензуру. – 2000. – № 12. – URL: <http://index.org.ru/journal/12/illich.html>
6. Рэнд, А. Источник. – Москва : Альпина Паблишерз, 2018. – 800 с.
7. Моррис, У. Источник на Краю Мира (роман) // Моррис У. Лес за Гранью Мира: Сборник. – Москва : ЭКСМО, 2015. – С. 257–807
8. Капустин, П. Ар-деко: поэтика отравы // Проект Байкал. – № 62. – 2019. – С. 138–147
9. Капустин, П. Ар-деко: терпкие плоды забытого сада // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 142–148
10. Багина, Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – № 62. – 2019. – С. 120–125
11. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – Москва : Правда, 1981. – 560 с.

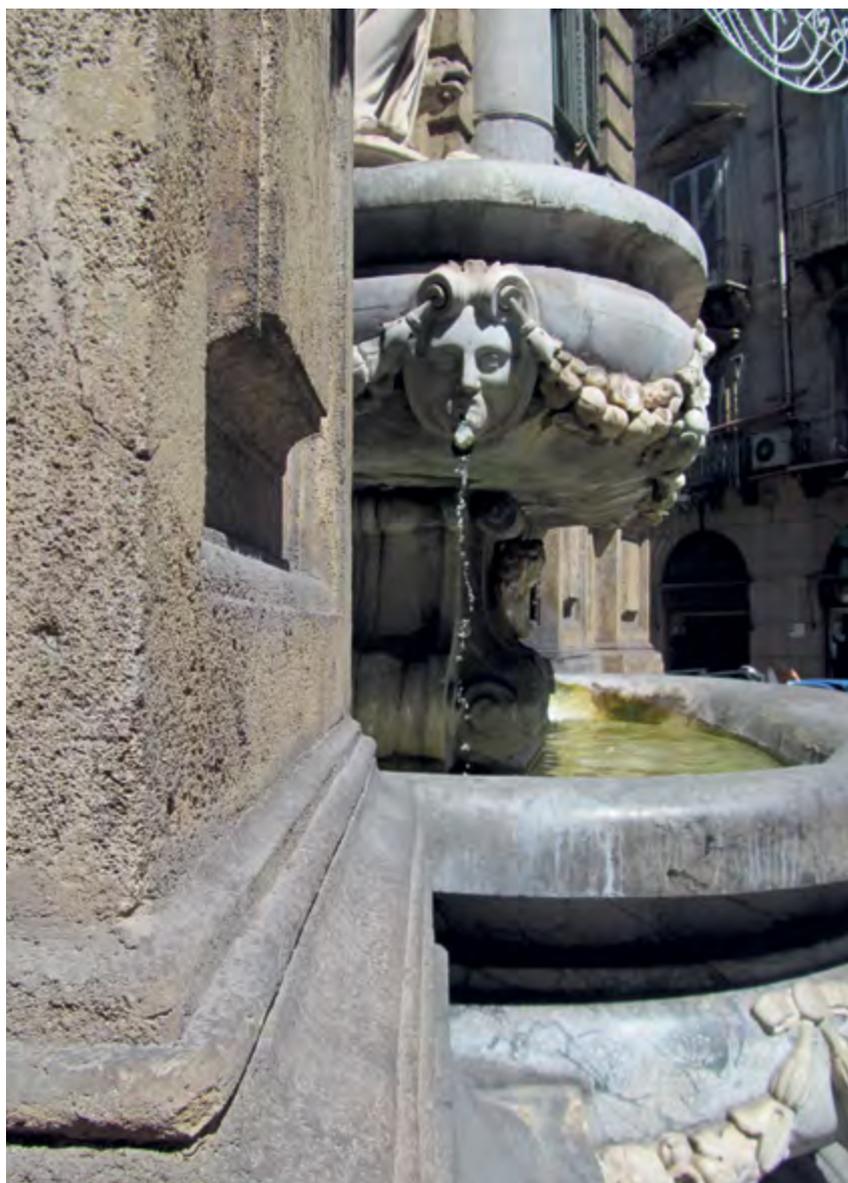
References

- Bachelard, G. (1993). *Psychoanalysis of fire* [Psychoanalysis of fire] (N. V. Kislov, Trans.). Moscow: Progress.
- Bachelard, G. (1998). *Voda i grezy. Opyt o boobrazhenii materii* [Water and dreams. An essay on the imagination of matter] (B. M. Skuratov, Trans.). Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury.
- Bagina, E. (2019). Art Deco: the Western Hedonism and the Soviet Romance. *Project Baikal*, 16(62), 120-125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Freidenberg 4. Фрейденоберг, О. М. Миф и литература древности. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.
- Illich, I. (2000). H₂O i vody zabveniia [H₂O and the waters of forgetfulness]. *Index/ Dosit na tsenzuru*, 12. <http://index.org.ru/journal/12/illich.html>
- Kapustin, P. (2019). Art Deco. Poetics of Poison. *Project Baikal*, 16(62), 138-147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1561>
- Kapustin, P. (2020). Art Deco: Harsh Fruits of a Deserted Garden. *Project Baikal*, 17(63), 142-148. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1610>
- Morris, W. (2015). *Istochnik na krayu mira* [The well at the world's end]. In *Wood beyond the world* (pp. 257–807). Moscow: EKSMO.
- Rabelais, F. (1981). *Gargantua and Pantagruel*. Moscow: Pravda.
- Rand, A. (2018). *Istochnik* [The source]. Moscow: Alpina Publishers.
- Wilks, J. (2001). *Voda i arkhitektura* [Water and architecture]. In A. P. Sokolina (Ed.), *Arkhitektura i antroposofiya* (pp. 201-206). Moscow: Izd-vo KMK.

в Рис. 14. Палермо, Сицилия. Один из четырех фонтанов на Кваттро Канты

< Рис. 15. Анри Картье-Брессон. Фото

Колодец – кладезь – клад / A well – a wellspring – a jewel

текст

Елена Багина
Уральский федеральный
университет
им. Б. Н. Ельцина /

text

Elena Bagina
Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Ценнее пресной воды для человека нет ничего. Даже в городах, стоящих на воде, это ценность. История взаимоотношений человечества с пресной водой драматична. Из-за воды, пригодной для питья, воевали и воюют. Вскоре человечество может поделиться на тех, у кого воды еще много и тех, у кого она заканчивается или ее нет вообще.

Реки и озера, около которых возникали города и деревни, определяли характер поселений. Способы доставки пресной воды меняли ландшафты: без руин римских акведуков, напоминающих о былом величии Империи, трудно представить себе сегодняшнюю Европу и Северную Африку.

^ Рис. 1. Армянский колодец. Вид с ратушей. Каменец-Подольский. Архитектор Ян де Витте

> Рис. 2. Армянский колодец в Каменце-Подольском

Пресная вода в черте города рассматривается как важнейший стратегический ресурс для существования человечества. Религиозная, мифологическая и житейская символика воды раскрывается как необходимый элемент национальных духовных культур. Описываются архитектурные особенности колодцев как центров притяжения для горожан, мест встреч и магических ритуалов в разных регионах мира. Подчеркивается значение пресной питьевой воды как элемента городской инфраструктуры. **Ключевые слова:** вода; город; колодец, клад; архитектура колодцев; верования; символика колодца. /

Fresh water in the city is considered as the most important strategic resource for the existence of mankind. The article reveals religious, mythological and everyday symbols of water as a necessary element of national spiritual cultures. It also describes architectural peculiarities of wells as centers of attraction for citizens, meeting places and magic rituals in different regions of the world. The importance of fresh drinking water as an element of urban infrastructure is emphasized.

Keywords: water; city; well, treasure; architecture of wells; beliefs; well symbolism.

Вода на поверхности всегда была благом, вода под землей воспринималась как нечто мистическое, как дар богов, как клад. «Колодец – кладезь – клад» – смысловые поля этих слов частично совпадают. Кладезь – обильный, неисчерпаемый источник, сокровищница. Клад – нечто ценное, спрятанное где угодно – в земле, в стене, и владелец его неизвестен.

В фантастическом рассказе Роберта Шекли «Спецзаказ золотоискателя» действие происходит на Венере в далеком будущем. Главный герой, старатель Моррисон, мечтает найти золото, разбогатеть и выпить легендарный «особый старательский коктейль». Золотоискателя преследуют неудачи: ломается в пустыне вездеход, местные хищники следуют по пятам, еда и вода на исходе; вдобавок поступает сообщение, что он банкрот. А это означает, что ни еды, ни воды ему не доставят. Золотая жила найдена, но убедить службу доставки в своей платежеспособности удается с трудом. Моррисону телепортируют пищу, боеприпасы, оружие и тот самый «особый старательский коктейль» – обыкновенную воду.

«Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу. <...> Надо было еще заказать чашку или стакан», – подумал Моррисон, лежа на спине и лоя открытым ртом струю воды» [1]. Вода стоила столько же, сколько вся золотая жила, которую нашел Моррисон.

Представьте себе стандартную для современного города ситуацию. В кране нет воды – ни горячей, ни холодной. Объявление гласит, что воды не будет несколько дней: авария. Старшему поколению в таком случае сразу приходит в голову мысль: взять какие-нибудь емкости и отправиться на колонку за водой. Но колонок рядом с многоэтажными домами, как правило, нет, и колодцев нет, и питьевые фонтанчики отсутствуют. Есть другой выход – съездить в близлежащую деревню и набрать воды в колодце. Но потратишь часа три. А сколько привезешь?.. И еще вопрос: есть ли в деревнях сегодня общественные колодцы, и можно ли пить из них воду? Россияне, конечно, выход из положения всегда найдут...

В экстремальной ситуации особенно остро ощущается, что для комфортной жизни нужно очень много воды. Ограничивать себя мы пока не привыкли. Говорят, за 125 лет жители Москвы прошли путь в суточном потреблении

> Рис. 3. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Часовня над колодцем, вырытым Александром Свирским. Дер. Старая Слобода Лодейнопольского района Ленинградской области. 1791

воды от 10 до 600 литров на человека в сутки [2]. Историки утверждают, что и в императорском Риме потребление воды было сопоставимым: термы, фонтаны, бассейны, навмахии [16].

Водопроводы в Древнем Риме и его владениях начали строить примерно за 500 лет до н. э. К I веку н. э. в Вечном городе было 11 акведуков и бесчисленное количество колодцев. Ежедневно в Рим в I веке н. э. поступало 1,5 миллионов м³ воды, которая доставлялась в общественные колодцы, фонтаны и богатые дома. В Риме и сегодня множество фонтанов и около 2500 общественных колонок, которые называют Насони (большой нос). В них – чистая питьевая вода [3].

Арочная структура Колизея (80 г. н. э.) и римских акведуков похожи. Амфитеатр Флавиев можно представить себе как скрученный в кольцо акведук. Иногда, когда хотели устроить наумахию [16], арена Колизея заливалась водой, и тогда он превращался в подобие гигантского колодца.

Когда мы говорим «колодец», представляем, как правило, небольшое сооружение. Но в разных странах строились и огромные глубокие колодцы. Удивительно изящны индийские ступенчатые храмы-колодцы – баори, баоли, вав, украшенные резными изображениями божеств и животных. В некоторых из них устроены павильоны, где люди купаются и проводят различные ритуалы. В индийских ступенчатых колодцах в разное время года меняется уровень воды. Колодец в Чанд Баори (Абанери, штат Раджастан) – один из самых известных. Ширина резервуара в нем составляет 35 м, а глубина – 13 этажей. Ко дну ведут 3,5 тысячи ступеней. Пересекающиеся лестницы напоминают пространственные головоломки Маурица Эшера, где невозможное представляется возможным, а в Чанд Баори реальное кажется иллюзией. Нижние уровни этого храма-колодца были построены в IX веке. В XVIII веке пристроили новые уровни с павильонами и аркадами [4].

До сих пор эксплуатируется гигантский колодец Святого Патрика в Орвието, построенный архитектором Антонио да Сангалло-младшим. Строился колодец по велению папы Климента VII с 1527 по 1537 годы. Его глубина – 53 м, диаметр основания 13,4 м. К воде ведут

два независимых спиральных прохода. Пустые повозки могли спускаться по одной галерее, а наполненные водой подниматься по другой. Спиральные галереи освещаются солнечным светом через 70 арочных проемов. На колодце надпись: «QUOD NATURA MUNIMENTO INVIDERAT INDUSTRIA ADIECIT» (Что не дала природа, может быть создано руками человека). Этот шедевр охотно посещают туристы. Жители Орвието, как истинные католики, почитают писание, у колодца Святого Патрика назначают свидания. Это не случайно: ведь в Библии именно возле колодцев происходят все счастливые встречи, заключаются договоры, соглашения и союзы.

Колодец Святого Патрика, конечно, глубок, но далеко не самый глубокий из выкопанных вручную. Самый глубокий колодец находится в Англии. В городе Вудингдин в 1858 году решили возвести новое здание. Для постройки требовался источник воды, но прокладывать водопровод не стали. Из соображений экономии решили силами заключенных вырыть шахту глубиной 122 м и выложить ее стены кирпичом. Два года велись работы, глубина колодца достигла 134 м, а воды все не было. Тогда решили прокопать горизонтальные шахты в четырех направлениях. Но и это не дало результата. Стали углублять один из горизонтальных тоннелей. 16 марта 1862 года заметили, что земля на дне начинает медленно подниматься. Вода хлынула вверх. Строители спешно поднялись на поверхность. В результате четырехлетних усилий колодец в Вудингдине достиг рекордных 392 м в глубину. Однако даже относительно неглубокие колодцы, уходящие под землю на 20–30 м, рождали у людей мысли, что, спустившись в шахту, можно при жизни попасть в иной мир.

Аменти, Диуй, Дуат, Ел, царство Аида с бездонной пропастью Тартаром – названия звучат по-разному, но смысл один – подземный мир, царство мертвых. Представляли, что там есть горы, долины, реки... Верили, что воды подземного мира обладают волшебными свойствами. Вода там может быть «живой» и «мертвой», может лишить памяти... Верили, что живым посещать подземный мир нельзя и даже заглядывать туда опасно. Но запретный плод сладок. Легенды и мифы о таинственных вратах иного мира и возможности проникнуть туда есть в разных

> Рис. 4. Венецианский колодец

v > Рис. 5–8.
Венецианский колодец

культурах. Глубокие рукотворные колодцы всегда воспринимались порталами, связывающими разные миры, а потому они мыслились и предельно опасными, и целебными. Языческие магические обряды и ритуалы, связанные с колодцами, очень распространены. Христианская церковь всегда с ними боролась. Но нередко на рассвете в определенные дни у колодцев можно и сегодня встретить девиц, которые пытаются в темной глубине увидеть суженого. Иногда безутешные родственники умершего вглядываются в темное зеркало колодезной воды, надеясь увидеть его смутную тень [7]. Немцы говорят: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Wer mit Ungeheuern k mpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird). Верили, что из бездны в дольний мир могут прийти через колодец незванные гости.

Копание колодца всегда было важным событием. Специальные обряды должны были обеспечить чистоту источника и защиту его от темных сил. В славянской культуре после принятия христианства копка колодца непременно происходила в присутствии священника, читающего особые молитвы. Этнограф-славянист А. А. Тюняев утверждает, что на Руси существовала традиция постройки в деревнях не одного, а сразу двух общественных колодцев. Один располагался в центре селения – для людей, другой за околицей – для «хозяев леса».

Воду всегда брали в колодце, расположенном в центре селения. Колодцем за околицей пользовались только в крайнем случае. Верили, что с колодезной водой можно разговаривать и видеть в ней грядущее [8].

Рядом с деревянными домами и колодцы были деревянными. Для колодезного сруба использовали древесину мореного дуба, лиственницы, кедра, осины, сосны. Срок службы колодезных срубов недолог. Пока люди следят за колодцем – он живет. Деревянные колодцы умирают вместе с деревьями. Во время войны противники стараются лишить друг друга источников воды. Поэтому колодцы часто делали под башнями крепостей.

Не случайно во многих культурах колодец символизирует женское начало. Поэтому традиционно охраняют источники чистой воды божества женского рода. В православии колодцам покровительствуют Параскева Пятница и сама Богородица. Часто колодезная вода признается целебной, и тогда над колодцем ставят часовню. Формы таких часовен разнообразны. Деревянные, каменные, маленькие, большие, барочные, классические...

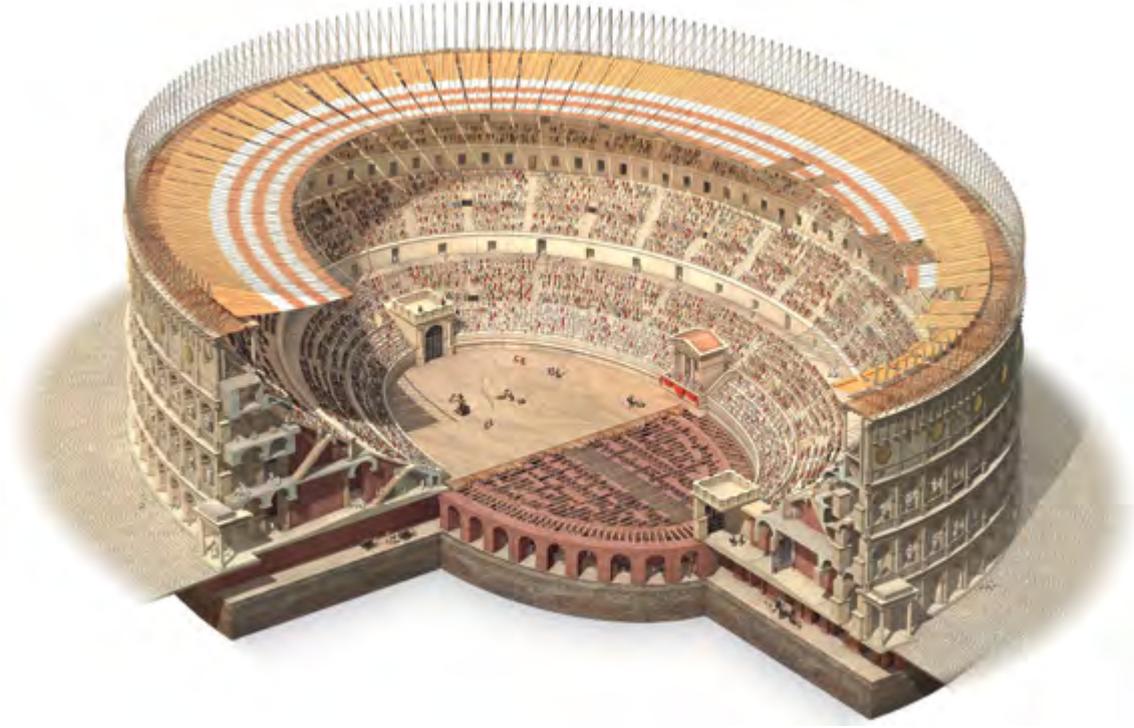
Чаще всего часовни над колодцами небольшие. Но иногда это грандиозные сооружения. Например, на площади Польский рынок в украинском городе Каменец-Подольский, кроме городской ратуши, есть и еще одна уникальная достопримечательность – Армянский колодец. Часовня над колодцем представляет собой восьмиугольную в плане башню, в которой находится прорубленная в сплошной скале шахта диаметром 5 и глубиной свыше 30 м. Высота здания над колодцем – 14 м. Башня-часовня построена над колодцем по проекту инженера и архитектора Яна де Витте, когда он был комендантом польской крепости в Каменце-Подольском с 1768 по 1785 год. Ян де Витте знаменит как автор Доминиканского костела во Львове (1749). Его внук Иван Осипович де Витте – генерал от кавалерии, герой войны 1812 года. Его портрет кисти Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге. Армянский колодец еще называют «памятником коррупции»: богатый армянский купец Нарзес в XVII в. выделил деньги на строительство городского водопровода, но средства исчезли. В наказание по приказу короля армянской общине Каменца-Подольского (1200 семей) пришлось

< ^ Рис. 10-11. Колодец в Чанд Бари. Индия. IX–XV вв.

< Рис. 9. Колодец Святого Патрика в Орвието. Архитектор Антонио да Сангалло-мл. 1527–1537

> Рис. 12. Структура Колизея. Рим

вкладчину строить колодец в центре города. Прорубали шахту в цельной скале. К сожалению, воды в этом колодце оказалось очень мало (300 ведер в день), и вкус у нее был солоноватый. Пить воду «с привкусом коррупции», как шутят в Каменце-Подольском, не стали. Ее использовали для других нужд. Башня над колодцем, построенная Яном де Витте, была сильно разрушена во время Второй мировой войны. Барочная ратуша без нее бы осиротела, и Армянский колодец в послевоенные годы восстановили [9].

Славится своими колодцами и Венеция. Их можно встретить во многих дворах и на площадях. В «городе на воде» воды всегда не хватало. Когда Венецию затапливало, то питьевая вода приравнивалась по стоимости к золоту; ее привозили с материка. Венецианские колодцы представляли собою цистерны с системой фильтров, куда собирали дождевую воду. Для надземной части венецианских колодцев иногда служили базы и капители античных колонн из разрушенных языческих храмов. Капители, базы и стволы колонн из античных храмов в Венецианскую республику привозили отовсюду. Поэтому во многих венецианских храмах рядом стоящие колонны отличаются друг от друга, но это обстоятельство никого не смущает. Даже квадрига на базилике Сан Марко украшала некогда константинопольский ипподром и была вывезена в Венецию в 1204 году в ходе Четвертого крестового похода дожем Энрико Дандоло. Ныне венецианские колодцы частично засыпаны; воду из сохранившихся уже давно никто не пьет, а когда пили – разбавляли для дезинфекции вином. Старые колодцы украшают венецианские площади и дворы палаццо. Они по-прежнему – центры притяжения, эти маленькие жемчужинки архитектуры ушедших эпох [10].

В поэзии образ и символика колодца присутствует у многих поэтов.

*Утверждают, что время – глубокий колодец свободы,
Что в глубоких колодцах вода холодна и черна.
Пусть пронесутся годы и плещут подземные воды,
Я бадью опускаю до самого черного дна [11].*

Привычной стала и метафора А. Блока и В Ходасевича «двор-колодец»:

*Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора [12].
Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтоб бросить его в дурака [13].*

Впоследствии метафору двор-колодец только ленивый не использовал, когда речь шла о Петербурге XIX века (да и не только о Петербурге). В современной застройке мы вновь видим дворы-колодцы: земля дорога, застройщики жадны, а об инсоляции и аэрации, столь дорогих сердцу модернистов, стараются забыть.

Города еще совсем недавно укоренились в земле глубокими колодцами с питьевой водой. Старый город можно представить себе как крону дерева, а колодцы как корни. Сегодня подземная система водопровода и канализации напоминает грибницу. На этой грибнице уже не вырастают часовни и павильоны. На поверхность выходят смотровые люки. Канализационные колодцы, прикрытые металлическими люками, еще 100 лет назад были новшеством. Возникло поверье, что наступать на люки нельзя – будет несчастье. Случалось, наступали на канализационные люки – и проваливались в колодец. Есть и мистическое объяснение запрета: вода, что течет в канализационных трубах, мертвая, испорченная, и ее негативная энергетика способна причинить вред [14]. Но живая ли вода течет в водопроводных трубах? Здоров ли город, и возможно ли вообще говорить о здоровом городе, если система водопровода несовершенна [15]?

Сегодня из большинства старых городских колодцев уже не берут питьевую воду. Но сохраняются часовни и богато оформленные наверху. Иногда в проектах реконструкции исторических центров архитекторы интуитивно планируют расположение фонтанов на тех же местах, где когда-то находились общественные колодцы. Так случилось в Иркутске. Некогда рядом с Иерусалимской лестницей был общественный колодец. Женщины приходили туда за водой, обсуждали городские новости, хвастались обновками... На том же месте архитекторы запланировали фонтан. Есть надежда, что, когда его построят, он станет центром притяжения. Может быть,

< Рис. 13. Схема колодца в Вудингдине (Англия)

и форма фонтана будет чем-то напоминать о старом колодце. Возможно, будет и питьевой фонтанчик, если вода будет пригодна для питья. В общем, есть о чем подумать и скульпторам, и архитекторам, и санитарным врачам.

Литература

1. Роберт Шекли. Спецзаказ золотоискателя. – URL: <http://www.nesenenko.narod.ru/SHEKLY/SHEKLY17.html> (дата обращения: 10.10.2021)
2. Расчет потребления воды в частном доме. – URL: <https://stroyvolga.ru/> (дата обращения: 10.10.2021)
3. Водоснабжение в древнем Риме. – URL: <https://62info.ru/history/node/15250> (дата обращения: 10.10.2021)
4. Чанд Баори – самый красивый и самый огромный колодец в мире. – URL: <https://putidorogi-nn.ru/aziya/61-chand-baori> (дата обращения: 12.10.2021)
5. Колодец Святого Патрика. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.10.2021)
6. Самый глубокий колодец в мире, вырытый вручную: Вудингдин. – URL: <http://n4a.ru/samiy-glubokiy-kolodec/> (дата обращения: 17.10.2021)
7. Голубева, Е. В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. – 2009. – № 10 (октябрь). – С. 222–225
8. Колодец. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения: 13.10.2021)
9. Армянский колодец. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.10.2021)
10. Saga o venetsianskikh kolodtsakh. – URL: <https://mccuntz.livejournal.com/88186.html> (дата обращения: 19.10.2021)
11. Павел Антокольский. Колодец : Русские стихи. – URL: <https://libverse.ru/antokolskij/kolodec.html> (дата обращения: 16.10.2021)
12. Александр Блок. Окна во двор. – URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/stihi/gorod/038.htm> (дата обращения: 20.10.2021)
13. Владислав Ходасевич. Окна во двор. – URL: <https://www.culture.ru/poems/23323/okna-vo-dvor> (дата обращения: 20.10.2021)
14. Почему нельзя наступать на люки: главные советские суеверия. – URL: <https://news.rambler.ru/other/37590359> (дата обращения: 20.10.2021)
15. Капустин, П. «Здоровый город» и живое место // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 90–95
16. Навмахия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.10.2021)

References

- Antokolsky, P. (1976). Kolodets [A well]. Library of Russian verse. Retrieved October 16, 2021, from <https://libverse.ru/antokolskij/kolodec.html>
- Arмянский kolodets [Armenian well] (2021, July 14). In Wikipedia. Retrieved October 20, 2021, from <https://ru.wikipedia.org/wiki>
- Blok, A. (1906, October). Okna vo dvor [Windows facing the yard]. Retrieved October 20, 2021, from <http://blok.lit-info.ru/blok/stihi/gorod/038.htm>
- Chand Baori - samyi krasivyi i samyi ogromnyi kolodets v mire [Chand Baori, the most beautiful and the biggest well in the world] (n.d.). Puti-dorogi. Retrieved October 12, 2021, from <https://putidorogi-nn.ru/aziya/61-chand-baori>
- Golubeva, E. V. (2009, October). Kolodtsy kak sakralnyi prostanstvennyi lokus [Wells as a sacral spatial locus], 10, 222–225.
- Kapustin, P. (2019). A “Healthy City” and a Living Place. Project Baikal, 16(60), 90–95. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1479>
- Khodasevich, V. Okna vo dvor [Windows facing the yard] (n.d.). Cultura.RF. Retrieved October 20, 2021, from <https://www.culture.ru/poems/23323/okna-vo-dvor>
- Kolodets [Well] (n.d.). Symbolarium. Retrieved October 13, 2021, from <http://www.symbolarium.ru/index.php/>
- Kolodets Svyatogo Patrika [St. Patrick’s Well] (2019, August 5). In Wikipedia. Retrieved October 10, 2021, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Naumachia (2021, March 13). In Wikipedia. Retrieved October 22, 2021, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Pochemu nelzya nastupat na lyuki: glavnye sovetskie sueveriya [Why one shouldn’t tread on manhole covers: Main Soviet superstitions] (2017, August 8). Rambler. Retrieved October 20, 2021, from <https://news.rambler.ru/other/37590359>
- Raschet potrebleniya vody v chastnom dome [Water use calculation for a detached house] (n.d.). Volga Construction Company. Retrieved October 10, 2021, from <https://stroyvolga.ru/>
- Saga o venetsianskikh kolodtsakh, chast 2-ya [Saga about Venetian wells, part 2] (2009, March 13). Livejournal. Retrieved October 19, 2021, from <https://mccuntz.livejournal.com/88186.html>
- Samiy glubokii kolodets v mire, vyrytyi vruchnuyu: Woodingdean [The deepest well in the world excavated by hand: Woodingdean] (n.d.). N4a. Retrieved October 17, 2021, from <http://n4a.ru/samiy-glubokiy-kolodec/>
- Sheckley, R. (1959). Prospectors Special (A. Iordansky, Trans.). Retrieved October 10, 2021, from <http://www.nesenenko.narod.ru/SHEKLY/SHEKLY17.html>
- Vodospobzhenie v drevnem Rime [Water supply in Ancient Rome] (2015, May 28). Retrieved October 10, 2021, from <https://62info.ru/history/node/15250>

КРТ – панацея или нерегламентируемое уплотнение города / A panacea or unregulated density of the city?

текст

Ирина Кукина

Сибирский федеральный университет

Иван Ряпосов

Сибирский федеральный университет

Клавдия Камалова

Сибирский федеральный университет

Яна Чуй

Сибирский федеральный университет /

text

Irina Kukina

Siberian Federal University

Ivan Ryaposov

Siberian Federal University

Klavdia Kamalova

Siberian Federal University

Yana Chui

Siberian Federal University

Исследование выполнено при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта КФ-775 «Тенденции развития планировочной структуры Красноярск» /

Acknowledgements:

The research was supported by the Krasnoyarsk Regional Fund of Science within the project KF-775 "Development trends of the planning structure of Krasnoyarsk"

На примере Красноярска исследуются возможности определения территорий комплексного развития (КРТ), возможные направления их развития с позиции современного представления о реновации среды города. Для оценки функционирования жилых районов, подлежащих реконструкции, применен метод урбморфологии, геоинформационный комплекс QGIS на основе открытых данных. Проанализированы и предложены некоторые территориальные параметры для определения КРТ в соответствии с представлениями о современном комфорте среды жизнедеятельности человека на примере двух районов города.

Ключевые слова: Красноярск; реновация; комплексное развитие территории; геоинформационные технологии; комфорт городской среды. /

Drawing on the case of Krasnoyarsk, the authors study the possibilities of defining the territories of integrated development (ITD), as well as possible directions of their development from the standpoint of the modern understanding of the renovation of the city environment. To assess the functioning of residential areas to be reconstructed, the method of urban morphology and the QGIS geoinformation complex based on open data were used. Some territorial parameters are analyzed and proposed for determining the ITD, in accordance with the present ideas about the modern comfort of the living environment, using the example of two city districts.

Keywords: Krasnoyarsk; renovation; integrated territorial development; geoinformation technologies; comfort parameters of the city environment.

Конец XX – начало XXI века в градостроительной деятельности ознаменовались постепенным переходом от крупномасштабного нового строительства к реконструкции, реновации существующих населенных мест, эффективно-сти использования территорий. В последние годы принят ряд национальных программ, стимулирующих совершенствование городской среды, повышения комфорта проживания. Реновация городской среды – многосложный процесс, активно начавшийся в Москве и приведший к нескольким этапам принятия и редактирования законов Российской Федерации. Например, Земельный Кодекс, вступивший в силу 25 октября 2001 г., а затем и поправки к нему привели к массовому выходу компаний из программы реновации столицы, по сути, из-за обязательности определения границ реконструируемой территории и ответственности за нее.

Постепенно стало понятно, что реконструкция городов есть процесс их развития, который не всегда означает наращивание объемов, а, скорее, сохранение и адаптацию городской ткани. Остро стоят проблемы интеграции в структуру города монографических в прошлом конверсионных предприятий, окраинных поясов, новых, как правило, высокоплотных архитектурных групп, замещающих ареалы ветхой жилой застройки. В Градостроительный кодекс Российской Федерации вводятся статьи главы «Комплексное развитие территории» в качестве главного инструмента обеспечения «сбалансированного и устойчивого развития поселений, городских округов путем повышения качества городской среды» (ч. 1 ст. 64). Фактически предлагается распространение практики реновации, применяемой ранее в Москве, на все субъекты Федерации. Вводимое Федеральным законом № 494-ФЗ понятие «комплексное развитие территорий», утратив определение «устойчивое», объединяет разрозненные понятия «развитие застроенных территорий», «комплексное развитие» и «комплексное освоение территории» из предыдущих редакций Градостроительного кодекса в единый вид градостроительной деятельности.

Перемещение акцента с архитектурно-градостроительной деятельности на креативное преобразование городского пространства поддерживается фундаментальными исследованиями теории градостроительства

и прикладными разработками в области анализа и территориального моделирования реального функционирования населенных мест, а также морфологическими исследованиями.

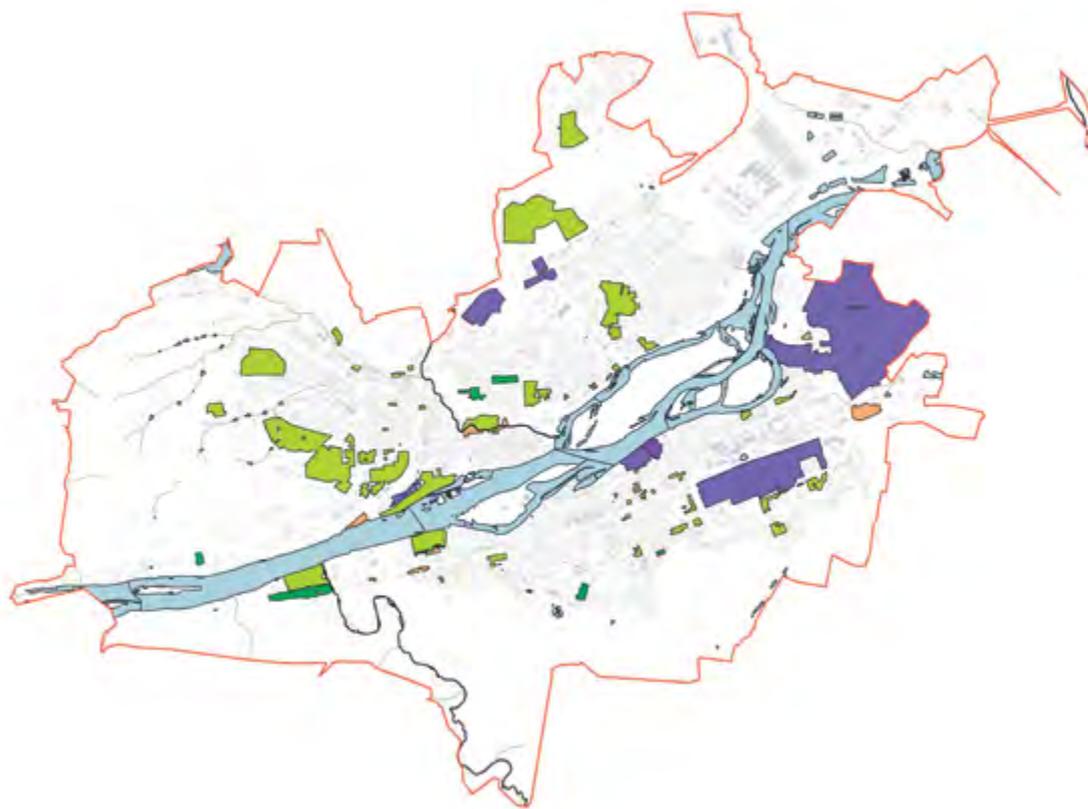
Методика исследования территорий для целей комплексного развития

Сложнейшие цели реконструкции, реновации существующих населенных мест, повышения эффективности и рациональности использования территорий, совершенствования городской среды невозможны без изучения нормативно-правовой базы страны. Особая роль отдается профессиональной критике, обоснованию прогрессивных аспектов, дискуссиям о взаимно не увязанных положениях и определениях, затрудняющих архитектурно-градостроительную креативную деятельность.

Функционально-планировочный анализ территории города, основанный на методике урбо-морфологических исследований дает основание для выявления участков, комплексного развития территорий города и уточнения критериев для определения зон КРТ. Метод урбо-морфологии включает изучение плотностных характеристик: застройки, улично-дорожной сети, функций территории; изменение форм застройки и ее периодизации, архитектурной типологии; форм землепользования и землеустройства. Для анализа планировочной структуры Красноярск использовались: программный геоинформационный комплекс QGIS на основе открытых данных некоммерческого картографического проекта Openstreetmap; материалов градостроительной документации, размещенной на официальном сайте администрации г. Красноярск и портале ФГИС ТП; данных информационного ресурса 2ГИС и АИС «Реформа ЖКХ», а также разработок, представленных АО ТГИ «Красноярскгражданпроект».

Инструментарий комплексного развития территорий

Следует отметить, что в профессиональном сообществе нет единодушного согласия с Градостроительным кодексом в трактовке статей Гл. 10. Комплексное развитие территорий [1]. Острой критике подвергаются, казалось бы, прогрессивные положения о возможности включать в проекты комплексного развития территорий участки городской застройки, не имеющие объектов, признанных

< Рис. 1. Фрагмент карты градостроительного зонирования территории г. Красноярск (Источник: ПЗиЗ г. Красноярск. – URL: <http://www.admkrsk.ru/citytoday/building/Pages/pzz.aspx>):

- ▬ – границы городского округа г. Красноярск;
- ▬ – застройка;
- ▬ – комплексное устойчивое развитие территории (КУРТ-1);
- ▬ – комплексное устойчивое развитие территории (КУРТ-2);
- ▬ – комплексное устойчивое развитие территории (КУРТ-3);
- ▬ – комплексное устойчивое развитие территории (КУРТ-4);
- ▬ – комплексное устойчивое развитие территории (КУРТ-5).

в установленном порядке аварийными. Этим предлагается определить «кучастики городской застройки» (территории) для целей реновации, но критерием при этом остается отсутствие «аварийных объектов» на них. Критерии территориального качества не определены. Право утверждения конкретных критериев отдается субъектам Федерации. Они характеризуют исключительно состояние многоквартирных домов. Как известно, существующая система межевания усугубляет проблему еще и тем, что физическое состояние соседних жилых домов, оказавшихся в разных условиях содержания в ходе эксплуатации, часто несопоставимо. Учитывая тот факт, что территории, определяемые для комплексного развития, размежевывались зачастую уже после строительства, они содержат еще и неразмежеванные участки. Они, как правило, используются гражданами города спонтанно и не подпадают под какие-либо регламенты содержания и ответственности.

Закон Красноярского края «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий в Красноярском крае» № 11–5320 от 08.07.2021 устанавливает, что комплексное развитие территорий может осуществляться в отношении многоквартирных домов, не относящихся к аварийным и подлежащим сносу, которые соответствуют одному или нескольким критериям:

- физический износ конструктивных элементов превышает 60% (для домов выше пяти этажей – 70%);
- совокупная стоимость капитального ремонта превышает 14 тыс. руб. на один м² общей площади;
- дома построены в период индустриального домостроения с 1930 по 1975 годы по типовым проектам с использованием типовых элементов стен и (или) перекрытий;
- в доме отсутствует одна или несколько инженерных систем: холодного водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения;
- дома находятся в ограниченно работоспособном техническом состоянии, признанным таковым в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти.

В границы зон комплексного развития территорий могут включаться и прочие объекты, если они располагаются в границах элемента планировочной структуры, который не менее чем на 50% занят земельными участками объектов, подходящих под критерии комплексного развития. Учитывая размытость определения типа элементов планировочной структуры и неопределенность принципов определения их границ, для целей комплексного развития территорий могут подходить обширные фрагменты застройки города Красноярск. На самом деле реновация городов в широком смысле затрагивает куда больше территорий очень разного функционирования, соответственно отнесенных (относимых) к разным зонам в генеральном плане, чем просто «оконтуривание» территорий, содержащих большой процент аварийных сооружений. Данное противоречие вытекает из объектно-ориентированных, но не территориально-ориентированных критериев определения границ комплексного развития территорий. Более точные методы определения границ неоднородности качеств территорий разработаны в рамках морфологических исследований и могут быть использованы для установления более обоснованных границ КРТ.

Возможность игнорировать решения, принятые ранее в документах территориального планирования и градостроительного зонирования. Фактически в приоритет по отношению к генеральному плану и правилам землепользования и застройки ставится документация по планировке территории развития. Часть 10.2 Ст. 45 Градостроительного кодекса РФ напрямую разрешает утверждение документации по планировке территории в целях реализации решения о комплексном развитии территории до утверждения соответствующих изменений в генеральный план и правила землепользования. При этом приведение документов территориального планирования и градостроительного зонирования в соответствие с утвержденной документацией по планировке территории развития вменяется в обязанность администрации муниципального образования в срок не позднее 90 дней. Законом также предусмотрена возможность одновременного рассмотрения на публичных слушаниях проекта планировки территории

> Рис. 2. Элементы планировочной структуры г. Красноярска, включающие многоквартирные дома, признанные в установленном порядке аварийными и подлежащими сносу.
Схема И. А. Ряпосова. 2021

в Рис. 3. Район Покровский с выделенными кварталами аварийной застройки.
Схема И. А. Ряпосова, 2021: ■ – границы района;

□ – земельные участки; ■ – застройка; ■ – дома, признанные аварийными; □ – границы возможных зон КРТ.

Процент аварийных домов от общей площади застройки: 0–8%; 9–15%; 16–27%; 28–42%; 43–50%; 51–63%; 63–70%

комплексного развития и возникшего в связи с ним проекта изменений в генеральном плане.

Для территорий, подлежащих комплексному развитию, устанавливаются собственные виды разрешенного использования земельных участков и предельные параметры строительства, которые, согласно п. 5 ч. 1 ст. Градостроительного кодекса, могут не соответствовать основным видам разрешенного использования земельных участков и (или) предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции. Таким образом, отменяется иерархия градостроительной документации и открываются неограниченные возможности по уплотнению реконструируемых территорий без учета лимитов развития муниципальной инфраструктуры: системы объектов социальных гарантий; улично-дорожной сети

и объектов рекреации, традиционно регулируемых документами территориального планирования и градостроительного зонирования [2]. Более того, как показало исследование структуры Красноярска, при дроблении территорий КРТ на участки застройки пообъектно часто «теряются» полностью или сокращаются территории детский садов, школ, малые рекреационные объекты.

Параметры сопредельных территорий в данном случае вообще не подлежат рассмотрению. Именно поэтому Красноярск, как и многие другие города России, становятся все более лоскутно-контрастными.

Критике также подвергаются слабая градостроительная обоснованность проектов КРТ и нарушение имущественных и жилищных прав граждан. Так, принудительное изъятие недвижимости, оправданное по отношению к аварийным домам ввиду опасности проживания в них, в отношении прочих объектов собственности не соответствует принципам охраны имущественных и жилищных прав граждан. Подчеркивается невозможность согласовать максимальный объем застройки и минимальные возможности различных видов инфраструктуры по обслуживанию этой застройки, традиционно взаимно увязываемые на уровне документов территориального планирования муниципального образования в границах отдельных элементов планировочной структуры, в пределах которых осуществляется комплексное развитие территорий.

Возможные направления комплексного развития территорий города

При всей сложности назначения территорий реновации Красноярска и их очередности, на действующей карте градостроительного зонирования территории города выделены территории комплексного устойчивого развития (КУРТ) разного функционального содержания по основным доминирующим функциям: преимущественно жилые, различных типов и периодов застройки; конверсионные промышленные; бывшие коммунально-складские. Карта утверждена до внесения изменений в Градостроительный Кодекс РФ, отмены статей «комплексного устойчивого развития территорий» и введения КРТ (рис. 1).

г. Красноярск, ул. Герцина, д. 40

г. Красноярск, ул. Герцина, д. 38

г. Красноярск, ул. Герцина, д. 36

г. Красноярск, ул. Березина, д. 114

< Рис. 4. Внешний вид многоквартирных домов, признанных аварийными. Фото М. В. Савельева. 2021

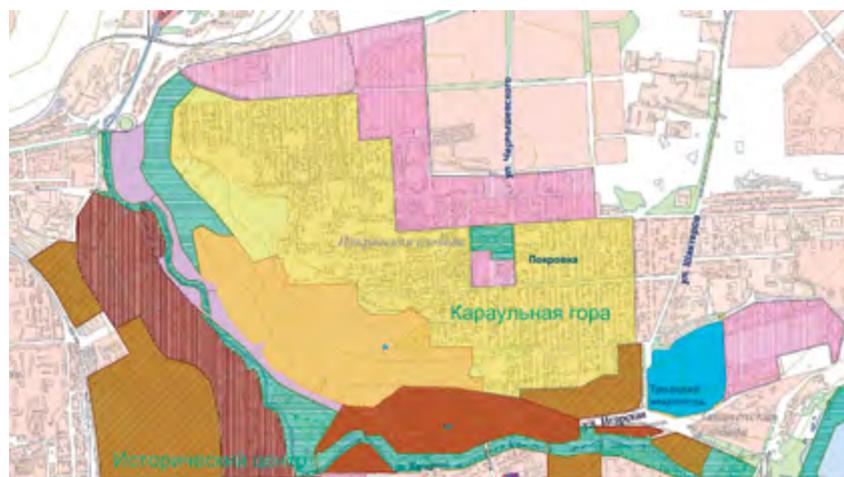
Сопоставление морфологического анализа структуры Красноярска и действующих градостроительных документов позволило сделать вывод о том, что контуры территорий для первоочередной реконструкции в городе близки, но не совпадают при условии учета параметров комфорта проектируемой среды, современных представлений о ее гуманности, социальной ориентации, доступности, соблюдения параметров мобильности и других, определяемых в Национальных программах РФ. В рамках исследования морфологической структуры Красноярска в качестве перспективных территорий для комплексного развития выявлены: жилые ареалы ветхой застройки; жилые структурные планировочные элементы массового домостроения двух периодов строительства с характерными планировочными рисунками (1960–1980 гг. – с медианными значениями этажности – 4 этажа; населения – 4763 чел.; плотности населения – 219 чел./га; 1980–1990 – с медианными значениями этажности – 7 этажей; населения – 6370 чел.; плотности населения – 316 чел./га); фрагменты бывших окраинных поясов, для которых характерны запутанные границы земельных и землепользования, сложная дорожная сеть, плохо связанная с окружающими территориями; фрагменты естественного ландшафта; открытые конверсионные предприятия и территории; особенные ландшафтные приемы тактического урбанизма на открытых пространствах города ввиду их массовости. Жилые структурные планировочные элементы массового домостроения 1990–2010 гг. – с медианными значениями этажности – 10 этажей; населения – 8658 чел.; плотности населения – 489 чел./га; 2010–2020 – с медианными значениями этажности – 13 этажей; населения – 10012; плотности населения – 512 чел./га можно расценивать как некую модель эффективности использования территории, в том числе фрагментарно и для комплексного развития территорий. В рамках исследования не рассматривались действующие крупные предприятия.

Очевидно, что в первую очередь в проекты комплексного развития территорий целесообразно включать жилые дома, признанные аварийными и несущими угрозу жизни и здоровью граждан в случае дальнейшей эксплуатации, а также территории ветхой застройки [3].

В Красноярске к таким объектам относятся деревянные многоквартирные дома барачного типа и некоторые кирпичные дома довоенного периода, выполненные из низкокачественных материалов, в большинстве с использованием деревянных межэтажных перекрытий (рис. 2).

В качестве примера можно рассмотреть территорию в жилом районе Покровский, занимаемую кварталами деревянной многоквартирной застройки, включенной в перечень аварийных объектов, подлежащих сносу (рис. 3).

Район делится на два заметно отличающихся по типологии застройки фрагмента. Большая часть территории занята кварталами индивидуальной застройки, сформированными преимущественно в 1950-х гг. в рамках плана, разработанного архитектором В. А. Климушиным. В северо-восточной части района с 2010-х гг. формируется группа микрорайонов высокоплотной многоэтажной застройки. Кварталы, соответствующие критериям комплексного развития, заняты многоквартирными домами, построенными в ранний советский период как жилища для рабочих располагавшегося поблизости аэродрома (рис. 4).

в Рис. 5. Фрагмент Проекта зон охраны объектов культурного наследия г. Красноярска. Зоны с особыми условиями использования: – охранный зона ОКН; – зона регулирования застройки Р-1 (до 6 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-2 (до 10 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-11 (до 12 метров в высоту, усадебная); – зона регулирования застройки Р-3 (до 11 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-4 (до 15 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-5 (до 20 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-6 (до 25 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-7 (до 30 метров в высоту); – зона регулирования застройки Р-8 (подземной урбанистики); – зона охраняемого природного ландшафта Л-1; – зона охраняемого архитектурно-природного ландшафта Л-2; – зона регулирования застройки Р-12 (до 10 метров в высоту); – зона регулирования застройки культурных сооружений Р-13; – территории памятников, предлагаемых к внесению в Реестр ОКН. – URL: <https://oookn.ru/news/3043/>

> Рис. 7. Схема улично-дорожной сети.

Схема И. А. Ряпосова.

2021:

- – границы района;
  - – земельные участки;
  - – застройка;
  - – границы возможных зон КРТ;
- Улицы:
- общегородские;
  - районные;
  - жилые (основные);
  - жилые (второстепенные)

Значительное влияние на развитие района оказывает часовня Параскевы Пятницы на вершине Караульной горы – объект культурного наследия федерального значения. Согласно Проекту зон охраны города Красноярска, почти вся территория индивидуальной застройки попадает в зону регулирования с ограничением высоты до 12–15 м. Данное ограничение сдерживает дальнейшее разрастание многоэтажной застройки в юго-западном направлении (рис. 5).

Развитие территории кварталов, занятых аварийными домами, возможно с сохранением существующей типологии – малоэтажной многоквартирной застройки, но уже в новых архитектурных решениях. Если рассматривать перспективу реконструкции этих кварталов изолированно, такой вариант выглядит вполне уместным и реализуемым, поскольку позволит сохранить масштаб застройки и историческую панораму Караульной горы и в то же время получить необходимый экономический эффект за счет уплотнения и повышения этажности с двух до 3–4 этажей, соответствующий установленному режиму охранной зоны.

Но чтобы добиться действительно комплексного развития, необходимо учитывать перспективы развития всего района и вероятный эффект интеграции новой архитектуры, находящейся в буферной зоне от индиви-

дуальной до многоэтажной жилой застройки. Несмотря на наличие ограничений по высотности, в будущем можно рассматривать варианты уплотнения района индивидуальной застройки при сохранении общей планировочной структуры и предельной этажности (до 3-х этажей) внедрением более компактных блокированных типов жилища, что также является необходимым условием для решения вопроса инженерного обеспечения, особенно остро стоящего в условиях борьбы с загрязнением воздуха печным отоплением. Рост населения района приведет к росту потребности в социальной инфраструктуре, которой даже в текущих характеристиках плотности оказывается недостаточно (рис. 6).

В таком случае кварталы аварийной застройки могут стать территориальным ресурсом для развития социальной инфраструктуры, необходимой для сбалансированного развития всего района, поскольку простейший расчет настоящей обеспеченности и доступности школ, детских садов, медицинского обслуживания, мест приложения труда и т. д. показывает деловую и социальную стагнацию территории района. При этом в восточной части района сохраняется также подлежащий переосмыслению фрагмент срединного окраинного пояса, сформированный чересполосицей складских, промышленных зданий, мелких мастерских, со сложной дорожной сетью.

Вторым важным внешним фактором для комплексного развития территорий аварийной застройки является транспортная доступность. В силу особенностей рельефа район Покровский оказывается изолированным с южной и западной стороны от других частей города. Доступ на территорию возможен только с востока по ул. Шахтеров и с севера по ул. Караульной. Этот факт накладывает серьезные ограничения на повышение численности населения района. Комплексное развитие территории, таким образом, возможно только при условии согласования с развитием транспортной системы города в целом, в том числе планирования новых связей с районом (рис. 7).

Следуя логике реконструкции жилого фонда, микрорайоны массовой жилой застройки панельного домостроения первых поколений в ближайшее время должны быть подвергнуты «комплексному развитию» из-за устаревания несущих и ограждающих конструкций, неэффе-

> Рис. 6. Среднеобразовательные школы и детские дошкольные учреждения с их радиусами доступности. Схема И. А. Ряпосова/2021: □ – границы района; □ – земельные участки; ■ – застройка; □ – границы возможных зон КРТ; ● – радиусы доступности ДОУ (300 м); ● – радиусы доступности СОШ (600 м)

^ Рис. 8. Благоустройство придомовой территории жилого здания по адресу ул. Толстого д. 34 силами жителей. Фото К. В. Камаловой

^ Рис. 9. Организация частных палисадников на заброшенных территориях между строчной застройкой по адресу ул. Толстого д. 52-54. Фото К. В. Камаловой

тивного использования территорий, низких плотности и коэффициента застройки.

Однако анализ состояния жилой застройки Красноярска доказывает, что в настоящее время немаловажное значение имеет моральный износ жилой застройки и прилегающего пространства. Он проявляется в устаревших нормах жилой архитектуры и в неэффективном использовании городских земельных ресурсов. В качестве примера можно привести укрупненные кварталы, расположенные в границах проспекта Свободный и улиц Толстого, Ладо Кецовели и железной дороги, обладающие высоким потенциалом развития, но уступающие современной застройке удаленных периферийных районов. Причиной является ветхость имеющейся 5-этажной кирпичной застройки типовой серии 1–447. В отношении состояния ее конструкций главные недостатки заключаются в просадке и деформации основания, в разрушении кладочных швов кирпичной кладки наружных стен; в архитектуре – несоответствие параметров жилых помещений условиям комфортной жизнедеятельности. К таким относятся внутренняя высота помещений, равная 2,1–2,3 м, отсутствие балконов в квартирах первых этажей и торцевых секциях, стесненные габариты бытовых помещений, узкие лестничные пролеты и т. д. Градостроительные проблемы функционирования придомовых территорий заключаются в стихийной интеграции коммерческих функций в структуру первых этажей внешнего периметра застройки и в зданиях детских дошкольных учреждений. На территориях кварталов большое количество заброшенных и заросших земельных участков, оставшихся вне межевания, тем самым оставленных для спонтанного использования (рис. 8, 9).

В качестве неоспоримых достоинств данного фрагмента застройки можно привести: местоположение в структуре города рядом с городским центром; высокий уровень обеспеченности общественным транспортом; близость большого количества рекреационных объектов; разнообразие сложившейся инфраструктуры культурно-бытового обслуживания [4] В отличие от современной застройки важным фактором комфорта существующей жилой среды является низкая плотность населения (согласно данным переписи населения – 370 чел./га против

расчетных 705 чел./га на новых объектах), способствующая поддержанию добрососедских отношений и комфортной жизнедеятельности населения. Главным доказательством служат ответственность жителей за порядок и благоустройство прилегающего жилого пространства, интенсивное наполнение его такими формами организации придомовой территории, как частные палисадники, коллективные огороды. Намечающейся проблемой реновации подобных территорий, которая в данном случае произошла в границах участка на ул. Толстого 17–21, становится возведение высокоплотных жилых комплексов с населением 2035 человек на гектар вместо аналогичной существующей среднеэтажной застройки на 840 человек (рис. 10).

В рамках дипломного проектирования предложен вариант комплексного развития территории, целями которого было сохранение комфортного и социально-активного жилого пространства с перспективой повышения эффективности землепользования и плотности застройки, рассчитаны технико-экономические показатели. В результате доказано, что преобразование данной среды с увеличением более плотных характеристик до требуемых показателей возможно за счет наращивания этажности только периметральной застройки до 7 этажей и точечного включения малоэтажных городских вилл внутри жилых кварталов [5]. Главным преимуществом потенциальной

< Рис. 10. Новый жилой комплекс по адресу ул. Толстого д. 17-21. – URL: <https://f2.mirkvartir.me/custom/da/da540cae-96fd-4a7a-abf8-1e0b45b51a5d.jpg>

> Рис.11. План реновации. Фрагмент выпускной квалификационной работы «Реконструкция жилой среды и нижнего яруса застройки ул. Толстого и прилегающего района в Красноярске». В. А. Тюлькова. Руководители И. В. Кукина, К. В. Камалова

реновации является регулирование функциональной насыщенности первых этажей многоквартирных зданий с разделением принципов эксплуатации и планировочной организации жилой, районной улиц и городских магистралей, направленных на охрану жилого функционирования дворовых территорий и сохранения социальной активности жителей [6] (рис. 11, 12, 13).

Мало оцененной темой развития территорий районов массовой жилой застройки, преимущественно панельного домостроения, стал тактический урбанизм. Это явление исследовано на аналогичных примерах в Венгрии и Словении, где, как и России, предпринимаются усилия по качественному благоустройству жилых районов лишь с частичной реконструкцией жилых объемов. Цель – малыми экономичными средствами в короткие сроки поднять комфорт территорий за счет создания социально-ориентированных открытых общественных пространств, иногда со строительством временных малых архитектурных сооружений общественного назначения. Такой тип реконструкции территорий используется, как правило, в ситуации отставания правовых актов от современ-

ных потребностей преобразования жилых территорий. Схожесть методов работы с открытыми пространствами «постсоциалистических» городов позволяет сравнивать их с опытом благоустройства российских городов в рамках федеральной программе «Формирование комфортной городской среды».

Как показал опыт Красноярска, открытые общественные пространства все чаще становятся инструментом решения проблем культурно-социального характера и экономического преобразования сложившихся жилых районов. Социально-интегрированные общественные пространства появляются при модернизации существующих жилых районов и рассматриваются как места интеграции различных социальных групп, которые способствуют улучшению их социальных взаимодействий [7]. Акцентируется создание новых многофункциональных открытых общественных пространств для разных социальных слоев. Так, сквер «Фестивальный», расположенный вблизи малоэтажной жилой застройки 1960-х годов и объектов образования (гимназия № 4, Красноярский аграрный техникум, Институт железнодорожного

^ Рис. 12. Private recreational spaces. Fragment of the final qualification work «Reconstruction of the living environment and the lower floor of the building on Tolstoy Street and the adjacent area in Krasnoyarsk». V. A. Tyulkova. Supervisors I. V. Kukina, K. V. Kamalova

^ Рис. 13. Public spaces of the district and the lower floor of the residential building. Fragment of the final qualification work «Reconstruction of the living environment and the lower floor of the building on Tolstoy Street and the adjacent area in Krasnoyarsk». V. A. Tyulkova. Supervisors I. V. Kukina, K. V. Kamalova

< Рис. 16. Визуализация концепции благоустройства общественного пространства: сквер по ул. Полтавской, реализуемой в 2022–2023. – URL: admkrsk.ru: Официальный сайт администрации города Красноярск

транспорта), после реконструкции представляет собой многофункциональное линейное общественное пространство с разнообразными возможностями для тихого и активного отдыха, удовлетворяющее потребности всех пользователей данной территории: прогулочная и беговая дорожка по периметру сквера, спортивная площадка с уличными тренажерами, детские площадки для разных возрастов, качели, места для отдыха. В его северо-восточной части была спроектирована универсальная спортивная площадка для игры в баскетбол и волейбол, которая активно используется прилегающими к территории образовательными учреждениями для проведения занятий на открытом воздухе по физической культуре и спорту. Позднее на территории сквера появился кофемобиль, органично вписавшийся в дизайн сквера и ставший дополнительной точкой притяжения для молодежи (рис. 14).

В сложившихся жилых районах 1970–1990-х годов наблюдается тенденция формирования новых многофункциональных открытых общественных пространств в шаговой доступности на муниципальных территориях, входящих в состав улично-дорожной сети и расположенных вдоль автомобильных магистралей. Эти общественные пространства вмещают множество функций, отсутствовавших на дворовых территориях, а также функции, ранее реализовавшиеся в зданиях общественного

назначения: групповые и индивидуальные занятия йогой или фитнесом, спортивные игры и пр. [8] Например, в Железнодорожном районе вдоль улицы Железнодорожников общественные территории уличной дорожной сети, сформированные жилыми домами, преобразованы в открытые многофункциональные общественные пространства по типу сквера, где организованы транзитные пешеходные пути, площадка для небольших массовых мероприятий, зоны тихого отдыха и зоны различной активности для детей (Сквер «Уют», сквер по ул. Железнодорожников, 10 и др.). В Советском районе вдоль улицы 9 Мая была организована линейная рекреационная зона с организованными транзитными пешеходными путями, местами отдыха и скейт-площадкой. Как показывает опыт Красноярска, появление открытых общественных пространств в шаговой доступности и их равномерное распределение демонстрирует ценность инфраструктуры вблизи дома (рис. 15).

Развитие буферных общественных пространств играет важную роль в реинтеграции ранее разорванных жилых территорий, стимулируя активизацию процессов и явлений. В рамках общей социально-пространственной организации они используются в качестве пространств, объединяющих разделенные фрагменты городской ткани и стабилизирующих социально-экономические отношения прилегающих районов [9]. Одним из примеров явля-

< Рис. 14. Сквер Фестивальный на ул. Новая Заря. Вид на центральную аллею. Фото Я. В. Чуй. 2020

< Рис. 15. Сквер на ул. Железнодорожников, 10. Вид на центральную зону отдыха с качелями и местами. Фото И. Г. Федченко. 2021

ется высокоплотный жилой район Пашенный в Свердловском районе Красноярска, где в 2022 году планируется создать многофункциональное открытое общественное пространство на территории, освободившейся после сноса деревянных двухэтажных бараков, с целью стабилизации социально-экономических отношений горожан и увеличения площади озеленения. Жители района принимали активное участие в обсуждении развития данной территории, которую первоначально планировали застроить торговым центром. В рамках программы «Формирование комфортной городской среды» совместно с жителями и муниципалитетом был разработан проект благоустройства. Сквер будет включать в себя детские игровые площадки, спортивные площадки с уличными тренажерами для всех категорий граждан, места для тихого отдыха, дорожки для пешеходных прогулок и пробежке, а также площадку для массовых мероприятий. Данное открытое общественное пространство – единственная возможность реализовать потребности района в пространстве для общественных активностей, объединить в единое целое ранее разорванные жилые территории, укрепить социальный контроль и улучшить взаимодействия жителей района (рис. 16).

Сегодня, в рамках маркетинговой стратегии и конкурентоспособности возрастает роль общественных пространств как фактора комфортной среды. Высококачественные общественные пространства способствует возрождению периферийных жилых районов за счет привлечения потенциальных покупателей и инвесторов. Экономическое укрепление района происходит за счет современных общественных пространств, которые повышают качество и ценность среды, а вместе с этим стоимость земли и недвижимости.

Заключение

Анализ правовых основ реконструкции городов дает основание полагать, что задача рационального применения инструмента комплексного развития территорий состоит:

- в конкретизации критериев и методов определения границ территорий комплексного развития; предельной емкости и других параметров застройки с учетом обеспечения благоприятных условий для жизни населения;
- в ориентации на оценку положения КРТ в структуре города, обязательности интеграции в сопредельные территории;
- в оценке архитектурной типологии застройки как убывающей, так и предполагаемой (планируемой);
- в оценке территориальной типологии как убывающей, так и предполагаемой (планируемой);
- в оценке инженерно-технического состояния объектов, ее классификации в соответствии с типологическими особенностями застройки разных периодов, материалами и технологиями строительства;
- в оценке социальных и экономических условий, сложившихся на территории, с целью минимизации негативного воздействия на социально-экономические процессы в городе вследствие разрушения устойчивых связей.

Социальные факторы в рамках данного исследования ограничены доступностью и разнообразием предприятий культурного и бытового обслуживания. Наличие большого количества объектов коммерции также говорит о более высоком уровне экономической активности. Этот фактор предполагается использовать в отрицательной корреляции: чем выше разнообразие и количество сложившихся на территории объектов обслуживания, тем менее целесообразно включать данную территорию в проекты комплексного развития территорий, поскольку возрастает негативный эффект от разрушения сложившихся социальных, культурных и экономических взаимоотношений на территории.

Литература

1. Трутнев, Э. К. О рекомендациях по обеспечению комплексного развития территорий в период действия Закона № 494-ФЗ // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 4. – С. 24–34
2. Чмыхало, Е. Ю. Комплексное развитие территорий: правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 2. – С. 57–65
3. Крушлинский, В. Трудности и безопасность градостроительства // Проект Байкал. – 2012. – № 33–34. – С. 146–149
4. Энгель, Б. Типовая жилая застройка в социалистическом городе. Наследие, ценности и перспективы. – Берлин / Германия : DOM publishers, 2019. – 240 с.
5. Тен, В. Градостроительные возможности. От поиска доходов для закрытия дефицита бюджета к управлению устойчивым пространственно-экономическим развитием города // Проект Байкал. – 2017. – № 14 (52). – С. 68–71
6. Дружинина, И., Холявко, А. Адаптируемое жилье на примере застройки территории микрорайона «Птичья Гавань» в Иркутске // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 166–167
7. Птичникова, Г. А. Пространство современного города как выражение социальных процессов (о «справедливости и несправедливости» городских пространств) // Социология города. – 2020. – № 2. – С. 5–16
8. Анисимова, Л. В. Социально-экологические аспекты формирования архитектурной среды открытых общественных пространств города // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Технические науки. – 2019. – № 1 (3). – С. 61–64
9. Кукина, И. В., Чуй, Я. В., Горша, А. А. Ключевые аспекты формирования открытых общественных пространств на жилых территориях // Градостроительство и архитектура. – 2019. – Т. 9. – № 4 (37). – С. 132–139

References

- Anisimova, L. V. (2019). Social`no-ekologicheskie aspekty formirovaniya arkhitekturnoy sredy otkrytykh obshchestvennykh prostranstv goroda [Social and ecological aspects of forming of the city open public spaces environment] Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Texnicheskie nauki, 1(3), 61-64.
- Chmyhalo, E. Y. (2021). Kompleksnoe razvitiye territorii: pravovye aspekty [complex territory development: legal aspects]. Legal policy and legal life, 2, 57–65.
- Druzhinina, I., & Kholiyavko, A. (2020). Adaptable Housing Through the Example of the Birds' Harbor Neighborhood Development in Irkutsk. Project Baikal, 17(63), 166-167. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1595>
- Engel, B. (2019). Mass Housing in Socialist the City. Heritage, Values, and Perspectives. Berlin / Germany: DOM publishers.
- Krushlinsky, V. (2012). Slums and Safety of Urban Planning. Project Baikal, 9(33-34), 146-149. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.33-34.78>
- Kukina, I. V., Chui, Ya. V., & Gorsha, A. A. (2019) Klyucheveye aspekty formirovaniya otkrytykh obshchestvennykh prostranstv na zhilykh territoriyakh [Key aspects of formation of open public spaces in residential territories]. Urban construction and architecture, Vol. 9, 4 (37), 132-139.
- Ptichnikova, G. A. (2020). Prostranstvo sovremennogo goroda kak vyrazhenie social`nykh processov (o "spravedlivosti i nespravedlivosti" gorodskikh prostranstv) [Urban space as an expression of social processes ("justice and injustice" in the city)] Sociologiya goroda, 2, 5-16.
- Ten, V. (2017). Town-Planning Opportunities. From searching for the revenues needed to close the budget deficit to managing sustainable spatial and economic development of the city. Project Baikal, 14(52), 68-71. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1166>
- Trutnev, E. K. (2021). O rekomendatsiyah po obespecheniyu kompleksnogo razvitiya territorii v period deistviya Zakona № 494-FZ [Recommendations on providing complex territory development under 494 Federal Act]. Property relations in Russian Federation, 4, 24–34.

Инфраструктура города сопровождает человека на всех этапах его биографии, включая и смерть как неотъемлемый атрибут жизни. В этой рубрике мы помещаем три статьи авторов, впервые участвующих в нашем журнале. В статьях обсуждаются сильные тренды, обычно ускользающие от внимания теоретиков архитектуры. Возвращение коммунального жилья и других форм проживания под одной крышей людей, не объединенных родственными связями, – что это, глобальный тренд или вынужденная мера против экономических неурядиц? Новое осмысление доходного дома, быстрый сдвиг баланса от собственного жилья к арендованному – как это повлияет на архитектуру городов? Архитектура хосписов в общем тренде изменений отношения к смерти и процессу умирания – эта тема еще недавно была табуирована, но теперь властно вторгается в поле внимания архитекторов. Статьи наших дебютантов носят скорее постановочный, проблематизирующий характер – как раз в стиле нашего журнала.

Константин Лидин

инфраструктура жизни / infrastructure of life

The infrastructure of the city accompanies a person at all stages of their biography, including death as an integral attribute of life. This section includes three articles, the authors of which appear in our journal for the first time. The articles discuss strong trends that usually escape the attention of architectural theorists. There is a return of communal and other forms of housing where people unrelated to each other live under the same roof. Is it a global trend or a forced measure against economic hardships? A rethink of the rental house, a rapid shift in the balance from home ownership to rental housing – how will this affect the architecture of cities? In the general trend of changing attitudes to death and the process of dying, the subject of hospice architecture until recently was taboo, but now strongly attracts architects' attention. The articles of our new authors are more of a question-posing and problematic nature, which is exactly in the style of our journal.

Konstantin Lidin

Тема эффективности жилья еще с возникновением доходных домов всегда была в числе приоритетных. Однако в современной России повсеместно распространился многоквартирный жилой дом с коллективными видами собственности, представляющий собой низкоэффективный объект жилищного хозяйства и определенно нуждающийся в инфраструктурном улучшении в рамках частно-государственного предпринимательства. Основанием для этого являются усилия государственных структур, которые все чаще выходят на рынок арендного жилья, создавая конкуренцию теневого сектору сдаваемых квартир.

Ключевые слова: архитектура; доходные дома; аренда квартир; экономическая эффективность и управление. /

The topic of housing efficiency has always been among the priorities since the emergence of rental houses. However, in today's Russia, a multi-apartment residential building with collective forms of property is widely spread, which is a low-efficiency housing facility and definitely needs infrastructural improvement within the framework of the public-private entrepreneurship. The basis for this is the efforts of government agencies, which more and more often enter the rental housing market, creating competition for the shadow sector of rented apartments.

Keywords: architecture; rental houses; renting of apartments; economic efficiency and management.

Доходное жилье: история и современность / Rental houses: History and contemporaneity

текст

Любовь Солодилова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Lyubov Solodilova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

Теоретическая часть. Массовое строительство доходных домов (ДД) с целью получения прибыли стало активно распространяться во второй половине XIX в. и представляло собой новый вид частно-государственного предпринимательства со стороны домовладельцев, акционерных обществ, светских и церковных организаций. Спрос на жилплощадь в таких зданиях превышал предложение, и доходные дома стали строиться не только за счет частного капитала, но и муниципальных средств. Процессы строительства доходных домов сопровождались расширением сектора инфраструктурного обслуживания наемных квартир. Это могло осуществляться за счет а) надстроек и достроек существующих особняков, перепланированных под сдачу в аренду;

б) увеличения жилой и инфраструктурной обслуживаемой площади под сдачу в аренду в новых домах.

Увеличение площадей под сдачу в аренду происходило в основном за счет строительства флигелей с внутренними дворами-колодцами, что оправданно привело к росту плотности застройки на скупаемых земельных участках (рис. 1). Застроечная плотность, приходящаяся на единицу территории, увеличивается многократно, в том числе и за счет замещения галерейных и коридорных доходных домов секционными. Получает развитие и внутренняя инфраструктура обслуживания. Первые этажи занимают мастерские, торговые лавки, магазины, салоны, учебные или лечебные заведения с пансионами и даже приюты и богадельни. Такое увеличение суммарной поэтажной

площади привело к расцвету арендного бизнеса, который стал приносить еще больше прибыли.

Безудержное стремление к наживе привело к настолько затесненным дворам-колодцам, что порой они не превышали в ширину трех метров, из-за чего комнаты окнами во двор оставались без достаточного количества естественного света. Это означало, что арендодатель терял деньги, поскольку аренда неосвещенных помещений была значительно ниже по сравнению с теми, которые имели благоприятную ориентацию.

Позже архитекторы предлагают доходные дома с курдонерами в сторону двора или улицы, что способствовало одинаковому проникновению солнечного света во все зоны и, следовательно, уравниванию их по стоимости арендной ставки. Кроме того, курдонеры увеличивали периметр фасада, что вело к наращиванию «планировочного пятна» инфраструктурных обслуживаемых зон и помещений с последующим увеличением количества сдаваемых квадратных метров (рис. 2).

Требования ликвидности зданий и продолжающаяся погоня за прибылью, а также накопление капитала у определенной части буржуазии не могли не повлиять на архитектурный облик доходных домов, которые должны были непременно выделяться из застройочного уличного фронта одним только внешним видом. Поэтому становятся совершенно понятными потребности домовладельцев сделать архитектуру доходных домов более привлекательной, чтобы как можно быстрее и выгоднее обеспечить возвратные инвестиции.

< Рис. 3а, 3б. Доходный дом Барановской (архитектор В. Вейс). Детали декора на фасаде с утраченной ныне скульптурой орла, выполненной в технике цинковой гальваностегии. Скульптор А. Обер. Санкт-Петербург. 1911

И уже к концу XIX в. внешний облик доходных домов даже при минимальном вложении средств становится отражением высокого положения хозяина и потребителя – представителя новой буржуазии, которая не стеснялась высоко оплачивать свой новый статус. Сложившаяся на архитектурно-строительном рынке ситуация привела к поистине соревновательному духу среди архитекторов, которые стремились при сохранении строгой геометрии городской планировки генерировать невиданные ранее идеи и образы фасадных решений. В дальнейшем попытки соотносить экономичность и инвестиционную привлекательность приводят к свободе в использовании архитектурных стиливых прототипов, а дух соперничества с позиций почти воинственного стоицизма демонстрируют пожелания и вкусы заказчика, которые явно желают подогнать общество под свое представление о том, каким должен быть дом, приносящий доход. Такая независимость в использовании любых стилей в архитектурном облике доходных домов окончательно утверждает их абсолютную экономическую эффективность (рис. 3).

При всех своих коммерческих приоритетах заказчик поощрял любые художественные способы, придающие фасаду запоминающиеся и оригинальные черты. Масштабные атланты и пилястры, украшенные стилизованным орнаментом, фестоновые капители, барельефы, венецианские окна и фриз доходного дома Вега в Петербурге (рис. 4) и пр. не только способствовали быстрой

окупаемости вложенных средств в покупку участка и строительство дома, но и значительной прибыли из его последующей эксплуатации.

Архитектурный облик доходного дома князя Мурузи также сразу привлек внимание потенциальных арендаторов экзотикой мавританского стиля и роскошным обустройством внутренних коммерческих зон, напоминающих восточные дворцы и древние памятники Магриба и исламской Испании с их щедро декорированными терракотовыми колоннами и нишами (рис. 5).

Фасады доходных домов становятся все более эклектичными, их оформление чаще диктуют вкусы домовладельца, который мечтал выжать максимум прибыли из имеющегося участка не только простым наращиванием квадратных метров, но и сделать себе рекламу невиданной ранее роскошью. Это гарантировало высокую стоимость сдаваемых внаем квартир.

Строились и «дешевые» доходные дома, представляющие собой так называемые «ночлежки». Такие ДД впервые стали появляться в Петербурге вблизи заводов и рынков благодаря известному в то время понятию «отходничества», когда крестьяне попадали в города в поисках сезонных заработков [2].

Следует сказать, что вопросы экономической эффективности арендной формы жилья зависели, помимо плотности застройки и качества внутренней и внешней инфраструктуры, от особенностей управления и содер-

< Рис. 1а. При ширине участка менее 20 м к особняку хозяина пристраивается флигель

< Рис. 1б. При достаточной глубине участка к существующему флигелю пристраивались жилые помещения дополнительного флигеля

< Рис. 1в. При ширине участка более 20 м к особняку хозяина пристраивались боковые флигели вокруг двора-колодца. А – особняк владельца, Б – флигель, В – двор

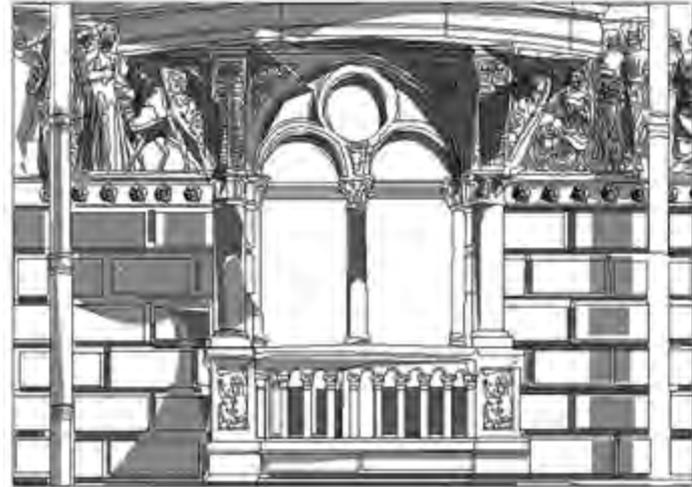
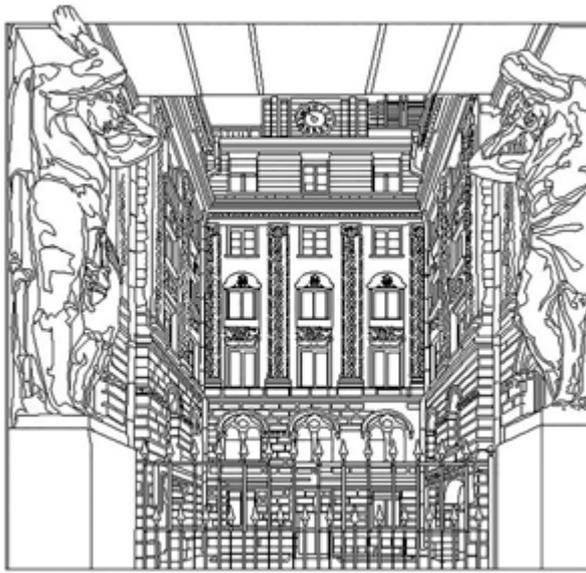
< Рис. 1г. При развитом по глубине участке жилые флигели образуют анфиладу дворов-колодцев

< Рис. 1д. При развитии участка по глубине и ширине образуется двойная анфилада дворов-колодцев; иногда центральное пространство внутреннего двора предназначается для возведения жилого флигеля. А – особняк владельца, Б – флигель, В – двор [1]

< Рис. 2. Дом князя С. Щербатова на Новинском бульваре, 11. Пример планировки доходного дома с курдонерами. Архитектор А. Таманян. Москва. 1911

> Рис. 4а, 4б. Доходный дом Бере (архитектор С. О. Овсянников). Детали с атлантами, венецианскими окнами и барельефами. Санкт-Петербург. 1914

жания доходных домов, что, безусловно, сказывалось на их рейтинге среди нанимателей квартир и арендаторов торговых площадей [3].

При этом перечень функциональных обязанностей домовладельца был достаточно серьезный. В частности, согласно Указу от 1808 г. [1] домовладелец не только знал своих постояльцев в лицо, но и вел Домовые книги, квартирные листки и подворные ведомости, куда постоянно заносились сведения обо всех приезжающих, выезжающих, а также об умерших от эпидемиологических заболеваний. Поскольку бродяжничество в то время было запрещено, то штрафы за укрывательство человека без паспорта или обладателя просроченного документа оплачивались в размере 50 рублей в сутки. Эти данные предоставлялись в фискальный отдел Городской управы с целью начисления квартирного налога из расчета валовой стоимости объекта до вычета операционных расходов по средней наемной плате и страховых выплат.

Сведения об уплате налогов назывались окладным сбором и отображались в окладной книге [1–3]. При этом домовладельцы, занимающие в своих же доходных домах так называемые «барские» квартиры, помимо налога от стоимости объекта недвижимости, вынуждены были платить налог и за квартиру, в которой проживали. В итоге только с петербургских домовладений Государственный квартирный налог принес казне четверть от суммы квартирного налога со всей страны. Нередко при заполнении этих документов выявлялись пустующие площади, за которые также следовало платить. Такая информация иногда не разглашалась владельцем в целях уменьшения выплат. В случае установления обмана владельцу вменялся штраф до 50 рублей. За предоставление указанных сведений позже положенного срока также полагался штраф в 10 рублей, и эта сумма удваивалась за каждый просроченный день [4].

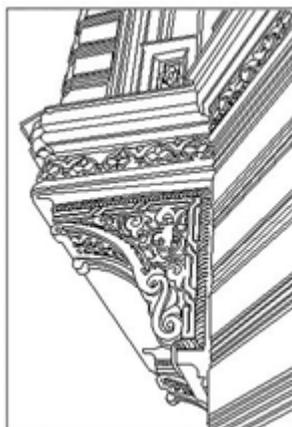
Следует особо подчеркнуть неукоснительность соблюдения домовладельцем исправности имущества в доме, в том числе требования чистки дымовых труб и наличия средств пожаротушения. Кроме того, хозяин обязан был обеспечивать опорожнение выгребных и помойных ям, убирать снег с крыш, следить за освещением и чистотой вверенного ему участка улицы, посыпать песок на тро-

туары, поддерживать в должном состоянии мощение, заботиться о качестве дождевой канализации и многое другое.

Права домовладельца также были прописаны в рамках законодательства, однако специальных норм о найме жилых помещений и четкого определения понятия «Договор имущественного найма» как такового в Своде гражданских законов не существовало. При этом Свод законов допускал устные договоры «в зависимости от доверия друг к другу сторон». Тем не менее, существовала достаточно серьезная судебная практика рассмотрения вопросов имущественного найма, использующая наряду с термином «найм» слов «аренда» и «снятие», а также «недвижимые имущества в городах», «помещения», «квартиры», «комнаты», «углы и койки». Имеются отдельные высказывания, в соответствии с которыми имущественным наймом называют Договор, по условиям которого прописывалась передача имущества или его части во владение и возмездное пользование на определенный срок и по определенной цене. При этом квартира должна была отвечать «обычным требованиям, являться не слишком холодной и сырой, а также снабженной всеми необходимыми приспособлениями». Если жилец не оплачивал свое проживание, то хозяин имел право выселить такого постояльца, хозяин имел также право повысить размер оплаты в случае сдачи помещений с отоплением, услугами дворников и швейцаров [1; 4], но не более, чем один раз в году.

В начале XX в. жилищные проблемы привели к государственному вмешательству с целью проведения «разумной квартирной реформы <...> о наемном договоре, квартирном расточительстве, квартирном и поземельном обложении» [4].

В целом же управление доходными домами в царской России осуществлялось без пособий, субсидий и дотаций из государственного бюджета, что доказывало их абсолютную экономическую эффективность. Это создавало хорошую базу для развития малого и среднего предпринимательства, тем самым обеспечивая государству поступление налогов. При этом потребители всегда могли ожидать соблюдения требований комфортного пребывания, а хозяин получал прибыль.

< Рис. 5а, 5б, 5в. Доходный дом князя Мурузи (архитектор А. Серебряков), Детали фасада, выполненные в мавританском стиле. Санкт-Петербург, 1877

Доходные дома в советской и современной России не получили должного развития главным образом после проведенной в 1990-х гг. приватизации, когда появился новый вид многоквартирного дома (МКД), являющийся по существу муниципальным домом с приватизированными квартирами [5, с. 104]. В таком МКД соседствуют коммерческие квартиры от собственников, социальные квартиры от муниципальных (государственных) властей, а также квартиры, сдаваемые внаем самими собственниками. Современные МКД совмещенных форм собственности, несмотря на их разнообразие по цвету и текстуре, ассоциируются с одинаковыми коробчатыми многоэтажками и вызывают устойчивое ощущение агрессивной безликости. Одной из причин сложившейся ситуации является безликость форм собственности, что явилось следствием неэффективного управления со стороны жилищной и коммунальной системы.

Возможным выходом из сложившейся ситуации станут предпринимаемые в настоящее время попытки возврата и внедрения всех типов доходных домов частно-государственного предпринимательства с развитой внутренней инфраструктурой [6; 7]. При этом очевидно, что на рынке найма и аренды жилья сложится абсолютно прозрачная ситуация, когда налоги от прибыли постоянно будут пополнять бюджетные средства, которые должны пойти на благоустройство, реконструкцию, социальные нужды и новое строительство.

Следует особо подчеркнуть, что приоритеты проживания в современном доходном доме связаны с преимуществами предлагаемых услуг внутренней инфраструктуры, обеспечивающей административно-торговые, рекреационные и прочие функции.

Доходные дома частно-государственного предпринимательства могут быть дифференцированы с учетом их приоритетного размещения в соответствии с классом комфортности и предлагаемых услуг:

- на территории исторического центра – ДД элитного класса;
- на территории срединной зоны – ДД бизнес-класса;
- на территории, прилегающей к Московской кольцевой дороге – ДД стандарт-класса.

В настоящее время формирование цивилизованного рынка аренды жилья получило новый импульс своего развития (рис. 6). При этом инфраструктура масштабных доходных домов элитного класса, расположенных вблизи природных комплексов, может иметь развитую внутреннюю и внешнюю номенклатуру, включая детские сады, учебно-образовательные, лечебные, физкультурно-оздоровительные, торгово-офисные, административно-коммунальные и развлекательные учреждения. Ярким примером частно-арендной предпринимательской формы может служить элитный доходный комплекс «Росинка», расположенный в Красногорском районе Московской области. В составе комплекса функционируют школа, бассейн, конференц-зал, теннисные корты, боулинг, медицинский центр, предприятия питания и торговли и многое другое. Кроме развитой внутренней инфраструктуры комплекс располагает собственным пляжем и лодочной станцией.

Инфраструктурное обеспечение доходных домов (комплексов) бизнес- и стандарт-классов может быть ограничено техническим заданием, учитывающим размещение ДД в непосредственной близости от объектов городского, районного и микрорайонного уровня обслуживания. Безусловно, экономическая эффективность вложения средств в доходные дома без развитой внутренней инфраструктуры будет значительно выше [9; 10].

Необходимость наделяния социального жилища [5, с. 108; 10] доходными функциями также во многом детерминируется его потребительской стоимостью. Это вызвано комплексом современных требований:

- социально-экономических, обусловленных подготовкой и внедрением ряда законодотворческих инициатив, связанных со льготной арендой жилья;
- рыночно-регуляторных со стороны государственных структур, которые все чаще выходят на рынок арендного социального доходного жилья коммерческого типа.

Сложившаяся ситуация делает необходимым переход к более экономически эффективным формам, которые возможны не только для льготных категорий граждан (ветераны войн, малоимущие, проживающие в помещениях без удобств и др.), но и для частно-государственного предпринимательства:

^ Рис. ба. Доходный дом серии 300 для коммерческого и муниципального арендного жилья стандарт-класса. Москва, Большой Николоворобинский пер., д. 10 [8]

^ Рис. бб. Жилой комплекс «Символ» с квартирами под найм от финансового института «ДОМ РФ». Москва. Фото: design.kraspan.ru

- социальные доходные дома с небольшой арендной платой коммерческого типа и расположенных в центральной части города, включая здания-особняки;
- многоквартирные социальные дома коммерческого и некоммерческого использования для льготных категорий граждан, расположенные у городской границы;
- так называемые «растущие» социальные дома с участками для семей, которые с учетом государственных субсидий могут рассчитывать на базовую комплектацию будущего жилища.

Речь о том, что помимо квартир по традиционным договорам социального найма от государственных/муниципальных властей, вводятся в эксплуатацию социальные арендные дома частного-государственного предпринимательства коммерческого типа на базе льготной арендной ставки. В расхожем понимании это те же самые доходные арендные/наемные дома, которые предлагаются под съем какими-либо организациями: как правило, государственными структурами, реже – застройщиками.

Таким образом, в социальном жилище выделяют два типа доходного жилья: наемные дома социального типа и наемные дома коммерческого типа, в котором все квартиры предназначены для сдачи в аренду. В социальном доходном доме коммерческого типа часть квартир может быть отдано под некоммерческую бесплатную аренду определенным категориям гражданам [9, с. 55; 11]. При этом уровень арендной платы контролируется обязательно.

Возможность улучшить свои жилищные условия за счет введения так называемого «растущего» жилья состоит в том, что жители получают участки, которые застраиваются базовым составом (гостиная, лестница, санузел, кухня), оставшиеся части дома жители достраивают самостоятельно. Такие социальные жилые дома могут стать частью национального проекта по улучшению жилищных условий граждан «Доступное и комфортное жилье гражданам России». Следует уточнить, что социальное и доступное жилье – не совсем одно и то же. Если речь идет о доступном жилье, то эти государственные программы направлены в основном на помощь в покупке нового жилья определенными категориями граждан: меняющих место жительства (напр., дальневосточная

ипотека), желающих получить деньги на улучшение жилищных условий, в т. ч. и по договору социального найма и т. д.

Доходное социальное жилище может включать расширенную номенклатуру зон и помещений для проживания и совместной работы (например, коворкинги), семейного отдыха, обучения и воспитания детей по месту жительства.

Эффективность управления и обслуживания арендной формы жилища частного-государственного предпринимательства зависит не только от форм собственности, но и от форм управления доходными домами. На основе интегральной оценки многоквартирных домов различных форм собственности, данной Институтом проблем управления РАН, выявлена степень эффективности следующих МКД:

- доходный дом оценивается в 8,50 единиц;
- муниципальный арендный дом – 1,15 единиц;
- МКД совмещенных форм собственности – 1 единица [10, с. 48].

Как известно, управление жилым и общественным сектором современных МКД осуществляется непосредственно правообладателем на основе договоров с Управляющей компанией (УК), Товариществом собственников жилья (ТСЖ) и (или) жилищно-строительным кооперативом (ЖСК)¹. Сопоставительный анализ форм собственности и управления МКД выявил следующие отличительные особенности.

Целеполагание УК, как и у всякой коммерческой предпринимательской организации, заключается в стремлении повысить тарифы обслуживания исключительно для извлечения прибыли, в то время для частного-долевого (ТСЖ/ЖСК) или частного-государственных (ДД) форм управления характерно сохранение установленных тарифов при повышении комфорта проживания. При этом традиционные УК заинтересованы в масштабном охвате МКД, несущих больше прибыли в том числе и из-за увеличения рабочего штата обслуживающего контингента. В результате анализа социально-экономической эффективности функционирования МКД разных форм собственности установлено, что существующие формы управления МКД в виде УК, как правило, неэффективны

1. В домах, функционирующих на базе коллективно-долевой собственности (ТСЖ и ЖСК) не исключена возможность заключения договоров собственниками жилья с управляющей компанией (УК), цель которой в конечном итоге – получение прибыли и, как следствие, повышение тарифов за оказываемые услуги.

по сравнению с ДД частно-государственной или даже частно-долевой формой предпринимательства в виде ЖСК/ТСЖ [11, с. 56].

Выводы и рекомендации

Очевидно, что арендный бизнес как наиболее стабильный и не зависящий от макроэкономических факторов должен и может развиваться. Для этого необходимо создать благоприятные правовые условия, в частности, должны быть использованы механизмы коллективных инвестиций с предоставлением налоговых льгот для застройщиков, инвесторов и владельцев арендного фонда, включая отмену налога на имущество и на инвестирование пенсионных накоплений. Кроме того, финансирование строительства доходных домов может осуществляться за счет паевого фонда недвижимости. Эти основные мероприятия помогут значительно сократить прямые затраты и накладные расходы, а также срок окупаемости инвестиций, сделав рынок аренды прибыльным для инвесторов. При условии выполнения всех перечисленных условий мы сможем ожидаемо приблизиться к абсолютной экономической эффективности доходных домов, которые станут привлекательными:

- для потребителей – возможностью получать высокий уровень услуг;
- для инвесторов – быстрой окупаемостью вложенных средств и получением высокой прибыли от сдачи площадей в аренду и в найм;
- для государства – пополнением налоговой базы за счет поступающих в государственную казну денежных средств от сдаваемых площадей.

Таким образом, доходное жилье, отнесенное к возможности реализации частно-государственного предпринимательства, сможет решить следующие основные задачи:

- ежегодное увеличение вводимых в эксплуатацию жилых домов в соответствии с реализацией Программы правительства РФ по обеспечению граждан доступным и комфортным жильем;
- восстановление и реконструкция старого жилого фонда, в том числе и с помощью привлечения внебюджетных средств;
- рынок сдаваемых квартир станет прозрачным [12, с. 189];
- количество рабочих мест увеличится за счет расширения внутренней и внешней инфраструктуры.

Строительство доходного жилья [13, с. 57] с развитой внутренней и внешней инфраструктурой, в том числе и социального на базе коммерческих и субсидированных его видов, однозначно приведет не только к новым формам организации пространств, но и повысит эффективность его эксплуатации. А расширение номенклатуры обслуживающих зон и помещений поможет повысить комфорт проживания и лучше учесть разнообразные требования граждан.

Литература

1. Юхнёва, Е. Петербургские доходные дома : очерки из истории быта : неизвестные факты и новые подробности. – Москва : Центрполиграф; Санкт-Петербург, 2019. – 401 с.
2. Крестовский, В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части I-IV (главы I-LVIII) / Общ. ред. и вступ. ст. И. В. Скачкова. – Москва : Правда, 1990. – 736 с.
3. Холодилин, К. А. Зарождение ограничительного жилищного законодательства на территории бывшей Российской империи во время Гражданской войны // Новейшая история России. – 2019. – 9 (4). – с. 858–879
4. Тедеев, А. А., Парыгина, В. А. Налоговое право России : учебник для академического бакалавриата / 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 390 с.
5. Росинский, Е. А. Перспективы развития социального жилья в России // Вестник магистратуры. – 2019. – № 3–2 (90). – С. 104–108

6. Зейналов, М. Л. Управленческие аспекты новых методов проектирования и строительства социально ориентированного жилья // ФЭС : Финансы. Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 5–13

7. Ахметханов, И., Моттаева, А. Б. Социальное и коммерческое жилье: два пути к решению жилищной проблемы в России // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 2 (91). – С. 558–561

8. Шепель, А. Н. Доходный дом: вчера, сегодня, завтра. – Москва : ИИУ МГОУ, 2014. – 132 с.

9. Кириллова, А. Н. Жилищные модели в системе планирования и обеспечения доступности жилья // Вестник РАЕН. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 52–56

10. Глазунов, С., Самошин, В. Доступное жилье. Люди и национальный проект. – Москва : Европа, 2006. – 96 с.

11. Шахова, Е. С. Товарищество собственников жилья: требуется ли повышение эффективности как способа управления жилым домом? // Журнал Российского права Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва). – 2016. – № 5 (233). – С. 55–64

12. Кузнецов, Д. А. Теневая аренда жилья: проблемы, пути решения // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 6 (41). – С. 187–191

13. Багина, Е. Architecture parlante, или время симулякров // Проект Байкал. – 2018 (№ 58). – С. 57–62

References

Ahmethanov I., & Mottayeva A. B. (2018). Sotsialnoye kommercheskoye zhilye: dva puti k resheniyu zhilishchnoy problemy v Rossii. *Economika i predprinimatelstvo* [Social and commercial housing: two ways to solve the housing problem in Russia]. *Economics and entrepreneurship*, 2 (91), 558–561.

Bagina, E. (2018). Architecture parlante or the time of simulacra. *Project Baikal*, 15(58), 57–62. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.58.1401>

Glazunov, S. N., & Samoshin, V. (2006). Dostupnoe zhil'e. Lyudi i nacional'nyj proekt [Affordable housing. People and the national project]. Moscow: Evropa. 96.

Holodilin, K. A. (2019). Zarozhdeniye ogranichitel'nogo zhilishchnogo zakonodatelstva na territorii byvshey Rossiyskoy imperii vo vremya Grazhdanskoy voyny [The birth of restrictive housing legislation in the territory of the former Russian Empire during the Civil War]. *The latest history of Russia*, 9(4), 858–879.

Kirillova, A. N. (2021). Zhilishchniye modeli v sisteme planirovaniya i obespecheniya dostupnosti zhilya [Housing models in the system of planning and dwelling affordability]. *Bulletin RAEN*, 21(2), 52–56.

Krestovskiy, V. V. (1990). Peterburgskiy trushchoby. Kniga o sytyh i golodnyh [Petersburg slums. A book about the full men and hungry men] (Skachkov, I.V., Ed.). Moscow: Pravda.

Kuznetsov, D. A. (2020). Tenevaya аренда zhilya: problemy, puti resheniya [Shadow rental housing: problems, solutions]. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 6(41), 187–191.

Rosinskiy, E. A. (2019). Perspektivy razvitiya sotsial'nogo zhilya v Rossii [Prospects for the development of social housing in Russia]. *Master's Bulletin*, 3-2(90), 104–108.

Shakhova, E. S. (2016). Tovarishchestvo sobstvennikov zhilya: trebuetsya li povysheniye effektivnosti kak sposoba upravleniya zhilyim domom? [Homeowners' Association: is it necessary to increase efficiency as a way of managing a residential building?] *Journal of Russian Law Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation* (Moscow), 5(233), 55–64.

Shepel, A. N. (2014). Dohodniy dom: vchera, segodnya, zavtra [Profitable building: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: IIU MGOU.

Tedeev, A. A., & Parygina, V. A. (2019). Nalogovoye pravo Rossii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Tax Law of Russia: textbook for academic undergraduate]. (7th ed., revised and updated). Moscow: Publishing house 'Yuright'.

Yuhneva, E. (2019). Peterburgskiyeh dohodniyeh doma. Ocherki iz istorii byta [Petersburg profitable houses. Essays from the history of life]. St. Petersburg: Publishing house 'Tsentrpoligraph'.

Zeynalov, M. L. (2020). Upravlencheskiye aspekty novykh metodov proektirovaniya i stroitelstva sotsialno orientirovannogo zhilya [Management aspects of new methods of designing and building socially oriented housing]. *FES: Finance. Economics*, 17(1), 5–13.

В статье рассматриваются актуальные направления в развитии типологии коlivingов, предпосылки возникновения и роста востребованности нового формата жилища, выявляются его основные отличительные черты, особенности функционального зонирования. Инфраструктура коlivingа включает в себя жилую, общественную и деловую зоны. Дается краткий исторический обзор формирования жилых зданий с дополнительной функцией. Проводится анализ преемственности идеологии архитектуры коlivingа, дома-коммуны и многофункционального жилого комплекса; выявляется типология коlivingов и их инфраструктура.

Ключевые слова: коliving; общественные пространства; инфраструктура; дома-коммуны; зонирование. /

The article studies the current trends in the development of coliving typology, the preconditions for the emergence and growth of demand for the new housing format. The authors identify its main distinguishing features and the features of functional zoning. The coliving infrastructure includes residential, public and business zones. The article gives a brief historical overview of the formation of residential buildings with an additional function. It analyzes the continuity of the ideology of architecture of coliving, communal house and multifunctional residential complex, as well as reveals the coliving typology and infrastructure.

Keywords: coliving; public spaces; infrastructure; communal houses; zoning.

Коliving – трансформации инфраструктуры / Coliving: Infrastructure Transformations

текст

Алевтина Балакина

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Алёна Павлюк

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Alevtina Balakina

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Alyona Pavlyuk

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

История развития типологии жилища связана с постоянным поиском и оптимизацией его функционально-планировочной структуры. Назначение и соотношение различных функциональных зон обусловлено укладом жизни и деятельностью жителей и во многом определяется социально-экономическими условиями развития общества и предпочтениями различных его представителей. Примеры жилища, состоящего из разных функциональных зон, встречаются с давних времен. Еще в Древнем Риме жилище совмещало в жилые, торговые и производственные функции. Такая типология отвечала торговоремесленному укладу жизни. Подобным образом формировалась и городская застройка средневековой Европы.

В XIX веке произошел стремительный рост промышленности, в ходе которого производственная часть выделилась из жилища. В этот период при производствах появилась общественно-деловая и социально-досуговая инфраструктура, представленная в виде магазинов, банков, пространств для детей и т. д. Таким образом, минимальная необходимая для жизни инфраструктура переросла из масштаба здания в масштаб квартала [1, с. 217].

В период 1920–1930 гг. наиболее популярной стала идея обобществления быта и домов-коммун, где жилая и общественная функция вновь объединяются под одной крышей. В данном случае общественные зоны представлены общими столовыми и прачечными. В 1990-е гг. получила развитие идея малоэтажной и среднеэтажной застройки жилыми домами с дополнительными функциями (бифункциональное жилище) для занятий индивидуальной предпринимательской деятельностью.

Появление коlivingов предполагает поиск новых подходов к организации современных форм совместного проживания и объединения инфраструктуры жилых, общественных и деловых пространств.

Определение понятия «коliving»

Тема коллективного проживания всегда была актуальна. Человек – социальное существо; только находясь в обществе, у него есть возможность самореализации. С самого рождения человек неразрывно связан с об-

ществом, а социальные факторы играют большую роль в его становлении. Человек выделился из животного мира благодаря основным социальным факторам – труду, коллективной деятельности, общению, речи, мышлению, нравственности. В древности не было разделения на общую и частную жизни, поскольку люди жили под одной крышей и собирались вокруг одного костра; это стало древним способом организации коллективной деятельности в общине [2, с. 379–380]. Позднее появились новые форматы коллективного жилья.

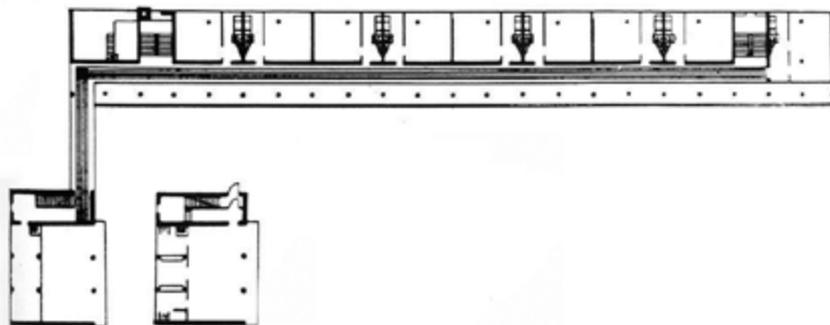
В современном мире популярность набирают форматы пространств и услуг, где можно не покупать вещь в собственность, а арендовать ее на короткое время. Так, современная молодежь между покупкой своей машины или использованием каршеринга чаще выбирает каршеринг. Это позволяет существенно сэкономить средства, предоставляет куда большую свободу передвижения и позволяет отказаться от обязанностей по содержанию машины: не нужно платить налоги, заправлять и мыть машину.

Из новых форматов арендуемых пространств для индивидуальной и коллективной работы большое распространение получили коворкинги. Организация работы в коворкинге позволяет избежать затрат на долгосрочную аренду офисов: теперь стало возможно находиться в офисе, оплачивая лишь несколько часов аренды отдельного рабочего места. У такого типа офиса есть ряд преимуществ – нет строгого графика, при этом атмосфера коворкинга дисциплинирует; кроме того, это ценная площадка для профессионального общения и поиска новых знакомств со схожими интересами. Новые связи, в свою очередь, способствуют созданию новых предпринимательских идей и решений.

Вслед за коворкингами в жилой сфере появился новый тип совместного проживания – коliving. Это вариант совместного проживания, подразумевающий размещение людей с общими ценностями и намерениями. Пространство коlivingа разделено на две зоны. Обширная первая, общественная, зона включает площадки для общения – кухню, столовую и общий холл. Помимо этого, в общественной зоне располагаются рабочие пространства. Вторая зона более закрытая, в ней расположены личные

^ Рис. 1. Дом работников Наркомфина. Архитектор М. Я. Гинзбург. 1930. Фото Дмитрий Якубов. – URL: <https://clck.ru/YHWi7>

^ Рис. 2. Дом работников Наркомфина. Планировка. Архитектор М. Я. Гинзбург. 1930. – URL: <https://clck.ru/YHWu2>

комнаты проживающих. Таким образом, у проживающих в коливинге есть личное пространство, а также возможность социального взаимодействия с людьми, имеющими общие ценности, схожие взгляды на жизнь и род деятельности. Это позволяет совместно придумывать новые решения, обогащаться знаниями друг от друга. В современном мире люди нередко оказываются изолированными от общества; возможность общения в пространстве коливинга будет способствовать решению этой проблемы.

Кроме того, в части коливингов подразумевается организатор, отвечающий за организацию досуга и спорта жителей, а также занимающийся перепоручением домашней рутинной работой. Таким образом, преследуется одна из основных целей устройства коливинга – создание наилучших условий для плодотворной работы и организация досуга и работы в шаговой доступности от дома.

Важной особенностью коливинга является то, что это пространство является, как правило, арендуемым помещением, поэтому в случае смены места работы или вида профессиональной деятельности постоялец может легко сменить место проживания: реализуется свобода передвижения, которая является важным аспектом современной жизни.

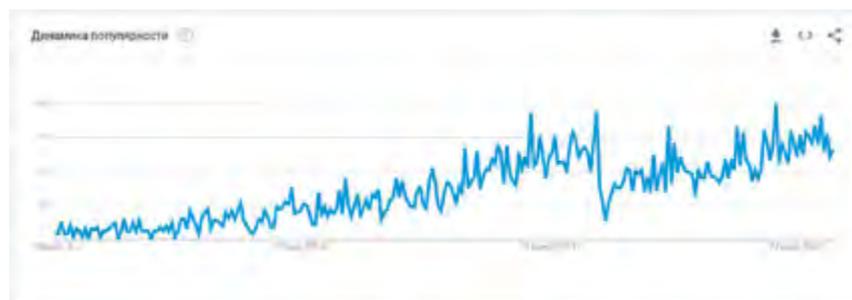
Выявлены основные положительные качества коливинга:

1. Общие интересы и род деятельности у проживающих.
2. Современный и высокий уровень удобств.
3. Предусмотрено обширное общественное пространство, а также личное пространство комфортного размера.
4. Формирование сообщества со сходными интересами и ценностями.
5. Возможность самостоятельно планировать режим работы и отдыха.
6. Объединение в одном здании или на одной территории работы, проживания, а также проведения досуга.
7. Возможность делегирования бытовых проблем.

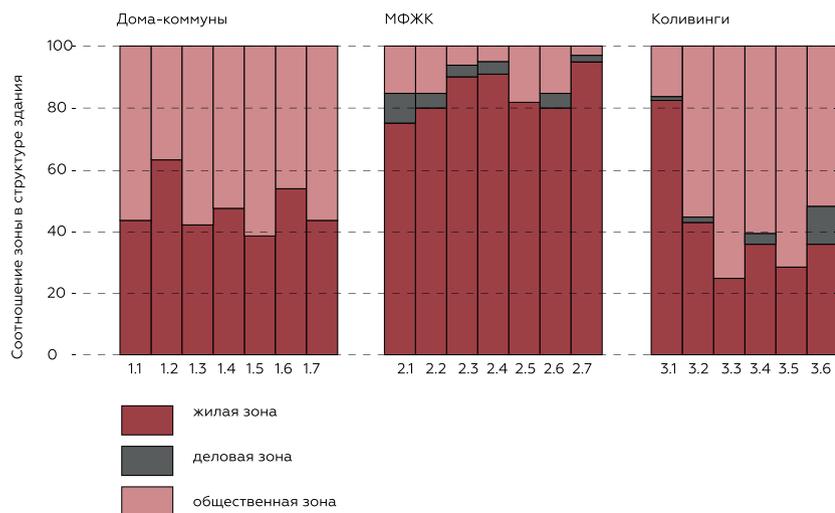
Коливинги пользуются большой популярностью за рубежом. Всего в мире более трех тысяч коливингов, большая часть из которых расположена в США, Китае, Индии и Европе [3].

< Рис. 3. Пример поэтажного зонирования коливинга. Изображение MINI.COM. – URL: www.mini.com/en_MS/home/living.html

v Рис. 4. Динамика упоминания понятия «coliving» за последние 5 лет. Статистика получена с помощью аналитики Google Trends. – URL: <https://clck.ru/YHUHg>

< Рис. 5. Соотношение жилой, деловой и общественных зон в структуре домов-коммун, МФЖК и колинвингов. Экспликация оси абсцисс:

- 1.1. Хавско-Шаболовский проезд. Дом-коммуна
- 1.2. Жилый дом в Ростокине
- 1.3. Дом Наркомфина
- 1.4. Дом-коммуна на ул. Оржоникидзе
- 1.5. Дом-коммуна в 4-м Сыромятинском переулке
- 1.6. Жилый дом рабочего товарищества Обработстра
- 1.7. Жилый дом кооператива «Дукстрой»
- 2.1. ЖК на ул. Циолковского, 41
- 2.2. ЖК в Ленинском районе
- 2.3. ЖК «Артек»
- 2.4. ЖК на Мосфильмовской
- 2.5. ЖК в Одинцовском р-не
- 2.6. ЖК в Морском переулке
- 2.7. ЖК «Оазис»
- 3.1. NIU Coliving
- 3.2. Treehouse Coliving
- 3.3. Tetuan Coliving
- 3.4. Zeze Osaka Coliving
- 3.5. Roam Coliving in Bali
- 3.6. Garden Coliving House

На рис. 4 приведен график, отражающий рост популярности упоминания колинвинга в мировых поисковых запросах за последние 5 лет. Значения по вертикали отражают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю в таблице. На графике наглядно видна общая тенденция: колинвинг с каждым годом набирает все больше и больше популярности.

В наше время большинство людей работают в офисах с использованием компьютеров и цифровых устройств. Опираясь на современные исследования аналитического центра НАФИ, можно сказать, что в среднем россияне проводят за компьютерами около 7–8 часов в день. Исследования также показали, что с наступлением пандемии время, проведенное пользователями за гаджетами, увеличилось: 43% людей стали чаще использовать цифровые устройства [4].

Согласно исследованию [5], наибольшее время за экранами гаджетов проводят молодые люди 19–24 лет – 8 часов.

Колинвинг подразумевает проживание молодого поколения – миллениалов. Согласно РБК [6], это люди, выросшие в эпоху цифровых технологий, родившиеся в период 1989–2000-х годов. Они с детства привыкли к интернету и удобным сервисам, которые позволяют сделать множество вещей онлайн. Большинству миллениалов от 18 до 39 лет, это самая активная и платежеспособная часть населения на Земле. Кроме того, считается, что миллениалам свойственен недостаток живого общения, которое они заменяют виртуальным.

В России, как и во всем мире, за последние годы неуклонно растет число одиноких людей, которые живут вдали от родственников и не имеют собственной семьи. Согласно последним статистическим данным, в нашей стране одинокую жизнь ведут 44,9 миллионов человек; это треть всего населения страны [7].

Таким образом, колинвинг может стать отличным форматом жилья, где есть возможность восполнить необходимость в живом общении, а также, благодаря сплоченному коллективу и общим стремлениям, реализовывать новые идеи в профессиональной сфере.

Сравнительный анализ различных типов проживания, объединяющих социальную и деловую инфраструктуру

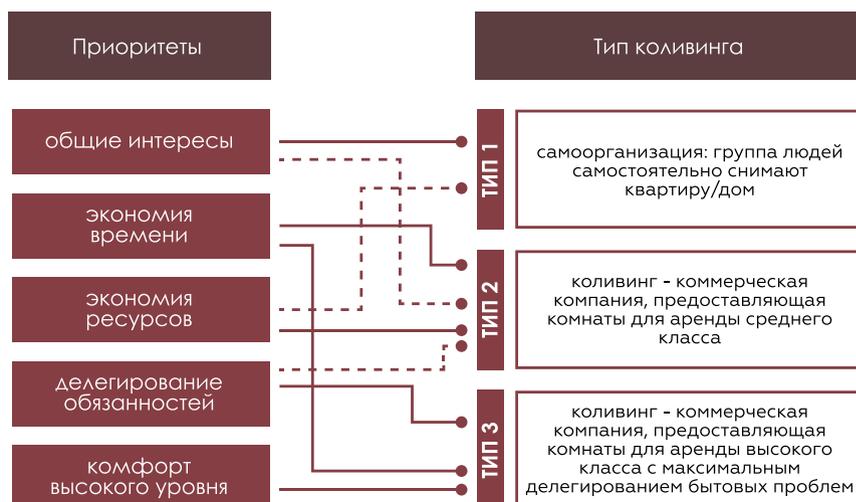
В качестве примеров для сравнительного анализа различных типов проживания, объединяющих в себе социальную и деловую инфраструктуру, были взяты советские дома-коммуны, современные МФЖК и колинвинги.

> Рис. 7. Колинвинг «Zeze Osaka» в Японии. Архитекторы SWING. 2018. Фото Эйдзи Томита. – URL: <https://clck.ru/YHTEe>

^ Рис. 6. Коливинг «Zeze Osaka» в Японии. Планировка. Архитекторы SWING. 2018. URL: <https://clck.ru/YHTEe>

^ Рис. 8. Типы коливингов и приоритеты жителей

Обустройство дома-коммуны схоже с организацией коливинга, поскольку также предусматривает освобождение от домашних хлопот, выделяя максимальное количество времени на общественную жизнь и трудовую деятельность. В зданиях располагались небольшие помещения для спален, остальные пространства были общественными. Однако идея растворения личной жизни в общественной и отмирание семьи [8, с. 190] противоречили естественным потребностям человека в уединении, поэтому дома-коммуны в начальной идее просуществовали недолго.

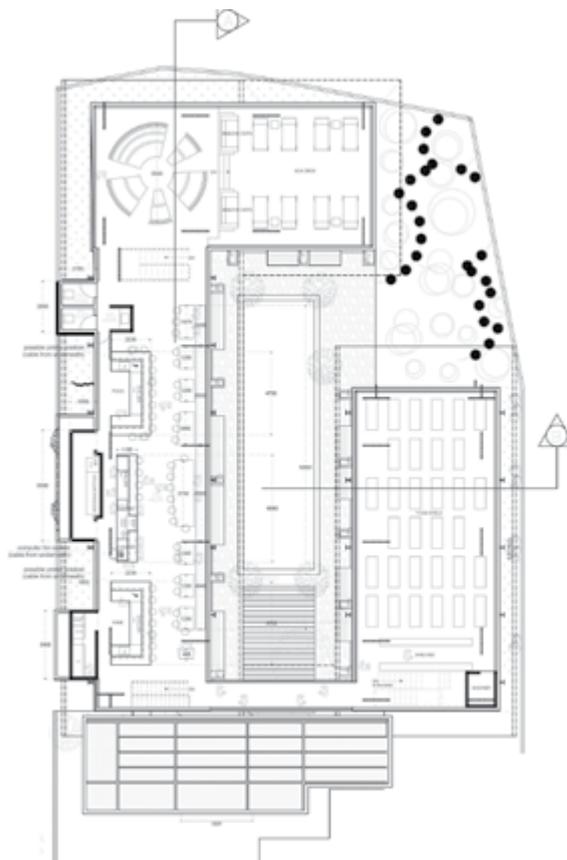
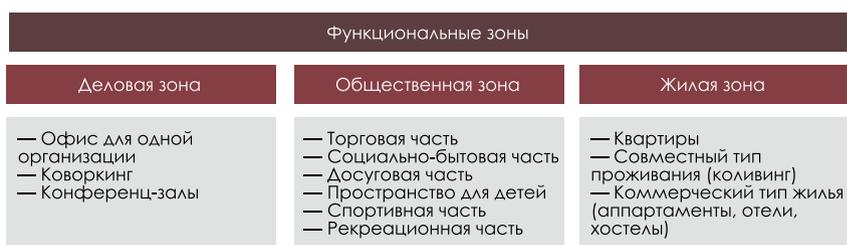
Многофункциональный жилой комплекс – это единый кластер из набора различной инфраструктуры: жилой, общественной и деловой. В нем находится место не только для проживания, но и для работы и проведения досуга. При этом жилая функция представлена в формате привычных нам квартир. При этом деловая и общественная зона чаще всего размещаются на первых этажах, жилая – в средней и верхней части здания.

Далее представлен график сравнения соотношений функциональных зон в структуре здания в МФЖК, коливингах и домах-коммунах (рис. 5). Исходя из проведенного исследования, можно сказать, что общественная зона в домах-коммунах и впоследствии в коливингах, имеет гораздо более существенную долю, чем общественная зона в МФЖК. При этом общественная зона может не только являться инфраструктурой непосредственно для самого здания, но дополнять недостающие функции всего района. Таким образом, при коливинге есть возможность размещать открытые коворкинги с доступом для жителей всего города. Это позволит жителям работать недалеко от дома и облегчит транспортную загруженность города в час пик.

Исходя из графика, подавляющее большинство домов-коммун не предполагало размещение деловой зоны непосредственно в здании, поскольку в 1920–1930-е годы основная масса людей была занята на производстве, которое было представлено заводами, расположенными недалеко от домов-коммун.

В случае с коливингом нередко четкая черта между общественной и деловой зоной стирается, поскольку работа чаще всего выполняется с ноутбуком, который

v Рис. 9. Функциональные зоны коливингов

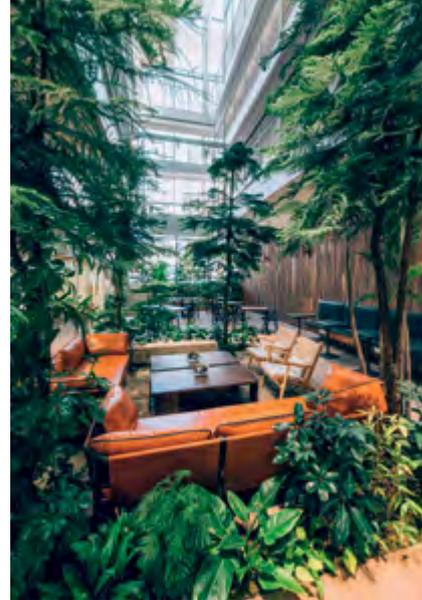

< Рис. 10. Коливинг «Roam». Планировка. Архитектор Алексис Дорнье. 2015. – URL: <https://clck.ru/YHSyp>

> Рис. 11. Колинвинг «Roam». Архитектор Алексис Дорнье. 2015. – URL: <https://clck.ru/YHSyp>

> Рис. 12. Колинвинг «Treehouse». Внешний вид. Архитекторы Во-DAA. 2018. Фото Rohspace. – URL: <https://clck.ru/YHSqk>

> Рис. 13. Колинвинг «Treehouse». Интерьер. Архитекторы Во-DAA. 2018. Фото Rohspace. – URL: <https://clck.ru/YHSqk>

легко переносится с одного места на другое. Таким образом, молодые люди могут приятно проводить время в зоне кафе, одновременно совершая операции, связанные с работой. Тем не менее, в некоторых колинвингах предусмотрена специальная зона для работы – библиотека или коворкинг.

Типология колинвингов

С точки зрения типа организации существующих зарубежных и отечественных примеров колинвингов было выявлено 3 вида.

Первый тип – это самоорганизация. Для этого типа ключевым критерием являются общие интересы: люди самостоятельно снимают квартиру или целое здание, для каждого жильца выделяется комната. Второстепенным критерием является экономия денежных средств за счет совместного проживания и возможности разделить арендную плату за жилье на количество жильцов.

Люди заинтересованы в том, чтобы у их сожителей были схожие взгляды на жизнь, поэтому если кто-то из текущих жильцов покидает колинвинг, то поиск новой кандидатуры проводится очень тщательно: предполагается отбор претендентов на двух уровнях – анкета и собеседование, чтобы определить, подходит ли человек не только с точки зрения общих интересов, но и по личностным качествам.

Кроме того, жители сами организуют мероприятия для колинвинга, совместные ужины, выезды на природу и прочий досуг. С точки зрения размещения данный тип колинвинга наиболее вероятен в уже сложившейся застройке, поскольку он не подразумевает дополнительных крупных вложений и привлечения девелоперов. Социальная и деловая инфраструктура не развита, общественное пространство чаще всего представляет собой кухню и столовую.

Во втором случае колинвинг представляет собой коммерческую организацию, сдающую отдельные комнаты в аренду. Данный тип подразумевает строительство нового здания для колинвинга или существенную реконструкцию уже существующего здания. В данном типе колинвинга общие интересы также играют важную роль, но это перестает являться центральной идеей у проживающих.

В этом случае мероприятия организуются и проводятся отдельным специалистом.

Социальная и деловая инфраструктуры являются важнейшими частями колинвинга. Они могут занимать большую часть площади колинвинга; опираясь на исследование, проведенное выше, доля социальной зоны в домах-коммунах может быть вплоть до 75%.

На иллюстрации приведен пример планировки подобного колинвинга. В здании не предусмотрено кафе, а на плане можно заметить кухню, то есть в колинвинге преобладает самообслуживание. Здание построено в Японии.

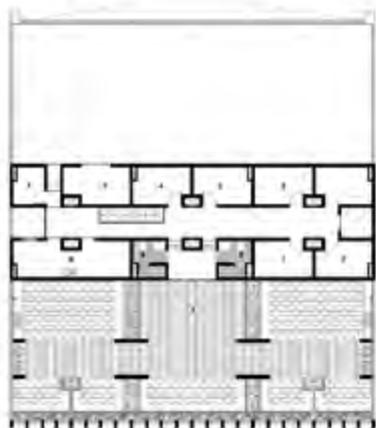
Третий тип колинвинга также представляет собой коммерческую организацию, сдающую отдельные комнаты в аренду. Но для него в первую очередь характерно стремление жильцов к комфортной жизни без финансовых ограничений. Данный тип подразумевает строительство нового здания для колинвинга или существенную реконструкцию уже существующего здания. Общие интересы перестают иметь какое-либо значение.

Происходит максимальное делегирование бытовых проблем: уборку и стирку в номерах обеспечивает организация, есть возможность не готовить, а посещать кафе при колинвинге. С точки зрения социальной инфраструктуры это будет отражено следующим образом: прачечные самообслуживания будут сменены на платные прачечные, зона кухни с возможностью индивидуального приготовления пищи изменится на зону кафе или ресторана с обслуживанием. Помимо этого, значительно увеличивается количество помещений для персонала.

На рис. 8 представлены приоритеты жителей и выбора типа колинвинга.

Далее представлены функциональные зоны, которые могут быть расположены на территории колинвингов (рис. 9). При этом жилая зона предполагает доступ только для людей, проживающих в колинвинге. Деловая и общественная зоны могут быть как открытыми для жителей района, так и приватными.

Социальная инфраструктура может включать в себя различные зоны: спортивную, торговую, досуговую, рекреационную части, пространство для детей, включающее в себя детские площадки и детские сады и другие. В ка-

^ Рис. 15. Колинвинг «NIU». Архитекторы CRAFT Arquitectos. 2020. Фото Карлос Фигероа. – URL: <https://clck.ru/YHSdA>

честве иллюстрации колинвинга с развитой спортивной инфраструктурой можно привести «Roam» (рис. 10; 11). Это колинвинг, расположенный на Бали, где центральный композиционный элемент – открытый бассейн, окруженный зеленью. Кроме того, в колинвинге располагается площадка для занятий йогой.

Центральным элементом социальной инфраструктуры колинвинга может стать рекреационная зона отдыха. Проект колинвинга «Treehouse», реализован в Южной Корее (рис. 12; 13).

Еще один пример с акцентом на рекреационную зону – колинвинг «NIU» в Мексике (рис. 14; 15). В данном случае она размещается на верхнем уровне здания и занимает значительную площадь кровли, что позволяет организовать озеленение и зону отдыха для людей, проживающих в колинвинге.

Выводы

В статье рассмотрены предпосылки возникновения нового формата жилища, выявлены его основные отличительные черты и функциональное зонирование. Приведены примеры существующих колинвингов, где элемент инфраструктуры являлся центральным объектом здания. Выделена типология колинвинга в зависимости от приоритетов жителей, рассмотрена инфраструктура для каждого из приведенных типов.

Литература

1. Скоблицкая, Ю. А. Архитектурно-планировочная организация обслуживания в многоэтажных жилых комплексах в крупных городах : дис. ... кандидата архитектуры. – Москва : Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т жилых и обществ. зданий, 2013. – 287 с.
2. Смахтина, Е. А. Новые форматы коллективного жилья // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – 2020. – №1. – С. 379–380
3. Исследование CBRE «Колинвинг в Европе». – URL: <https://www.cbre.ru/ru-ru/about-cbre/media-centre/coliving-in-europe> (дата обращения: 14.10.2021)
4. Ведомости. Аналитики оценили проводимое россиянами время за гаджетами. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/06/08/873329-vremya-pered-ekranami-gadzhetov> (дата обращения: 01.10.2021)
5. Аналитический центр НАФИ. 14% россиян не могут преодолеть зависимость от цифровых устройств. – URL: <https://nafi.ru/>

analytics/14-rossiyan-ne-mogut-preodolet-zavisimost-ot-tsifrovyykh-ustroystv/ (дата обращения: 17.09.2021)

6. РБК. Миллениал-edition. Как заработать на любимых компаниях молодого поколения. – URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d5f97529a7947fc2ddea640> (дата обращения: 07.10.2021)

7. Рамблер. Исследование: 30,6% россиян живут одиноками. – URL: https://news.rambler.ru/sociology/44779541/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.10.2021)

8. Рябцев, Ю. С. История русской культуры. XX век : учебное пособие. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. – 320 с. : ил.

References

14% rossiyan ne mogut preodolet zavisimost ot tsifrovyykh ustroystv [14% of the Russians cannot wean themselves off the digital addiction] (2021, June 8). NAFI Research Centre. Retrieved September 17, 2021, from <https://nafi.ru/analytics/14-rossiyan-ne-mogut-preodolet-zavisimost-ot-tsifrovyykh-ustroystv/>

Analitiki otsenili provodimoe rossiyanami vremya za gadzhetami [Analysts have measured the time spent by the Russians with gadgets] (2021, June 8). Vedomosti. Retrieved October 1, 2021, from <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/06/08/873329-vremya-pered-ekranami-gadzhetov>

CBRE (2020). Coliving nabireat populyarnost v Evrope [Coliving is getting popular in Europe]. Retrieved October 14, 2021, from <https://www.cbre.ru/ru-ru/about-cbre/media-centre/coliving-in-europe>

Gavrikova, V. (2019, August 26). Millennial-edition. Kak zarabotat na lyubimyykh kompaniyakh molodogo pokoleniya [Millennial-edition. How to make money from the young generation's favourite companies]. RBC. Retrieved October 7, 2021, from <https://quote.rbc.ru/news/article/5d5f97529a7947fc2ddea640>

Issledovanie: 30,6% rossiyan zhivut odinokimi [Research: 30,6% of Russians live alone] (2020, September 4). Rambler. Retrieved October 5, 2021, from https://news.rambler.ru/sociology/44779541/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Ryabtsev, Yu. S. (2004). Istoriya russkoi kultury. XX vek: uchebnoe posobie [History of Russian culture. XX century: textbook]. Moscow: Gumanitarnyi issledovatel'skii tsentr VLADOS.

Skoblitskaya, Yu. A. (2013). Arkhitekturno-planirovochnaya organizatsiya obsluzhivaniya v mnogoetazhnykh zhilykh kompleksakh v krupneishikh gorodakh [Architectural and planning organization of service in multistorey residential complexes in large cities]. Ph.D. Dissertation. Moscow: Central Research and Design Institute of Residential and Public Buildings.

Smakhtina, E. A. (2020). Novye formaty kolektivnogo zhilya [New formats of collective housing]. Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie, 1, 379-380.

Анализируется актуальное состояние хосписов и паллиативных центров в РФ, а также проблемы и возможности, с которыми они сталкиваются. В инфраструктурном обеспечении РФ выявляется наличие хосписов мирового уровня наряду с регионами нулевой паллиативной помощи населению. Изучаются основные формы организации помощи, выявляется необходимость учета территориальных и региональных особенностей конкретной области. Обозначаются необходимые составляющие хосписной помощи, подчеркивается этический смысл ее оказания.

Ключевые слова: хоспис; хосписное движение; паллиативная помощь; паллиативный центр; гуманизация архитектурной среды. /

The author analyzes the current state of hospices and palliative centers in the Russian Federation, as well as the problems and opportunities they face. The presence of world-class hospices along with the regions of zero palliative care for the population is revealed in the infrastructure of the RF. The article studies the basic forms of care organization and reveals the necessity of taking into account territorial and regional peculiarities of a particular region. It also outlines the necessary components of hospice care and highlights the ethical sense of its provision.

Keywords: hospice; hospice movement; palliative care; palliative center; humanization of architectural environment.

Хосписы в инфраструктуре городов РФ / Hospices in the infrastructure of the cities of the RF

текст

Асмик Ключко

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Asmik Klochko

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Полноценная жизнь и облегчение мучений тяжелобольных людей связаны не только с прогрессом медицины, но и развитием гуманитарных технологий (благотворительная помощь, волонтерство, общение по экзистенциальным темам, помощь семьям, попавшим в трудные жизненные обстоятельства и т. д.) и, что немаловажно, развитием организации соответствующей архитектурной среды, позволяющей реализовывать самые гуманные побуждения человечества, озвученные в короткой и емкой фразе: «Если человека уже невозможно вылечить, это не значит, что ему нельзя помочь».

Закономерным результатом прогресса человечества в медицине является резкий рост продолжительности жизни и (как следствие) рост процента онкологических заболеваний. По данным Global Burden of Disease Cancer Collaboration с 2007 по 2017 гг. произошел рост онкологических заболеваний на 33%; тем самым смертность от онкологических заболеваний заняла второе место в мировой статистике после смерти от сердечно-сосудистых заболеваний. Людям с сильными болями или на поздних стадиях болезни должна оказываться так называемая паллиативная помощь, которая направлена уже не на излечение, а на облегчение симптомов, психологическую поддержку как тяжелобольного, так

и его близких. Это помощь в ситуации, когда медицина уже бессильна.

Хоспис – это медико-социальное учреждение, где могут оказать разностороннюю и всеобъемлющую помощь в последние периоды онкологического заболевания.

Слово «хоспис» этимологически никак не связано с умиранием. Hospes – от латинского «гость»; отсюда возникают «госпиталь», «хозяин», «отель» и др. Слово «hospitalis» (прилагательное от лат. hospes) означает «гостеприимный, дружелюбный к странникам»; истоки самого слова нам подсказывают, что помощь была обращена скорее к скитальцам, путешественникам, паломникам. В Средние века хосписы как места для остановки и восстановления во время путешествия, располагались в Англии и континентальной Европе.

Укрупненные этапы становления хосписного движения описаны в диссертационном исследовании В. Г. Ведерниковой [1]:

1. Появление первых приютов;
2. Установление регулярного обезболивания морфием;
3. Создание хосписов нового типа, где открыто обсуждаются проблемы жизни и смерти.

Для архитектурных исследований принципиально важны первый и третий этапы, на которых и сделаем акцент.

В статье мы не будем касаться второго этапа, не оказывающего существенного влияния на архитектурную организацию учреждений хосписов. Подчеркиваем, что нельзя умалять важности исследований правовых коллизий в обеспечении права умирающего человека на облегчение боли.

Появление первых приютов

Во времена античности медики не считали себя вправе сомневаться в решении богов вынести человеку смертный приговор, дабы не оскорбить их. Но с развитием раннего христианства стали зарождаться истоки хосписного движения в современном понимании. Например, ученицей Святого Иеронима римской матроной Фабиолой был организован хоспис для умирающих.

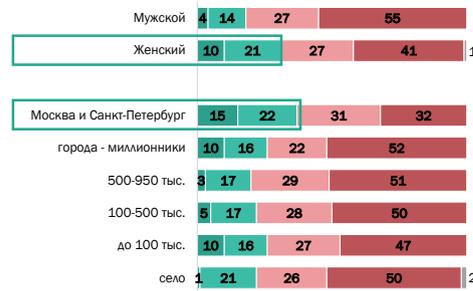
Надо заметить, что в развитии хосписной помощи основной движущей силой оказывались энергичные гуманные личности. Так, в 1842 г. во Франции Жанна

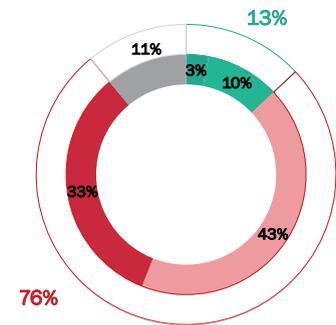
> Рис. 1. Хоспис Святого Христофора. Лондон. – URL: @hospiceuk

А. «Вы знаете, слышали или слышите сейчас в первый раз о понятии паллиативная медицинская помощь?»

Б. «На Ваш взгляд, сегодня качество паллиативной медицинской помощи в нашей стране высокое или низкое?»

Среди тех, кто напрямую или косвенно сталкивался с необходимостью в паллиативной медицинской помощи, уровень информированности о ней сопоставим с общероссийским и является в целом довольно **низким**. Относительно выше информированность о том, что такое паллиативная помощь среди **жителей двух столиц (37%)** и **женщин (31%)**

Уверен, что высокое | Скорее высокое | Скорее низкое | Скорее низкое | Уверен, что низкое | Затрудняюсь ответить

Рис. 2. Часть опроса ВЦИОМ на тему «Отношение россиян к паллиативной помощи» [4]

Гарнье в память о своей погибшей семье открыла приют для умирающих в Лионе. В 1879 г. в Дублине (Ирландия) сестры милосердия основали хосписы специально для помощи смертельно больным.

«Хосписное движение» в виде организованной службы ухода за умирающими зародилось около 50 лет назад в Европе и США и с тех пор стремительно развивается [2]. Так, в 1967 г. в Лондоне Сесилия Сандерс (Cicely Saunders) учредила хоспис Святого Христофора (St Christopher's Hospice) (рис. 1), будучи активной защитницей прав умирающих, которыми зачастую пренебрегали. Именно она дала своему учреждению название «хоспис», оценив историческое значение термина. Тогда терминов «паллиативная медицина» и «паллиативная помощь» еще не существовало.

В 1974 г. канадский доктор Бэльфор Маунт после стажировки в хосписе Святого Христофора вернулся на родину, чтобы основать первый хоспис в Монреале. По его мнению, оптимальным способом внедрения идей хосписной помощи в социум являлась интеграция хосписов в существующую систему здравоохранения, а не построение новой системы. Именно Бэльфор Маунт придумал термин «паллиативная помощь» (лат. «pallium» – «плащ», «покрывало»), символизирующий тип ухода, который скрывал болезнь, делая незаметнее мучительные симптомы, давая шанс человеку жить привычным образом несмотря на неизлечимую болезнь. Именно поэтому, при всей схожести подходов, в Англии помощь предоставлялась хосписами, а в Канаде – отделениями паллиативного ухода.

С тех пор идет работа над созданием общего терминологического аппарата для характеристики хосписной и паллиативной помощи, потому что сейчас несогласованность понятий создает беспорядок при разработке международных стандартов и норм.

В рамках данной статьи условимся называть все организации, оказывающие хосписную и паллиативную помощь, Учреждениями Паллиативной Помощи (УПП).

Если в начале развития хосписного движения помощь оказывалась только умирающим от онкологических заболеваний, то ныне принципы оказания паллиативной помощи применимы и к другим заболеваниям (злокаче-

ственные новообразования; органная недостаточность; хронические прогрессирующие заболевания в терминальной стадии развития; необратимые последствия нарушений кровообращения головного мозга; дегенеративные заболевания нервной системы; деменция; значимые инфекционные заболевания в терминальной стадии развития и др.). В ближайшей перспективе подобная помощь должна быть доступна всем людям с угрожающими жизни заболеваниями.

Но как бы в итоге ни называли эту помощь, существуют статистические данные, которые надо осознать: только в Европе более чем 320 тыс. онкологических больных и 285 тыс. людей с неонкологическими заболеваниями одновременно требуется помощь УПП [3].

Всемирная Организация Здравоохранения сформулировала общее определение: «Паллиативная медицинская помощь является подходом, который улучшает качество жизни пациентов (взрослых и детей) и их семей, которые сталкиваются с проблемами, сопутствующими опасным для жизни заболеваниям. Она предотвращает и облегчает страдания в результате раннего диагностирования, правильной оценки лечения боли и решения других проблем, будь то физических, психосоциальных и духовных» [3].

В России паллиативная помощь стала развиваться относительно недавно благодаря журналисту Виктору Зорзе, приехавшему в Россию из Лондона впервые в 1989 г. и открывшему первый в России хоспис «Лакта» в 1990 г. вместе с Робертом Твайкроссом и врачом Андреем Гнездиловым в Санкт-Петербурге. До него никакой организованной работы в сфере развития паллиативной помощи в России практически не проводилось. Исключением, пожалуй, можно считать основание хосписа в 1903 г. профессором Л. Л. Левшиным (ныне там размещается Московский научно-исследовательский онкологический институт имени П. А. Герцена), где работа врачей мотивировалась человекоориентированностью и велениями врачебного долга.

Первый хоспис в Москве был создан в 1994 г. также по инициативе Виктора Зорзы и Веры Васильевны Миллиончиковой (одна из основоположников паллиативной медицины в России, возглавлявшая Первый московский хоспис в течение следующих 16 лет). Именно он явля-

^ Рис. 3. Архитектура современных хосписов России
 А. Детский хоспис «Дом с маяком». IND Architects
 Б. Детский хоспис. Усадьба Измалково. Проект реставрации. Арх. бюро «Рождественка». 2015

ется учебной базой для новых хосписов Москвы, России и стран СНГ.

С тех пор благодаря гуманности и упорству ряда личностей в инфраструктуру городов России внедрено немало УПП. Много, но пока крайне недостаточно.

Современное состояние УПП в РФ

В 2020 г. ВЦИОМ провел свой опрос среди 1200 российских респондентов на тему осведомленности россиян о паллиативной помощи [4].

Результаты ответов на вопросы (рис. 2) свидетельствуют о крайне низкой осведомленности населения в вопросах паллиативной помощи, а также об уверенности в низком качестве оказываемой помощи.

В «Атласе мира по паллиативной помощи» [5], по данным ВОЗ, 80 стран мира поделены на 4 группы по уровню качества оказания паллиативной помощи. Лидерами являются 10 стран, где паллиативная помощь встроена в систему здравоохранения (США, Великобритания, Германия, Франция, Новая Зеландия, Бельгия, Ирландия, Тайвань, Нидерланды и Австралия).

Несмотря на то, что в результате активной работы Фонда помощи хосписам «Вера» и других профессиона-

лов хосписы были включены в систему паллиативной медицинской помощи России [6], Россия находится на 48-м месте в этом рейтинге, в группе стран с отдельными центрами паллиативной помощи. Это объясняется наличием у нас хосписов мирового уровня (рис. 3), но при этом есть и регионы, где неизлечимо больному и их родным не оказывается абсолютно никакой помощи (рис. 4).

Хосписное движение в России сейчас находится, можно сказать, на этапе активной мобилизации. По масштабам произошедших, происходящих и предполагаемых изменений его можно отнести к реформаторскому движению: во-первых, всего за несколько лет совершен огромный скачок в развитии паллиативной помощи; во-вторых, произошедшие и предстоящие изменения широко задействуют такие глобальные стороны жизни общества, как медицина, социальная сфера, законодательное обеспечение, психологическая и духовная помощь, финансирование и др.

По данным Минздрава, сейчас паллиативную помощь получают меньше 260 тыс. человек. Но по методикам расчетов экспертов ВОЗ, ежегодно в РФ в паллиативной помощи нуждается около 1,3 млн тяжелобольных граждан (по данным 2016 г.). При этом статистически выявлено, что вместе с тяжелобольным страдает еще около 10 близких ему людей, т. е. в паллиативной помощи нуждаются в десятки раз больше людей. До настоящего времени никто не учитывал близких людей в «аудитории» паллиатива, а между тем в представленном выше определении ВОЗ прямо указывается на необходимость разносторонней помощи, в том числе и близким умирающего. Если медицинская помощь должна оказываться непосредственно тяжелобольному, то социальная, психологическая и духовная поддержка необходима также его окружению.

Нехватка в инфраструктуре городов УПП для нормального функционирования и обеспечения повседневной жизни населения имеет весомое негативное влияние на психоэмоциональный фон не только больного, но и всего его окружения. В результате почти половина тяжелобольных имеет суицидальные мысли, до 15% осуществляют их, а близкие и родственники продолжи-

v Рис. 4. Доступность паллиативной помощи нуждающимся в РФ. Данные фонда помощи хосписам «Вера»

^ Рис. 6. Воронежская городская клиническая поликлиника № 1. Кабинет паллиативной помощи, выездная служба

^ Рис. 7. Московский многопрофильный центр паллиативной помощи Департамента здравоохранения г. Москвы. Хоспис, выездная служба. Филиал «Хоспис Ростокино»

тельное время находятся в состоянии психологической травматизации [7, с. 2].

УПП России, которых насчитывается 1619 единиц [8; 9], разноформатны, не обладают строгой систематизированностью ни с точки зрения «классности», ни с точки зрения инфраструктурного обеспечения, ни с точки зрения согласованной работы этих учреждений. Сюда входят:

- 38 хосписов,
- кабинеты паллиативной помощи (обычно при поликлиниках),
- отделения паллиативной помощи (стационарное отделение с койко-местами в медицинской организации),
- выездные службы (на базе медицинских организаций),
- паллиативные койки (отдельные койко-места в различных отделениях медицинских организаций),
- отделения и койки сестринского ухода (в составе медицинской организации, где нуждающиеся получают круглосуточный сестринский уход),
- 4 дома сестринского ухода (медицинская организация, где оказывают поддерживающее лечение, медицинский уход и социальную помощь),
- 4 дневных стационара (при медицинском учреждении без круглосуточного пребывания),
- 4 координационных центра (информирует население по вопросам получения паллиативной помощи, системно взаимодействует с другими организациями, способствует безотлагательному получению паллиативной помощи).
- другие.

Формы оказания помощи тяжелобольным бывают 3 основных типов: на дому (амбулаторно); с постоянным пребыванием в учреждении паллиативной помощи (стационарно); с регулярным приходом больного в учреждение паллиативной помощи для осуществления мероприятий при состояниях, не требующих круглосуточного медицинского наблюдения (дневной стационар). Поэтому обычно хосписы располагают стационарными койками, центром дневного пребывания и выездными бригадами. Ведь концепция паллиативной помощи – это удовлетворение нужд тяжелобольного, где бы он ни получал такую помощь.

Данные 3 типа организации помощи внедрены в различные организации, объекты, и от этого непосредственно зависит архитектурная организация объемно-планировочных решений учреждений паллиативной помощи в инфраструктуре города (рис. 5).

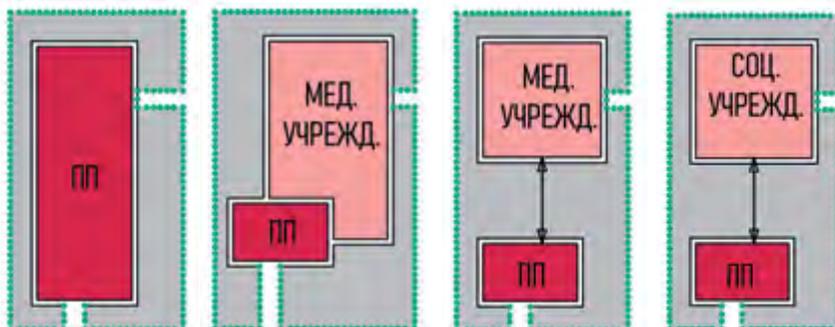
Основные формы организации паллиативной помощи в структуре города следующие:

- 1) В виде самостоятельных учреждений (рис. 7)
- 2) В структуре онкодиспансеров (рис. 10)
- 3) В структуре больниц (рис. 8)
- 4) В структуре поликлиник (рис. 6)
- 5) В учреждениях социальной защиты населения (рис. 9)

Наблюдается хаотичность и сумбурность в понимании вопроса обеспеченности УПП, и все больше утверждаешься в мнении, что инфраструктурное обеспечение поселений страны происходило не систематизированно, а благодаря упорству и гуманности конкретных людей в конкретном месте.

Уровни предоставляемой помощи даже в одном типе учреждений, например, в хосписах, могут разительно отличаться, потому что финансируются УПП не централизованно, а из дефицитных муниципальных и региональных бюджетов. Чем беднее субъект, тем хуже в нем оказывается паллиативная помощь.

Но оказываемая помощь должна быть стандартизирована для всей территории РФ, в том числе и архитектурно-пространственная организация среды УПП.

v Рис. 5. Основные схемы организации паллиативной помощи
 А. В виде самостоятельных учреждений
 Б. В объеме здания медицинских учреждений
 В. Как отдельный объект на территории медицинских учреждений
 Г. Как отдельный объект на территории учреждений социальной защиты населения

> Рис. 8. Центральная клиническая больница Свяителя Алексия Митрополита Московского Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Отделение паллиативной помощи, выездная служба

Оказание разных типов помощи – на дому, в стационаре и в дневном стационаре – логично и удобно. Оказываемая помощь может быть разнообразной, учитывать разные степени тяжести состояний и предпочтения самих людей. Но в данном случае только скоординированная работа разных типов учреждений паллиативной помощи является залогом успеха.

В условиях многонациональной и поликультурной России обязательно нужно учитывать территориальные и региональные особенности конкретной области. Если в самом начале становления хосписного движения в России происходило копирование архитектурных решений зарубежных аналогов (поскольку никаких российских образцов, законодательных норм и рекомендаций по проектированию и организации подобных учреждений в стране просто не было), то сейчас на первый план выходит необходимость адаптации системы предлагаемой паллиативной помощи к региональным особенностям.

Так, в городах-миллионниках и на территориях с высокой плотностью населения будут более востребованы стационары; в кавказских республиках, где за родственниками принято ухаживать дома, более актуально развитие паллиативной помощи на дому; в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах из-за малой плотности населения и территориальной рассредоточенности паллиативных учреждений более актуальными будут выездные службы: мало кто решится оставить умирающего родственника в сотнях километров от дома.

Таким образом, на первый план выходит проблема организации системной помощи населению по всей стране, обеспечивающей ее необходимый объем, созданной с учетом региональных особенностей конкретных территорий.

Создание системной паллиативной помощи по стране повысит рейтинг РФ в «Атласе мира по паллиативной помощи» ВОЗ [5]; позволит из «группы стран с отдельными центрами паллиативной помощи» перейти в группу «Страны, в которых хосписная и паллиативная помощь хорошо интегрированы в систему здравоохранения».

Для создания системы УПП необходимо понимать требуемую нормативную обеспеченность паллиативными

отделениями для оказания стационарной помощи и выездными службами для оказания амбулаторной помощи.

В инфраструктуре поселений уровень обеспеченности 7,5 коек на 100 тыс. граждан берется исследователями за основу расчета показателя минимальной потребности населения в хосписах. Почти ни в одном федеральном округе РФ такая потребность не удовлетворяется.

По данным различных исследований, а также согласно нормативной документации (СП 146.13330.2012 «Геронтологические центры, дома сестринского ухода, хосписы. Правила проектирования» и МГСН-4.01–94 «Хосписы»), мощность хосписов колеблется от 15 до 50 койко-мест. При этом большинство исследователей полагает, что оптимальная мощность хосписа – это 30 койко-мест, так как это позволяет организовать архитектурную среду, максимально приближенную к уютным домашним условиям.

Что касается работы выездных служб, то количество посещений больных на дому (выездов бригад) не регламентируется нормами, определяется по факту, не является плановым показателем и зависит от уровня обращаемости больных или его родственников, характера помощи (медицинская, социальная, психологическая, комплексная) и различных местных условий.

Для приблизительной оценки охвата количества граждан одной выездной службой была проанализирована следующая ситуация. В 2016 г. Центр паллиативной помощи в Москве был объединен с рядом хосписов и создана взаимосвязанная структура учреждений – Московский многопрофильный центр паллиативной помощи при департаменте здравоохранения. Работа всех 9 филиалов и 17 выездных служб скоординирована Центром паллиативной помощи. Мощность этой структуры составляет 440 койко-мест, охват выездной службы на дому – более 6 тыс. человек. Реализация была настолько успешна, что в перспективе намечено распространение этого опыта на регионы.

17 выездных служб, успешно обеспечивающих уход на дому более чем за 6 тыс. тяжелобольных, дают возможность оценить охват количества тяжелобольных граждан одной выездной службой приблизительно в 400 тыс. человек.

^ Рис. 9. Центр социального обслуживания населения «Участие». Отделение паллиативной помощи. Республика Башкортостан

^ Рис. 10. Республиканский клинический онкологический диспансер. Кабинет паллиативной помощи, отделение паллиативной помощи, выездная служба. АУ Чувашской Республики

v Таблица. Система УПП по федеральным округам РФ

№	Название ФО	Население (чел.) 2021 г.	Админ. центр	Необходимость коек из расчета 7,5 коек на 100 тыс. населения, ед.	Необходимость хосписов из расчета 30 коек на 1 хоспис, ед.	Необходимость хосписов с коррекцией на региональный и территориальный приоритет амбулаторной или стационарной помощи	Необходимость выездных служб из расчета 1 служба на 400 тыс. населения, ед.	Схематическая структура
1	Центральный	39 250 960	Москва	2943	98	98	98	<p>ПП - паллиативная помощь ВС - выездная служба</p>
2	Северо-Западный	13 941 959	Санкт-Петербург	1045	35	35	35	
3	Южный	16 482 488	Ростов-на-Дону	1236	41	41	41	
4	Приволжский	29 070 827	Нижний Новгород	2180	73	73	73	
5	Уральский	12 329 500	Екатеринбург	925	31	31	31	
6	Сибирский	17 003 927	Новосибирск	1275	43	22	43	<p>ПП - паллиативная помощь ВС - выездная служба</p>
7	Дальневосточный	8 124 053	Владивосток	609	20	10	20	
8	Северо-Кавказский	9 967 301	Пятигорск	748	25	13	25	

В итоге для удовлетворения всех потребностей тяжелобольных и учета региональных особенностей автором предложена система (таблица), представляющая спектр учреждений и служб. Сюда входят следующие укрупненные формы учреждений: Координационный центр по оказанию паллиативной помощи; филиалы – стационарные отделения, оказывающие паллиативную помощь; выездные службы для помощи на дому. В такой комплексной системе организации для решения разных проблем тяжелобольные и их близкие могут использовать наиболее подходящие для себя службы.

Взаимосвязь УПП в масштабе страны позволит решить задачи не только количественного их обеспечения в инфраструктуре поселений, но также и решить вопросы обеспечения их качественной организации – необходимое условие для обеспечения высокого уровня помощи.

Статью, пожалуй, закончим тем, чем обычно начинаются научные работы – изучением степени проработанности вопроса. Мало какая тема изучалась и продолжает изучаться настолько продолжительно, увлеченно, всесторонне и многофакторно, как тема смертности. В основном, конечно, превалирует относящийся к различным конфессиям религиозный подход («Весь я не умру») и философский подход, раскрываемый в классических работах Эпикура («Пока есть жизнь – нет смерти»), экзистенциалистов («Смысл в жизнь привносит ее конечность»), стоиков (осознание своей конечности), в современной философской танатологии (В. М. Розин, П. С. Гуревич, А. Я. Гуревич, Ф. Арьес и др.). Психологические аспекты вопроса раскрываются в классических трудах З. Фрейда, К. Юнга, Ж. Лакана, В. Франкла и др. и в более современных трудах М. Остервейса, С. Е. Аша, Г. Мориса, Б. Лунта, С. Нила, Б. Франческо и многих других. Медицинская сторона раскрывается в работах Р. Партриджа, Е. О»Салливана, В. В. Миллиончиковой, А. Я. Иванюшкина и многих других. Становление хосписного движения индуцировали философские и социальные работы Н. Бердяева, А. Маслоу, П. Сартра, М. Бубера, М. Шелера и многих других. Работы В. Зорзы, А. В. Гнездилова, Р. Дж. Твайкросса, Д. Р. Фрамптона, В. В. Миллиончиковой, Н. Федермессер поднимают серьезнейшие вопросы организации социального пространства вокруг умирающих. Вопросу организации архитектурной среды для умирающих посвящены работы С. Алваро, Д. С. Андерсона, А. Кобурна, Д. Мартина, А. Р. Гайдук, А. Л. Гельфонд, А. А. Дембича, Л. Ф. Закиевой, Ю. В. Панфиловой, В. Г. Савельева, Л. А. Цветковой, А. Ю. Барковской, М. Вильковского, Р. Вишера, Н. В. Каспер, С. Г. Коротковой и др.

При всем обилии трудов на тему смертности, при титанических усилиях благотворительных и профессиональных сообществ, выстраивающих паллиативную помощь в РФ, в нашей стране пока мало продвинулись в вопросах развития архитектурной среды для умирающих. А ведь внедрение системы УПП в инфраструктуру поселений РФ позволит сохранять достоинство человека в состоянии немощи.

Нравственный закон внутри нас должен быть определяющим принципом для совершенствования деятельности в области развития хосписной и паллиативной помощи.

Литература

1. Ведерникова, В. Г. Гуманитарные проблемы обустройства социального пространства: философия хосписа // дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11. – Пермь, 2010. – 184 с.
2. Твайкросс, Роберт. Паллиатив – это о качестве жизни // Pallium: паллиативная и хосписная помощь. – 2020. – № 2 (7). – С. 51–56
3. Белая книга: стандарты и нормы хосписной и паллиативной помощи в Европе : часть 1. – URL: <https://pro-palliativ.ru/wp-content/uploads/2018/10/Belaya-kniga-standarty-i-normy.pdf> (дата обращения: 28.09.2021)
4. Кирилл Родин. Отношение россиян к паллиативной помощи. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/210310_Palliativnaja_pomoshch_Rodin.pdf (дата обращения: 28.09.2021)
5. Атлас мира по паллиативной помощи в конце жизни. – URL: https://www.hospicefund.ru/wp-content/uploads/2017/09/Global-Atlas-Russian-version_small.pdf (дата обращения: 28.09.2021)
6. Клеминсон, Брюс. Введение в паллиативную помощь. – Москва : Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016. – 276 с.
7. Ключко, А. Р., Ясенецкая, И. Г. Современные тенденции в архитектурном проектировании хосписов // Строительство : наука и образование. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 1–18
8. Учреждения – Про Паллиатив. Карта паллиативных учреждений в РФ. – Интернет-портал. – URL: <https://pro-palliativ.ru/institutions/#> (дата обращения: 29.09.2021)
9. Ткачева, М. Л. Здоровье города и здоровье в городе // Проект Байкал. – 2019. – № (60). – С. 54–63

References

- Atlas mira po palliativnoj pomoshchi v konce zhizni [World Atlas on Palliative Care at the End of Life] (2014, January). Retrieved September 28, 2021, from https://www.hospicefund.ru/wp-content/uploads/2017/09/Global-Atlas-Russian-version_small.pdf
- Belaya kniga: standarty i normy hospisnoj i palliativnoj pomoshchi v Evrope: chast' 1 [White Paper on standards and norms for hospice and palliative care in Europe: part 1] (n.d.). Retrieved September 28, 2021, from <https://pro-palliativ.ru/wp-content/uploads/2018/10/Belaya-kniga-standarty-i-normy.pdf>
- Cleminson, B. (2017). Vvedenie v palliativnyuyu pomoshch' [An introduction to palliative care]. Charitable Foundation for Assistance to Hospices "Vera". Moscow.
- Klochko, A. R., & Yasenetskaya, I. G. (2020). Sovremennye tendencii v arhitekturnom proektirovanii hospisov [Modern trends in architectural design of hospices]. *Construction: science and education*, 10(2), 1–18. DOI: 10.22227/2305-5502.2020.2.2
- Portal Pro Palliativ. Karta palliativnykh uchrezhdeniy v RF [Portal About Palliative. Map of palliative institutions in the Russian Federation] (n.d.). Retrieved September 29, 2021, from <https://pro-palliativ.ru/institutions/#>
- Rodin, K. (n.d.). Otnoshenie rossiyan k palliativnoj pomoshchi [The attitude of Russians to palliative care]. Retrieved September 28, 2021, from https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/210310_Palliativnaja_pomoshch_Rodin.pdf
- Tkacheva, M. (2019). Health of the city and health in the city. *Project Baikal*, 16(60), 54–63. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1474>
- Twycross, R. (2020). Palliativ - eto o kachestve zhizni [Palliative is about quality of life]. *Pallium: Palliative and Hospice Care*, 2(7), 51–56.
- Vedernikova, V. G. (2010). Gumanitarnye problemy obustrojstva social'nogo prostranstva: filosofiya hospisa [Humanitarian problems of social space arrangement: hospice philosophy]. *Specialty 09.00.11 "Social philosophy": dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences*. Perm.

Сравниваются предпосылки «национального возрождения» в Российской и Австро-Венгерской империи. Анализируется сходство и различие в развитии русского стиля и «мадьярского возрождения». Делается вывод, что, несмотря на разные интенции возникновения национального романтизма, в обоих случаях национальный стиль развивался от перегруженной декором фасадной архитектуры к максимально лаконичному «суровому» стилю, более уместному в контексте начинающейся Первой мировой войны. К 1914 г. появляются цельные ансамбли, которые открывали градоформирующие перспективы национального романтизма.

Ключевые слова: национальный романтизм; русский стиль; мадьярский сецессион; архитектурный образ Родины; Йозеф Хуска; Андрей Роллер; Комор и Якаб; Эдён Лехнер. /

The article compares the prerequisites of “national renaissance” in the Russian and Austro-Hungarian empires. It analyzes the similarity and difference in the development of the Russian style and the “Magyar Renaissance” are analyzed. The authors come to the conclusion that despite the different intensions of the emergence of national romanticism, in both cases the national style evolved from an overdecorated facade architecture to the most laconic “severe” style, which was more appropriate in the context of the beginning of the First World War. By 1914, integral ensembles appeared, which opened up the city-forming prospects of national romanticism.

Keywords: national romanticism; Russian style; Magyar Secession; architectural image of the motherland; Josef Huszka; Andreas Roller; Komor and Jakab; Odon Lechner.

Архитектурный образ Родины: Санкт-Петербург и Будапешт / Architectural image of the Motherland: Saint Petersburg and Budapest

Введение

Национальная архитектура Венгрии – новая тема и новая локация для русскоязычного профессионального дискурса. Будапешт, в отличие от Венеции, Парижа и Лондона, слабо укоренен в нашей культуре, возможно, потому, что русская интеллигенция предпочитала Прагу и Берлин. Венгрия из-за сложного языка («языковой изоляции») и традиционно-осторожного отношения к чужакам (историческая память о вечном осадном положении?) не стала центром русскоязычной эмиграции, отсюда не шел в Россию культурный трансфер. Меж тем венгерская литература, посвященная архитектурному наследию Будапешта, необъятна, но не переведена на русский язык и поэтому недоступна соотечественникам. Сошлемся лишь на четыре монографии, из объемного блока венгерских источников, использовавшихся при работе над статьей [1–3].

Основная цель исследования – сравнить механизмы конструирования «народного» и «национального» в архитектуре России и Венгрии середины XIX – начала XX вв. Попутно рассматриваются истоки «русского придворного возрождения» от «русского» как «экзотического» (наряду с «китайским») до «русского» как «государственного». История возникновения венгерского национального романтизма дается обзорно, но надеемся, что некоторые найденные параллели будут интересны профессиональному сообществу.

1. Венгрия и Россия – поиск параллелей

Между Австро-Венгерской и Российской империями есть много общего, что неудивительно для многоконфессиональных, полиэтничных континентальных держав с вечной мечтой о море и вечными проблемами с Турцией. Обе страны выстраивали себя на идее защиты Европейского мира от восточной экспансии, идущей через Дарданеллы.

Обе империи по итогам Первой мировой войны практически одновременно прекратили свое существование. Подъем национального романтизма, так и не получив всенародного распространения, в обеих странах был прерван разразившейся геополитической катастрофой.

И Австро-Венгрия, и Россия имели две столицы – старые (Вена и Москва) и новые, причем «новый»

Будапешт (1873), ровесник османовского Парижа, был на 170 лет моложе Санкт-Петербурга. В поисках национальных стилей и русские, и венгерские архитекторы противопоставляли космополитическим новым столицам историческое наследие легендарной эпохи становления национально-ориентированного государства (барокко и готику в Венгрии, нарышкинское барокко и шатровые завершения – в России).

Мария Нащокина отмечает, что «всеотзывчивость» относится к стойким архетипическим чертам русской культуры в целом» [4; 7]. Андрей Шарый, один из немногих русскоязычных авторов, пишущих сегодня о Венгрии, выделяет как базовую характеристику венгерской культуры аналогичное умение «ассимилировать других для формирования политической natio hungarica, вбирать в себя и растворять в себе чужое подобно тому, как Дунай вбирает в себя и растворяет в себе воды больших и малых рек» [5, с. 198–199].

Перед тем, как обратиться к теме распада единого транснационального имперского (габсбургско-гогенцолеровского) стиля и замещения его мозаичным архитектурным ландшафтом, созданным множеством акторов, заявлявших о себе с помощью архитектуры, попробуем найти общие источники влияния, предопределившие формирование архитектурных образов Петербурга и Будапешта, что несложно, так как они очевидны.

В Европе второй половины XIX в. было три «центра силы» – Британия, Германия, Франция; с каждым из них Российская империя и Австро-Венгрия находились в сложном балансе геополитических, экономических и социокультурных интересов. Пресловутая эклектика являлась прямой проекцией этой многовекторности. Культурная политика европейских сверхдержав была инструментом «мягкой силы», и выбор архитектурных стилей петербургскими заказчиками непосредственно сигнализировал о том, чьи интересы они лоббируют и на кого ориентируются, отстраивая свой *Modus vivendi*.

Для России, как и для Австро-Венгрии, германский вектор был одним из важнейших: в основе культурного ландшафта обеих империй был заложен немецкий фундамент; германское Просвещение, как и германский романтизм, сыграли ведущую роль в формировании

текст

Алина Иванова
Тихоокеанский государственный университет
Екатерина Глатоленкова
Тихоокеанский государственный университет
Михаил Базилевич
Тихоокеанский государственный университет
Габор Чанади
Университет Этвёша Лоранда /

text

Alina Ivanova
Pacific National University
Ekaterina Glatolenkova
Pacific National University
Mikhail Bazilevich
Pacific National University
Gábor Csanádi
Eötvös Loránd University

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и РЯИК № 21-512-23004. /
Acknowledgements:
The reported study was supported by RFBR and FRLC grant № 21-512-23004.

> Рис. 1–2. Почтовый сберегательный банк (сегодня: Государственное казначейство). Архитектор Э. Лехнер. 1899-1901. Фото Csánádi Gábor

национального самосознания. Выставка «Мечты о свободе. Романтизм в России и Германии» (23 апреля – 8 июля 2021) – совместный международный проект Третьяковской галереи и Государственных художественных собраний Дрездена – привлекла массовое внимание к эпохе романтизма и убедительно продемонстрировала коренную, глубинную связь германской и русской культуры. Аналогично формировался культурный ландшафт Будапешта: Венгрия была сателлитом Австрии, Австрия – Германии. И в Будапеште, и в Петербурге в середине XIX в. немцы занимали ключевые позиции в армии, государственном управлении, финансах и культуре; неудивительно, что в этих городах так много качественной немецкой архитектуры.

В рассматриваемый период в Будапеште немцы и евреи составляли до 40% населения. При Александре II еврейское население Санкт-Петербурга также резко увеличилось, однако в Венгрии все ограничения с еврейского населения были сняты еще в 1840 г, а в России черта оседлости для иудеев сохранялась до 1915 г. Возвращаясь к заявленной теме статьи, заметим, что в многонациональных империях представления о Родине были неоднозначны, и тема конструирования еврейской национальной архитектуры в России еще ждет своего исследователя. Архитектурой синагог Австро-Венгрии занимается профессор Klein Rudolf [3].

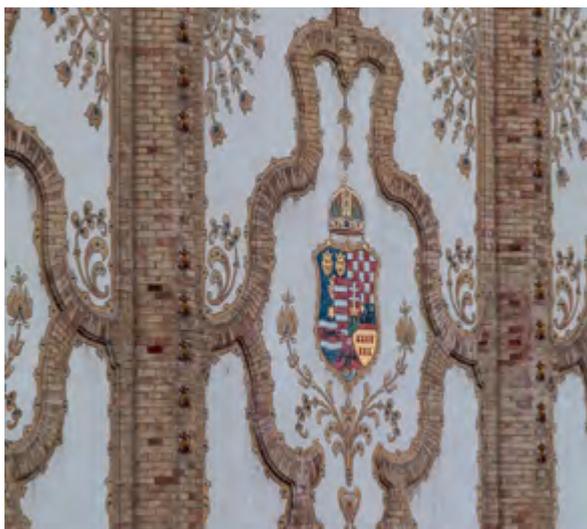
О французском влиянии на формирование русской культуры уже достаточно сказано; что же касается Будапешта, то венгерская столица программно строилась как новый Париж, с такими же озелененными османовскими проспектами и с роскошным боз-артом (напомним, что русский Харбин не без основания также называли «Восточным Парижем»). Англофильство отдельных экономически состоятельных страт (в России прежде всего – старообрядцев) в обеих рассматриваемых столицах сказалось в «готтизации» архитектурного ландшафта, в распространении стиля Тюдоров и викторианства. На этом фоне начались поиски национальной идентичности титульных наций. Поразительно, что и в Петербурге, и в Будапеште, этих образцовых столицах, процент зданий в национальных стилях относительно небольшой – их всего несколько десятков.

Столица Венгрии очень редко рассматривается в контексте сравнения с русской столицей, которую традиционно называют Северной Пальмирой, Северной Венецией, Северным Амстердамом, но никогда – Северо-Восточным Будапештом. Например, в литературе, посвященной космополитизму Санкт-Петербурга [7], наиболее подробно описан «немецкий» [8] и «еврейский» след, затем «британский», «французский», «итальянский», «шведский», «голландский», «польский», «финский» и проч., но Будапешт редко привлекает внимание отечественных исследователей.

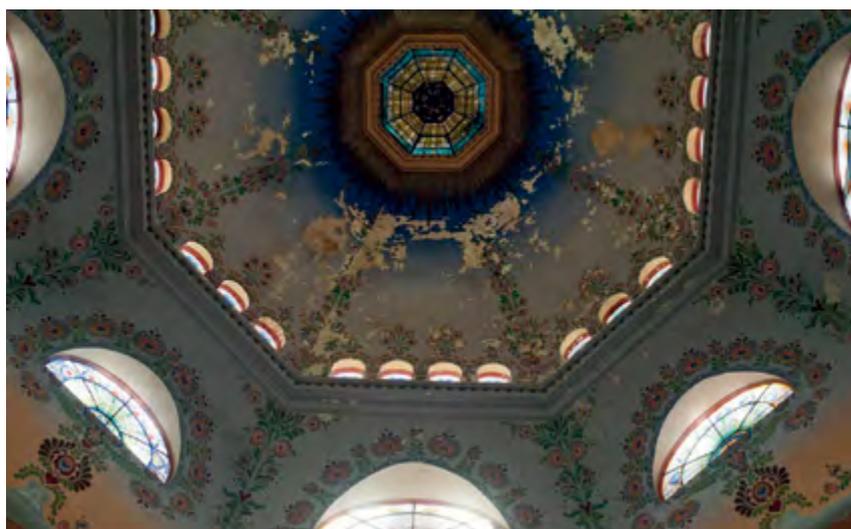
Даже самое поверхностное знакомство с Петербургом и Будапештом свидетельствует об удивительном сходстве архитектурных ландшафтов этих «новых столиц», быстро и с имперским размахом возведенных на европейских берегах петляющего Дуная, благодаря эффектному рельефу и подвесным мостам выглядит гораздо живописнее Петербурга. Но четкая регулярная планировка, фасадная архитектура бесконечных проспектов с романтическими «средневековыми» башнями, акцентирующими перекрестки, сплошная пяти-шестизэтажная застройка улиц-«ущелей», доходные дома с арками подворотен и системами дворов-колодцев, составляющие основу исторического жилого фонда, «габсбургские» дворцы, напоминающие о германских корнях высшей аристократии, настолько похожи, что случайно отобранные виды двух городов легко спутать. Это сходство неудивительно, принимая во внимание общую эстетическую платформу рассматриваемого периода – германский классицизм, британские готицизмы, французский боз-арт и венский сецессион. Интереснее рассмотреть отличие – то, что сегодня принято называть национальным романтизмом. И в России, и в Венгрии поиски собственной национальной идентичности начались практически одновременно и очень похоже, но привели к совершенно разным результатам.

2. История формирования и развития русского стиля

Все рассуждения о русском стиле неизменно начинаются с «тройного лозунга» просвещенного монархизма: «Православие – самодержавие – народность». Обращение

^ Рис. 3. Почтовый сберегательный банк (сегодня: Государственное казначейство). Архитектор Э. Лехнер. 1899–1901. Фото Csanádi Gábor

^ Рис. 5. Синагога в Субботицах. Народные венгерские мотивы в росписях купола. Архитекторы М. Комор и Д. Якаб. 1901–1902. Фото Csanádi Gábor

к «народности» – самая конвенциональная точка зрения на истоки русского стиля, с обязательными ссылками на монументальный труд Ф. Г. Солнцева «Древности российского государства» (1849–1853), на «Памятники древнего русского зодчества» Ф. Ф. Рихтера (1859), на Н. В. Султанова и В. В. Стасова. Она наиболее широко представлена в классических монографиях [10; 11]. Версия «самодержавия» как заказчика национальной эстетики стала набирать популярность относительно недавно, во многом благодаря выставкам на «царские» сюжеты и прекрасно изданным каталогам Эрмитажа [8]; что касается профессиональной литературы, укажем на монографию Ю. Р. Савельева, посвященную государственному заказу на «историзм» [9].

«Большой» русский стиль был сильно сакрализован и использовался, прежде всего, в православном зодчестве (монастыри, храмы, часовни, подворья и проч.) и в мемориальной архитектуре (часовни, обелиски). Что еще важнее – русский стиль был заявлен как способ оформления мест редких «явлений» императора и двора «народу»: коронационные павильоны, «императорские павильоны» на железнодорожных станциях, триумфальные арки, воздвигнутые в дальневосточных (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) и сибирских городах в честь прибытия цесаревича Николая, возвращавшегося из восточного путешествия (1890–1891). К этой же категории можно отнести павильоны на выставках в честь 300-летия царствования дома Романовых, которые были организованы во множестве городов как местах символического царского «присутствия».

Поэтому интеллигенция, настроенная демократически и зачастую антиклерикально, индифферентно относилась к «романовским», «ропетовским» и «купеческим» ретроспекциям, пытаясь противопоставить им собственную эстетическую платформу (неоклассика, модерн, обращение к историческому наследию Псковско-Новгородской республики).

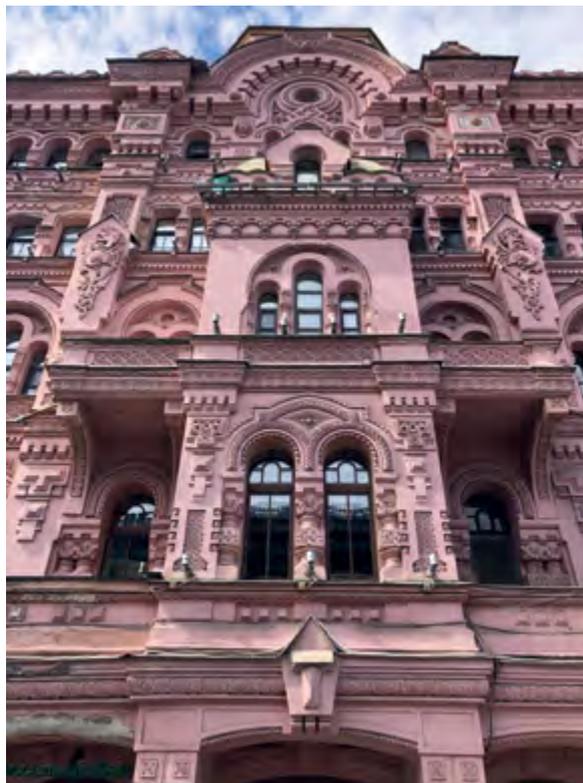
3. Магьярское возрождение и русский стиль. Попытка компаративистики

Если в России история русского стиля – от Александровской слободы в Потсдаме (1825) до Федоровского

городка в Царском Селе (1915–1918) – была инспирирована императорскими заказами, венгерский национальный романтизм имел противоположный, антиимперский вектор (что, впрочем, не помешало императору Францу-Иосифу I назначить в 1900 г. Эдэна Лехнера Királyi tanácsos – королевским советником).

Подъем национального самосознания и, соответственно, развитие национального романтизма в архитектуре обычно связываются с демократическими реформами. В Венгрии «эра реформ» началась почти на сорок лет раньше, чем в России – в 1825 г.

Анти-австрийское движение, завершившееся революцией 1848 г., объединило и старое венгерское

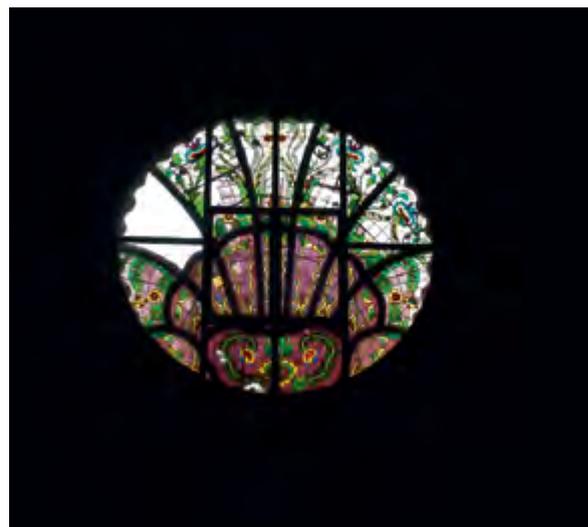

< Рис. 4. Собственный дом архитектора Н. П. Басина, «испортивший площадь». Фрагмент главного фасада. Вид со стороны Александринского театра. Санкт-Петербург. Архитектор Н. П. Басин. Фото Е. Глатоленковой, август 2021

> Рис. 6. Синагога в Субботицах. Типичный для «венгерского народного стиля» волнистый край оконного проема. Фото Csanádi Gábor

> Рис. 7. Синагога в Субботицах. Народные венгерские мотивы в росписях интерьера. Фото Csanádi Gábor

v Рис. 8. «Венгерский народный стиль» в деталях фасадной архитектуры. Будапешт. 1891. Фото Csanádi Gábor

дворянство, и новую городскую интеллигенцию, единым фронтом выступавших за создание национального государства и в ожидании этого активно конструирующих «образ Родины». Ключевым для венгерского культурного национализма стал 1896 г., когда с максимальной торжественностью отмечалось тысячелетие существования мадьярского государства. Поиски национальной идентичности все дальше уводили идеологов «мадьярского возрождения» от «габсбургского стиля» вглубь веков, к легендарным вождям-номадам. Эпилогом венгерского культурного национализма стал павильон на Всемирной выставке в Турине «Шатер короля Аттилы» (арх. Dénes Gyöngyi, 1911–1912).

Но, несмотря на противоположные культурные векторы (русская государственность выводила свое происхождение от европейских норманнов, а не от степных кочевников), и русский, и венгерский национальный

романтизм в поисках культурной прародины неожиданно обратились к Индии.

Есть устоявшееся мнение, что возрождение русского стиля было подготовлено трудами Ф. Г. Солнцева, Ф. Ф. Рихтера, Н. В. Султанова и особенно В. В. Стасова [10], собиравшего «русские древности» и фольклорные орнаменты подобно Виолле-ле-Дюку [11]. Однако эти идеологи национальной эстетики не получили широкой народной популярности, и сегодня их имена знакомы лишь специалистам. В Венгрии, напротив, фигура первого собирателя фольклора легендарного учителя рисования Йозефа Хуски, пешком исходившего всю страну от Кишкунфеледьхазе до Трансильвании и выпустившего в 1912 г. тоненькую брошюрку для учеников младших классов с паттернами народных орнаментов [12], пользуется всенародной известностью. Интерес к фигуре Йозефа Хуски неуклонно возрастает: в 2005–2006 гг. в Этнографическом музее Будапешта прошла посвященная ему выставка, его работа о мадьярском национальном орнаменте была вновь переиздана в 2021 г. Венгерские исследователи указывают, что орнаменты, собранные Йозефом Хуской и сформулированные им основные постулаты национальной культуры, использовали ведущие архитекторы венгерского сецессиона – прежде всего Эдён Лехнер [1] и его ученики – Марсель Комор и Дезо Якабу [2], а также Дьюла Партос, Бела Лайт (на раннем этапе), Геза Маркус, Иштван Надь и др.

4. Свет с Востока: внезапная Индия

Сравнивая тексты Йозефа Хуски и Василия Стасова, нетрудно заметить, что оба в качестве колыбели национальных культур предполагали Индию. В. В. Стасов прямо пишет в одной из своих главных работ «Русский народный орнамент» о буддийских корнях архитектурных мотивов в традиционных русских вышивках и прочем фольклорном декоре: «Храмы, нередко встречающиеся в наших узорах, имеют, несомненно, характер языческий. Нас не должны вводить в заблуждение кресты, иногда венчающие подобные здания. Мы особенное внимание обращаем на большие орнаменты наподобие рогов или закорючин, которые возвышаются по сторонам зданий, выходя из их стен, на громадные шарообразные

< Рис. 9. Доходный дом Б. Я. Купермана – А. Л. Лишневого. Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 31. Архитектор А. Л. Лишевский. 1910–1913. Фото А. Ивановой, август 2021

< Рис. 10–12. Доходный дом Б. Я. Купермана – А. Л. Лишневого. Деталь портала. Фото А. Ивановой, август 2021

> Рис. 12. Собственный дом епархиального архитектора Н. Н. Никонова. Парадный фасад. Санкт-Петербург, Колокольная ул., 11. Фото А. Ивановой, август 2021

купола и почти всегда громадно высокий цоколь» [10, XVIII – XIX]. Йозеф Хуска, изучая мажарские народные орнаменты, пришел к аналогичным выводам. Но, если в венгерском национальном возрождении идея Индии как прародины мажарской культуры четко артикулировалась и тем же Лехнером заявлялась в качестве платформы конструирования национального стиля, в России столь экзотическая версия оставалась на периферии. Идеологи нацибилдинга старались не злоупотреблять восточными версиями, и откровенно индийские очертания официальных пятикупольных храмов считались византийскими. Интересно проследить генезис «индийской» темы. Предположим, что В. В. Стасов следовал за Виолле-ле-Дюком, который являлся непререкаемым авторитетом. Но кто вдохновил Йозефа Хуску – скромного учителя рисования – на столь нетривиальную версию происхождения национальной культуры? Вероятно наличие общего идейного источника. Мы пока не знаем его, но можем лишь предполагать, что Индия в XIX в. была в некотором смысле «ближе» Европе, чем сегодня, представляя собой «распределенную» Британию. Предположим, увлечение Индией и попытки привить индо-сарацинский стиль к национальным архитектурным традициям было спровоцировано Королевским павильоном в Брайтоне (арх. Дж. Нэш и др., 1787–1823). Но есть и более убедительная гипотеза: Александр Эткинд, цитируя американского Китаиста Мартина Бернала, пишет о том, что «примерно до 1800 г. исследователи античности принимали идею о восточных корнях греческой цивилизации, но потом европейские ученые поняли, что, если вести генеалогию классических греков из Египта и Финикии, они сами делаются потомками африканцев и семитов. Из-за растущего расизма европейской элиты началась новая интеллектуальная эра: падение Египта и возвышение Индии. Отвергнув идею черной и семитской Афины, историки и лингвисты изобрели индоевропейцев». Там же упоминается о том, что С. Уваров – идеолог концепта «Православие-самодержавие-народность» и убежденный сторонник «Азиатского проекта», был не чужд этим идеям [13, с. 83–84]. Возможно, неожиданные и парадоксальные для сегодняшнего читателя поиски в Индии истоков русской и венгерской национальной идентичности были

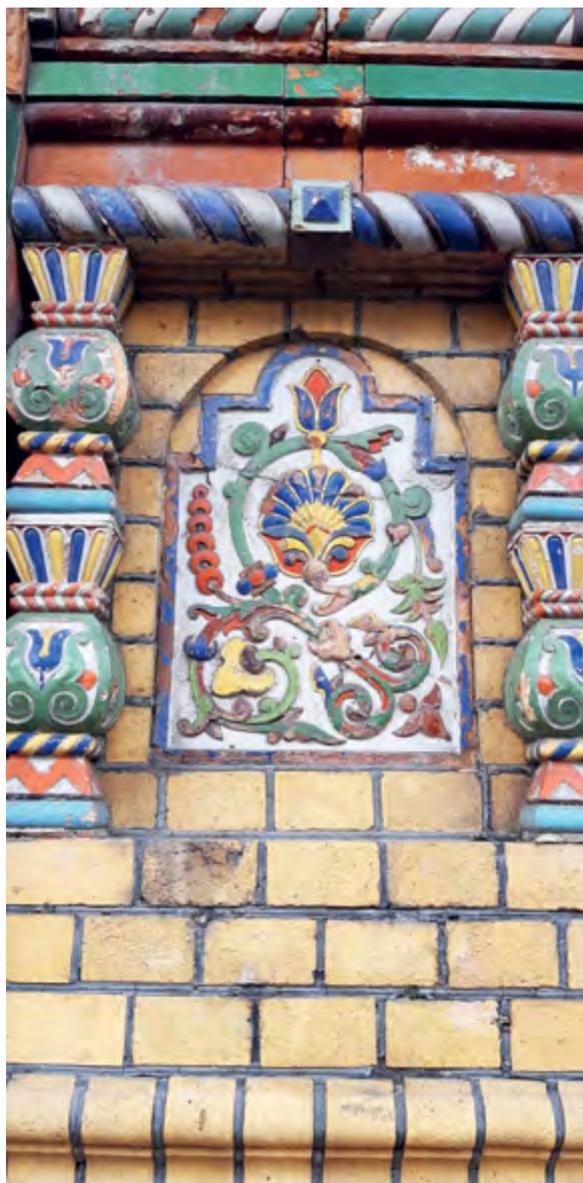
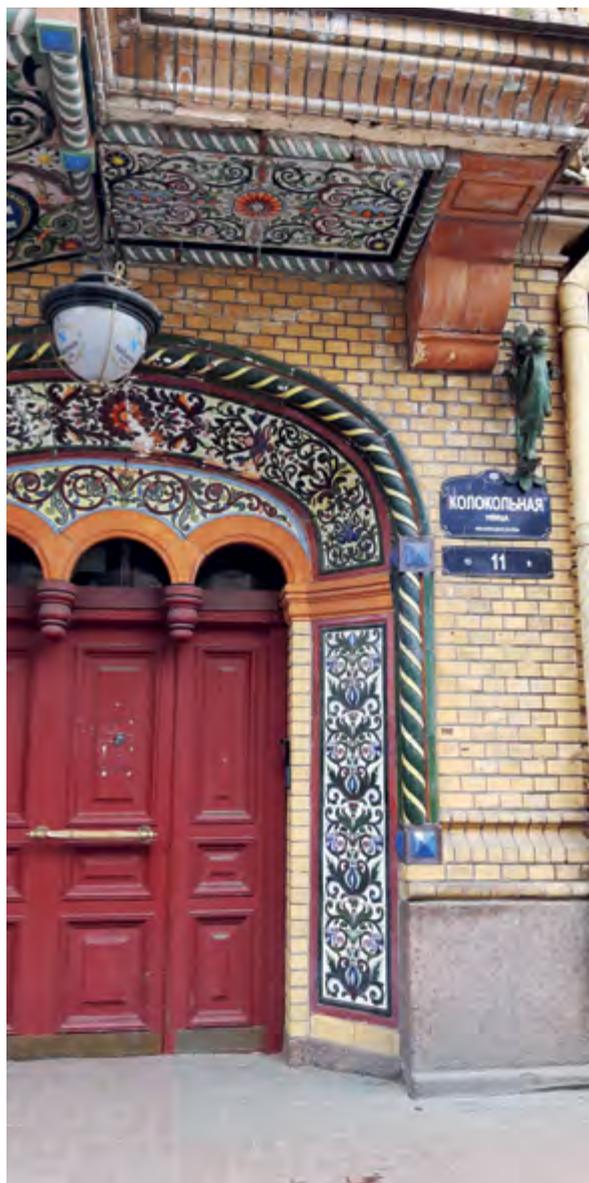
самоочевидными для приверженцев индоарийской теории.

Еще раз вернемся к «русскому тексту» Виолле-ле-Дюка. Подозреваем, что в своих умозаключениях о происхождении народного – древнеславянского искусства он опирался на отчет Натализы Рондо о Венской выставке 1873 г., где упоминалось его близкое родство с Востоком и говорилось о том, что «первобытное в народном искусстве полууничтожилось заимствованиями из византийского или индийского стиля» [11, с. 307]. «Если у Славяно-Русса есть родственные связи с Греком и Азиатом, то у него нет никакой с Римлянином. Зачем же ему насиловать свою природу?» [11, с. 313]. Это замечание исключало Россию из общеевропейского Большого Нарратива: действительно, зачем славянину «насиловать свою природу» и стараться быть европейцем? Основой европейской цивилизации является античность, организация и тысячелетнее существование Священной Римской империи германской нации подразумевало прямое наследование Риму (что очевидно из самоназвания); Ренессанс в католических странах также восстанавливал преемственность с античностью. Мы напоминаем эти очевидные истины, чтобы указать на основную цель инсинуаций о генетической связи России с Востоком, Азией, но никак не с Римом. Так декларировался основной посыл европейской геополитики: «Россия – НЕ Европа», что перечеркивало двухсотлетнюю программу русских императоров по конструированию «Третьего Рима» и выводило Россию из цивилизованного мира. Аналогичные процессы были запущены в Венгрии: пропаганда неких мифических «индийских» корней мажарской культуры, конструирование собственной «уникальной идентичности», независимой от общеевропейской, выталкивало Венгрию из единого общеевропейского PAX ROMANA и косвенно подготавливало катастрофический для венгерского государства Трианонский договор (1920).

Сторонником теории «индийской прародины» был Эдён Лехнер, ключевая фигура «мажарского возрождения», которого называют будапештским Гауди и считают основоположником новой венгерской архитектуры. Начиная в 1870-х гг. со стандартного академического историзма, Лехнер постепенно «ориентализуется»

и выигрывает главный конкурс своей жизни (проект Музея прикладного искусства, 1891) под девизом «Венгрия – на Востоке» (рис. 1–3). Известно, что во время второй поездки в Лондон (1889) он, вместе с Вилмошем Жолнаи изучал в Музее Виктории и Альберта индийскую керамику. Жолнаи был владельцем семейного бизнеса по производству керамики и изобретателем пирамогранита, который стал для «мадьярского возрождения» таким же фирменный знаком, как керамическая мозаика «тренкадис» для каталонского модернизма. Три главные культовые постройки Лехнера – Музей прикладного искусства (1896), Геологический музей (1896–1899), Почтовая сберегательная касса (1899–1900) – поражают своей эксцентричностью и демонстративным нарушением «хорошего вкуса». С Гауди Лехнера объединяет понимание архитектуры как мистерии и сложные системы собственных символических кодов. Основное ощущение, транслируемое постройками Лехнера – удивительная

жизнерадостность: это оптимистичная архитектура, полная надежды и воодушевления, чего не скажешь о манифестах русского стиля вроде Политехнического музея (арх. Монигетти – Каминский – Машков – Тихомиров – Шехтель и др., 1871–1912) или Московской городской думы (арх. Д. Н. Чичагов, 1890–1892). Сторонники русского стиля подвергались жесткой критике со стороны корифеев конвенциональной эклектики (В. Г. Лисовский цитирует мнение Л. Н. Бенуа о самом ярком примере петербургской национально ориентированной гражданской архитектуры – доме Басина: «на углу Толмазова переулка архитектор Н. П. Басин построил себе дом в петушином русском того времени стиле, что-то вроде кондитерского пирога <...> Нужно было это видеть, чтобы иметь полное понятие о безобразии! Площадь нарушили. Испортили вконец» [14, с. 243] (рис. 4). Лехнер также испытывал неприятие со стороны коллег-академистов, разрушивших его карьеру. «Мадьярское возрождение» было вытес-

< Рис. 13. Собственный дом епархиального архитектора Н. Н. Никонова. Входная группа. Фото А. Ивановой, август 2021

< Рис. 14. Изразец – основной маркер русского стиля. Собственный дом архитектора Н. Н. Никонова

> Рис. 16. Квартал Wekerletelep. Восточные ворота. Предмесье Будапешта, Венгрия. Архитектор Кароли Кос. 1911–1914. Фото Csanádi Gábor

> Рис. 17. Wekerletelep, предместье Будапешта. Лаконичный фасад под традиционной «трансильванской» крышей. Фото Csanádi Gábor

нено из Будапешта на окраины и там, в Трансильвании, Кечкемете, Сегеде и Субботице продолжались эксперименты с национальным духом. Заметим, что в России русский стиль использовался как инструмент «мягкой силы», оформляя территориальное расширение Империи на Дальний Восток и в Туркестан [15].

На раннем этапе «мадьярского возрождения» «национальное» понималось прежде всего как полихромное (розовое/красное/зеленое – геральдические венгерские цвета) (рис. 1–2). Яркая фактурная полихромия противопоставлялась элегантно монохромности будапештского боз-арта, где эффектность архитектурного облика достигалась использованием настоящего, преимущественного серого камня и динамичной пластикой фасадов. Наиболее узнаваемым элементом национальной эстетики являются стилизованные изображения гвоздик (рис. 3), гирлянды из бутонов розовых тюльпанов или круглых

раскрытых венчиков в окружении зеленых листьев (рис. 5–6), повторяющие традиционную вышивку и фетровые/кожаные аппликации, которыми украшались овчинные и войлочные накидки венгерских пастухов. Накидки из овчины – «Suba» (узнаваемая русская «шуба», аналог бурки), которые служили пастухам и постелью, и столом, и палаткой в непогоду, а также нарядные, дорогие накидки-мантии Szűr являлись популярным объектом этнографических исследований как наиболее характерные примеры народной одежды. Прекрасные образцы Suba, Szűr, а также войлочные плащи и накидки, покрытые великолепной вышивкой, мотивы которой восходят к исламским орнаментам из коллекции Стюарта Кулина, собранной в 1922 г., представлены на сайте Metropolitan Museum of Art (Нью-Йорк) в открытом доступе. Как и в русском стиле, в «мадьярской» архитектуре широко применялась глазурированная керамика. Самым известным производителем венгерской майолики – пирогранита, как уже упоминалось выше, была фабрика семьи Жолнаи (венгерский аналог «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М. С. Кузнецова» и мастерских Петра Ваулина). Но в русском национальном романтизме не использовались волнистые очертания краев проемов, карнизов, фронтонов, обязательных для мадьярского стиля (рис. 6, 8).

Как упоминалось выше, в Санкт-Петербурге в русском стиле строили (за буквально единичными исключениями) православные монастыри, храмы, часовни, подворья и прочую ортодоксальную инфраструктуру. Лучшие доходные петербургские дома в русском стиле (например, доходный дом Б. Я. Купермана – А. Л. Лишневого, 1910–1913, Чкаловский пр., 31) (рис. 9–11) задумывались как части ансамбля существующих храмовых комплексов или, как в случае собственного дома Н. Н. Никонова (Колокольная ул., 11) (рис. 12–14), служили программной декларацией и рекламой авторского стиля.

В Будапеште, населенном преимущественно католиками и протестантами, культовая архитектура развивалась в общеевропейском духе. Но интересно, что приемы «народного мадьярского» стиля, наработанные к XIX – началу XX в. (узнаваемые цветочные мотивы, заимствованные с вышивок войлочных накидок пастухов) использовались

> Рис. 15. Доходный дом П. М. Станового на углу Мытнинской и Старорусской улиц. Санкт-Петербург. Архитектор Д. А. Крыжановский. 1908–1909. Фото Е. Глатоленковой, август 2021

< Рис. 18. Wekerletelep, предместье Будапешта. Деталь в «трансильванском духе». Фото Csanádi Gábor

в оформлении синагог иудеев-неологов. Скажем несколько слов об этом уникальном, не имеющем аналогов ответвлении венгерского иудаизма. Прогрессивные и урбанизированные общины неологов состояли из образованных представителей среднего и высшего слоя, которые выступали за интеграцию в венгерский социум (отметим, что ортодоксальные иудеи ориентировались на германскую культуру и продолжали говорить на идише, а не на венгерском языке, как неологи). Архитектура синагог рассматривалась неологами в качестве средства «мадьяризации», и доказательством жизнеспособности мадьяро-еврейского стиля является синагога в Суботице (1901–1902). В этом городе, находящемся сегодня на территории Северной Сербии, имелась процветающая община неологов, заказавшая проект синагоги ученикам Лехнера Марселю Комору и Дезо Якабу. Синагога в Суботице стала второй по величине в Европе и до сих пор поражает смелостью инженерного решения: Комор и Якаб спроектировали самонесущую конструкцию, символизирующую шатер-скинию. И на фасадах, и в интерьере здания широко использовались мгновенно опознаваемые «венгерские народные» приемы (рис. 5–7), что должно было символизировать двойную мадьяро-еврейскую идентичность в католическом окружении [3]. Представить себе прямую трансляцию приемов русского стиля в российские синагоги проблематично, хотя некоторые характерные черты – полосатость фасадов, подковообразные и килевидные арки, гипертрофированная шарообразность луковичных завершений или наоборот – плоские «византийские» купола, свидетельствуют о возможности подобного культурного трансфера. Синагога Комора и Якаба – трогательная попытка еврейской общины «стать своими» в инокультурном окружении. Неологами ставился под сомнение обязательный для синагог «мавританский» стиль, который был настойчиво рекомендован (чтобы не сказать – навязан) немецкими культуртрегерами, считавшими, что с помощью максимально «неевропейской» архитектуры иудейские общины будут «вычитаться» из местного культурного ландшафта [3]. Как и в России, многие венгерские архитекторы, увлеченные поисками самобытности, были евреями, что еще более усложняло (и обогащало) процесс конструирования

национальных стилей. Не исключено, что в обеих странах этот процесс во многом понимался как преодоление германского культурного доминирования с помощью опоры на местные фольклорные традиции.

Развитие и русского, и венгерского национального романтизма делится на два похожих этапа – ранний и зрелый (у нас еще недавно говорили о «псевдорусском» и «неорусском» стиле). Архитектурные декорации раннего этапа лучше всего характеризует определение «фольклорное рококо» (термин, используемый в неформальных сетевых дискуссиях). Эта архитектура очень нарядна и «женственна», если подобное определение применимо в данном контексте. Постройки перегружены все более усложняющимся декором, стремящимся сплошь покрыть всю фасадную плоскость и крышу. Архитектура зрелого этапа максимально лаконична, декор исчезает или концентрируется в локальных пятнах, облик построек становится все сдержанней, «мужественней» и архаичнее. В качестве примера приведем два петербургских объекта: доходный дом П. М. Станового на углу Мытнинской и Старорусской улиц (1908–1909, арх. Д. А. Крыжановский) (рис. 15) и уже упоминавшийся доходный дом Б. Я. Купермана – А. Л. Лишневецкого (арх. А. Л. Лишневецкий, 1910–1913). В Венгрии «аскетичный стиль» развивал Кароли Кос, искавший вдохновение в трансильванской народной архитектуре. Протестантская Трансильвания, где богослужения велись не на латыни, как в Будапеште, а на мадьярском языке, в национальной венгерской мифологии играла примерно такую же роль, как Псковско-Новгородская республика в России. Венгерские романтики считали Трансильванию, регулярно поднимавшую антигабсбургские восстания, заповедником национального духа. Деревенский трансильванский вернакуляр был переосмыслен Кароли Косом в застройке первого венгерского города-сада в Будапештском предместье Кишпеште (Wekerletelep) (1911–1914) (рис. 16–18).

Заключение

Мы пунктирно наметили контуры исследования и надеемся детально развить в серии статей следующие темы: отличия русской и венгерской архитектуры от течений,

которые возникали в других империях (британской, французской, германской, испанской, португальской); особенности стиля романтизм в архитектуре не только Санкт-Петербурга и Будапешта, но и других имперских столиц этой эпохи; влияние мифического образа некоей «обобщенной Индии» на «стиль синагог», аналогичного образу «обобщенного Китая», сформировавшего стиль шинуазри, и проч. Сформулируем еще раз основные тезисы статьи и подведем итоги, возможно, спорные, но открывающие новые сюжеты для профессиональных дискуссий.

– Санкт-Петербург и Будапешт задумывались и строились как поликонфессиональные, многонациональные столицы континентальных империй.

– Запрос на «народность» в Санкт-Петербурге шел «сверху», непосредственно от императорского двора, который являлся главным заказчиком самых масштабных и знаковых ансамблей в русском стиле; в Будапеште – преимущественно «снизу»: идея венгерского национального романтизма была прямо оппозиционной режиму Габсбургов.

– Несмотря на столь различные интенции, и в Петербурге, и в Будапеште поиски истоков национальных архитектурных традиций привели в Индию, что косвенно свидетельствует об одинаково заданном векторе этих изысканий. Пропаганда «восточных корней», обращение к экзотическим культурам, «не затронутым влиянием Запада», к собственной фольклорной архаике и деревенскому вернакуляру подчеркивали «одинокость» Венгрии и России, их настороженное отношение к европейским соседям. Однако эти эксцентричные идеи не прижились вне авангардных кругов.

– И русский стиль, и «мадьярское возрождение» развивались от фасадных декораций к объемной архитектуре; накануне Первой мировой войны под Петербургом и в пригороде венгерской столицы появляются цельные ансамбли («Федоровский городок» в Царском Селе и Wekerletelep в Будапеште), которые открывали новые – градоформирующие перспективы национального романтизма.

– Подъем русского стиля и «мадьярского возрождения» был прерван геополитическими катастрофами, оба направления так и остались локальными экзотичными версиями национального романтизма, не получив широкого международного распространения.

Литература

1. Gerle János Lechner Ödön / Gerle János, Budapest: HOLNAP KIADÓ KFT., 2003. – 272 с.
2. Várallyay Réka. Komor Marcell és Jakab Dezső. Holnap Kiadó. 2006. – 234 p.
3. Klein Rudolf. Zsinagógák Magyarországon 1782–1918. Terc Kft. 2011. – 680 p.
4. Нащокина, М. В. Время стилей. К истории русской архитектуры конца XIX – начала XX вв. – Санкт-Петербург : Коло, 2018. – 432 с.
5. Шарый, А. Дунай: река империй. – Москва : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. – 464 с.
6. Кириченко, Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX вв. – Москва : БуксМарт, 2020. – 580 с.
7. Лисовский, В. Г. Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля. – Москва : Белый город, 2009. – 568 с.
8. Mikhail Borisovich Dr. Piotrovsky. Russian Splendor. Sumptuous of the Russian Court / Mikhail Borisovich Dr. Piotrovsky, под ред. Georgy Vilinbakhov, Evelina Tarasova, перевод Antonina W. Bouis, Skira Rizzoli, 2016. – 440 с.

9. Савельев, Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начало XX века. – Москва : Совпадение, 2008. – 400 с.

10. Русский народный орнамент. L'ornement national russe / издание Общества поощрения художников; с объяснительным текстом В. Стасова. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва Общественная польза, 1872. – 38 с.

11. Виолле-ле-Дюк, Э. Э. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / пер. с фр. Н. Султанов. – Москва : Худож.-пром. музеум, 1879. – [8]. VIII, –319 с., 1 л. фронт. (литогр. тит. л.), 31 л. ил. : ил. ; 26 см.

12. Huszka József. A magyar ornamentika hun eredete / Huszka József. – Budapest: Magyar Mérnök- és Építészegylet Közlönye, 1912. – 42 с.

13. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

14. Лисовский, В. Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Коло», 2006. – 400 с.

15. Иванова, А., Глатоленкова, Е., Базилевич, М. Новые земли: конструирование образа родины. – Проект Байкал. – 2021. – 68. – С. 134–146

References

- Etkind, A. (2013). Internal colonization. Imperial experience of Russia. Moscow: New Literary Review.
- Gerle János (2003). Lechner Ödön. Budapest: HOLNAP KIADÓ KFT.
- Huszka József (1912). A magyar ornamentika hun eredete. Budapest: Magyar Mérnök- és Építészegylet Közlönye.
- Ivanova, A., Glatolenkova, E. & Bazilevich, M. (2021). New lands: Designing an image of the motherland. Project Baikal, 18(68), 134-146, <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1815>
- Kirichenko, E. I. (2020). Russian style. The search for the expression of national identity. Nationalism and nationality. Traditions of Old Russian and Folk Art in Russian Art of the 18th - early 20th centuries (2nd edition, rev. and add.). Moscow: BuksMart.
- Klein Rudolf (2011). Zsinagógák Magyarországon 1782-1918. Kiadó: Terc Kft.
- Lisovsky, V. G. (2006). Leonty Benois and the St. Petersburg School of Artists-Architects. St. Petersburg: Izd. dom "Kolo".
- Lisovsky, V. G. (2009). Architecture of Russia of the 18th - early 20th centuries. The search for national style. Moscow: Belyi Gorod.
- Nashchokina, M. V. (2018). Style time. On the history of Russian architecture of the late 19th - early 20th centuries. St. Petersburg: Kolo.
- Piotrovsky, M. B. (2016). Russian Splendor. Sumptuous of the Russian Court. Moscow: Skira Rizzoli.
- Savelyev, Y. R. (2008). The Art of Historicism and the State Order. Second half of 19th - early 20th century. Moscow: Sovpadenie.
- Shary, A. (2017). Danube: the river of empires. Moscow. KoLibri, Azbuka-Atticus.
- Stasov, V. (1872). Russian folk ornament. L'ornement national russe. In The publication of the Society for the Encouragement of Artists. St. Petersburg: Tip. t-va Obshchestvennaya Polza.
- Várallyay Réka (2006). Komor Marcell és Jakab Dezső. Kiadó: Holnap Kiadó.
- Violet-le-Duc, E. E. (1879). Russian art, its sources, its constituent elements, its higher development, its future (N. Sultanov, Trans.). Moscow: Khudozh.-prom. museum.

Статья написана на основе полевых и архивных исследований (лето 2021), выполненных в ходе работы над научным проектом «Архитекторы и инженеры восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX века)». Дается краткий обзор архитектурного ландшафта Читы. Основной блок посвящен творческому наследию архитектора Г. В. Никитина, работавшего в Чите в 1897–1906 гг. Рассмотрено 6 сохранившихся построек. Даются описания и стилистический анализ объектов, делается вывод о широчайшем творческом диапазоне провинциального архитектора.

Ключевые слова: Чита; архитектура; Г. В. Никитин. /

The article reflects the results of the research carried out by the authors in the framework of the scientific project: "Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia (second half of the XIX - early XX century)". The legacy of the city architect Nikitin (6 surviving buildings) is considered. Descriptions and stylistic analysis of objects are given, a conclusion is made about the broadest creative range of the provincial architect.

Keywords: Chita; architecture; G. V. Nikitin.

Оправдание Никитина / Nikitin's acquittal

Введение: открытие Читы

Чита, основанная на полвека раньше Петербурга (1653) и прошедшая за двести лет обычные стадии «восточного фронта» (зимовье – острог – слобода – поселок золотопромышленников – уездный центр с регулярной планировкой – мощный железнодорожный узел – областная столица территории, равной по площади среднему европейскому государству) сегодня один из самых «негромких» русских городов, «слепое пятно» в культурном ландшафте Восточной России. Несмотря на «декабристскую легенду», этот топоним не вызывает никаких ассоциаций (кроме смутного ощущение опасного захолустья). Чита, в отличие от хорошо известного столичной интеллигенции Иркутска, лежит вдали от байкальских туристических маршрутов. Чита не расположена на китайской границе подобно Кяхте или Благовещенску, не поражает буддистской экзотикой как Верхнеудинск, в ее окрестностях нет впечатляющих пейзажей, открывающихся из вагонного окна транссибирского экспресса на подъезде к Хабаровску или Красноярску. Ничто не манит сюда туристов и блогеров – в котловину, зажатую между темных сопок; визуальный образ города, его иконические объекты полностью отсутствуют в массовом сознании. Тем поразительней первое впечатление от Читы. Огромное количество прекрасно сохранившихся памятников архитектуры: резные деревянные терема с острыми башенками и сложносоставными шатрами, краснокирпичные лабазы и гимназии, бодрое купеческое «барокко», монументальные торговые дома с угловыми ротондами под куполами, отмечающими перекрестки четкой ортогональной сетки, вернакулярный, грубоватый, но весьма выразительный модерн, а также гектары аутентичной усадебной застройки, поднимающиеся вверх по склонам сопки.

В концентрированном виде здесь представлена вся история и типология «русской восточной» архитектуры. Один из первых городских архитекторов Максимилиан Юрьевич Арнольд до перевода в Читу (1888) служил в Красноярске и Томске. Хотелось бы думать, что именно оттуда были импортированы приемы деревянной городской архитектуры («сибирское барокко»). Впрочем, Арнольд прямо перед Читой успел поработать вместе с И. С. Китнером и В. А. Шретером над лютеранской

кирхой в Тарту; возможно, и этим опытом были инспирированы «готические» шатры читинского почтамта, распахнувшего свои крылья на главной (быв. Софийской) городской площади в 1893 г.

Стремительный подъем Читы, как и многих дальневосточных поселений, начался с открытием железнодорожного сообщения (1897). Город охватил строительный бум, обеспеченный притоком «золотоприисков» денег; вслед за М. Ю. Арнольдом в Чите появились десятки архитекторов с петербургским образованием и опытом работы в самых разных губерниях Российской империи, поэтому в застройке города органично интегрированы черты различных архитектурных школ. Несмотря на стилистическое разнообразие читинского культурного ландшафта, в нем можно выделить характерные особенности:

- сочетание в одном здании нескольких деревянных блоков, разделенных в противопожарных целях кирпичными вставками;
- общая гиперболизированность, крупномасштабность детализировки.

Отрадно заметить, что в Чите сохранились не только отдельные памятники, но целые кварталы и районы: в этом отношении забайкальская столица уникальна. Экономическая стагнация «законсервировала» ее исторический облик. Бедность и неприязнательность местного населения таковы, что всюду уцелела аутентичная «столлярка»: оконные переплеты не заменяют стеклопакетами, натяжные потолки не скрывают лепные розетки, а гипсокартонные стены – голландские печи; фасады не обшивают сайдингом (в отличие от, например, Уссурийска, где имеются большие фрагменты исторической среды, неузнаваемо преобразованные «евроремонтом»).

Тема нашего исследования ограничена началом XX века, но, пользуясь случаем, упомянем впечатляющие читинские ансамбли советского периода и дворцы силовых ведомств с мощной ордерной архитектурой. Несмотря на очень жесткий даже по дальневосточным меркам климат и ужасающую экологическую ситуацию, мы склонны высоко оценивать туристический потенциал Читы как историко-культурного поликонфессионального центра и надеемся, что статья поможет «открыть Читу» широкому кругу читателей.

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский государственный университет

Михаил Базилевич

Тихоокеанский государственный университет /

text

Alina Ivanova

Pacific National University

Mikhail Bazilevich

Pacific National University

^ Рис. 1. Чита,
ул. Кастринская, 25.
Фото А. П. Ивановой

Источниковая база

Профессиональное изучение архитектурного наследия Читы и формирование аннотированного свода памятников города было начато в 1990-х гг. при помощи наших хабаровских коллег – Н. П. Крадина и П. В. Баклыского [1]. Именно они стояли у истоков читинского архитектуроведения, составив планы и аналитические описания основных читинских достопримечательностей.

О Чите написано несколько книг, достаточно популярных у местных жителей [2; 3]. Их добросовестные авторы-краеведы практически дословно цитируют многочисленные и обширные документы (служебные переписки, послужные списки, материалы конкурсов на замещение должности городского архитектора, ходатайства о разрешении строительства и т. п.), хранящиеся в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и касающиеся формирования архитектурного ландшафта Читы с 1870 по 1914 гг.

В Чите работает «Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия» (ЦОС), аккумулирующий результаты десятилетних исследований и фотофиксаций всех построек, имеющих хоть какую-то историческую ценность [4], регулярно обновляется свод памятников, сотни объектов снабжены охранными табличками, что качественно отличает Читу от ряда дальневосточных городов, где уничтожение исторического ландшафта приобрело необратимый характер.

Научная работа сотрудников ЦОС и ГАЗК ведется на высоком профессиональном уровне (пользуясь случаем, хотим выразить им искреннюю благодарность за помощь), но проблема в том, что «читинский нарратив» не выходит за рамки локального краеведения. Поиск в сети выдал лишь одну относительно свежую (2017) научную статью новосибирских коллег о читинской кирпичной архитектуре [5]; ее авторы впервые опубликовали проект синагоги, хранящийся в фондах ГАЗК [6], о котором пойдет речь ниже. Мы сосредоточимся на основном сюжете статьи – фигуре Г. В. Никитина.

Плохая репутация

Любой историк архитектуры сразу выделит несколько построек из живописного архитектурного ландшафт-

та забайкальской столицы. Это совершенно разные по размеру, материалу, стилистике здания, которые объединяет одно – удивительная для провинции свобода формотворчества. Все они – и крошечные деревянные особнячки, и феерический кирпичный дворец местного туза, и романтический викторианский коттедж, и смелые импровизации в брутальном ар-нуво. и самая большая на Дальнем Востоке синагога – лучший из известных автору пример русского «мавританского» стиля к востоку от Урала – созданы местным «самородком» Гавриилом Власевичем Никитиным (1864–1946).

Впрочем, печать «самородка» противоречит биографической справке. Сын урядника Кубанского казачьего войска сумел получить стипендию Кубанского областного правления для поступления в Санкт-Петербургскую Императорскую академию художеств, что говорит о недюжинных способностях молодого человека как к рисованию, так и к нетворкингу – способности налаживать полезные дружеские связи. Закончив в 1889 г. обучение по классу архитектуры со званием художника 3-й ст., он начал свою карьеру на родной Кубани (Ейск, Екатеринодар), но в 1896 г. перебрался в Якутск, что косвенно свидетельствует о неблагоприятных обстоятельствах, заставивших Никитина пойти на столь экстремальный шаг. Начало нового века он встретил архитектором Нерчинской каторги (Нерчинск, вопреки своей мрачной репутации, был вполне состоятелен в отношении архитектуры, так как там имелся круг обеспеченных заказчиков-заводчиков), но уже через год переехал в Читу, где возобновил творческую карьеру и по поручению городской Думы выполнял обязанности главного архитектора. В очередной раз угодив под суд, Никитин был вынужден устроиться учителем чистописания и рисования, а в 1906 г. навсегда покинул Читу и до пенсии переезжал из города в город, скитаясь по разным концам Российской империи и молодого советского государства от Кишинева до Оренбурга, от Мурманска до Сталинабада, периодически возвращаясь в Петербург, пока перед войной не осел в Анапе, где пережил немецкую оккупацию, но в 1946 г. погиб, подорвавшись на mine (этот драматичный и эффектный конец обязательно упоминают все авторы «никитинского нарратива» [7]).

v < Рис. 2, 3.
Чита, ул. Кастринская, 25.
Фото А. П. Ивановой

Он прожил в Чите меньше 10 лет из своей долгой (82 года) жизни. Для самого Никитина читинский период был, вероятно, почти случайным этапом его весьма насыщенной биографии, но след, оставленный им в забайкальской столице, забываем. Даже 116 лет спустя читинцы повторяют рассказы о непростом характере скандального архитектора (твердо настаивал на полной выплате обещанного гонорара), о «непрофессионализме» Никитина (вследствие которого обрушивались перекрытия построек), о том, что Никитин был «художник, не понимавший конструкций» и постоянно находился под судом. Однако мы склонны полагать, что слухи о профессиональной несостоятельности Никитина были инспирированы его же коллегами, так как за место городского архитектора шла серьезная борьба [8], и у блестящего виртуоза стилистических импровизаций наверняка хватало недоброжелателей. Свободный, раскрепощенный дар Никитина буквально «взламывал» читинский архитектурный ландшафт, и на его фоне большинство местных зодчих выглядели провинциальными компиляторами (чем они, по сути, и являлись).

Косвенным свидетельством необоснованности предъявляемых Никитину претензий является дело Уголовного кассационного департамента Сената от 1904 г., где говорится об «отмене приговора бывшего архитектора Нерчинской каторги в Иркутской губернии Г. В. Никитина, осужденного за нарушение строительных правил при постройке Читинской учительской семинарии» [9].

Попытка категоризации читинских построек Никитина затруднена из-за разнообразия его наследия. Принцип хронологической последовательности сомнителен, так как десяток объектов строился одновременно, да и вся его бурная деятельность на архитектурном поприще в Чите была короткой – примерно пять-шесть лет. Поэтому будем использовать самый простой способ: по строительным материалам. Рассмотрим три деревянных постройки, кирпичный особняк с деревянными деталями и два капитальных двухэтажных кирпичных здания: это лишь часть читинского архитектурного наследия Никитина. В выборе объектов мы руководствовались личными вкусовыми пристрастиями.

> Рис. 4. Фрагмент усадьбы Коновалова. Чита, ул. Амурская, 108. Фото А. П. Ивановой

Сохранилось два одноэтажных жилых дома (ул. Амурская, 108 и ул. Кастринская, 25), резко выделяющихся из рядовой застройки фантастическими гиперболизированными элементами декора, к которым сложно подобрать определение – это не волюты и не фронтоны, а мощные спиралевидные выносные детали, придающие фасадам поразительную экспрессию. Мы склонны трактовать их символику не как привычно-солярную, а как попытку воспроизвести стремительный взлет кометы (рис. 1).

Маленький, в два окошка доходный дом Коновалова (1906) на одной из главных городских улиц (Амурская), защищен «охранной» табличкой и поэтому находится в удовлетворительном состоянии, чего, к сожалению, нельзя сказать о доме на ул. Кастринской (рис. 2). Сравнив фотофиксации, сделанные десять лет назад сотрудниками ЦОС, с его сегодняшним состоянием, мы вынуждены констатировать неотвратимость исчезновения этого уникального примера деревянного забайкальского модерна: трещины на потолке и стенах приобрели угрожающий характер, опоры веранд подкосились так, что части зданий висят в воздухе, и дом буквально съезжает в эрозирующий овраг (рис. 3).

Планировочное решение этих объектов различно – «коноваловский дом» развернут на Амурской улице юго-западным торцом, прямоугольное в плане здание развивается вглубь участка, а на красную линию выходит миниатюрный (просится определение «игрушечный») квадратный фасад в два окна (рис. 4). «Волюта» размещена справа, над воротами, поэтому фасадная композиция ассиметрична. Дом на ул. Кастринской вытянут вдоль красной линии длинным боковым фасадом в четыре окна, «волюты» расположены на разных флангах, над боковыми входными группами, поэтому фасад симметричен. На обоих домах угловые лопатки покрыты накладной ромбовидной «плетенкой», в резном декоре читается мотив восходящего солнца, а вместо карниза используется горизонтальный «балдахин» с арочными очертаниями, сильно вынесенный вперед и дающий глубокую тень. Сандрики окон, скрывающиеся в тени карниза, так выдвинуты от плоскости стены, что формируют активную, многоплановую пластику фасада. Помимо двух

«никитинских» домов, этот прием используется в декоре двухэтажного деревянного дома (Ленина, 36) с неатрибутированным авторством проекта, – возможно, был общий первоисточник или, что более вероятно, находки Никитина апроприировались вернакуляром.

Если рассмотренные выше объекты (рубленные в лапу и обшитые досками) еще можно назвать «избами», то двухэтажный деревянный особняк Игнатьевых (1903) – настоящий городской дом, построенный в самом сердце исторического центра Читы (ул. Анохина, 53), в квартале, ограниченном улицами Полины Осипенко (Иркутская) – Ингодинской – 9 Января (Сретенская) – Анохина (Коротковская). Профессиональное описание этого объекта и всего квартала выполнил в 1992–1993 гг. Н. П. Крадин (тогда – кандидат архитектуры, сегодня – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН) для аннотированного свода памятников культуры Забайкальского края. Дом Игнатьевых – прекрасный пример русского стиля: асимметричный фасад с тонко выстроенным балансом башенного объема, увенчанного шатром на правом фланге и ризалитом под четырехгранным куполом на левом, производит впечатление «билибинского» терема. Композиционный центр выделен килевидным полуфронтоном со шпилем. Парадный фасад дома Игнатьевых, выходящий на красную линию, ориентирован не очень благоприятно – на северо-восток. Чтобы увеличить площадь освещения, используется граненый эркер (рис. 5): этот прием, обычный для коммерческой застройки северного Петербурга, где Никитин провел студенческие годы, был настоящей сенсацией на фоне крайне неприятного читинского архитектурного ландшафта. С 1992 г. в доме Игнатьевых размещается ЦОС, поэтому оформление парадной анфилады второго этажа (разнообразные лепные розетки, падуги, тяги и плафоны на потолках, высокие филенчатые двери, панели с росписями, лепные фризы и кованые элементы с мотивами виноградных лоз, изразцовая печь) находится в хорошем состоянии, но, к сожалению, витражи эркера утрачены, а секрет производства читинского цветного стекла забыт.

Мы переходим от обзора деревянных построек Никитина к более капитальным. На самом пике своей читинской карьеры Никитин построил себе небольшой

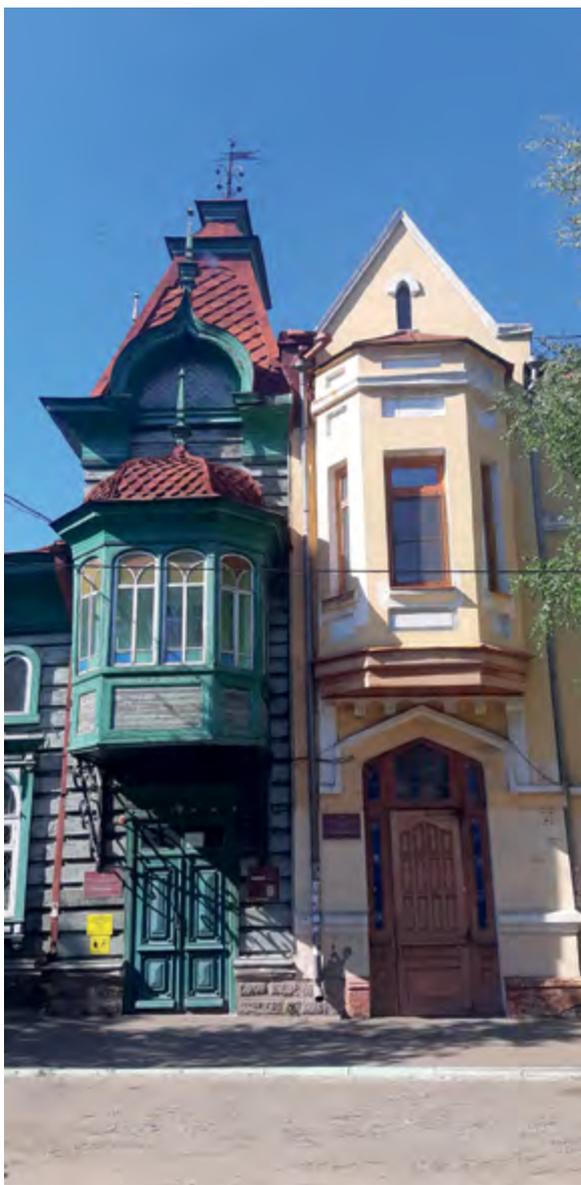
^ Рис. 7. Дом В. В. Хлыновского.
Фото предоставлено сотрудником ЦОС

^ Рис. 5. Собственный дом Г. В. Никитина. Чита, ул. Кастринская, 1а. Начало XX в.
Фото предоставлено сотрудником ЦОС

Г-образный в плане кирпичный особняк, увенчанный деревянной башенкой с обходным резным балкончиком и шатром, увенчанным флюгером. Здание в низине с видом на речку, воздвигнутое на слиянии Амурской и Кастринской улиц (д. 1а), по-видимому, задумывалось в рекламных целях и должно было наглядно продемонстрировать потенциальным заказчикам авторский стиль и мастерство хозяина [10]. Действительно, несмотря на многочисленные утраты и «реконструкции», этот никитинский *opus magnum* и сегодня производит сильное впечатление переусложненной композицией разновысотных объемов, нагромождением фронтонов и многосоставных кровель, выдвинутыми в разные стороны портиком, балконами и верандами, но прежде всего – непринужденным микшированием всей палитры ретростилей. В очертаниях входных арок можно уловить нечто «сарацинское», профилированные «античные» карнизы украшены сухариками, над центральным окном – классический треугольный сандрик, чуть выше – большой криволинейный фронтон с барочным лепным декором, левее – килевидный проем слухового окна, а над всем этим великолепием возвышается деревянная башенка, словно сошедшая со страниц альбома «Мотивы русской архитектуры». Судя по архивным фотографиям (рис. 6), многочисленные выбеленные детали (карнизы, рваный руст, объемные лопатки, фигурные кронштейны и проч.) эффектно выделялись на фоне открытой кирпичной кладки, что создавало эффект «викторианства», усугубляемый обилием ажурных кованых решеток и замысловатыми оконными переплетами. При этом дом Никитина с первого взгляда распознается как образец безусловного модерна, что лишний раз подтверждает виртуозность архитектора.

На наш взгляд, лучшая читинская постройка Никитина – двухэтажный кирпичный дом купца первой гильдии Василия Васильевича Хлыновского (ул. Анохина, 48; 1902), расположенный буквально в двух шагах от деревянного дома Игнатьевых и выходящий некогда монументальным фасадом на Старо-базарную площадь. Это еще одна вариация Никитина на тему национального романтизма: первоначальный силуэт дома городского головы представлял собой эффектную композицию с шатрами на флангах и куполом, фиксирующим ось сим-

< Рис. 6.
Чита, ул. Ингодинская, 19.
Фото А. П. Ивановой

> Рис. 8.
Дом В. В. Хлыновского.
Чита, ул. Анохина, 48.
Фото А. П. Ивановой

v Рис. 9.
Дом В. В. Хлыновского.
Чита, ул. Анохина, 48.
Деталь фасада.
Фото А. П. Ивановой

метрии (рис. 7). Первоначальный облик здания погублен в 1930-х гг. при надстройке третьего этажа (рис. 8), но даже в таком виде дом Хлыновского кажется невероятной – принимая во внимание окружающий контекст – театральной декорацией с глубокими «итальянскими» лоджиями и остатками кованого декора (рис. 9).

Из сохранившегося наследия Никитина в наиболее бедственном состоянии находятся два объекта – одноэтажный деревянный дом (ул. Кастринская, 25; рис. 3), о котором говорилось выше, и здание синагоги (ул. Ингодинская, 19; рис. 10), отданное межрайонной уголовно-исполнительной инспекции УФСИН Рос-

сии по Забайкальскому краю (сама синагога сегодня занимает небольшое подвальное помещение в торце). В советское время здание использовалось как госпиталь, и молельный зал был перекрыт для увеличения полезной площади.

Это самая капитальная постройка, воздвигнутая в Чите по проекту Никитина и, по словам местного шамаша (служителя синагоги), вторая по величине синагога в России. Сегодня декор полосатых парадных фасадов по Ингодинской и Камчатской ул. практически полностью уничтожен, но, судя по проекту, Никитин ориентировался на Большую хоральную синагогу Л. И. Бахмана, которая

> Рис. 10. Вестверк синагоги. Чита, ул. Ингодинская, 19.
Фото М. Е. Базилевича

строилась в Санкт-Петербурге в 1880-х гг. Нетрудно предположить, что именно столичная синагога послужила Никитину, учившемуся тогда же в Петербурге, образцом для подражания. В самом конце XIX – начале XX вв. помимо Большой хоральной синагоги в Санкт-Петербурге, в «мавританском» стиле были построены синагоги в Киеве (синагога Розенберга, арх. Николай Горденин, 1894–1895 и синагога Бродского, 1897–1898), Томске (арх. А. И. Лангер, 1901), Грозном (1900–1902), Воронеже (арх. Станислав Мыловский, 1902), Самаре (арх. Зельман Клейнерман, 1908) и Выборге (арх. Виктор Риихеля, Герхард Сольберг, 1909–1910). Проект Никитина не только не уступал им, но выглядел гораздо эффектнее.

Заключение

Интересно сравнить творческое наследие Никитина и Л. И. Корганова, который появился в Чите через год после отъезда («бегства») Гавриилы Власевича и успешно работал там до 1917 г. Постройки по проектам Карганова ценны именно «типичностью»: он улавливал некую медианную составляющую культурного запроса и четко ее реализовывал, не отклоняясь от «среднего вкуса». Никитин, напротив, в каждом заказе пытался продемонстрировать уникальность авторского стиля; его постройки театральны и артистичны, они инородны читинскому контексту, но вместе с тем именно эти здания являются архитектурными символами города.

Дальневосточный культурный слой, подобно дальневосточному гумусу – тонкому слабому плодородному слою на метровых толщах дикого суглинки – крайне уязвим. Хотя русский Дальний Восток не являлся ареной разрушительных войн, в силу различных причин (пожары, землетрясения, тотальный снос и т. п.) культурные ландшафты наших городов полностью или частично, но непоправимо уничтожались. Чита, сохранившая гектары исторической застройки – уникальная резервация русской дальневосточной культуры, а постройки Г. В. Никитина – наиболее ценная часть читинского архитектурного ландшафта.

Литература

1. Баклыский, П. В. Элементы модерна в деревянной архитектуре Читы // Проект Байкал. – 2009. – № 20. – С. 178–183

2. Немеров, В. Ф. Прогулки по старой Чите. – Чита : Экспресс-издательство, 2010. – 332 с. : ил.
3. Лобанов, В. Г. Старая Чита. Документальный рассказ. – Чита : Полиграфсервис, 2001. – 269 с.
4. Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края : Сайт ГУК. – URL: <https://gsookn.75.ru/struktura> (дата обращения: 10.11.2020)
5. Леонтьева, К. А., Радзюкевич, А. В. Кирпичные памятники архитектуры, построенные в г. Чите в период модерна и эклектики (конец XIX – начало XX в.) // Творчество и современность. – 2017. – № 3 (4) – URL: <https://nsktvs.ru/node/100> (дата обращения: 10.11.2020)
6. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 1
7. Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3117> (дата обращения: 10.11.2020)
8. ГАЗК. Ф. 78. Оп. 3. Д. 118. Л. 8–10
9. РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 421
10. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 495. Л. 4

References

- Baklysky, P. V. (2009). Elements of Art Nouveau in Wooden Architecture of Chita. *Project Baikal*, 6(20), 178–183. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.20>
- Encyclopedia of Transbaikalia. <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3117>
- Leontyeva, K. A., & Radzyukovich, A. V. (2017). Brick monuments of architecture built in Chita during the Art Nouveau and Eclectic period (late 19th - early 20th centuries). *Creativity and modernity*. Online edition, 3(4). <https://nsktvs.ru/node/100>
- Lobanov, V. G. (2001). *Old Chita. Documentary story*. Chita: Polygraphservice.
- Nemerov, V. F. (2010). *Walks in Old Chita*. Chita: Express Publishing House.
- RSHA (Russian State Historical Archives). Fund 1363. Inv. 7. File 421.
- SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 78. Inv. 1. File 317. L. 1.
- SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 78. Inv. 3. File 118. Ll. 8-10.
- SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 94. Inv. 1. File 495. L. 4.
- Site of the State Institution of Culture "Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage Sites" of the Trans-Baikal Territory, <https://gsookn.75.ru/struktura>

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики». № гос. регистрации АААА-А18-118012390220-3 / The research was carried out within the state assignment (theme “Integrated research of the establishment and transformation of the historical-cultural heritage in ethno-social dynamics of the European North and Arctic”, № АААА-А18-118012390220-3)

Рассматриваются деревянные часовни, представляющие типичное явление традиционной культуры. Часовня – безалтарный храм молитвенных собраний жителей малодворных деревень, малых крестьянских приходов, сохраняющий автономность существования. Исследуются причины постановки часовен по историко-типологическим признакам и специфика формирования их архитектурно-конструктивных особенностей. Эмпирическая база исследования – материал 36 архитектурно-этнографических экспедиций, архивные, музейные источники Архангельской, Вологодской областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, НАО.

Ключевые слова: Русский Север; часовня; деревянное зодчество; традиционная культура; типология часовен. /

Wooden chapels are a bright and typical phenomenon of the traditional culture. The chapels were non-altar temples of a small peasant parish, which retained their independence, providing a special atmosphere for performing rituals. The work examines the reasons for setting chapels according to historical and typological characteristics and the specifics of the formation of their architectural and structural features. The empirical base of the research was the material of 36 architectural and ethnographic expeditions, archival and museum sources of the Arkhangelsk and Vologda regions, Karelia, Moscow, St. Petersburg, NAO.

Keywords: Russian North; chapel; wooden architecture; traditional culture; chapel's typology.

Традиционная культура: «малые» деревянные храмы Русского Севера / Traditional Culture: “Small” Wooden Temples of the Russian North

текст

Анна Пермиловская
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаврова Уральского отделения РАН /

text

Anna Permilovskaya
N. P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the RAS

в Рис. 1. Часовня-крест Успения Пресвятой Богородицы. Дер. Тырышкино, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XIX в. Фото автора

в Рис. 2. Интерьер часовни Успения Пресвятой Богородицы. Дер. Тырышкино. Фото автора

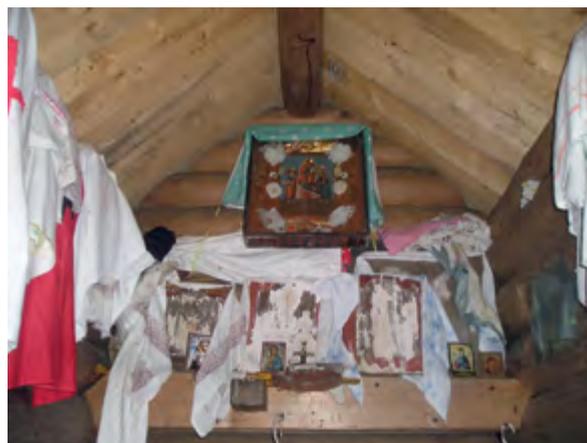
«Русский Север» занимает особое место в кругу концептов отечественной истории и культуры. Для носителя российского менталитета – это устойчивое словосочетание, а на культурной карте России данная территория занимает одно из важнейших мест. Русский Север выступает контактной зоной различных этнических культур, но особые условия исторического развития и процессов русской колонизации превратили его в заповедник древнерусской культуры и деревянного зодчества.

Моделирующие функции народной культуры нашли отражение в отношении к Русскому Северу как «светлому», т. е. святому. На Севере образовалась Северная Фиваида – целая монашеская область, еще в 1855 г. названная православным писателем А. Н. Муравьевым «Русской Фиваидой» по аналогии с Фиваидой Египетской, колыбелью раннехристианского монашества. Во главе монастырской сакрализации северных земель стояли ученики и сподвижники Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. «Преподобный Сергей стоит во главе всех, на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл на другом ее краю приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие» [1, с. 7–8, 33]. Специфика существования человека в условиях Севера

сформировала особый тип ментальности, опирающийся на православие. Отличительной чертой северного менталитета является заложенный в него генетический код севернорусской культуры. Из поколения в поколение он передается посредством культурной традиции [2].

На Русском Севере были распространены деревянные церкви и часовни нескольких типов: клетские, шатровые, кубоватые, ярусные, многоглавые (кроме часовен). Наиболее древние из сохранившихся церковных сооружений из дерева – клетские; в основании этого типа культовых построек – обычная четырехстенная клеть, перекрытая двускатной кровлей. Простейшие часовни называются «крест» и состоят из одного небольшого сруба. Подобные постройки располагаются, например, близ дер. Тырышкино и дер. Тырнаволок (Кенозеро). Они не имеют окон, освещение осуществляется лишь благодаря небольшой приоткрытой двери. Завершением часовен служит крест (рис. 1, 2).

Типичный образец развитого архитектурно-планировочного решения построек клетского типа – часовня во имя преп. Макария Унженского и Желтоводского в дер. Федоровская Плесецкого р-на, центрального селения Кенорецкого прихода (XVIII в.). Клеть часовни с трех сторон обнесена открытой галерей-гульбищем с точечными баясинами. В исходном виде она имела узкое

< Рис. 3. Часовня
Макария Унженского.
Дер. Федоровская,
Плесецкий р-н. XVIII в.
Фото автора

крыльцо, чуть шире дверного проема основного молеельного помещения, с устроенной над ним восьмигранной шатровой звонницей с резными лопастками-полницами. В 1972 г. после перевозки в музей «Малые Корелы» реставрация была выполнена д-ром арх-ры А. В. Ополовниковым и арх. В. А. Суслиным. С запада галерея переходит в широкое крыльцо с 5 ступенями, которые опираются на вертикальные столбики различных размеров, составляющие единое решение с балясинами галереи. Крыльцо имеет пологую односкатную кровлю. Перед входом на паперти устроена лестница на звонницу. Изящная главка с крестом крыта городчатым лемехом. С внешним обликом часовни гармонирует ее внутреннее убранство: двухрядный иконостас и расписное «небо» (рис. 3, 4).

«Небо» или «небеса» – еще один феномен деревянных храмов Русского Севера, получивший наибольшее распространение на территории Кенозерья. «Небо» – конструкция потолочного перекрытия в храме, имеющая форму пологой усеченной многогранной пирамиды, радикальные грани которой возвышаются к центральному кольцу. Выразительнее всего выглядят расписные «небеса» – перекрытия молеельных залов с изображением библейских сюжетов. Уникальностью отличается коллекция небес НП «Кенозерский» (рис. 5, 6, 7). Она представлена 15 комплексами, демонстрирующими разнообразие иконографии, композиции и стиля иконописания. В парке сохранились редкие двойные «небеса» в главном молитвенном помещении храма и в алтаре (ансамбль-«тройник», дер. Филипповская). Примерами памятников с удивительной по колориту живописью являются ансамбли Георгиевской церкви XVII в. и церкви Происхождения Честных Древ Христовых 1700 г. Единственное известное сегодня подписное «небо» сохранилось в Никольской часовне д. Усть-Поча (рис. 8, 9, 10). На двенадцати гранях размещены фигуры архангелов и евангелистов. На восточной грани вместо традиционного распятия мастер написал образ Николая Чудотворца. На «небо» мастер поместил весь часовенный образ. Над фигурами ангелов и святых – кольцо серафимов, окружающих Новозаветную Троицу. В нижней части граней «неба» помещены клейма из жития Святого Николая. Но самое интересное – это надпись на «небесах»,

расположенная в нижней части грани «Евангелист Иоанн Богослов»: «Писаны сии небеса въ 1881 живописцомъ Федором Захаровым Иокомъ, уроженцемъ Олонецкой губернии Каргопольского уезда Мишковской волости дер. Большое Конево отроду 17 лет масте (р)» (рис. 11).

Часовни – одно из наиболее выразительных и образных проявлений традиционного деревянного зодчества. В к. XVII – нач. XX в. на Севере их существовало большое количество, что находит подтверждение в архивных документах и переписи часовен 1692 г. по приказу первого холмогорского архиепископа Афанасия. Всего учтено 433 часовни, «наиболее распространенный тип – часовня с приходом в четыре двора. Места постановки указаны следующие: в волости 5, на посадке 2, на погосте 19, около погоста 1, в деревне 302, у деревни 14, между деревнями 9, на горе 3, в пустоши 2, в слободке 10, в поле 5, за полем 4, в наволоке 1, на реке 3, на озере 1, на плесе 1, неизвестно 60 [3]. В 1910 г. на каждый приход в соседней Олонецкой епархии приходилось по три часовни [4, с. 134].

Характерным было существование «часовенных приходов». При часовнях не полагалось иметь священника, вследствие чего чтение «часов» (позволительные для мирянина службы) проводили сами крестьяне. В некоторых часовнях копилась денежная средства, при необходимости они могли стать ссудной кассой; строился хлебный амбар; образовывались земельные владения. Часовней и ее имуществом управлял часовенный приказчик или староста. В годы войны и во второй половине XX в. функцию приказчиков-старост стали исполнять «божественные старушки». Это позволяет сделать выводы, что часовенные старосты стали частью женской субкультуры и что службы передавались «по наследству» членам одной семьи из рук в руки. В часовне дер. Тарасово до конца 1970-х гг. старостой служила А. А. Артемьева. Ранее часовенкой «заведовал» ее дед старовер-бесполовец [5, с. 59].

Часовни были широко распространены в сельских поселениях и прочно утвердились в системе природно-сакрального ландшафта. Наиболее распространенный вариант – часовня в роще. Это заросшие очень старыми деревьями части леса, которые иногда обноси-

< Рис. 4. Интерьер
часовни Макария
Унженского.
Дер. Федоровская.
Интерьер. XIX в.
Фото автора

^ Рис. 5. Часовня Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XVIII в. Фото автора

^ Рис. 6. Расписное небо в часовни Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова. Фото автора

лись оградой. Внутри подобных священных роц могли располагаться: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник, камень. Принципиальное значение в роце приобретает ее свойство границы, в особенности при расположении в поле или на возвышенности. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах оставляли одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в празд-

ники, особенно в дни освящения местных часовен. В качестве культовых мест священные роци сохранялись в XIX – XX вв., в настоящее время они также присутствуют в традиционном ландшафте Русского Севера, на западе региона (Карелия, Каргополье). На территории НП «Кенозерский» находится более 40 святых роц (рис. 12).

Ставя перед собой задачу исторической типологии часовен, необходимо прежде всего указать на пограничный характер их топографии. Часовня, как и крест, всегда возводится на границе сельских угодий, деревни и кладбища, на берегу реки или озера, на острове (граница земли и воды), на дороге.

Пример придорожной часовни – Троицкая часовня в дер. Вальтево Пинежского р-на (1728). В этом месте проходил старинный тракт с Пинеги на Мезень. Часовня стояла на тракте у самой дороги, в сторону которой и было обращено крыльцо. Здесь путник мог помолиться, перекусить (в часовне оставляли запас продуктов). Место для возведения было выбрано крайне удачно: путник, идущий от последней пинежской дер. Усть-Ёжиги, еще задолго до самой деревни видел главку, а затем всю постройку, появляющуюся за поворотами дороги. Архитектурный облик этого сооружения в полной мере согласуется с основными принципами культового зодчества. Вальтовская часовня – одно из высокохудожественных произведений народной архитектуры, с 1973 г. – памятник музея «Малые Корелы». Для этой постройки характерны необычные пропорции и деление на две части. Молельное помещение – вытянутая клеть, поставленная на высокий подклет, в котором хранились медные котлы для варки общественного «благословенного пива» на время коллективных праздников, церковная утварь, запасы зерна. Размеры часовни небольшие; несмотря на это, она выглядит монументальной. Подобный эффект достигается при помощи игры объемов: вертикального вытянутого вверх молитвенного помещения и горизонтального распластанного прируба на консолях – трапезной. Над основной клетью, трапезной и крыльцом устроены самостоятельные двускатные кровли самцовой конструкции. Скаты всех трех крыш с резными полицами расположены под разными углами и на разных уровнях, обрамлены причелинами с волнообразным рисунком.

> Рис. 7. Фрагмент неба в часовни Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова. Фото автора

^ Рис. 8. Никольская часовня. Дер. Усть Поча, Плесецкий район, НП «Кенозерский». XVIII–XIX вв. Фото автора

< Рис. 12. Часовня Параскевы Пятницы в священной роще. Дер. Тырышкино, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XIX в. Фото автора

Широкие, сродни хозяйственной и оборонной архитектуре, косяки окон, ассиметричное односходное крыльцо по типу «рундук», крутые повалы, крытая лемехом главка на тонкой длинной шейке-барабане, врубленная в коньковую слегу крыши, придадут часовне неповторимое архитектурное своеобразие (рис. 13, 14). Внутри часовни располагался «ложный алтарь» – имитация церковной апсиды. Это явление зачастую было распространено на территориях с сильными старообрядческими традициями. Еще реже встречалось решение «ложного алтаря».

Пример можно обнаружить в часовне Николая Чудотворца в дер. Горбачиха, НП «Кенозерский» (1863). Это клетская часовня в виде пятистенного сруба, рубленного «в лапу», острым пятым углом обращена на восток и окружена с трех сторон открытой галереей-папертью. В продольных стенах часовни прорублены небольшие оконные проемы без заполнения. Размер 12,6 м², высота 2,7 м.

Причины постановки часовен определяются в соответствии с их типологическими признаками. С учетом выполняемых функций малые храмы можно отнести

< Рис. 9. Небо в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото из архива НП «Кенозерский»

< Рис. 10. Фрагмент неба со львом в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото автора

< Рис. 11. Подписное небо в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото из архива НП «Кенозерский»

^ Рис. 13. Троицкая часовня. Дер. Вальтево, Пинежский район. 1728. Фото автора

^ Рис. 14. Главка Троицкой часовни. Дер. Вальтево. 1728. Фото автора

к следующим группам: место проведения богослужения. Для его осуществления из крестьян выбирался наиболее грамотный, уважаемый человек, обладавший хорошим голосом. По канону в часовне из-за отсутствия алтаря не могли совершаться таинства. Тем не менее, это правило нарушалось на Русском Севере. В часовне крестили новорожденных и отпевали умерших. Реже в часовнях совершалась литургия. В таких случаях священник приносил с собой антиминс и проводил на нем службу. В исключительных случаях происходило венчание, об этом свидетельствует указ Святейшего Синода от 18 августа 1769 г. о разрешении венчания в часовне.

Из прошения 1820 г. крестьян Водлозерской Ильинской волости о разрешении строительства часовни в качестве аргумента приводилось следующее: «<...> деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее время за распутием, а в летнее иногда за сильными погодями, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожан притти не можно» [4, с. 130]. Но географический фактор – удаленность поселения от приходской церкви – не мог быть единственным объяснением для возведения большого количества часовен. Несмотря на устойчивое мнение, которое мы находим

v Рис. 15. Никольской часовня. Дер. Вершинино, Плесецкий район, НП «Кенозерский». XVIII в. Фото Ф. Юдахина

в богословских и светских исследованиях – это вторичная, сопутствующая причина, а не главная. Некоторые регионы Русского Севера имели значительное количество часовен. В Каргополье, куда входило и Кенозерье, в XIX в. было 49 церквей, 169 часовен и молитвенных домов. Однако внутри Каргополья Кенозерье выделяется тем, что часовен здесь больше, чем церквей, в 10, а на самом озере – почти в 20 раз (рис. 15, 16).

Необходимо принять во внимание, что тип расселения в данной местности – гнездовой. Вероятно, феномен большого количества часовен Кенозерья объясняется многочисленностью небольших патронимических деревень, состоящих из 2–10 домов-дворов, расположенных на расстоянии 2–5 км друг от друга, а также особым островным ландшафтом, изолированностью и изрезанностью береговой линии.

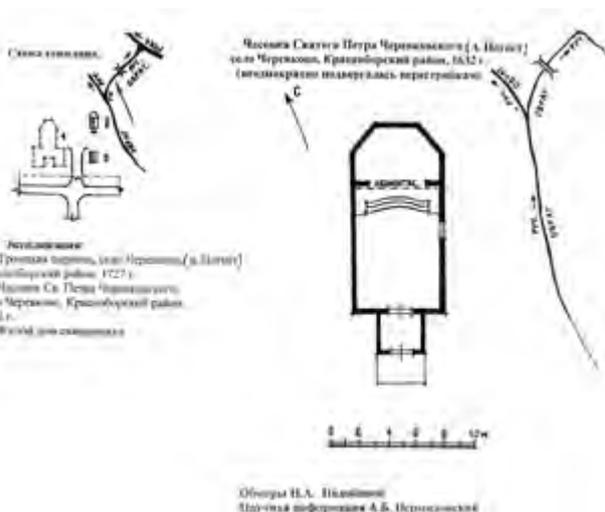
В нач. XX в. в с. Кимжа на Мезени насчитывалось 5 часовен, которые были расположены на расстоянии 0,5–2 км друг от друга и от главной церкви Кимженского прихода – Одигитриевской. Подобное количество часовен было вызвано не удаленностью их от приходского храма (скорее, здесь можно говорить о близости к храму), а иными причинами функционально-типологического характера [2, с. 452–453].

Среди часовен выделяются поминальные, чаще всего возводимые на кладбищах. К этому же типу относятся часовни-усыпальницы, сооруженные над мощами местночтимых святых. Именно такая часовня была построена на могиле местночтимого св. Петра Черевковского, священника из с. Черевково, погибшего в 1613 г. от руки «литовских воровских людей» (рис. 17, 18).

Еще один широко распространенный тип – обетная часовня. Мотивом для возведения подобных часовен являлись ситуации бедствия, пороговые, кризисные обстоятельства, болезни, избавление от пожара. К обетным часовням относятся «обыденные» часовни – особая категория культовых построек, строившихся по обету «во один день». Необходимо понимать, что не все обетные церкви/часовни были обыденными. Строительство по обету (единодневные, «во один день») церкви для избавления страны, города или деревни от общественного бедствия – имеет древние корни.

^ Рис. 17. Часовня Св. Петра Черевковского. С. Черевково, Красноборский р-н. 1658. Фото автора

^ Рис. 18. Обмеры часовни Св. Петра Черевковского. С. Черевково. 1658. Архитектор Н. Подобина

Первый пример обетной церкви, а, вероятно, и обыкновенной, относится ко времени великого князя Владимира (996). Спасаясь от печенегов, великий князь принужден был скрыться под мостом и дал обет: построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности [6, с. 6–7]. «Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет» [6, с. 7]. Безусловно, подобное требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Позднее эти деревянные «обыденные» храмы заменялись каменными, при этом сохраняя наименование «обыденных». Таковы «Илия Обыденный» в Москве, Спасопробоинский обыденный храм в Ярославле, «Спас Обыденный» в Вологде, «Екатерининская обыденная церковь» в селе Екатерининском, что на реке Вятке. Величина указанной церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками [7].

Одним из характерных явлений морской культуры было возведение промысловых часовен в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного промыслов на островах Белого и Баренцева морей. Об этом свидетельствует довольно большая группа документов ГААО с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни: «О самовольной постройке часовни крестьянами в Тиманском приходе на устье реки Пеша» «По прошению крестьянина Попова построить часовню при морской тоне «Татарниха», «О самовольной постройке часовни в с. Койда Мезенского уезда» и др. [8].

В одном из документов приводится описание часовни на тони в Тиманском приходе в устье реки Пеша: «Старая часовня развалившаяся, при ней амбарчик для соления рыбы. В 30 шагах повыше одна жилия изба старая с новой пристройкой, а в 10 шагах новое строение с дверями. Сенцы ведущую в горенку длиной 1 сажень 2 аршина, шириной 1¼ аршина, кругом полки, на главной стене продольные, на них три иконы. У верхней полки, видимо, прикреплены веревки для крепления лампы. На нижней полке также иконы и к ним – свечи, на окошке – руч-

ная кадьница. На полу – деревянный ящик с углями, у другого окна – стол в виде аналая. На полках – семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой» [8]. Часовня не запиралась и была доступна для всех желающих помолиться. Чтобы поддерживать часовни, промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков.

< Рис. 16. Поруганные иконы Никольской часовни. Дер. Вершино, Плесецкий район, НП «Кенозерский». Фото автора

^ Рис. 19. Часовня в Унской губе Белого моря. XIX в. Фото из архива автора

^ Рис. 20. Часовня-амбаронка. Мезень. XIX в. Рис. Н. Шабунина. 1908

^ Рис. 22. Столбик-часовенка. Холмогорский уезд Арханг. губ. XVIII в. Фото из архива автора

Поморы так объясняли причины возведения часовен: «Мы отправлялись в море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб и успешно возвращении к своей семье» [10, с. 175].

В пространстве арктических тундр часовни также являлись промысловыми и выполняли жизненно важную функцию приюта в непогоду, где не только можно укрыться, но и жить несколько дней. В часовне разрешалось в случае крайней нужды заимствовать вещи с обязательной последующей отдачей. На полу – шкуры оленей, белого песца, которые зачастую были приношениями самоедов (рис. 19).

В конце XVII в. православные часовни в России получили устойчивую связь со старообрядческим движением и превратились в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Большинство жителей отличается холодностью к вере и церкви Божьей, и, если не числятся в расколе, то склонны к нему: подобные сообщения присылались священниками из самых разных мест. Каргополье, Мезень, Пинега, Поморье были оплотами старообрядчества на Севере.

На Мезени, как и в ряде других районов Русского Севера, получили распространение часовни-амбаронки. Характерным для них было отсутствие креста на крыше, однако перед входом устанавливался огромный резной деревянный крест. Передняя дверь часовни, так же как и амбара, была защищена навесом – залобником на столбах, к которому подвешивался колокол. «Часовню имеет каждая деревня, выселок. Устраивают их на пунктах промыслов по берегам моря, рек, озер, в лесах. Они невелики, просты и примитивны по своей архитектуре, по внешнему виду их можно принять за амбарушки крестьян для сбережения зерна, муки и других припасов. Часовня в большинстве случаев – квадратный бревенчатый холодный сруб, размером от 4 × 4 арш. до 9 × 9. Высота внутри редко выше сажени; очень часто они не имеют потолка и заканчиваются двускатной тесовой крышей. Освещается часовня через открытую дверь, или же через маленькие продольные прорубы в одном бревне

и без стекла. Потому зимою пол в часовне под толстым слоем снега. Вдоль передней стены на простой доске-полке установлен один ряд старых икон, между которыми можно встретить иконы-оригиналы стариннейшей работы, киоты. Украшения часовни составляют пестрые ситцевые или холщовые пелены, прикрепленные к полочкам божницы, различные амулеты на иконах, да затейливо выполненная из глины кадильница, в которой староста часовни в праздник при сборе молящихся раздувает с ладаном огонек и кадит перед иконами» [9, с. 20–21]. Утварь, лампы и подсвечники весьма примитивные, сделаны из корней и пней дерева (рис. 20).

В Каргополье верующие, молясь перед иконой о выздоровлении, вешали к иконе соответствующий большой части тела «покров» – чулок с ноги, варежку с руки, платок с головы, отрез, платье или юбку; для молитвы о домашних животных приносили масло от коровы, шерсть от овцы. Широкое распространение получили дары – вотивные подвески, которые прикреплялись к иконе. Они были выполнены из металла или вышиты на ткани и несли изображения больной части тела.

На Мезени существовали часовни, называемой «келейкой». Мезенская «келейка» – деревянная избушка, осененная крестом. Здесь длительное время сохранялся обычай – уходить в тишину и покой лесной глуши. «Келейки» живописно вписывались в береговой пейзаж. Одна из них располагалась около дер. Дорогая Гора. Она представляет собой «<...> небольшой рубленый бревенчатый домик. Подле него старинный крест. После больших церковных праздников кто хотел – приходил сюда и оставался на день – на два. Поживет, помолится, отдохнет и домой. Тут хорошо, спокойно, людей нет» [10, с. 109]. В начале XXI в. местные жители с. Кимжа из пяти часовен, расположенных в деревне и ее окрестностях, две-три относят к этому типу [2, с. 284] (рис. 21).

В заключение необходимо отметить, что большинство северных часовен возводились по обетам: «<...> заветные праздники были разнообразны по происхождению («явление иконы», эпидемия, эпизоотия, градобитие, пожар), но всех их объединяли три основных признака: они были христианские во форме, происходили в весенне-летнее время и возникали по случаю. Возникновение

^ Рис. 21. Часовня-келейка около дер. Азополье. Мезень. XIX в. Фото М. Нащокиной. 1971

^ Рис. 23. Ильинская часовня. Дер. Мамонов остров, Плесецкий р-н. XVIII в. Фото автора

заветных праздников – проявление регенерирующей способности традиционной культуры, сохраняющей под христианской формой архаическое содержание» [11, с. 216]. Часовня – явление истинно народной северной архитектуры, в котором отражаются сакральные смыслы деревянного зодчества и феномен народного православия (рис. 22, 23).

Литература

1. Муравьев, А. Н. Русская Фиваида на Севере. – Санкт-Петербург : тип. III Отд. Собственной е. и. в. канцелярии, 1855. – 507 с.
2. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия. – Архангельск : ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с.
3. Переписные книги часовен Важской волости и в Устьянских сохах Холмогорской губ. 1692 // В кн. : Русская истор. биб-ка, издаваемая Археографической комиссией: в 39 тт. – 1908. – Т. 25. – с. 347–762
4. Пулькин, М. В. Строительство часовен в XVIII – начале XX в.: законодательство и приходская традиция (по материалам Олонецкой епархии) // Народное зодчество. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. – с. 123–138
5. Мелютина, М. Н., Теребинин, Н. М. Сакральный ландшафт Кенозерья. – Архангельск : Мин. образования и науки Арханг. обл., САФУ им. М. В. Ломоносова, НП «Кенозерский», 2013. – 203 с.
6. Сказание о построении обыденного храма в Вологде «во избавление от смертоносныя язвы». – Москва, 1893. – 21 с.
7. Зеленин, Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. – 1911. – Санкт-Петербург : Типография Импер. Академии Наук. – Вып. 1/2. – с. 1–20
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.
9. Шабунин, Н. А. Северный край и его жизнь: путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии художника Н. А. Шабунина // Сборник Импер. Акад. наук. СПб., 1908. – Т. 84. – № 1. – с. 1–44
10. Колпакова, Н. П. У золотых родников: записки фольклориста. – Ленинград, 1975. – 197 с.
11. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начале XX века: половозраст. аспект традиц. культуры. – Ленинград : Наука, 1988. – 277 с.

References

- Bernsham, T. A. (1988). *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoj obshchiny XIX – nachale XX veka: polovozrast. aspekt tradic. kultury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th – early 20th centuries: age and sex aspect of tradition culture]. Leningrad: Nauka.
- Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 1342. Inv. 2. File 101. L. 6 back side.
- Kolpakova, N. P. (1975). *U zolotykh rodnikov: zapiski folklorista* [At the springs of gold: notes of a folklorist]. Leningrad.
- Melyutina, M. N., & Terebihin, N. M. (2013). *Sakralnyj landshaft Kenozerya* [Sacred landscape of Kenozero]. Arkhangelsk: Min. obrazovaniya i nauki Arhang.obl., SAFU im. M.V. Lomonosova, NP "Kenozerskiy".
- Muraviev, A. N. (1855). *Russkaya Fivaida na Severe* [Russian Thebaida in the North]. St. Petersburg.: tip. III Otd. Cobstvennoj kancelyarii.
- Perepisnye knigi chasoven Vazhskoj volosti i v Ustyanskih sohah Holmogorskoj губ. 1692 [Census books of the chapels of the Vazhskaaya volost and in the Ustyansky plows of the Kholmogory provinces. 1692]. (1908). In *Russian historical collection published by the Archeographical Comission in 39 vols. (Vol. 25, pp. 347-762)*.
- Permilovskaya, A.B. (2010). *Russkij Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a special territory of heritage]. Arkhangelsk: "Pravda Severa"; Ekaterinburg: UrO RAN.
- Pulkin, M. V. (2004). *Stroitelstvo chasoven v XVIII – nachale XX v.: zakonodatelstvo i prihodskaya tradiciya (po materialam Oloneckoj eparhii)* [Construction of chapels in the 18th - early 20th centuries: legislation and parish tradition (based on materials from the Olonets diocese)]. In *Narodnoe zodchestvo* (pp. 123–138). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Shabunin, N. A. (1908). *Severnyj kraj i ego zhizn: putevye zametki i vpechatleniya po severnoj chasti Arhangel'skoj gubernii hudozhnika N. A. Shabunina* [The Northern Territory and Its Life: Travel Notes and Impressions in the Northern Part of the Arkhangelsk Province of the Artist N. A. Shabunin]. In *Sbornik Imp. Akad. Nauk* (Vol. 84, № 1, pp. 1–44). St. Petersburg.
- Skazanie o postroenii obydenного храма v Vologde "vo izbavlenie ot smertonosnyya yazvy" [Legend about the construction of an ordinary temple in Vologda "to get rid of a deadly ulcer"]. (1893). Moscow.
- Zelenin, D. K. (1911). "Obydennye" polotentca i obydennye hramy ["Ordinary" towels and ordinary temples]. *Zhivaya starina*, 1/2, 1–20. St. Petersburg: Tipografiya Imper. Akademii Nauk.

Неосуществленные проекты – часть нереализованного плана по реорганизации консульской службы Российской империи в Харбине, строительство которых не было осуществлено из-за начала Первой мировой войны и Октябрьской революции. Установлено авторство проектов, выполненных гражданским инженером Николаем Александровичем Казы-Гиреем, приведена его краткая биография и основные этапы творческой деятельности. В статье выполнено описание архитектурно-планировочных и композиционных особенностей эскизных проектов: здания консульства, дома консула и вице-консулов.

Ключевые слова: консульства; архитектура; Харбин; проект; инженер Казы-Гирей. /

The architecture of unrealized projects of consular institutions of the Russian Imperial Consulate in Harbin is considered and analyzed. The projects were part of an unrealized plan to reorganize the consular service of the Russian Empire, the construction of which was never carried out due to the outbreak of the First World War and the subsequent October Revolution. In the course of the study, authorship of the projects carried out by the talented civil engineer Kazy-Girey Nikolai Alexandrovich was established, as well as his brief biography and the main stages of his creative activity. The article also describes the architectural, planning and compositional features of draft designs, such as the building of the consulate, the houses of the consul and vice-consuls.

Keywords: consulates; architecture; Harbin; project; engineer Kazy-Girey.

Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине / Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin

текст

Татьяна Смольянинова
Тихоокеанский государственный университет /

text

Tatiana Smolianinova
Pacific National University

Для реализации государственного заказа по созданию проектов высших органов консульской службы Российской империи на Дальнем Востоке был нанят талантливый гражданский инженер Николай Александрович Казы-Гирей (1866–1917). После окончания Санкт-Петербургского института гражданских инженеров в 1892 г. [1] в звании «гражданского инженера по первому разряду с правом на чин X класса» был направлен на строительство Телинского участка КВЖД на должность начальника службы пути (1899–1903). Помимо упоминания о нем как одном из первых строителей КВЖД, в его карьере выделяется проектная деятельность в г. Харбине. Здесь он провел последние годы своей жизни и похоронен на Покровском кладбище. О его деятельности свидетельствуют сохранившиеся здания, выстроенные по его проектам – Польская церковь, ныне католический храм Святого Станислава в Харбине (1906–1907) и православная церковь Успения Богородицы (1908) [2–4]. Польская церковь (рис. 1) в связи с износом конструкций и ветхости состояния была закрыта в 1966 г. Ее работа была возобновлена в 2004 г. после полной реконструкции, в процессе которой она потеряла свою уникальность и авторские черты. Истинный облик здания можно оценить только по сохранившимся историческим фотографиям.

Православная церковь Успения Богородицы (рис. 2), прекрасно сохранившаяся до наших дней, не перестает поражать своими лаконичными и выразительными формами, несмотря на небольшой объем здания [5].

Казы-Гирей является автором проектов трех консульских объектов, к сожалению, так и оставшихся в виде эскизов. Эскизные проекты консульских зданий в Харбине характерны для архитектуры рубежа XIX–XX веков. Казы-Гирей, как и большинство профессионалов этого времени, мог работать в различных стилях [6], о чем свидетельствуют чертежи консульских зданий. Объекты российского консульства в Харбине должны были представлять ансамбль официальных представительств Российской империи, демонстрируя высокую степень политического влияния и доминирования Российской империи в Маньчжурии. Этим же принципам придерживались и в дальнейшем при проектировании или выборе объекта под консульское учреждение [7]. Одним из клю-

чевых проектов было здание нового консульского дома. По проекту дом задумывался как монументальное двухэтажное здание, строительство которого предполагалось на углу Вокзального проспекта и Почтовой улицы (рис. 3). Здание консульства должно было находиться в ряду городской застройки и в то же время стать архитектурной доминантой. Предполагалось, что оно будет иметь перед фасадом узкий озелененный участок, который создаст визуальный с барьер.

Проект постройки общей площадью 2154,91 м² включал не только консульство, располагавшееся в угловой части сооружения, но и квартиры секретарей и драгоманов. В новом здании предполагалось разместить залы судебных заседаний с комнатами для арестованных и свидетелей. Для комфорта посетителей суда был предусмотрен вестибюль с санузлами.

Среди помещений административной консульской группы выделялся большой холл с полукруглой парадной лестницей, по обе стороны от которой располагались кабинеты первого и второго вице-консулов, канцелярия, архивы и санузлы. На втором этаже – приемный зал генерального консула (91,04 м²), кабинет секретаря, канцелярия генерального консула, кабинет генерального консула (54 м²) и приемная при нем, архив, комната драгомана (18,20 м²) и два санузла.

Квартиры секретарей, расположенные на втором этаже, по площади составляли 181,75 м² каждая. Планировочная структура и состав помещений этих квартир с небольшими отклонениями идентичны по площади, что, в общем, не повлияло на планировочное решение. Они состояли из передней, кабинета (15,09 м²), гостиной (26,58 м²), столовой (30,92 м²), кухни, комнаты для прислуги (8,80 м²), спальни и детской по 15,75 м², туалета и ванной, коридора с небольшим гардеробом. Лестницы со второго этажа имели выходы во внутренний двор.

В торцевой части здания по ул. Почтовой на первом (146,18 м²) и втором (148,08 м²) этажах располагались квартиры драгоманов, планировочная структура которых идентична. Они включали в себя комнату площадью в 19,55 м², которая отводилась под рабочий кабинет, спальную (20,83 м²), гостиную (20,03 м²), столовую, кухню (11,92 м²), комнату прислуги (4,82 м²), детскую (16,27 м²),

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>.

небольшую гардеробную и совмещенный санузел. Через прихожую (10,12 м²) и коридор была возможность выйти во двор через большую лестничную клетку.

Решение фасада продиктовано необходимостью создать запоминающийся монументальный образ. Большие окна, богатый декор, шатер и шпиль должны были выделить здание консульства из окружающей застройки, преобладающие вертикальные членения – придать легкость и иллюзию устремленности вверх.

Композиционным ядром здания является центральный блок, объединенный с крыльями здания. Судить о стилистических особенностях и характере декора можно по сохранившемуся наброску поворотной части (рис. 5). В эскизе большое внимание уделено угловому объему, декор которого сконцентрирован на втором этаже и представлен каннелированными пилястрами коринфского ордера, резным аттиком, в тимпане которого расположен двуглавый орел. Завершает композицию высокий многоярусный шатер со шпилем.

Сочетание в планировочной структуре консульских объектов общественных и жилых функций характерны для подобных строений, сложившихся в данный временной период. Казы-Гирею удалось запроектировать гармоничное сочетание этих функций в планировке здания и создать репрезентативный образ здания. Доминирование общественных функций над жилыми типичны для большинства консульских зданий, в том числе для консульств Великобритании и Японии в Харбине (рис. 6).

Второй проект дома для генерального консула, выполненный Н. А. Казы-Гиреем – симметричное по композиции каменное строение в два этажа (рис. 7), завершенное скатной стальной кровлей. По проекту предлагалось выполнить здание из кирпича под штукатурку. Здесь все было выдержано в строгом едином стиле, но несколько сдержанней, чем в проекте консульского здания. Композиция фасада решалась за счет западающей средней части, где входная группа представлена выступающим остекленным зимним садом в стилистике модерн. Центральную ось, акцентированную двухъярусным четырехгранным приземистым куполом со шпилем, венчал русский флаг. Большое количество оконных проемов

и остекленная галерея придавали зданию величественный вид. Фасад украшали ажурные наличники с элементами волют и цветочных мотивов. Все это придавало зданию презентабельность, не уступающую консульским объектам других держав. По замыслу архитектора, главным фасадом фактически служил не общественно-рабочий блок, а именно жилая зона.

Планировка здания (рис. 8) решалась таким образом, что жилая функция превалировала над рабочей. Это при-

^ Рис. 1. Польская церковь в Харбине. 1906–1907: а. Современное состояние; б. Историческая фотография

< Рис. 2. Церковь в честь Успения Богородицы на Новом кладбище. 1908. Японская открытка 1930

вело к формированию пространства, которое можно было условно разделить на две функциональные зоны. Таким образом, план фактически был разделен на две части: справа – жилая, слева – рабочая. В первом этаже площадью 733 м² располагалась жилая зона, входная группа в которую формировалась зимним садом (72,84 м²), к которому вела парадная Т-образная лестница. За ним размещались две смежные гостиные (55,63 и 35,37 м²), выходящие в столовую (96,09 м²) с галереей (48,02 м²) и зал (116,81 м²). Общее перетекающее пространство сформировано большой открытой столовой, светлым общим залом с эстрадой; оно решено за счет применения между помещениями колонн вместо стен, что придает ему особую легкость и воздушность. На этаже имеется небольшой туалет (4,55 м²). Лестница на второй этаж выделена отдельным блоком, из которого через галерею можно попасть в рабочую зону. Пространство проектировалось так, чтобы создавалась возможность распределения потоков людей с учетом их разделения и непересечения,

что иногда просто было необходимо из-за специфики консульской работы.

Во втором этаже, площадь которого составляла 614,51 м², большую часть занимала жилая зона. Здесь планировалось разместить столовую или чайную (17,21 м²), которая могла использоваться и как дополнительная спальная комната, имеющая прямые связи с лестничной клеткой и большой спальней комнатой (91,77 м²) с гардеробной (24,49 м²). Из центрального блока через коридор можно было попасть в две детские спальни, ванную (20,48 м²), запасную и комнату прислуги (18,80 м²).

Слева от жилой зоны в первом этаже сформированы рабочие и приемные помещения, вход в которые предусмотрен сразу с уровня земли через вестибюль (60,68 м²), примыкающий к кабинету (50,12 м²) и приемной (15,15 м²). В свою очередь они связывались с зоной жилых помещений консульского дома. Здесь размещался туалет, гостевая комната и лестница, ведущая в приватное пространство второго этажа, где планировались

^ Рис. 3. Фрагмент генплана Харбина. Район Новый город, Почтовая улица и Вокзальный проспект

< Рис. ба. Консульство Великобритании в Харбине. Фото автора

вестибюль с бильярдом (60,68 м²), библиотека (56,26 м²) и рабочая комната (25,95 м²). Из вестибюля была возможность через коридор пройти и в жилую зону.

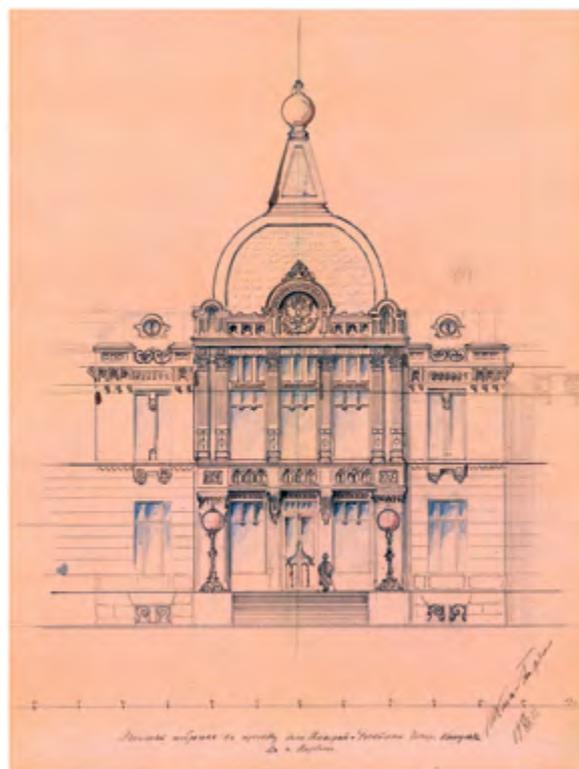
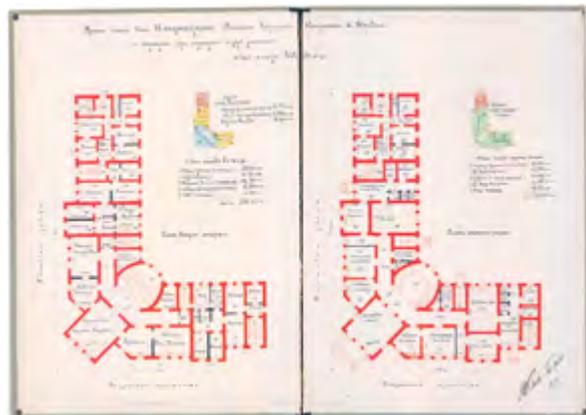
Завершает обзор проект жилого дома для двух вице-консулов. Эскиз квартир представлен двухэтажным кирпичным строением с подвальным этажом, площадь всего дома составляла 591,01 м². Это интересное симметричное строение, главными выразительными элементами которого служили фланкирующие башни, возвышающиеся над основным объемом простыми и одновременно выразительными шатрами с круглыми окошками на оси каждой их грани (рис. 9). Своеобразное изящество эклектичной архитектуры дома создано заимствованием элементов византийской архитектуры.

Отделку фасада в цокольной части предлагалось выполнить из грубо обработанного камня, отделенного от основной плоскости стены оштукатуренным тонким пояском. Стены по проекту рустованы в два этажа, верхняя их часть представлена грубой штукатуркой под шубу, а завершает плоскость стены лепной цветочный декор.

По проекту Н. А. Казы-Гирея планировалось создание двух полностью идентичных квартир (рис. 10) в два этажа. В первом этаже размещались вестибюль (21,21 м²) с парадной лестницей, ведущей на второй этаж, кабинет (21,94 м²), гостиная (26,40 м²), столовая (31,86 м²), кухня (12,61 м²), буфетная, комната мужской прислуги и сануз-

лы. Во втором этаже – спальная комната (22,16 м²), две детских (15,34 м²), гардероб, ванная и санузел, комната женской прислуги, дополнительная комната (21,44 м²) с балконом над нижним вестибюлем, в которую выходила лестница. По мнению архитектора, эта комната могла бы служить читальной или чайной семейной комнатой. Кроме того, над ней располагалось помещение в башне для летнего использования. Объединяет эти квартиры общая лестница, ведущая на задний двор.

Ключевое значение при проектировании новых консульских учреждений заключалось в создании удобной планировочной структуры как самого объекта, так и участка. На примере рассмотренных эскизных проектов

< Рис. 4. Эскиз планов для Российского императорского генерального консульства в Харбине. 1913 [8, Л. 7]

< Рис. 5. Эскиз фрагмента фасада для Российского императорского генерального консульства в Харбине. 1913 [8, Л. 2]

> Рис. 6б. Консульство Японии в Харбине.
Фото автора

можно уловить архитектурные тенденции того времени. В основу концепции заложено создание репрезентативного образа и гармоничного единства со сложившимся городским окружением. Можно сказать, что в комплексе эти объекты должны были представлять грандиозный проект, подразумевавший строительство целого ансамбля консульских учреждений Российской империи.

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1539
2. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2010. – 368 с.
3. Крадин, Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с.
4. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. – Хабаровск : Хабаровская краев. тип., 2020. – 234 с.

5. Ловошко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / отв. ред. Н. П. Крадин. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 176 с.

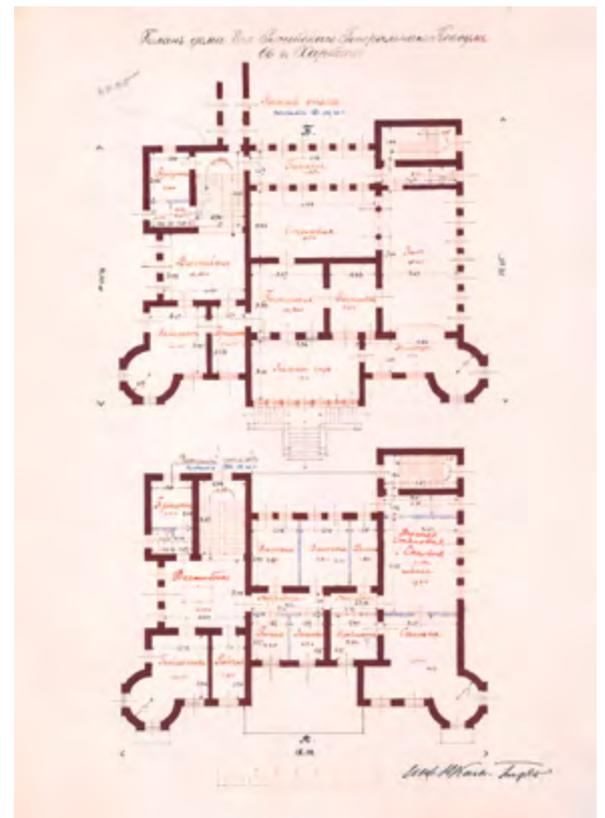
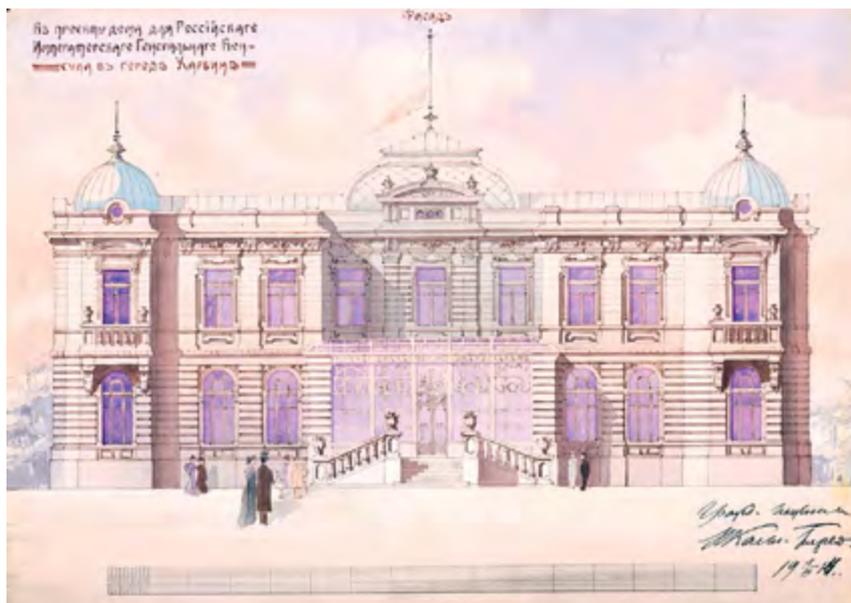
6. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Русские инженеры – строители банков Маньчжурии // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 147–151

7. Смольянинова, Т. А., Крадин, Н. П. Особенности архитектуры российско-советского консульства в районе Новый город г. Харбина // Известия высших учебных заведений. Строительство. – 2018. – № 7(715). – С. 88–99

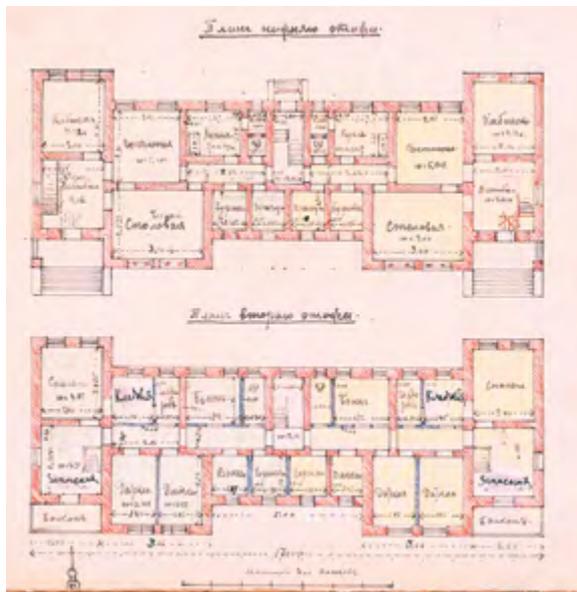
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 351. Оп. 911. Д. 76

v Рис. 7. Эскиз фасада дома генерального консула в Харбине. 1914 [8, Л. 1]

> Рис. 8. Эскиз планов дома генерального консула в Харбине. 1914 [8, Л. 5]

> Рис. 10. Эскиз планов двухквартирного дома для вице-консулов в Харбине. 1913 [8, л. 3.1]

References

Bazilevich, M. E., & Kim, A. A. (2021). Russian engineers – builders of banks in Manchuria. Project Baikal, 18(68), 147–151. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1816>.

Institute of Civil Engineers of Emperor Nicholas I. Petrograd. (1887–1892). Personal file of the student Kaza-Girei Nikolai (Collection 184, Inventory 3, File 1539). Central State Historical Archive of Saint Petersburg, Government of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Kradin, N. P. (2010). Harbin – russkaya Atlantida [Harbin – Russian Atlantis] (2nd ed.). Khabarovsk: Khabarovsk Regional printing house.

Kradin, N. P. (2018). Russkie inzheneri i arhitektory v Kitae [Russian engineers and architects in China]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional printing house.

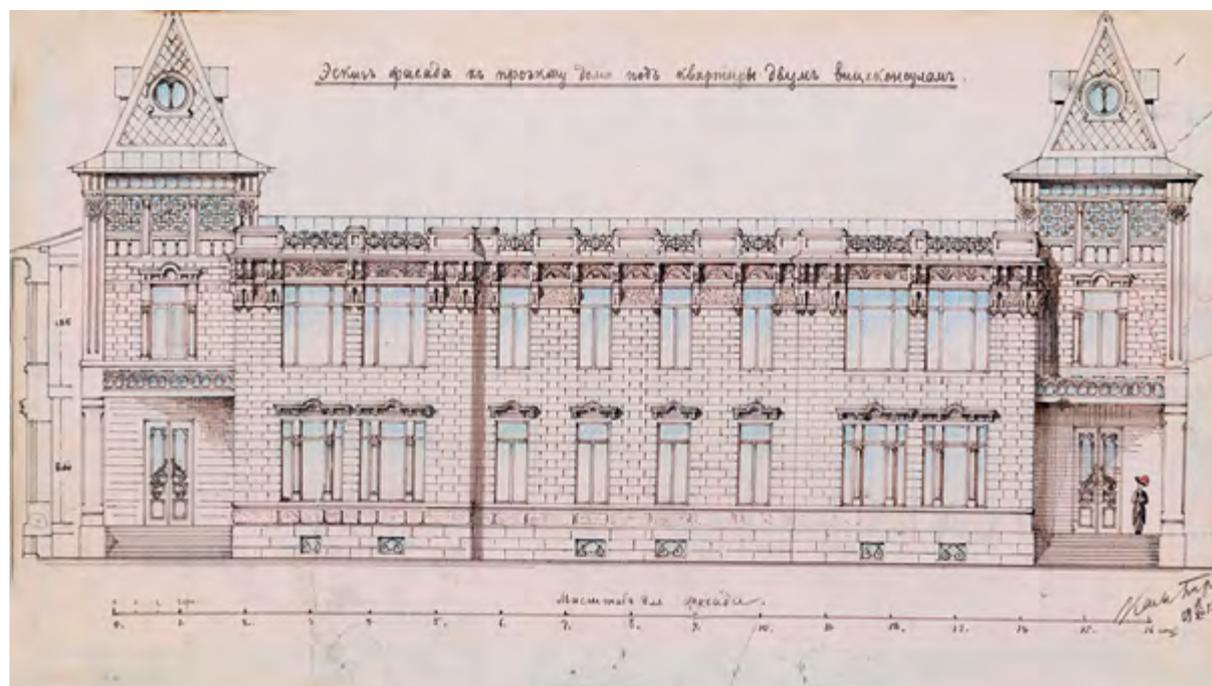
Kradin, N. P. & Bazilevich, M. E. (2020). Arhitektory i inzheneri Dal'nego Vostoka. Tvorcheskaya deyatel'nost' vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedenij – v Zabajkal'e, Yakutii, Priamur'e, Primor'e i Kitae [Architects

and engineers of the Far East. Creative activity of graduates of the capital's educational institutions – in Transbaikalia, Yakutia, the Amur region, Primorye and China]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional printing house.

Levoschko, S. S. (2003). Russkaya arhitektura v Man'chzhurii. Konec XIX – pervaya polovina XX veka [Russian architecture in Manchuria. The end of the 19th – the first half of the 20th century]. (N. P. Kradin, Ed.). Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya.

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. (1913–1914). Plans and photos (Collection 351, Inventory 911, File 76). Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Smolianinova, T. A., & Kradin, N. P. (2018). Features of the architecture of the Russian-Soviet consulate in the New City area of Harbin. News of Higher Educational Institutions. Construction, 7(715), 88–99.

< Рис. 9. Эскиз фасада двухквартирного дома для вице-консулов в Харбине. 1913 [8, л. 3]

авторы

Асадов Александр Рафаилович – советник Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) (Москва)

Асадов Андрей Александрович – руководитель Архитектурного бюро ASADOV (Москва)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (ИАИД ТОГУ, Хабаровск)

Балакина Алевтина Евгеньевна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Башкаев Тимур Истанович – профессор Московского архитектурного института (МАРХИ), руководитель архитектурного бюро АБТЬ

Блянкинштейн Ольга Николаевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (ИАИД СФУ, Красноярск)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ, доцент Государственного университета по землеустройству (ГУЗ, Москва)

Бутузова Александра Борисовна – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНТУ)

Глатоленкова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды ИАИД ТОГУ

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, профессор кафедры дизайна Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ (ИАСИД ИРНТУ)

Журавлева Инна Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры «Архитектура и дизайн», зам. директора по учебной работе Института развития города Севастопольского государственного университета (ИРГ СевГУ)

Заика Инна Алексеевна – ассистент кафедры «Архитектура и дизайн» ИРГ СевГУ

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды ИАИД ТОГУ

Камалова Клавдия Владимировна – старший преподаватель кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Клочко Асмик Рубеновна – кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура» НИУ МГСУ

Красильникова Элина Эдуардовна – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой «Архитектура и дизайн» ИРГ СевГУ

Кукина Ирина Валериевна – кандидат архитектуры, профессор кафедры градостроительства ИАИД СФУ, советник РААСН, старший научный сотрудник НИИТИАГ, филиал ФГПУ «ЦНИИП Минстроя России»

Лебедева Ольга Анатольевна – кандидат технических наук, доцент кафедры управления на автомобильном транспорте Ангарского государственного технического университета (Иркутск)

Левашев Алексей Георгиевич – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Липовка Алексей Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Лыткина Алла Александровна – старший преподаватель кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ

Павлюк Алёна Сергеевна – преподаватель НИУ МГСУ

Пермиловская Анна Борисовна – доктор культурологии, заведующая, гл. научный сотрудник Научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаверова Уральского отделения РАН (Архангельск)

Побегуц Сергей Дмитриевич – архитектор, ведущий преподаватель студии «Введение в архитектуру», Центр «Арт-Звено» (Звенигород Московской обл.)

Попкова Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Посохин Михаил Михайлович – академик, президент Национального объединения изыскателей и проектировщиков, народный архитектор России (Москва)

Прокофьева Оксана Сергеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ

Ряпосов Иван Александрович – старший преподаватель кафедры градостроительства ИАИС СФУ

Савельев Матвей Вячеславович – кандидат искусствоведения, доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Салмин Леонид Юрьевич – дизайнер, кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Смолянинова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ

Солодилова Любовь Арсеновна – кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура» НИУ МГСУ

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Унагаева Наталья Александровна – кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Федченко Ирина Геннадьевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Чанади Габор – Почетный профессор, приглашенный лектор отдела методологии социальных исследований, Университет Этвэша Лоранда (Будапешт, Венгрия)

Чуй Яна Владимировна – доцент кафедры градостроительства ИАИД СФУ

Шаров Максим Игоревич – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ

Шумаков Николай Иванович – академик РААСН, академик РАХ, президент СА России, народный архитектор РФ

Энгель Барбара – доктор технических наук, профессор, глава кафедры Международного городского планирования и дизайна факультета архитектуры Технологического университета Карлсруэ (Германия)

Яценко Светлана Анатольевна – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в работе редакции администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

Alexander Asadov – adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS) (Moscow)

Andrey Asadov – head of ASADOV Architectural bureau (Moscow)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Architecture and Urbanistics, Pacific National University (PNU) (Khabarovsk)

Alevtina Balakina – Ph.D. in Architecture, head of the Department of Architecture, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU)

Timur Bashkaev – Professor, Moscow Architectural Institute (MARCHI), head of ABTB Architectural bureau

Olga Blyankinshtein – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Architectural Design, Institute of Architecture and Design, Siberian Federal University (SibFU) (Krasnoyarsk)

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, head of the Department of Architecture and Design, MITU-MACI, Ass. Professor of State University of Land Management (Moscow)

Alexandra Butuzova – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Automobile Transport, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Ekaterina Glatolenkova – senior lecturer, Department of Design of Architectural Environment, PNU (Khabarovsk)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the UAR, honored architect of the RF (Irkutsk)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, professor of the Department of Design, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU

Inna Zhuravleva – Ph.D. in Economics, Ass. Professor, leading research worker of the Department of Architecture and Design, deputy director for studies, Institute of City Development, Sevastopol State University (SevSU)

Inna Zaika – assistant of the Department of Architecture and Design, Institute of City Development, SevSU

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Design of Architectural Environment, PNU (Khabarovsk)

Klavdiya Kamalova – Assistant at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Asmik Klochko – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Architecture, NRU MGSU

Elina Krasilnikova – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Architecture and Design, Institute of City Development, SevSU

Irina Kukina – Ph.D. in Architecture, Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU, adviser of RAACS, senior researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the RF

Olga Lebedeva – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Management of Automobile Transport, Angarsk State Technical University

Alexei Levashev – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Automobile Transport, INRTU

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Alexey Lipovka – Ph.D. in Engineering, Associate Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Alla Lytkina – senior professor, Department of Automobile Transport, INRTU

Alyona Pavlyuk – lecturer, NRU MGSU

Anna Permilovskaya – Doctor of Sciences (Culture), Head, Chief Researcher, Scientific Center of Traditional Culture & Museum Preservation, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk)

Sergey Pobeguts – architect, leading lecturer, Introduction to Architecture Studio, Art-Zveno (Zvenigorod, Moscow Oblast)

Natalia Popkova – Assistant at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Mikhail Posokhin – academician, president of the National Association of Surveyors and Designers (NOPRIZ), people's architect of Russia (Moscow)

Oksana Prokofieva – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Automobile Transport, INRTU

Ivan Ryaposov – Assistant at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Matvey Savelyev – Ph.D. in Art History, Ass. Professor of the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Tatyana Smolyaninova – senior professor of the Department of Architecture and Urbanistics, PNU (Khabarovsk)

Lyubov Solodilova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Architecture, NRU MGSU

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Natalia Unagaeva – Ph.D. in Architecture, Associate Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Irina Fedchenko – Ph.D. in Architecture, Associate Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Gábor Csanádi – professor emeritus, visiting lecturer, Department of Social Research Methodology, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Yana Chui – Associate Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Maxim Sharov – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Automobile Transport, INRTU

Nikolay Shumakov – academician of the RAACS, academician of the Russian Academy of Arts, president of the UAR, people's architect of the RF

Barbara Engel – Prof. Dr., Karlsruhe Institute of Technology, Faculty of Architecture, Chair for International Urbanism (Karlsruhe, Germany)

Svetlana Yatsenko – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor, Department of Automobile Transport, INRTU

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for her help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

